

Алексей ЛОВКАЧЕВ

СИНДРОМ ПОДВОДНИКА
Том 1

Воспоминания

Днепропетровск
Издатель Ю. Овсянников
2013

УДК 32.019.5

ББК 83.3(2)8

Л68

Ловкачев А. М.

Л68 Синдром подводника, воспоминания, т. 1. Днепропетровск:
издатель Ю. Овсянников, 2013. — 496 с.

ISBN 978-966-8309-79-3

Это воспоминания о юности — об учебе в ленинградской Школе техников 506 УКОПП им. С. М. Кирова (Ленинград), о непростой службе на атомных подводных лодках ВМФ СССР (ТОФ), изложенные с серьезным подходом к реальным событиям и характеристикам людей, причастных судьбе рассказчика. Не чужд он и юмору. Простым доступным языком автор передает военно-морские истории и смешные байки времени расцвета ВМФ СССР (конец 70-х — начало 80-х годов).

В основу книги легли дневниковые и деловые записи, а также ранее не публиковавшийся флотский фольклор.

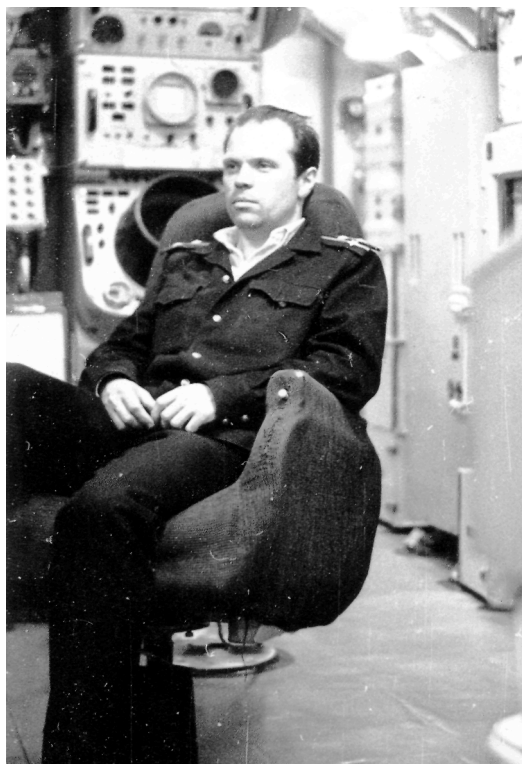
Книга рассчитана на широкий круг читателей, в том числе тех, кто служил и кому интересна служба в Подводном Флоте, и может быть использована как руководство начинающими подводниками, как справочное пособие историками флота и вообще всем, кто изучает советский период нашей истории.

ББК 83.3(2)8

ISBN 978-966-8309-79-3

© Ловкачев А. М., 2013

**ЧЕФОНОВУ ОЛЕГУ ГЕРАСИМОВИЧУ,
главному учителю по жизни, под чьим началом
прошла моя военная служба,
отцу-командиру ракетного подводного крейсера
стратегического назначения «К-523»,
контр-адмиралу —
ПОСВЯЩАЮ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ.**

Автор выражает теплую благодарность:

Ворошнину Владимиру Николаевичу — ветерану-подводнику Северного Флота, бывшему командиру многоцелевой атомной подводной лодки, начальнику штаба соединения подводных лодок, депутату Верховного Совета 13-го созыва Национального Собрания Республики Беларусь, капитану 1-го ранга в отставке;

Калинину Петру Михайловичу — своему другу, вице-президенту Международной федерации боевого каратэ (SKIF), заслуженному тренеру Республики Беларусь, мастеру спорта СССР и Республики Беларусь по каратэ, рукопашному бою и кикбоксингу, обладателю 8-го дана по каратэ, генерал-лейтенанту Союза казачьих формирований Российской Федерации;

Качура Елене Николаевне — врачу-лаборанту;

Молчану Валерию Николаевичу — своему другу-однокашнику, бывшему первому заместителю начальника Центрального информационно-аналитического управления МВД Республики Беларусь полковнику милиции запаса;

Морачевскому Андрею Николаевичу — капитану дальнего плавания;

Мочайкину Александру Геннадьевичу — ветерану-подводнику Северного Флота, бывшему помощнику Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ контр-адмиралу запаса;

Особую благодарность за содействие в сборе материала:

Баграмяну Михаилу Михайловичу — ветерану-подводнику Тихоокеанского Флота, бывшему члену экипажа ракетного под-

водного крейсера стратегического назначения «К-523», старшему мичману в отставке;

Блынскому Сергею Ивановичу — ветерану-подводнику Тихоокеанского Флота, бывшему члену экипажа ракетного подводного крейсера стратегического назначения «К-523», капитану 2-го ранга запаса;

Галееву Мавлюду Хамитовичу — сослуживцу; ветерану-подводнику Северного Флота, однокашнику по 506 УКОПП им. С. М. Кирова, мичману запаса;

Кожечкину Юрию Васильевичу — ветерану-подводнику Северного Флота, бывшему командиру БЧ-5 атомной подводной лодки капитану 2-го ранга в отставке;

Лукащукку Леониду Ивановичу — ветерану-подводнику Тихоокеанского Флота, бывшему командиру БЧ-2 надводных кораблей, а также атомной подводной лодки капитану 1-го ранга в отставке;

**Отдельную благодарность своему редактору, без которого
рукопись не превратилась бы в книгу:**

Грошевой Диане Германовне — профессиональному литератору, редактору и издателю.

К ЧИТАТЕЛЮ

Был такой период в нашей истории, когда существовало военное противостояние двух супердержав — СССР и США. Трудное время, характеризующееся напряженной обстановкой, с внутренними тревогами и, как говорится, с расчехленными стволами орудий. Зато этот факт более полувека удерживал горячие головы от войн и кровавых конфликтов, обеспечивал мир и покой всему человечеству. Время это кануло в лету, от него осталось лишь название, придуманное мудрецами от политики — Холодная война. Но это было позже, а в ее разгар рассказчик со товарищи служили Родине, как могли, и жили, как получалось, ибо находились в составе военной системы «Военно-Морской Флот (ВМФ) — Вооруженные Силы СССР (ВС СССР)». К сожалению, уже нет ни ВМФ, ни ВС, ни защищаемого ими государства. А ведь я дважды ему присягал! Такое не выбросишь из сердца. Упразднили даже звание, погоны которого я впервые пришел к парадной тужурке в октябре 1976 года.

И вот пишу об этом воспоминания, как эпизод из маленькой повести, вплавленный в историю Родины. Это книга о событиях и людях, которые вошли в память и не были стерты временем. Она посвящена его величеству Военному Флоту, познанному мною за семь лет служения зрением, слухом, обонянием, нервами, эмоциями и душевными переживаниями.

Книга перенесет повествование в безвозвратно ушедшее время, дабы окунуться в трудовые процессы 506-го Учебного Краснознаменного отряда подводного плавания. Ваш покорный слуга поможет читателям постичь будни напряженного ратного

труда на подводных лодках, узнать быт подводников и в какой-то степени представить трудности семейной жизни моряков.

Питаю надежду, что ветеран военного флота, прочитав ее, вспомнит себя и свой коллектив; что ностальгия по тому времени царапнет его душу и в ней щемящей тоской отзовется прошлое. Несомненно, книга заинтересует и жен бывалых моряков, их родных. А также будет полезна молодым: будущим защитникам Родины на море, нашим детям и внукам, всем любителям истории. Для них здесь найдутся уроки, предостерегающие от глупых ошибок, зачастую болезненных, которых можно было бы избежать. Хотя бытует простодушное мнение, что лучше самому набить шишек, чтобы научиться жить; многие полагают, что в этом и состоит истинное возмужание. Кто познал мелкие ушибы, тот из рассказов старших поймет, к чему приводит любая неосторожность. Поймет и будет предупрежден, а значит, вооружен. Вот таким людям, щадящим себя и умеющим использовать чужой опыт, эта книга и адресована.

Допускаю, что некоторые оценки и акценты в ней понравятся не всем. Так и должно быть, ведь с тех пор многое изменилось, выросли поколения с другими ценностями и взглядами. Но разве это может повлиять на историю, на уже свершившиеся факты? Нет, конечно. Да и кто вправе спорить о том, чему не был свидетелем, с очевидцем и даже участником событий? Вопрос риторический.

Я не на суд отдаю свои свидетельства, а слагаю отчет перед потомками, говоря словами В. Маяковского, — о времени и о себе.

Часть 1. КАНДИДАТСКИЙ СТАЖ В ПОДВОДНИКИ

Дорога на Флот

В середине 70-х годов уже прошлого, то есть XX столетия, когда мне пришла пора вступать во взрослую жизнь, в Подводный Флот Страны Советов можно было попасть двумя путями: по желанию и случайно.

Первый путь — это когда неопытный вчерашний школьник или чуть поднаторевший военный, вкусивший строгой природы срочной службы, решил поступать в Высшее военно-морское училище, откуда в дальнейшем открывалась прямая дорога во Флот и в его элиту — Подводный Флот, сдавал экзамены и поступал туда. Хотя, если поразмыслить, такой выбор лишь условно можно назвать сознательным, так как юноша, не имеющий жизненного опыта, поверхностно представлял, что такое Флот вообще и Подводный в частности. И вряд ли правильно было считать его выбор вполне ответственным. Недаром среди молодых офицеров случалось слышать сожаления о своей поспешности.

Второй вариант представлял ситуацию, когда на Флот направляла страна. Происходило это просто: юного призванного осматривала военно-врачебная комиссия, работающая при районном военкомате, оценивала физическое состояние и рекомендовала, где ему лучше проходить срочную военную службу. С учетом этих рекомендаций военкомат и посылал его туда, куда считал нужным. Самые крепкие из отобранных по здоровью кандидатов попадали на Подводный Флот.

Мой путь был именно таким, соответствовал второму варианту. По направлению районного военного комиссариата я прошел военно-врачебную комиссию и был признан годным к службе по графам «4» и «5» без ограничений. В переводе на флотский язык графы «4» и «5» означали «призываемые для службы на подводных лодках» и «курсанты (ученики) школ, учебных отрядов. Так что альтернативы у меня не было.

На судьбу я не сетовал, наоборот, радовался, что оказался не слабаком. Было бы хуже остаться на гражданке и не пройти военную службу — таких в наше время не считали полноценными людьми. Да так оно и есть. Ведь на многих производствах по объективным причинам существовали и существуют ограничения в приеме на работу лиц с «белым билетом», то есть с неполноценным здоровьем, что объяснимо и естественно. А еще мне интересно было узнать много нового, подвергнуться неведомым испытаниям. Наверное, так в нас проявляется романтика.

Но более важным было другое — меня воодушевляли честь и почетная обязанность защищать Родину. Было в те времена это славное понятие и это высокое чувство.

На военную службу призывали дважды в год — весной и осенью. Я попал в осенний призыв — 3 ноября 1974 года. О том, что меня ждет Военно-морской флот, уже знал и к возможным поворотам судьбы, к испытаниям морально был готов. Как водится, на проводах с обильным застольем гуляло человек двадцать друзей и соседей, а также мой тренер по вольной борьбе Ефим Давыдович Кузнец. Через день-другой друзья проводили меня на призывной пункт, что был в районе площади Свободы города Минска. А наутро, после бессонной и тревожной ночи в мрачном помещении, нашу команду посадили на поезд и повезли в северном направлении.

Прибыли мы на пересылочный пункт в форт Красная Горка, это недалеко от Ленинграда. Там ждал необходимый ритуал: новоприбывших переодели в синюю флотскую робу, обули в черные башмаки под названием «гады» (прогары или рабочие ботинки), на плечи накинули грубую шинель, на голову — шапку-ушанку, а в руки дали котомку под названием вещевого мешок.

Там же на Красной Горке уточнялись наши будущие военноморские специальности. И я дал согласие, а заодно и подписку на двухгодичную подготовку в Школе техников, а затем на пятилетнюю службу его величеству Подводному Флоту Советского Союза в качестве мичмана.

Прежде чем было принято это романтическое решение, со мною провел продолжительную беседу капитан 3-го ранга, столь красноречивый и убедительный, что преодолел все скребущие душу сомнения. Дабы Школа техников ВМФ в моем лице не приобрела кота в мешке, пришлось откровенно признаться вербовщику, как я про себя называл этого офицера, что в средней школе я в отличниках не ходил, был середнячком, для которого оценки в дневнике не имели большого значения, поэтому там пестрели двойки. Моего собеседника это обстоятельство не смутило, он продолжал убеждать, настойчиво советуя идти учиться на торпедиста (в обиходе — минера). А позже я увидел его в учебных кабинетах 506-го Учебного Краснознаменного отряда подводного плавания им. С. М. Кирова, но отнюдь не минно-торпедной части, а там, где обучались механики. Получается, он горячо расхваливал передо мной ту специальность, которую не выбрал для себя! Как это может быть? Как можно нахваливать то, что самому тебе не нравится? Меня это шокировало. Тогда я понял, что стал взрослым и рядом со мной больше нет воспитателей, озабоченных моим личным благополучием, как это было в школе. Никто не думал обо мне персонально, я был — один из многих. С одной стороны была страна, ВМФ СССР, а с другой — мы, призывники. И теперь меня рассматривали на предмет использования — как гражданина, способного принести пользу Родине именно там, где ей надо. Мысль была не очень уютной, но зато за ней чувствовалось... море — огромное житейское море, и я начал по нему свое плавание.

Этот вербовщик выполнял государственный заказ, он должен был набрать определенное количество кандидатов на все специальности. Этим и занимался, а не устройством моего персонального будущего и даже не качеством набираемого контингента. Этот естественный и понятный факт стал первым ошеломляющим открытием и подтверждением, что детство осталось позади.

Как бы то ни было, но наши с вербовщиком интересы на этом этапе, как дорога со встречным движением, оказались

обоюдопользными. А причина моего согласия была простой до банальности — во-первых, хотелось самостоятельности и, во-вторых, после окончания срочной службы у меня не было желания оставаться под материнской опекой. Я стремился получить серьезную военную специальность, которая характеризовала бы меня с лучшей стороны и могла пригодиться в жизни на гражданке.

Вывод: 1. Есть всеобщее и частное — единое как диполь, являющийся клеткой мироздания. Есть мир, и есть ты — две стороны одной медали. Есть цели высшие, и есть твоя судьба, вплетенная в них.

2. Настоящий мужчина — это защитник Родины и добытчик для семьи. И он должен уметь подчиняться — обстоятельствам, дисциплине, долгу.

3. Нет личного счастья без счастья всеобщего, ибо наш приход в мир вызван не прихотью, а объективной потребностью в нас. Наше рождение — диктат жизни, бурлящей в пространстве. Мы — ее продолжение.

Надо сказать, что через форт Красная Горка прошли многие мои земляки, которым довелось служить на флоте, в их числе и Александр Николаевич Зублевский — обыкновенный парень из Минска. К слову сказать, впоследствии судьба свела меня с ним на совершенно ином поприще — охране законности в обществе. А тогда, в 1973 году, в Красной Горке с ним произошел случай, на следующие три года определивший его судьбу в Военно-морском флоте.

Дело было так. После прохождения последней медицинской комиссии и отбора тех, кому вынесли вердикт «годен», их собрали вместе и построили в длинном коридоре форта. Перед строем возник капитан 1-го ранга с бумагами, которые он деловито теребил, собираясь приступить к оглашению решения о направлении отобранных кандидатов прямиком в Подводный Флот. Все отобранные ребята, конечно, понимали, что им уготовано, это была лишь церемония, завершающая распределение по специальностям и воинским частям, которые все они прошли и на которое дали

согласие. Некоторые, правда, имели кислый вид — им не нравилась опасная и загадочная служба в глубинах Мирового океана. Но призывники обязаны выполнять свой долг перед Родиной там, где прикажут. От этого не уйти. И вот обязательная часть церемонии: вышеназванный офицер зачитывал бумаги.

Вдруг с фланга показалась фигура молодого лейтенанта, буднично и деловито спешащего к выступающему с какой-то подозрительной телефонограммой. Старший офицер, внимательно прочитав ее про себя, удовлетворенно не то хмыкнул, не то крикнул и, обратился к строю с командой:

— Желающие особым образом послужить на благо Родины три шага вперед, шагом ма-а-а-арш!!!

Среди выстроенной здесь подросшей ребятни явно преобладали тревожные настроения, вызванные первой их оторванностью от дома и родителей, неопределенностью предстоящей службы, да еще где — на Флоте. Сухопутного человека это не может не приводить в трепет и опаску — стихия-то неизвестная, непривычная. Все понимали, что служба будет трудной. А в этом загадочном предложении «особым образом послужить на благо Родины» тем более мерещилось что-то зловещее, только замаскированное, коварное. Многим подумалось о направлении их в горячие точки планеты, на какой-нибудь театр военных действий — в Африку, плывшую тогда в огне борьбы за свободу. Призывники притихли, опасаясь неверного шага, нерешительно затоптались на месте и... промолчали, демонстрируя намерение никуда не соваться.

Александр Зублевский оказался в меньшинстве тех, кто подумал о хорошем, и в составе добровольцев отчеканил три шага вперед. Всего таких смельчаков из команды в сотню человек оказалось около десятка. И они не прогадали! Призывники, обласканные фортуной, ни в какую горячую точку не были посланы, им довелось служить в родном Военно-морском флоте, но не на подводных лодках, а на кораблях разведки. Об этом было объявлено тут же перед строем. Можно представить сожаления

и разочарования остальных нерешительных ребят, которым не хотелось служить на субмаринах.

Забегая вперед, сообщу, что Александр три года своей жизни отдал Дважды Краснознаменному Балтийскому флоту. Он в течение своей службы не расставался с фотоаппаратом, чем сослужил хорошую службу этой книге. Его снимки, иллюстрирующие корабли, некоторые замечательные события и интересные ситуации, оказались бесценными.

В форте Красная Горка я получил воинское звание матроса, однако после разговора с вербовщиком, капитаном 3-го ранга, стал курсантом Школы техников ВМФ в северной столице.

Здравствуй, Ленинград!

И вот мы, небольшая команда еще не моряков, не курсантов, а лишь претендентов на эти звания, едем электричкой в Ленинград! И не на окраину или в пригород, а в его исторический центр — на Васильевский остров, в дом номер 102 по Большому проспекту. Эта мысль грела и будоражила, вдохновляла, но и прибавляла робости перед величием некогда свершавшихся тут событий.

До этого я был в Ленинграде лишь однажды — во время зимних каникул в девятом классе. Атмосфера Ленинграда, какой я узнал ее тогда, была соткана из роскоши Эрмитажа, холодного ветра с мелким дождем, сыра «Viola» в пластиковой баночке, пропахшими черным кофе улиц, экскурсионного автобуса с оживленными туристами и самых культурных и образованных во всем Советском Союзе людей. Ностальгия по тем временам резанула по сердцу, запульсировала в крови, окатила меня горячей волной... Но я понимал, что теперь еду сюда не на праздник, а служить Родине и надо настраиваться на иную волну.

И вот я опять с трепетом въезжал сюда, чтобы стать его частью, его маленькой теплой составляющей, его судьбой. Мне было чем гордиться, меня ждал и призывал к себе этот выстрадавший моим народом город — культурная страница Родины, ее северная столица, советская Венеция, колыбель революции, город-герой...

А Ленинград — великий мой, бесценный часовой, жемчужина души и труженик — ни о чем пока не догадывался, не знал о моих воспоминаниях и вдохновенных думках. Он жил и работал во всегдашнем ритме, и встретил нас обычным многолюдьем, и ничем внешне не отличался от того, каким запомнился с прежней встречи: прохлада и легкий туманец над ним, не мешающий ощущать простор его удивительно чистых улиц. Тишина. И сияние куполов!

Что нас, настоящих салаг, ждало сейчас здесь? Неведомо. Волнение от встречи с городом-памятником, с его музеями и театрами, к сожалению, перебивалось тревогой о себе. Ожидание чего-то неопределенного, нового, большей частью сулящего естественный неуют, создавало чувство внутреннего дискомфорта, безотчетного смятения.

Думаю, многим пришлось пережить это выдиранье с корнями из родительского дома, вырывание из налаженной жизни и перемещение в незнакомую обстановку с неведомыми порядками и правилами. Попав в непривычное окружение, в более суровые условия, ты начинаешь задумываться, что делать дальше, как вести себя. Ты понимаешь, что отныне с прежней жизнью, привычками и делами покончено, что произошел судьбоносный излом твоей мировой линии, и теперь все пойдет по-другому, по-новому, как-то иначе. Раньше ты беззаботно существовал в лучах односторонней любви, шел по накатанному пути, будто катался по гладкому асфальту от мамки к папке на безопасном трехколесном велосипеде. Ты был солнцем и жил как хотел, и все вокруг тебя вращалось — ради тебя.

А вот сейчас все поменялось: и отношение к тебе людей, и твое отношение к себе и к окружающим. От тебя потребовалась взаимная любовь. Теперь ты должен показать, на что способен, каким человеком вырос в потоках излитого на тебя тепла. Ты начинаешь чувствовать, как растет в тебе долг, его легкую тяжесть, понукающую отдаваться чему-то большому и сильному. Ты понимаешь, что настал час встать в строй атлантов и подставить плечо небосводу, и держать свой участок. И от понимания этой

судьбы твердеет душа, и ты уже без слез встречаешь такую боль, как переоценка ценностей, сопровождающуюся первой вечной разлукой — разлукой с розовыми иллюзиями.

Утром 6 ноября нас, команду из десятка человек во главе со старшим, как партию ценных почтовых отправлений, бережно, но деловито доставили в четвертую и третью роты Школы техников 506-го Учебного Краснознаменного отряда подводного плавания им. С. М. Кирова. Меня в числе пяти человек чуть ли не под роспись сдали строгому и мрачному мичману. Старшина четвертой роты, мичман Василий Иванович Коваленко провел с нами инструктаж, что нужно и можно делать, а чего нельзя и категорически запрещается. Затем нам определили спальные места, разместили в просторной и еще пустой казарме. Чуть позже помещение роты заполнится двумястами соискателями воинского звания мичман (кстати, мичман мог работать как в подводном флоте, так и в надводном, а равно и на береговой базе) и диплома о среднем специальном образовании, а пока что мы появились тут первыми. Но и при наличии минимального количества личного состава мы не были предоставлены сами себе.

В нашей роте было двое старшин, которые тут же дали почувствовать, что мы попали в элитное подразделение Вооруженных Сил Великой Державы, а не в какой-то заштатный профилакторий или дом отдыха. Правда, чуть позже мы растворились среди других встревоженных парней, инстинктивно разбившихся на небольшие стайки. Помещение роты начало заполняться теми, кто, как и мы, решил получить диплом с приложением в виде красивой и строгой военно-морской формы мичмана, а затем пять лет нести службу на благо Отчизны.

В последующие дни с поступлением каждой очередной партии курсантов мы оживали и из притихших и забытых призывников превращались в военных людей, начали привыкать к флотской жизни и к новым порядкам на берегу. Распорядок дня в корне отличался от домашнего и лишь отдаленно напоминал жизнь пионерского лагеря. Но это была уже юношеская жизнь — флотской учебки.

Вывод: Не бойся своей судьбы, когда она зовет показать, на что ты способен, каким человеком вырос, ибо зов этот неизбежен. Значит, настал твой час встать в строй атлантов и подставить плечо небосводу, и держать свой участок. Достоин встречай боль от переоценки ценностей и от первой вечной разлуки — разлуки с розовыми иллюзиями.

Закончился долгий-долгий день прибытия в роту. Я укладывался спать на новом месте, в просторном и чистом помещении казармы, а щемящая тоска по дому и свободной жизни не отпускала. Я долго не мог успокоиться, ворочался и вздыхал. Наконец перипетии последних дней перестали меня волновать, их призраки отступили, впечатления от них покрылись паутиной подступающей сладости сна и я провалился в его приятную пустоту.

Старшина — друг и начальник курсанта

Утром я проснулся с ощущением, что кочевание с ночевками в разных местах закончилось, режим жизни налаживается, пусть в другом ключе. Но главное — снова появилась определенность и порядок! Отовсюду слышалось дыхание и кое-где посапывание — все еще спали, причем тихо, безмятежно. Значит, успокоились гаврики, — подумал я, и эта мысль мягко отодвинула вдале последние треволения. Как ни придется мне с этими людьми общаться, дружить или соперничать, но они — часть меня, мое окружение, моя опора по общим задачам. Мы — единый организм в том деле, ради которого созданы сюда. А дело это нешуточное — безопасность страны. И ставка на нас сделана серьезная. Чего стоит одно то, что нас будут два года учить и лишь после этого допустят к исполнению обязанностей! Как же дорого мы обходимся моему народу...

В окнах стояла непроницаемая мгла. Несмотря на это предвкушение начинающейся новой страницы бытия в совершенно ином качестве — в качестве государственного человека, облеченного суровым долгом, — возбуждало и бередило воображение. Неясные

силуэты двухъярусных коек, стоящих будто в строю, настраивали на очевидно заранее расписанный ход времени и событий... На пол ложились ровные светлые полосы, создавая безукоризненный геометрический рисунок. Все подчинено порядку, продолжал думать я, подложив сцепленные в замок ладони под затылок и посматривая на обстановку казармы, — даже светила не вольны сойти с орбит и куролесить по вселенной без цели и смысла. Что ими движет? Тяготение... А тяготение — это желание быть рядом, вместе, значит, это любовь. Так вот почему в Библии написано, что миром управляет любовь! Иносказание. Образ порядка вещей. Художественный прием.

Вдруг звонко и четко прозвучала команда дневального: «Рота подъем!», прерывающая мои размышления. Вслед за этим появился старшина, прошелся по рядам, привычно сдергивая одеяла с тех, кто не проснулся от команды.

— Подъем! — заучено повторял он.

Пожалуй, тут прервем повествование, чтобы рассказать о наших старшинах, ибо жизнь курсанта, его деятельность и самочувствие, зависели от них в значительной степени.

Старшина в учебке, это как староста группы в гражданском учебном заведении, он и старший товарищ, и связующее звено с вышестоящим начальством, и первый учитель новичка. В целом старшина отвечает за соблюдение правил обучения и несения службы, за воинскую дисциплину и сохранность вооружения, а также личных вещей военнослужащих, находящихся в баталерке (по-армейски — каптерка). Он назначается командиром роты и подчиняется ему. Он является непосредственным организатором внутреннего порядка в расположении подразделения и в отсутствие офицеров выполняет обязанности командира.

Когда мы прибыли в пустое помещение роты, там нас ждали двое старшин — Авдеев и Сапрошин, которые служили срочную службу в учебке, то есть, как мы говорили, они были брашпилями. Оба они оказались неплохими ребятами, к курсантам зря не придирались, свое начальственное положение не подчеркивали.

Авдеев, похоже, был из городских, а Сапроши — простой сельский парень. Мне точно известно, что он остался на сверхсрочную и дослужился до мичмана. Я сам видел его в новой форме, слегка смущенного звездочками на погонах. А Авдеев демобилизовался и ушел на гражданку. Но я обоих помню сначала в звании старшин 1-й статьи, потом они стали главстаршинами.

Так как спальные места 47-й группы в строю коек всей роты находились на шкентеле, то есть в конце, то брашпили имели свои плацкарты в зоне нашей дислокации. Жили они, с нашей точки зрения, припеваючи — если мы, курсанты, например, не могли себе позволить прилечь на койку в дневное время, то их можно было застать в этом положении довольно часто.

Эти ребята лично в нашей курсантской жизни участвовали лишь эпизодически. Вот пока шли реорганизационные моменты, они только и покомандовали нами. Потом рота стала наполняться составом, наконец, укомплектовалась полностью, и нас разбили на группы — уточню: в нашей роте было семь групп — и в каждой группе появился свой старшина.

Тем не менее на первом курсе, особенно на начальном этапе, мы беспрекословно выполняли все их указания, что, впрочем, на втором году обучения, после возвращения с практики на подводных лодках, прекратилось. Должен пояснить, что на флоте эта категория военнослужащих (старшин учебок) никогда любовью и уважением не пользовалась. Поэтому брашпили старались избегать командировок на боевые соединения флота.

Старшиной 47-й группы на первом курсе был старшина 1-й статьи Данилов, из старшекурсников Школы техников — выходец из донецких шахтеров. Внешне это был невысокий крепыш, имеющий запоминающийся и слегка комичный дефект речи — как-то странно произносил звук «г». Свои обязанности он выполнял мягко, без глупого усердия. А входило в них многое: ему поручалось проведение утренних осмотров, вечерних проверок, строевой подготовки, приходилось следить за опрятностью подопечных, требовать от них соблюдения воинской дисциплины и распорядка

дня, водить свое подразделение в столовую и так далее. Как видим, умом и характером старшины многое определялось в настроениях и даже здоровье курсантов.

Как-то, обеспечивая нашу самостоятельную подготовку, Данилов разоткровенничался и рассказал о не самом удачном розыгрыше. Да это был и не розыгрыш вовсе, ибо шутки любого рода допускаются только в отношении равных себе по положению. А они перешли эту черту. Поэтому это больше походило на хулиганскую выходку, а то даже и на более тяжкий умысел. Речь шла о чести и достоинстве симпатичной преподавательницы электротехники. Она была предметом наших сексуальных мечтаний, имела потрясающую фигуру, притягивающую магнитом наши взгляды. Лет ей было слегка за тридцать, но она занималась йогой и следила за внешностью.

Дело происходило на занятиях. Один из курсантов громким шепотом обратился к партнеру по розыгрышу, но так, чтобы преподавательница услышала:

— Я сейчас под благовидным предлогом выйду и встану на стреме. Начинайте без меня, а я присоединюсь позже.

После этого он поднял руку и попросился выйти в туалет. Преподавательница, догадавшись об истинных намерениях и уловив в них опасный для себя смысл, запаниковала. Она быстро покинула аудиторию и пошла к командиру Отряда. Там рассказала об инциденте. Последовал разбор полетов по всем правилам военноморского искусства, с полным анализом поведения военнослужащих и их обращения с гражданским лицом. Последовали выводы, и после них не один мозоль натерли шутники, пока драили толчки по всему Отряду.

Разрываясь между учебой на втором курсе и нами, Данилов с обязанностями и там, и тут справлялся. Честный и порядочный человек, умеющий со всеми держаться ровно, он не заводил любимчиков, был умным, по характеру ироничным, с тонким чувством юмора. Командование требовало от него порядка и он того же добивался от нас. Лично мне Данилов нравился, хотя

панибратства не допускал, мы к нему обращались на «вы» и по званию: товарищ старшина второй статьи.

Еще раз подчеркну, что обязанности старшины группы входило ни много, ни мало — постоянно находиться возле своих подопечных, опекать нас и воспитывать в рамках Устава точному и беспрекословному выполнению команд и приказов. Для этого требовалось быть ближе к нам, и Данилов организовал свое спальное место у нас. Для нас он был почти нянькой, контролировал подъем утром и укладывал спать по вечерам, а кто не слушался, того приводил в чувство парами нарядов вне очереди. Хотя не сильно этим грешил, раздавал наказания лишь по заслугам. Нас он водил строем в колонну по два на камбуз, на занятия в учебные корпуса, там оставлял и бежал на свои уроки. Иногда оставлял нас на попечение командира отделения, обычно Матросова.

В остальных шести группах нашей роты были такие же старшины, которые заступали дежурными по роте в сопровождении трех курсантов-дневальных. Со временем, дабы приучить к службе, наиболее добросовестных курсантов тоже стали привлекать в наряды дежурными по роте. Сначала мы пробовали свои силы дублерами, а потом полноценно несли службу. Дневальные обычно заступали в рабочей форме одежды, а дежурные в форме № 3, тем самым как бы повышая статус и ответственность наряда.

Старшиной 4-й роты был мичман Василий Иванович Коваленко, суровый и строгий мужчина, весьма уважаемый курсантами. Был он невысокого роста, коренастый и для своего тридцативосьмилетнего возраста весьма подтянутый, правда, с морщинистым лицом, которое его старило. Они с Анатолием Лаврентьевичем Дашуком вместе учились в учебке, в свое время оба являлись старшинами-сверхсрочниками в звании мичмана. Несправедливых гонений со стороны Василия Ивановича не наблюдалось, однако к нерадивцу, отличившемуся не в ту сторону, он имел обыкновение обращаться строго-традиционно:

— И дабы служба медом (или раем) не казалась, курсанту такому-то объявляю столько-то нарядов вне очереди!

После такого взбадривания виновник, польщенный высоким доверием, понуро опустив голову, выполнял команду: «Встать в строй».

К толковым и успешно обучающимся курсантам старшина роты относился доброжелательно, уважительно. Мне доводилось ощущать это на себе. У многих из нас сохранилась к Василию Ивановичу благодарность за человеческое отношение и за то, что приучил к флотскому порядку.

Помощником у него был баталер Котов. Слово «баталер» произошло от голландского *bottelier* — виночерпий. Это была унтер-офицерская корабельная должность в русском ВМФ в XVIII-XIX веков. Баталер ведал содержанием и распределением продовольственных и винных припасов среди личного состава. Ныне в российской армии это военно-учетная специальность в составе специальностей продовольственной (вещевой) службы. Штатная должность — кладовщик (баталер). Так вот этого Котова курсанты мало уважали, не хочу сказать что не уважали, а просто, действительно, уважали мало. Он был хитроватый, замкнутый, нелюдимый, зачастую уклоняющийся от прямого взгляда, что настораживало товарищей. Внешне темноволосый, кучерявый, невысокий и коренастый, слегка располневший, что свидетельствовало о прохладном отношении к спорту и нелюбви к физическим нагрузкам. Василий Иванович относился к нему по-свойски, видимо, потому что Котов был сиротой. Иногда создавалось впечатление, что он в нем души не чаёт. Однако он с ним не церемонился, иногда проявлял грубоватое обращение, зачастую употреблял приструнивающее слово.

После того как Данилов закончил обучение и по распределению убыл на дальнейшую службу, старшиной назначили нашего однокашника Андрея Ливенкова, до этого исполнявшего обязанности нештатного секретчика. Что это такое? А вот что: в его обязанности входило получение литературы, наглядных пособий и конспектов для занятий по секретным дисциплинам. Эту библиотеку Андрей носил в огромном и тяжеленном чемодане под

названием «мечта оккупанта». Поскольку библиотека разрасталась и чемодан утяжелялся, то со временем ему в помощь выделили Витю Шутикова.

Но сейчас рассказ об Андрее. Был это парень чуть выше среднего роста, рыхлого телосложения, холерный, круглолицый, почти всегда улыбающийся. Из его характерных внешних черт запомнились светло-русые вьющиеся волосы, красивые, молодецким чубчиком выбивающиеся из-под фуражки, отчего он казался всегда подтянутым и бодреньким. После старшины-второкурсника он выглядел вполне демократичным и почти ровней, иногда дело доходило до фамильярности.

В УКОПП Андрей попал позже нас — прямо с действующего флота, где начинал службу на надводных кораблях. По его первоначальному виду, пришибленному и затурканному, по скромным повадкам замечалось, что там он тяпнул немало горя. Но нашлись высокие покровители, и он был переведен в тихую учебную гавань Ленинграда. Так вот и получалось, что по призыву он был на полгода старше и уже опытнее нас. Это по определению давало преимущества и должно было способствовать его авторитету среди более молодых курсантов. Однако такого не произошло, курсанты считали его скользким типом за частое проявление неуважения к себе.

Андрею было свойственно амикошонство, дружеское хамство... На наших отношениях это сказалось тоже. Поначалу они складывались нормально и оставались таковыми до тех пор, пока я терпел его покровительственные и пренебрежительные выходки, которые он считал приятельскими. Когда же с моей стороны на них последовал жесткий ответ, он с недоумением отшатнулся. Но выводы не сделал, а по-детски надулся.

Несомненно, это явилось следствием воспитания в высокопоставленной семье, Андрей с детства рос баловнем — имел, что хотел. В выборе профессии пошел по стопам отца, достигшего высоких чинов при Генштабе ВМФ. Это позволяло Андрею заходить в кабинет командира роты без стука, а порой по-детски

хвастать, что он «самый крутой и весь УКОПП у него в руках». В чем-то это соответствовало действительности, и подтверждением служило то, что каждые выходные он получал увольнения в город. По окончании обучения Андрея послали служить на Тихоокеанский флот, но пробыл он там всего месяц, а потом его перевели в Генштаб, под отцовское крыло. Видимо, аллергия на действующий флот, приобретенная в результате первой прививки, оказалась устойчивой и продолжительной — на всю оставшуюся жизнь.

Мы с ним встретились несколько лет спустя. Я уже служил на флоте и как-то проездом оказался в Москве. Обрадовался оказии, конечно, позвонил Андрею с предложением встретиться, поговорить. Но он отнесся ко мне отчужденно, сослался на занятость. Я не расстроился, только огорчился избирательностью его памяти. Он помнил свои обиды, а то, как сам обижал других, — забыл. С тех пор его не беспокою.

Чтобы закрыть тему об Андрее поделюсь рассказом соученика. Однажды он, как и я в свое время, оказался проездом в Москве и обратился к Андрею за помощью в приобретении билетов. А тот попытался «срубить» на этом «бабла». Наш однокурсник проблему решил, однако в его душе остался горький и неприятный осадок. Морское братство по разнообразности общечеловеческих отношений безмерно. В этой связи хочется сказать, что мы с особым трепетом бережем его, чтобы при встречах, которые и проходят-то не часто, можно было искренне радоваться. Общие воспоминания об учебе и службе объединяют, роднят и подкидывают темы для рассказов о себе и товарищах. Жизнь продолжается, что-то в ней изменяется, мы радуемся новому, радуемся успехам, огорчаемся неудачами и бедами товарищей. Мы продолжаем поддерживать наше братство.

В непосредственном подчинении старшины группы было два командира отделения — Игорь Матросов и Валера Лукин. Оба родом из Лодейного Поля Ленинградской области — обыкновенные ребята, назначенные на командирские должности скорее случайно, нежели в силу каких-либо заслуг или выдающихся

личных качеств. Рослые, обычного телосложения. Если первый был более самолюбивым и старался выглядеть авторитетным и уверенным в себе, то второго это не заботило. Игорь подтянутый, властный, однако, по характеристике нашего общего товарища, большим умом не отличался. У Валеры же на губах всегда играла добрая улыбка. Уже тогда, до службы на атомоходах, у него были редкие волосы, а спереди на лбу пробивались залысины. Оба дружелюбные и компанейские ребята. По окончании Школы техников служили мичманами на подводных лодках в Приморье, изредка нам доводилось там встречаться, и эти встречи были радостными.

Наш день начинался с утренней пробежки, маршрут пролегал за пределами Отряда, по фабричной улице под названием «Кожевенная линия», мимо корпуса Военно-морской медицинской академии, что на Васильевском острове, в районе Гавани. Эти пробежки и были нашими первыми выходами в город. Потом — умывание, заправка коек.

Перед завтраком производился утренний осмотр, на котором я практически всегда получал дежурное замечание за хроническую небритость. Это стало традицией. Смешно, но старшина группы Андрей Ливенков автоматически, еще не осмотрев двухшереножный (по строевому уставу двухшереножный строй — это строй, в котором военнослужащие одной шеренги расположены в затылок военнослужащим другой шеренги на дистанции одного шага) строй и даже не приглядевшись к нашим лицам, гнал меня для устранения неряшливости:

— Так, Ловкачев, — бегом бриться! — командовал он под смехок остальных курсантов. Иногда мой оптимистичный рывок с места сопровождался пинком под кормовую часть; чаще он промахивался, потому что я, имея спортивную реакцию на атаки, успевал отскочить, реже — попадал. После чего продолжал командовать: — Первая шеренга, два шага вперед! Шагом ма-арш!

Первая шеренга, чеканя с громоуханием шаг, фронтом сметала помехи на своем пути, отмеряла заданную дистанцию. Зазевавшись,

иногда под этот фронт попадал и сам старшина. Как пинг-понговый мяч, он со смехом отскакивал в сторону. Если успевал. А нет — то незлобивой руганью поносил зарывающихся курсантов.

На утреннем осмотре проверялся внешний вид курсантов — от длины прически до состояния гадов (рабочих ботинок), последние должны были быть начищены до блеска.

Затем следовал завтрак, под предводительством старшины мы шли на камбуз. Тут описывать нечего — множество длинных столов, рассчитанных на десять человек, бачок с пшенной кашей, которую я не ел с детства, поэтому и сейчас к ней не притрагивался. Очень меня удивило в приятном смысле то, как старшина разрезал буханку белого хлеба, — вдоль и поперек. Каждому доставалась четвертинка, неслабый кусочек. К чаю я намазывал небольшой кубик масла на поверхность переполовиненного вдоль и поперек батона, это был самый знаменитый на флоте бутерброд — птюха. Тогда я его в первый и в последний раз ел без аппетита, ибо не знал, что позже птюха станет для меня настоящим лакомством, особенно если добавить к маслу сгущенки, варенья и прочих вкусоностей.

Вывод: Традиции — основа любого дела. Их надо знать, чтить, приумножать и передавать последователям, ибо любое знание, как в сосуде, сохраняется в традициях и заповедях. Бойтесь и не допускайте в свои ряды оголтелых новаторов и борцов с традициями — это разрушители! Напротив, традиции и новаторство не должны противопоставляться, для обеспечения продвижения вперед, для развития они должны гармонично сочетаться.

После завтрака мы приступали к учебе. Считалось, что самая продуктивная ее часть — утренняя. После обеда курсантам предоставлялся так называемый «адмиральский час», время для личных дел. На самом деле адмиральский час — это укоренившееся со времени Петра I шуточное выражение, обозначающее час, когда зачинатели наших традиций, отцы-основатели русского военного дела, приступали к водке перед обедом. Как сам Петр, так и

его сподвижники — сенаторы и члены коллегий — прерывали заседания присутствий для обеда в 11 часов и, возвращаясь домой для подкрепления едой, заходили выпить водки в тогдашних австриях, питейных заведениях, которые держали австрийцы.

В XVIII-м веке петербургские чиновники говорили: «Адмиральский час пробил, пора водку пить».

Традиция осталась. Не в смысле водки, а в смысле напоминания о ней пушечным выстрелом.

«Баночные беседы» командира Дашука

Командиром нашей четвертой роты стал капитан-лейтенант Анатолий Лаврентьевич Дашук — человек среднего роста, живой и подвижный, эдакий воинствующий сангвиник.

Покою он нам не давал, строил в среднем проходе помещения, а сам становился на баночку (по-флотски — табуретка). Понятное дело, что баночку командир роты эксплуатировал не так, как топ-модели используют подиум, а исключительно как трибуну для выступлений в воспитательных целях. Он старался сделать из нас умных и понимающих свое предназначение людей. Старался добросовестно, как умел. Обычно его вещание, которое мы называли «баночными беседами», продолжалось до начала вечерних занятий.

В своих наставлениях Анатолий Лаврентьевич был весьма красноречивым, речь его изобиловала неподдельными эмоциями и, ясное дело, не оставляла нас равнодушными. А разъяснял он нам полезные вещи: как стать гражданином своей страны, мужчиной, как освоить профессию и быть знатоком в ней. Кажется, и так было понятно, что мы должны быть дисциплинированными, архисерьезно относиться к присяге, воинским уставам, учебе, строевой подготовке. Но в той обстановке необходимо было не просто добиться от нас понимания своей роли, а настроить нас на нужную волну, воодушевить для лучшего усвоения знаний. Меня всегда удивляли его риторическая изобретательность, ораторское мастерство, искренность. В каждом устном пассаже

он практически ни разу не повторялся. При этом примеры брал из нашей же жизни, опирался на наши же поступки. Невольными помощниками, которые предоставляли этот иллюстративный материал для его выступлений, служили нарушители дисциплины, вырастающие как грибы. И откуда они только брались! А хватало их в избытке. Анатолий Лаврентьевич выводил из строя этих героев, для большей наглядности, чтобы не только из первых рядов, но и из далекой галерки их было видно, иногда громоздил на баночки рядом с собой и образцово-показательно приобщал к познанию премудростей казарменной жизни, сводящихся к принципу: «Живи по уставу — завоеешь честь и славу!». К своему удивлению, под раздачу я не попал ни разу.

Наш командир... По складу характера ему бы следовало работать замполитом, ибо в нем не было муштры, солдафонства, казарменности. Наоборот, он был добрый мягкий талантливый воспитатель, любящий свое дело человек, интеллигент. Его «баночные беседы» и кажущиеся нам перехлесты в воспитательной части и строевой подготовке — свидетельство профессионализма. И правда: воспитывал он нас не по должностной обязанности, а по велению души. Он жил этим. При этом не помню проявлений какого-либо самодурства. Он пристально изучал наши личные дела и знал о каждом многое. Мы для него были не серой массой, а личностями. Уверен, что каждому курсанту он не без удовольствия подписывал благодарственное письмо на родину. Тогда принято было посылать такие письма родным и по месту последнего местонахождения курсанта до призыва. Получив свидетельство о хорошей службе сына, моя мама не без гордости показывала его соседям.

Вывод: Командира отбирает жизнь, потому что им надо быть. Сущность командира заключается не в том, чтобы отслеживать распорядок дня подчиненных, а воспитывать их по ходу выполнения ими своих обязанностей. Командир — это особая ипостась Бога.

Как все искренние люди, он мог быть незащищенным. Помнится такой случай. Моего соученика Галева поймали на горячем — за растяжкой торпедой брюк. Повели к командиру. Много чего он там говорил. Но в итоге произошел диалог:

— Ну что, курсант Галеев, вам очень нравится клеш? — спросил Дашук, надеясь этим вопросом устыдить курсанта.

Тот возьми и брякни:

— Да, нравится.

Анатолий Лаврентьевич от такого наглого простодушия просто опешил, и не знал, что ответить. Даже жалко его стало. Вот такой он был. Но потом, правда, нашелся.

— Тогда пишите! Вот! — он указал на стол с бумагой и ручками: — Пишите письмо министру обороны с просьбой изменить форму брюк для моряков, — предложил он. — Устроим тут дом моделей... — после чего проштрафившийся понял всю глупость своего поведения и повинился по всем правилам.

Кстати, именно Анатолий Лаврентьевич впервые повел нас на дизель-электрическую подводную лодку 613-го проекта с ознакомительной экскурсией. Она стояла у стенки набережной Невы. Помню, по одному мы спустились через рубочный люк в центральный пост, где вахтенным офицером нес службу старший лейтенант, выступивший в качестве экскурсовода, и слушали его объяснения. Не скрою, на меня произвела гнетущее впечатление обстановка тесноты и экономной освещенности. Однако установка Родины на три года срочной службы в подобных условиях, а в качестве мичмана, на что я дал согласие после исторической беседы с вербовщиком, — все пять, не позволяла расслабляться, страшиться трудностей, тем более пенять на тяготы и лишения.

Уже стерлись из памяти подробности той экскурсии, запомнились только поразившие меня рассуждения того офицера:

— Чтобы в боевой части корабля был порядок надо подобрать честолюбивого украинца или белоруса, хорошенько обучить знанию материальной части, присвоить звание старшины и полностью на

него положиться. Останется лишь контролировать его в вопросах воспитания личного состава боевой части, а самому держать руку на пульсе и быть в курсе, чтобы не допустить перекосов.

Знал народ особенности каждого из нас в своей стране и умел это учитывать в деле!

Короче, как командир Дашук курсантам всегда нравился. Он не был злым и злопамятным и их залеты искренне переживал чисто по-человечески, не по обязанности. Очень стало заметно ослабление его строгости — придирчивости, как нам казалось — после 1 курса. А к окончанию Школы он видел в нас уже не курсантов, а коллег.

Запомнилось: у него были прекрасные пышные волосы, целая копна. Стрижка — полубокс. Свою копну он, кажется, не стриг. Зачесывал ее прямо ото лба назад.

Некоторые ребята сравнивали Дашука со своими отцами, и по возрасту, и по отношению к нам... И такие сравнения были уместны, никого не удивляли, ибо командир при этом оставался на высоте. Он вправду был для нас отцом-воспитателем, особенно для меня, безотцовщины. Повезло мне с первым Командиром!

Строгость будней

На первом курсе Анатолий Лаврентьевич, будучи дежурным по Отряду и стремясь сделать из нас закаленных воинов, частенько устраивал ночные побудки — по личной инициативе, используя начальственное право командира роты. Тогда дневальный по роте, поднимая нас в экстраординарном порядке, усердно вещал:

— Боевая тревога! Рота, подъ-ем!!!

Наши старшины — эх, премилые, родные ребята, которые сами же бегали с нами! — помогали нам, молодым военным, продрать глазенки, подняться с нагретых постелей, для чего щедро и от души награждали тумачами, с любовью толкали в плечи и прикладывались коленками к нашим мягким местам, чтобы не дай бог кто-нибудь не тормознул. И мы, словно шальные пули, носились мимо командира роты в каптерку и оружейную комнату, собирая в боевую выкладку свои нехитрые пожитки. При этом

случались казусы и конфузы, и кому-то невзначай ставили фонарь под глаз, неудачно разворачиваясь с автоматом Калашникова в руках. И «растроганный» курсант за полученную отметину выражал благодарность, незло посылая виновника куда подальше. После хаотичной беготни мы становились в строй на среднем проходе ротного помещения. Затем, будто началась война, о которой тайно сообщили только нам, строем и в полной боевой выкладке мы выходили в мирно спящий город. В ночной тишине мы образцово печатали шаг, шли квартал-другой, затем гордые и счастливые возвращались из такого странного увольнения в город.

После первого такого выхода в город Анатолий Лаврентьевич построил нас, свою горячо любимую и обожаемую роту, на среднем проходе и, энергично вскочив на баночку, подвел итог:

— Молодцы, товарищи курсанты! Для первого раза вы с поставленной боевой задачей справились просто прекрасно! — курсанты возбужденно зашумели, довольные результатом и забыв досаду от ночного подъема по тревоге. А наш неизменно бодрый командир роты продолжил: — Однако во всем этом есть одна негативная сторона... — Все тут же умолкли, наострили уши, повысив до предела внимание, и слушали дальше: — К моему большому огорчению, мы, то есть вы, по времени не уложились в норматив. Поэтому будем продолжать тренировки и в дальнейшем — до тех пор, пока не станем выполнять норматив на «отлично». Так что, дорогие мои курсанты, набираемся терпения, закатываем рукава повыше, а скатки делаем покруче и продолжаем повышать боеготовность нашей замечательной роты. Помните: чтобы стать мужчинами, мы должны все нужные нам навыки довести до автоматизма.

Эти тренировки проводились с сосредоточенным самозабвением и радостным упоением. Анатолий Лаврентьевич очень любил молодежь, юную смену, с удовольствием передавал свои навыки им, то есть нам, — короче, любил свою работу. И мы это чувствовали. Тут нам повезло, ибо ему нравилось заботиться о нас и лепить из нас сильных личностей. Он гордился нами, если это ему удавалось.

Создавалось неложное впечатление, что он — наш отец родной, а мы — его несмышленные дети, которых он неустанно учит уму-разуму. Что касается меня, выросшего без отца и не знавшего ни отцовской строгости, ни отцовской заботы, то так оно и было — он был моим наставником, в нем я видел пример отношения человека к порученному делу.

Вывод: 1. Помните, чтобы стать мужчинами, вы должны все нужные навыки довести до автоматизма.

2. Любое дело, которое вам приходится делать, старайтесь полюбить, выполняйте его не спеша и с тщанием. И вы получите тройной эффект: принесете пользу людям; получите удовольствие от выполненной работы; заслужите уважение и авторитет окружающих.

И подобных тренировок было много, ведь мы должны были стать самой передовой учебной ротой, да и командир был заряжен исключительно на успех.

Во второй половине дня курсанты занимались самостоятельной подготовкой (СамПо), затем был ужин, а после наступало наше личное время, которое на первых порах наш командир роты находчиво заменял «баночными беседами». Это, конечно, было правильно, так как гражданскую непутевость, которую мы принесли сюда, нужно было искоренять, нельзя было допустить ее наличие в курсантских головах. С той же целью, а также для выработки привычки беспрекословно выполнять приказы с нами раз в неделю, по четыре часа подряд, проводились строевые занятия. Это было нелегкой нагрузкой. Меня же строевые занятия не напрягали. И вообще физические тяготы воинской службы я переносил стойко, так как на гражданке занимался спортом.

Вывод: Не жалейте времени на занятия спортом, потому что он не только укрепляет тело, но делает тверже дух, делает волю человека сильной и управляемой. В экстремальных условиях спорт помогает правильно ориентироваться, быстро принимать решения и находить пути выхода из трудностей.

Моряк вразвалочку...

Многим приходилось слышать легенды о храбрых красавцах-моряхах. Возникали они повсеместно и легко, стоило только нашему брату появиться где-то в среде гражданских лиц. Я помню коллективную поездку в Севастополь, предпринятую еще в школьную бытность. Везли нас по бедности тех лет на крытых грузовиках, трясучих и некомфортных. Зато удалось побывать в Крыму, в городе русской морской славы!

Был вечер, когда мы, обустроившись и отдохнув после поездки, гурьбой вышли в город. И первое, на что обратили внимание, — гуляющие влюбленные пары, где парень был непременно моряк, торжественный, ладный, неотразимый. Они встречались и там и сям, в парках и скверах, на проспектах и бульварах — украшали город как цветы, и как цветы в мае были многочисленны в ту июньскую пору! Казалось, гражданским лицам мужского пола не светит обзавестись тут возлюбленной. А еще тогда цвели липы и над миром стоял их густой пряный аромат, смешанный с запахами моря, йода и ветров.

Вывод: Секрет успеха моряков прост — их удивительно красивая военная форма. Она ли добавляет прелести юным покорителям морских стихий, делая их выше и стройнее, или они ее украшают, не скажешь однозначно. Но зрелище моряка, сошедшего в мир людей, его выверенная трудной работой пластика, легкая поступь, умение грациозно ступить по твердой сухопутной основе, приобретенное ходьбой по качающейся палубе, — завораживает.

Любимая всеми щеголеватая одежда моряков, однако, не всегда была такой, она менялась постепенно. Как известно, Россия стала морской державой в петровские времена — тогда же возник и флот и его традиции, ну и морская форма, конечно, взятые в основном из практики голландцев. Впоследствии форма моряков — цвет, покрой, сроки ношения — совершенствовалась. Это было обусловлено вкусами российских царей, историческими

изменениями, в частности революцией, Гражданской и Великой Отечественной войнами, последующими политическими и гражданскими реформами. Современная морская форма для рядового и офицерского состава окончательно утвердилась в 1951 году.

Чтобы легче воспринимался мой дальнейший рассказ, познакомлю читателей только с самыми основными элементами формы.

Матросская фланелевая рубаша, голландка — рубаша с вырезом по вороту без пуговиц, надевается через голову. Название «голландка» имеет свои исторические корни, говорят, Петр 1 позаимствовал этот предмет формы моряка в Нидерландах. Но в народе эту рубашу называют матроской, и мне это нравится. Украшением матроски является большой воротник синего цвета с белыми полосами по краю. Легенда его возникновения любопытна.

В старину матросам предписывалось ношение пудренных париков и намасленных косичек из конского волоса. Косички пачкали робу, а матросов за это наказывали, вот они и придумали подвешивать под косичку кожаный лоскут. Косичек на флоте уже давно не носят, а кожаный лоскут превратился в синий воротник, напоминающий о старых временах. Лежит у моряков на плечах широкий синий воротник с тремя белыми полосами, как волна с белой пеной — без него и форма не форма.

Правда, есть еще версия, что полосы воротника соответствуют трем великим морским сражениям Российского Флота.

Этот воротник среди моряков в разговорах обычно называется «гюйсом», но это неправильно, ибо гюйс — это морской флаг особой расцветки, поднимаемый на носу военных кораблей первого и второго ранга, когда они стоят на якорю; гюйс является также флагом приморских крепостей.

Но я склонен верить не легендам, а более прагматичной и достоверной версии: в матросский воротник трансформировался капюшон, которым моряки закрывались от брызг.

Бескозырка, в просторечии беска — повседневный, будничный головной убор. Это та же фуражка, но без козырька и с длинными

ленточками сзади. Только в наше время носилась она не как армейская фуражка, а набекрень, то есть с небольшим наклоном на ширину одного пальца над правой бровью и двух — над левой. Эта традиция пошла от матросов Октябрьской революции. Отдельные мореманы носили беску лихо сдвинутой на затылок, так что она находилась почти в вертикальном положении, еле держась на голове. Как она не падала, до сих пор не пойму! При этом некоторые моряки удлинляли ленточки до пояса, и ходили как барышни с косою до пят.

О ленточках, придающих бескозырке оригинальность и главное отличие, тоже есть немало легенд. Одна из них такова: они возникли в те далекие времена, когда матросы носили неудобные широкополые шляпы. Во время шторма или сильного ветра шляпы подвязывались шарфами, чтобы их не снесло. Шарфы морякам дарили любимые женщины — жены, матери, невесты. Золотыми нитками они вышивали на шарфах молитвы, свои имена, якорьки. Смотрел моряк на подарок и вспоминал дом, тепло родного очага. С течением лет шляпы превратились в бескозырки, а шарфы — в ленточки.

Раньше на ленточках бескозырок можно было прочитать: “Северный флот”, “Тихоокеанский флот”, “Балтийский флот” и “Черноморский флот”. Сейчас обычай носить на лентах бескозырок название своего корабля вновь возрождается на Российском флоте. Любо моряку чувствовать, как ленточки бескозырки развеваются за плечами, обнимают за шею.

Нарукавные шевроны и нашивки. Их возникновение — не менее славная история, овеянная горячим пороховым дымом. Это сейчас корабли сражаются на больших расстояниях, а в прошлом корабельная артиллерия была слабой. Ядра и бомбы летели недалеко — корабли сходились борт о борт, их команды шли на abordаж, решая в рукопашном бою, чья возьмет, кто овладеет кораблем противника и сорвет флаг с мачты. Дымы от выстрелов и пожаров стояли столбом. Копоть оседала на лицах — трудно разобратся в свалке, кто свой, кто чужой, где капитан, где рядовой.

Вот командиры и стали привязывать у локтя шарф или яркую тесьму, чтобы матросы знали, возле кого держаться, чьи приказы исполнять. Нынче абордажный бой вывелся, но тесьма не оставила командирский рукав, она превратилась в золотой галун и приросла к нему навсегда.

Тельняшка. Так в просторечии называют тельник — трикотажную фуфайку с длинными рукавами, которую все знают как предмет нижнего белья. Она входит в форму военнослужащих ВМФ, а также моряков и воздушно-десантных войск.

Как элемент флотской одежды, появилась во времена парусного флота. И ее бело-голубые полосы вполне оправданы: матросы, работающие на мачтах в такой одежде, хорошо просматривались с палубы на фоне неба, моря и парусов. Кроме того, тельняшка очень практична — хорошо сохраняет тепло, не мешает свободному движению при любом виде деятельности, удобна в стирке и всегда опрятна, так как практически не мнется. Многие поколения русских, советских, российских моряков не представляли и не представляют себе жизни без тельняшки.

Десантники носят тельняшку с голубой полоской, а спецназовцы — с красной. У рыбаков полосы шире — это рыбацкий тельник, он еще и фактурой толще, а значит, и теплей. Подводники носят тельняшку с темно-синей, почти черной полоской, тем самым подчеркивая принадлежность к темным морским пучинам. Разновидностью тельняшки является майка без рукавов. Наиболее распространенный вопрос, которым молодых моряков ставят в тупик:

— Сколько полос на тельняшке?

Пока молодой матрос соображает, сколько же их может быть, следует ответ:

— Две: синяя и белая.

Даже такая банальная вещь, как штаны, тоже имеет собственную биографию, а значит и свои исторические особенности. Хотя, если честно, я не знаю, это исторический факт или байка, но слышал такое. Как-то Петр Великий увидел из окна кареты

непотребную сцену, как матрос совокуплялся с женщиной. Моряки — нормальные люди, с обычными потребностями, иногда им тоже нужна женщина, и подвернувшийся случай они не упустят. Понимая это, Петр Великий никаких претензий к матросу не высказал. Однако остался недоволен формой одежды, а точнее говоря, брюками, так как моряк занимался сексом, спустив их до земли, при этом его оголенная часть тела, что пониже спины, негоже сверкала. Нельзя было доблестному моряку так выглядеть, поэтому Петр 1 заставил перекроить их. В современных флотских штанах поддержана петровская традиция, вместо ширинки используется клапан, который находится спереди и пристегивается к брючному поясу по бокам. Отстегнул пуговицы, откинул клапан и грехи себе на здоровье. Наверное, с тех пор существует шутка-розыгрыш, которой подкалывали молодых курсантов:

— Эй, карась! Ширинку застегни!

Обычно это говорилось шепотом при скоплении народа, с заговорщицким видом, как бы в проявление заботы об опрятности внешнего вида. Молодой моряк на это реагировал, как и любой мужчина на гражданке, — машинально хватался за известное место, чтобы нащупать ширинку... А там... клапан от штанов.

Черный бушлат — как предмет формы одежды он также сохранен в поддержание революционных традиций. Бушлат носится летом, весной и осенью вместе с галстуком, а зимой — шинель черного цвета.

В отличие от солдат, моряки носили не сапоги, а ботинки. Поэтому для моряков любой другой военнослужащий — это «сапог». Наверное, в отместку за это моряков окрестили «шнурками».

Кстати, если так называемое рабочее платье, то есть роба, было пошито из грубой и не очень практичной ткани, то парадно-выходная форма имела качество гораздо лучшее, так как была шерстяной (из фланели).

Естественно, нам тоже выдали морскую форму, рабочую и парадно-выходную. Но шиты они были, наверное, на вырост. А

скорее, рассчитаны на мужчин, средних по физическим параметрам. И многим оказались не по размеру, слишком просторными. Мы же, призванные на службу юными и стройными, выглядели в них мешковато, между телом и формой был зазор, куда можно было засунуть еще по одному такому же курсанту. Это нас угнетало. А так как согласно уставу форму ушивать было запрещено, то по этому поводу мы лишь шутили, привыкая к прозе бытия и объясняя необходимость просторного костюма:

— Курсант должен много смеяться и хорошо питаться.

— Правильно, — подхватывали шутку другие курсанты: —

Подгоняй фигуру под форму.

И все же со временем, несмотря на запретительные меры и риск быть наказанным, робу и парадно-выходную форму каждый пригнал по фигуре в меру своих способностей, перенимая друг у друга навыки ручного шитья.

Ну, чего скрывать? — после этого мы чувствовали себя королями! Без преувеличения, красивая морская форма придает мужчинам уверенности в себе и даже добавляет внешних совершенств.

Замполиты, политруки, а по-прежнему — комиссары

Сейчас, когда силы международного принуждения к демократии ведут против нас информационную войну, разлагая умы людей, разговор о замполитах может оказаться не простым. Почему?

Вспомним новейшую историю. Сразу после Великой Октябрьской революции, когда наша молодая армия нуждалась в крепких командирах, а взять их было неоткуда, приходилось полагаться на старых военспецов, приходивших служить к нам из противостоящего стана, из царской армии. Но за ними нужен был глаз да глаз, ведь многие стремились не помочь, а навредить. Вот тогда и возник институт комиссаров — помощников командиров, задачей которых было обеспечение правильной политической линии в военных решениях.

Но время командиров, выходцев из привилегированных социальных слоев, людей с сомнительным прошлым, с неустойчивыми политическими убеждениями, ушло. По мере развития социализма командирами Красной Армии становились воспитанники нового строя, которым можно было доверять. И изначальное значение комиссаров исчерпало себя. Глобальный контроль политически выдержанных комиссаров над командирами стал не нужным.

Комиссаров вскоре заменили институтом замполитов — заместителей командира по политической части. Теперь они мало касались сути военных решений, а занимались воспитательной работой в военных коллективах, настроениями и образованием людей. Их основная задача сводилась к мобилизации коллективов на выполнение боевых задач. Командиры же подразделений командовали подчиненными самостоятельно, им больше не требовалась санкция замполита. Можно сказать так: замполиты обеспечивали качество военного контингента, а командиры использовали этот контингент для целей военного дела.

Для эффективного выполнения приказов сам командир нуждался в замполите, ибо только он мог мобилизовать членов партии, чтобы они показали пример беспартийным бойцам. Сохранялись также некоторые кадровые полномочия замполитов, когда от их мнения относительно политической и профессиональной пригодности командира зависела его карьера.

Конечно, стать замполитом — означало пройти определенную школу практической деятельности. Обычно это был боевой офицер, участвовавший в боевых действиях и хорошо зарекомендовавший себя в качестве бойца. Но партийный, идеологически закаленный. Он должен был вызывать у военнослужащих уважение. Позже, в мирное время, на должности замполитов попадали и просто получившие специальное политическое образование офицеры.

Замполит, наряду с командиром, был руководящей фигурой подразделения, начиная с роты. В его задачи входила идеологическая работа с личным составом. Так было до сентября 1991 года, когда все понимали и принимали тезис: замполит есть замполит.

А вот после — началось... Сначала, а именно с сентября 1991 года, в российской армии должность «замполит» переименовали в «помощник командира по воспитательной работе». Как будто слово «политика» скомпрометировало себя, а сама определяемая им деятельность стала чем-то неприличным. Как будто не от нее зависит все в нашей жизни. Это было чистое лицемерие! Потом поехали дальше — в армии и на флоте ввели должность помощника командира по воспитательной работе, а с 1992 года и вовсе прекратили профессиональную подготовку воспитателей в военных училищах.

Таким образом, система воспитания военнослужащих и моряков была полностью разрушена, до основания, до последней щепки. Однако в природе свято место пусто не бывает. Тут же не замедлили сказаться негативные последствия, имеющие место при любом разрушении, и опустевшую нишу заполнило иное содержание — с утратой института политработников пышно расцвела дедовщина, как повилка на неухоженном огороде. Я написал «расцвела», ибо ее зачатки, конечно, проявлялись в виде некоторых традиций опеки старших бойцов над младшими. Но одно дело опека, зачатки... и совсем другое — злоупотребление, да еще с размахом. Бледные ростки повилка можно найти на каждом огороде, но опутывает она растения и губит урожай не везде, а только тогда, когда огород остается без присмотра. Вот так-то.

И что теперь? Понятие Священного Долга служения Отечеству практически размылось. Молодежь начала считать уклонение от службы в армии доблестью. И армия потихоньку деградирует. Опасные это явления. Ведь известны слова Наполеона Бонапарта: «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую». Значит, армия, не понимающая своего Священного Долга, не будет хорошей защитницей, не будет никакой защитницей. Не будет армией!

Вывод: Человеку всегда, на всех стадиях его жизни нужен не только учитель, который дает знания,

но и воспитатель, который формирует отношение к этим знаниям и к миру в целом. Воспитатель стоит на страже нравственности, не позволяя полученные знания употреблять во вред человечеству.

С первого дня моего пребывания в учебке замполитом был капитан 3-го ранга Юрий Климантов. Сегодня с трудом понимается, как этот тихий и неприметный человек мог занимать такую должность. В душу к нам он не лез, нравочениями не донимал, лозунгами не бросался, а если нужно было, то становился на сторону курсанта. Одним словом, мы доверяли ему и не стеснялись обращаться с личными вопросами. В офицеры Юрий Климантов вышел из мичманов, этим, возможно, и объясняется родство наших душ. Лишние слова этому человеку не нужны были, в отличие от командира роты, о «баночных беседах» которого рассказывалось выше. Наш замполит умел убеждать минимумом слов.

Не знаю, случайно ли так получалось или это было продуманным, но мне казалось, что к сильному командиру придавался слабый замполит и, наоборот, требовательный замполит прикрывал невзыскательного старшего начальника. Видимо, чтобы не было перекосов, ведь военный коллектив по своей сути очень сложный организм. Хотя своим командиром мы и были довольны, но он был проще, приземленнее. Мы им гордились, да, но замполитом, его словом, похвалой дорожили больше.

На втором курсе Климантова сменил старший лейтенант Бобков, который, как и Анатолий Лаврентьевич Дашук, подводные лодки до этого видел лишь на схемах и картинках, а в первый раз побывал на АПЛ, когда сопровождал нас на стажировку. Чувствовалось, что его отношение к курсантам качественно изменилось после экскурсии по подводному ракетноосуду. Однако данное обстоятельство не мешало нашим командирам в первом случае воспитывать личный состав, а во втором преподавать «Устройство подводной лодки», что лишний раз подтверждает истину, ставшую аксиомой: чтобы научить плаванию других, не обязательно самому быть морским волком.

Один в поле не воин

Вдали от дома, в сугубо мужском окружении, под недремлющим оком командиров и заботливой опекой замполитов, каждый начинал понимать, насколько он мал и незначителен в системе Вооруженных Сил. И вообще — как мало всего знает, умеет и как ограничены его возможности перед стихиями мира. В толпе, среди многих себе подобных человек, какими бы достоинствами или силой воли ни обладал, часто теряется. Тогда возникают моральная угнетенность и подавленность, сознание своей никчемности, смущенность и смятение чувств. Человек непроизвольно ищет выход из этого неудобного, нежелательного состояния, ибо ему всегда и везде хочется чувствовать себя в своей тарелке.

Вот вам приоритет двух начал, двух интересов — общего и частного, вот вам их соотношение, вот роль личности в общем деле! Наука, которую преподает жизнь. Одним, тугодумам, она вдалбливает ее через садины и синяки, другим, кто родился с быстрыми мозгами, — через наблюдения и размышления. Если ее не усвоишь, пропадешь.

Где найти выход личности, если надо оставаться в сгустке людей? Негде. Тогда в чем его можно найти? Правильный ответ — в том, чтобы определить общую цель и объединить с остальными усилия для ее достижения. У большого скопления людей всегда найдется общая цель. Была бы мудрость понять ее. Один в поле не воин. Заодно, дабы не терять индивидуальность, — попытаться найти свое место в общей массе.

Так толпа превращается в коллектив, в монолит, в союз индивидуальностей. Но это происходит не сразу, это результат трудоемкой и длительной работы командира, замполита и самих курсантов. Характерным примером этого естественного явления может служить экипаж подводной лодки, автономное плавание которой приводит к тому, что относительно небольшой коллектив расчлняется на отдельные группы моряков. По какому признаку они формируются? По какому-то общему, скажете вы. Да, но не по признаку веселости или хмурости характера и не по признаку

пристрастия к жареной картошке или макаронным супам — он всегда будет связан с деятельностью, профессиональной или просто представляющей хобби. Другими словами, здесь, как нигде в ином месте, проявляется наличие у человека души и превалирование ее запросов перед материальными потребностями.

Вывод: Попав в новое окружение, или в окружение новых людей, ищи общую с ними цель, а затем — свое место в продвижении к ней. Свои личные задачи решай попутно. Отдавай приоритет общему перед частным, и ты никогда не прогадаешь.

Диалектика, проявляющаяся тут весьма наглядно, состоит вот в чем... С одной стороны, влиться в коллектив и стать его членом — хорошо, а с другой, как всегда, возникает свое «но»... Речь о проблеме психологической несовместимости. Что это такое? Это психологическое состояние, когда самый покладистый человек брюзжит, сердится, злится, наконец, приходит в ярость, потому что его поле зрения сужается до опасных значений, и он начинает видеть лишь недостатки своих товарищей, а их достоинства перестает воспринимать. Известна она давно. Так, конфликтность, агрессивность, возникающие, казалось бы, без видимых причин, Руаль Амундсен назвал «экспедиционным бешенством», а Тур Хейердал — «острым экспедиционитом». О том же писал и советский полярник Е. К. Федоров: «В маленьких коллективах складываются своеобразные отношения... Пустяковая причина — может быть, манера разговаривать или смеяться одного — способна вызвать... нарастающее раздражение другого и привести к раздору и ссоре».

Коварства изоляционного недуга в советское время изучались весьма скрупулезно. Были выделены факторы, влияющие на развитие этой болезни, такие как мера занятости членов коллектива жизненно важным трудом, количество людей в группах и длительность пребывания коллектива в изоляции. Исходя из этих научных рекомендаций, наука о подводном плавании и сформировала

коллективы лодок и задавала режимы их боевого нахождения под водой.

Нас знакомили с этой проблемой, готовили к ее правильному восприятию и преодолению. Попав на лодку, я наблюдал, как с этим справляются мои товарищи — ко всему подготовленные, умные и мужественные.

Но пока что у нас всех продолжалась адаптация к жизни вне дома, шла активная учеба. И тут поначалу кто-то замыкался, другой зубоскалил, шуткой и смехом развлекал себя и товарищей, а третий строчил письма домой, транслируя туда свои переживания. И это правильно — в момент душевной неустроенности чаще вспоминаешь близких, родных, любимых, и хочется хоть кому-нибудь поплакаться на судьбу. Ты ищешь в них поддержку, подпитку силой, психологическую опору. В нашу бытность не было призвано ни одного кандидата в подводники со слабой психикой. Это свидетельствовало о качественном отборе людского материала, а также о крепком здоровье молодежи, о наличии выбора. И это не удивительно — народы нашей страны, познавшие многие тяжкие испытания, сохранили высокую нравственность, безупречный образ жизни и здоровые корни.

Курсанты понимали, что после учебы их ждет служба на подводных лодках с продолжительным нахождением в замкнутом пространстве, где требуется осознанное и ответственное отношение к делу, когда лишь от одного неверного движения может пострадать весь экипаж. Это даже сложнее и опаснее, чем арктические экспедиции, где нет замкнутости, нет изоляции от солнышка, от горизонтов, от простора. Нам особенно важно было поддерживать устойчивое психологическое равновесие, удовлетворительную совместимость в коллективе. Задача эта не легкая, ведь на людей влияли эмоциональные нагрузки от высокой ответственности, стресс от скученности и отсутствия качественного свежего воздуха.

В этот период каждый из подводников бывал особенно раним и уязвим. И тут на помощь тоже приходили письма, ведение дневников...

Ода письмам

Помните, как мы получали письма? Они были разные — от родных и знакомых, от друзей и любимых. Мы открывали почтовый ящик, и оттуда выпадал конверт, именно выпадал, потому что и почтовые ящики у нас были другие. С трепетом в груди мы прочитывали письмо прямо там. Но потом перечитывали дома, читали вслух родным. Мы по почерку на конверте уже знали, от кого пришла весточка. Часто хранили письма в специальных коробках, ящиках. Ведь в них была частичка души человека, который нам писал.

А как мы сами писали! Это же была целая история. Надо было купить на почте конверт, взять лист бумаги, ручку, сесть, сосредоточиться и написать ответ. Сколько же мы конвертов облизали, запечатывая свои послания! Но это еще не все — надо было опустить конверт в синий почтовый ящик, откуда письма вынимали дважды в день. А перед праздниками эти ящики оказывались переполненными, потому что мы отправляли поздравительные открытки друг другу, и надо было ухитриться всунуть туда свое письмо.

Люди всегда любили письма. Что же говорить о нас, по сути детях, выдернутых из маминого гнезда? Мы очень скучали по дому и нуждались в письмах, в том, чтобы писать их, не подозревая, что прикасаемся к одному из жанров литературы — эпистолярному.

Говорят, четкость морской службы, необходимость краткого и ясного изложения мысли делают то, что бывалый моряк усваивает особый, весьма образный и выразительный язык, то есть у него появляется и свой стиль общения, и свой сленг. Наверное, есть в этом доля истины. Но мы не были такими уж бывальными мореманами и поэтому писали не так, как один бродяга, плавающий на паруснике: «В порту я встретил яхточку со стоящим рангоутом, имеющую, как удалось узнать, необходимый в целях остойчивости балласт приданого. Яхточка мне очень понравилась. Мне захотелось перевести ее на свой меридиан и взять на бордаж».

Если говорить насчет краткости, то и тут могу поспорить с

уважаемым товарищем Чеховым, о том что «краткость — сестра таланта», о чем он утверждал в письме к брату Александру. Иногда нас не удовлетворяло малое количество слов, хотелось писать и писать, чтобы вылить душу и всласть вкусить тех фраз, которые не произносишь, а только носишь в сердце.

Невольно вспоминались стихи, эти вечные спутники писем. Вспоминались поэты, произведения которых не хотел учить в школе. Но ведь кое-как читал! И на уроках нам их читали. И вот отразились эхом, сказанные голосом учительницы... стихи Афанасия Фета:

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Все, что давно-давно утрачено душой.

Отразились не сразу, скомканными фразами, отрывочно... Как я напрягался и нервничал, чтобы найти в уголках памяти все строки! Мне почему-то показалось это жизненно важным. А потом легче уже наплыли на меня стихи Александра Блока, Алексея Апухтина и чьи-то неизвестные:

Старые письма — как струны гитары,
Чуть только тронешь, в ответ
Льются мелодии, бьются бокалы,
Прошлого тянется след.
Море любви, пожеланья удачи,
Сотни прекрасных минут...
Близкие люди, родимые, плачу...
Строки к душе моей льнут...

Не знаю, последние стихи, наверное, читал в альбоме какой-нибудь одноклассницы. Девчонки любили их коллекционировать.

Кстати, хочу сказать, что с тех пор ко мне начали возвращаться многие прежде плохо усвоенные знания, словно кто-то листал внутри меня страницы школьных учебников. Легкими показались алгебра с ее невозможными формулами сокращенного умножения и геометрия с вписанными и описанными фигурами, тригонометрия со странными-странными функциями и их графиками...

Мы писали всем: маме, сестре, девушке, даже совсем неожиданному адресату... Ведь чем строже дисциплина в части, тем настойчивее одолевает желание выговориться, поведать родному человеку о трудностях и личных переживаниях, о новых открытиях в себе и в мире. И тем больше ты вспоминаешь и анализируешь прошлую жизнь. А то вдруг обнаруживаешь потребность сказать кому-то дальнему, кто о тебе, возможно, и не помнит, недосказанное, словно подводишь черту под той жизнью, что осталась за бортом. Неизбежная, естественная переоценка ценностей успокаивает, учит логике, тихим размышлениям, глубже раскрывает тебе секрет молчания, его великую мощь и важность.

Немного удручало лишь внешнее однообразие событий. Придешь в ленинскую комнату (так назывались наши читалки), сядешь за стол, положишь перед собой чистый лист бумаги и обхватишь руками голову: что писать? Словно в кино, прокручиваешь в уме хронику прожитого дня: подъем, утренняя пробежка, развод на занятия, учеба, обед, опять учеба, ужин, самостоятельная подготовка, вечерняя прогулка, отбой, ночью подъем по тревоге. Это не дом, это жизнь в учебке, военная служба. Ничего интересного! Писать не о чем...

Вот когда, стоя в строю, ты получаешь два наряда вне очереди за несвежий подворотничок, тогда тебя переполняют обиды на вредного старшину и ты точно знаешь, о чем напишешь в письме. А в штатном режиме — однообразие. И ты сидишь, уткнувшись в белый лист бумаги: в голове — такая же чистота, ни одной мысли. Хотя первая строчка письма удастся без труда: «Здравствуй, дорогая мамочка». И ведь до глубины души проникаешься словом «дорогая». Понимаешь, что она далеко и твое огорченное лицо не увидит, не вытрет слезы крахмаленным передником, как бывало в детстве. С трудом подбираешь слова и пишешь, что тебя кормят не плюшками, что занимаешься не бирюльками и детскими прихотями, а серьезными предметами, нужными для дальнейшей службы на море, в морской пучине. Слова едва складываются в предложения,

письмо пишется трудно и получается неуклюжим — ничуть не лучше школьного сочинения «Как я провел лето», которое не писал, а удрал с урока и потом выдумывал, что бы соврать маме и оправдаться в прогуле. Дежурные фразы вкладываются в письмо, будто тридцать патронов в магазин своего индивидуального оружия — автомата Калашникова — одинаковой высоты, ширины, калибра безликие и неинтересные.

И я сначала задерживался с ответами, казалось, что не о чем писать. А позже сам себя ругал — как это не о чем писать? Эх... голова, два уха...

Вывод: Как это не о чем? А переосмысление детства и дома, а мечты о девушках, а тоска по прошлым занятиям... по тому же спорту?... А новая жизнь, знакомства, окружение, новое занятие? Да разве жизнь состоит из событий? Это надводная часть айсберга, проявленная... На самом деле все глубже, значительнее, ведь жизнь — это монологи и беседы, когда душа к душе, когда открываешься и доверяешь то, что рождается в тебе невидимым образом — знания и отношения к ним...

Самое радостное событие — получить письмо от мамы! Ротный почтальон приносит в казарму почту, и ты в томлении прядешь ухом, улавливая отзвуки фамилий, какие он читает, ловя свою. И когда она звучит, нет предела радости. Скоренько выхватываешь из его рук конверт и, дрожа от нетерпения, надрываешь его. Узнаешь родимый почерк и несказанно удовлетворен, если письмо оказывается написанным на весь двойной лист со школьной тетради, да еще с оборотом — твое приятное чтение не будет коротким, и домашних новостей ты узнаешь целый ворох. Разборчивый мамин почерк поведаст, что у нее все в порядке, что все соседи передают тебе привет, что младший друг Серега Климович опять набедокурил, за что был примерно отодран, чем под руку попало, — сеткой-авоськой. А Петя Калинин собрался жениться... Да мало ли хорошего, согревающего душу ты найдешь в письме. Дочитываешь до слов «До свидания, любимый сыночек. Твоя мама» и грус-

тишь — это конец твоей связи с родной душой, дальше — снова служба.

Плохо тому моряку, которому письма приходят редко, а еще хуже, когда их нет. Потому что нет поддержки из дому. Тебя никто не ободрит и не пожалеет. Не подскажет: служи, сынок, честно и слушайся командиров. Как бы то ни было, если в письме всего две строчки от любимого человека, то и этого хватает, чтобы согреть сердце матроса, стоящего дневальным у тумбочки. А сколько раз бывало — чтобы скоротать ночную вахту, развернешь затертый лист старого письма и не торопясь снова перечитываешь, будто тихо заходишь в дом и незаметно прикасаешься к маминой руке.

Однажды нашему товарищу пришло с гражданки неприятное письмо — бывший друг, не отличающийся ни умом, ни тактом, писал, как приятно провел ночь с его девушкой. Пытаясь продемонстрировать изысканность эпистолярного стиля, этот недоумок хвастался: «...в постели она была весьма корректна...».

С нашим товарищем не случилось срыва. К счастью. А ведь известно, что после получения подобных писем бывает, что военнослужащий, имеющий на руках оружие, слетает с катушек и доводит дело до гибели людей, в том числе не причастных к драме. Именно поэтому, не стоит сообщать неприятные новости тем, кто служит. Следует хорошенько подумать, есть ли необходимость в правде и откровениях, и если есть, то, что и как писать.

Покажи лицо, служивый

Историю стремились сохранить всегда, чтобы преодолеть смерть, поведать о себе потомкам, чтобы продолжалась жизнь и мы могли говорить о бессмертной душе. Делали это как умели. А умели в разное время по-разному. Сначала делали наскальные рисунки, создавали древние памятники типа наших скифских баб, пирамид, сооружений из камней. Позже появилась Библия, начали вести хроники, писать рукописные книги. Потом к ним добавились рисунки — иллюстрации. Ну а когда возникло искусство фотографии, то одним из методов сохранения уходящей

реальности стало фото. С тех пор люди с охотой создают домашние архивы.

Для полноты отражения событий в архивы добавляют документы, газетные вырезки, почетные грамоты и, конечно, переписку. Кому неизвестны альбомы, составляющие память о главных этапах человеческого пути — окончании детсада, начальной школы, средней школы? Девчонки заводят альбомы, куда пишут стихи, берут автографы друзей или кумиров. Далее наступает черед окончания вузов, свадеб, рождения детей... И новый круг, новые архивы.

Собиранием архивов особенно часто озадачиваются в старости, когда подводят итоги житий, своих деяний.

Попав на службу, мы тоже обратились к своим корням и истокам, стали чаще писать домой родным, близким, подругам. Кто-то из курсантов попросил составить письмо незнакомой девушке. Я сел и размахнулся: странно — что-то получилось! Позже, на втором курсе, к своему удивлению, видел этот образчик эпистолярного «шедевра» в дембельском альбоме своего товарища.

Свои письма мы собирали, хранили, часто перечитывали. Уезжая в отпуск, увозили с собой, чтобы оставить дома — в надежном месте.

Естественно, потребовались и фотографии — второй непременный атрибут писем. Как без них?

Вывод: Только оставшись без дорогих людей, начинаешь понимать, как много для тебя значат их лица, легкие улыбки или особенности вскидывания бровей. Тебе этого не хватает, это все настойчиво мерещится тебе, преследует, словно кто-то бродит по твоей памяти с фонариком и беспорядочно освещает то один момент виденного, то второй. Вот мама раскатывает скалкой тесто на пирожки, вот учитель химии пишет на доске многоэтажные формулы аминокислот, вот острый взгляд незнакомца, однажды замеченный мною в трамвае, вот ко мне обернулся соученик

с передней парты и о чем-то спрашивает... Далее друзья, играющие в футбол, товарищи по схваткам на тренировках по вольной борьбе, тренер, мои подруги, приходящие на выступления, чтобы поддержать...

Ну если волнует знакомый почерк, то что говорить о фотографии! Фото для война, особенно, только что призванного в ряды Вооруженных Сил, важная жизненная деталь, хранящая образ дорогого тебе человека — друга, подруги. Это часть твоего овеществленного прошлого, фактически, часть тебя — того тебя, какого уже нет, но который дорог, ибо от него тянется ниточка в новый день.

Но самое приятное было — получить с письмом фотографию любимой девушки. Тут мы очень оживлялись, пересматривали эти женские образы друг у друга, чтобы убедиться — твоя избранница самая лучшая. Мы все становились мудрыми ценителями и для каждой подруги нашего товарища находили такие слова и похвалы, от которых он расцветал. Если это получалось, то радовались. Признаюсь, в своих оценках мы не лукавили, мы были искренними и правдивыми, ведь девичья красота мало кого из нас не трогала, хотя мы по-разному выражали свои эмоции. Тогда же мы проторили дорожку к местному фотографу, изводя его просьбами сделать приватное фото. Ведь оно стоит особняком, твое личное фото, сделанное в ателье или студии. Оно настолько сокровенно, что ты можешь подарить любимой девушке, верному другу, родителям.

Мы были не первыми, до нас тоже многие ходили, просили... И свой кабинет, расположенный в первом учебном корпусе, фотограф давно уже приспособил под студию, где и занимался нами. По его совету там мы учились застывать в неподвижности, принимали нужные позы, быть может, даже несвойственные тебе, со строгим лицом, чтобы одним только видом показать, что ты настоящий моряк. Отлично отутюженная форма со стрелками служила тому подтверждением. Для качественного обслуживания клиентов, чтобы хоть чем-то помочь нам в службе, чтобы на снимках выглядели мы браво и отнесли своим адресатам часть

нашей обстановки, нашего окружения, дали понять им о своем новом месте жизни, фотограф обзавелся сопутствующим реквизитом в виде бескозырки и ценимой курсантами военно-морской пилотки. Эти головные уборы были безразмерными, подходили к любой курсантской голове, а кому были велики — сзади подтыкались сложенной в несколько слоев газетой. И вот она — твоя первая фотография готова, где ты в голландке, с проглядывающей из-под нее тельняшкой, особо любимой русским народом, в лихо́й бескозырке или строгой пилотке.

Из-за нехватки денег много фотографий мы заказать не могли, поэтому ограниченное их количество тщательно распределяли между самыми дорогими людьми. Благоговейно, старательным почерком мы выводили дарственные надписи на них. Первые фотографии в военно-морской форме посылались, конечно, домой родным и близким, а оставшиеся экземпляры дарились друг другу. И надписывались только так: «На память другу имярек». Не иначе.

Совсем другое дело — фото с сослуживцами. Здесь каждый из нас раскован и непринужден, весел и небрежен. Позу выбираешь по своему разумению, очень стараться не считаешь нужным. И выглядишь поэтому прекрасно! Фотографируешься ты в расположении части или в увольнении — неважно. Главное — ты не один, у тебя есть друзья.

Чаще мы фотографировались у себя в Отряде. На относительно небольшой его территории имелось два памятника — вождю мирового пролетариата и подводникам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Первый памятник не был столь часто востребован в качестве фона — такие повсеместно были не редкостью, зато со вторым фотографировались чаще, как с более близким по духу. В этом выборе было все: и благодарность нашим предшественникам за Победу и мир, и доказательство того, что мы, подводники, — представители одной из самых опасных и мужественных военных профессий.

Особое место в архиве служивого человека — самое видное и почетное — занимала фотография у развернутого военно-морского

флага. Вот только такой чести удостоивались совсем немногие. Я, например, не сподобился.

Так формировались дембельские альбомы, как их называют. По традиции, это не просто собрание фото, сделать такой альбом — настоящее искусство. Дембельский альбом, конечно, сродни тем смешным девчоночьими альбомам со стихами и записями, похожими на дневниковые, над которыми мы посмеивались. Но на самом деле он был глубже, серьезнее, строже. В нем чувствовались индивидуальность и характер хозяина, были свои виньетки, девизы, военная фурнитура. Среди многообразия видов дневников, хроник, путевых заметок и собраний иллюстративного материала дембельский альбом относится к категории книг, сделанных вручную, в единственном экземпляре. Такие эксклюзивные изделия ценились лучше швейцарских часов, так как в них хранилось золотое время настоящего мужчины — защитника Отечества.

Зачастую в нем встречались открытки с кинозвездами и видами городов, где проходила служба, переводные картинки с портретами красавиц, наклейки с изображениями известных героев. Фиксируя важный эпизод жизни — а именно: службу в армии, — дембельский альбом являлся свидетельством превращения юноши в мужчину, документом, как бы мужским аттестатом зрелости. Изготавливали его далеко не за один день. Как правило, подготовка начиналась за 100 дней до приказа, это, примерно, за четыре месяца до увольнения.

У каждого воина есть такой фотоархив, собранный с особым тщанием и упоением, а это вам не фунт изюма. Есть только три самые главные для служащего срочной службы вещи, это:

- дембельский аккорд;
- дембельская форма одежды;
- дембельский альбом.

Не знаю, как их расположить по важности, так как важны все, поэтому я расположил по временному показателю. Сначала выполняется дембельский аккорд — самая последняя, зачастую и самая важная работа. Затем надевается дембельская форма. И

наконец, собираясь домой, в качестве памяти о службе ты бережно и аккуратно укладываешь в чемодан свой дембельский альбом.

Дембельский альбом... Это, считай, лебединая песня твоей службы, лучшее ее отражение, так как все остальное может оказаться преувеличенным или неточным. Фотография же не соврет, не зря говорят: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому одна черно-белая фотография стоит пяти красочных баек. В наше время цветных фотографий не было. Черно-белые снимки, обрамляли в цветные рамки, а пространство между фотографиями заполнялись рисунками, картинками, поясняющими надписями. У кого хватало умения, тот самолично превращал альбом в высокохудожественное произведение искусства. Для красоты из латуни и нержавеющей стали выпиливались силуэты подводных лодок, заглавные буквы Дважды Краснознаменного или Тихоокеанского флота. Ибо дембель без дембельского альбома — это не дембель.

Я позже еще напишу, как мои друзья добывали снимки для своих архивов, порой нарушая Устав или другие правила, ограничивающие наши свободы, как в случае с визитом к нам американских кораблей.

Тоска по дому многих делает мудрее и тише, мягче и богаче душой. Ведь это стресс, наподобие того, какому подвергают булат, закаляя его. Люди, умудренные тоской, начинают писать стихи. И замечать нечаянный луч солнца, упавший тебе на ботинок.

Принятие присяги

После окончания организационного периода — курса молодого матроса (бойца) — нам выдали ленточки на бескозырку с надписью «КРАСНОЗНАМЕН. БАЛТ. ФЛОТ», но носить ее мы могли только после принятия воинской присяги.

Присяга — это важная веха в жизни каждого военнослужащего. По сути, именно с этого момента начинается отсчет личности, посвятившей себя службе Отечеству. И это не просто слова. Только после торжественного принятия присяги ты можешь быть привлечен к ответственности за совершения воинского преступления. До

присяги ты штатский человек и уставы на тебя распространяются лишь номинально, как на кандидата в государственного человека.

Порядок ее принятия происходил в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 03.01.1939. Этот день являлся нерабочим для Отряда, был праздником. Мы к нему готовились, утюжили форму, надраивали обувь, приводили себя в порядок.

Торжественность наиболее важного момента в жизни любого военнослужащего чувствовалась каждым, так как это состояние поддерживали в нас все, от командира роты до старшины группы. В наше время воинская служба считалась почетной обязанностью и была таковой. Чем элитней были войска, тем труднее и почетней служба. Зеленые юнцы, еще не познавшие ее, мы уже гордились своей причастностью к важному и почетному делу обороны страны в составе самой главной военно-морской силы — Подводного Флота. И к принятию присяги относились с благоговением.

Вывод: Принятие присяги — это обещание своему народу, что ты до последней капли крови, до последнего вздоха сохранишь ему верность, это как клятва Родине и Богу перед лицом тех, кому народ доверил наше воспитание, учебу и подготовку. Волнения никто не показывал, прятали его за обыденностью выполнения обязанностей.

С утра мы чувствовали волнение и торжественность. Ими был насыщен воздух, которым мы дышали. В назначенное время Отряд при знамени и с оркестром выстроили в парадной форме на плацу с автоматами на груди. Роты стояли по группам напротив столов с документами. Тут же находились приглашенные, в том числе родители моряков. Они стояли напротив нашего строя, улыбочивые и взволнованно-торжественные. Моя мама приехать не смогла, равно как и родители моих товарищей. И все равно каждый из нас выискивал глазами взгляд соперечающего человека. Весь плац был заполнен строем моряков, принимающих присягу. Присутствовало несколько рот, только от Школы техников — две.

И вот принимающие присягу вышли вперед. Командир Отряда, контр-адмирал Надеждин, обожаемый нами Алексей Федорович, сказал краткую речь, в которой разъяснил значение военной присяги и той почетной и ответственной обязанности, которая вообще возлагается на военнослужащих, присягнувших на верность своему Народу и Правительству Союза Советских Социалистических Республик. Упомянул также значение статей 132 и 133 Конституции СССР.

Прозвучала команда «Вольно» и адмирал отдал распоряжение командирам рот приступить к принятию курсантами военной присяги. Мы вызывались по списку и поворачивались лицом к строю. Одной рукой придерживали на груди автомат, в другой держали лист бумаги, и каждый поочередно вслух прочитал из него текст, Утвержденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1960 г., до сих пор его помню:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.»

А потом под текстом присяги ставили свои подписи. Теперь мы имели право на бескозырке носить ленточки с надписью «КРАСНОЗНАМЕН. БАЛТ. ФЛОТ», выданные накануне.

Над нами многожды взвились и отлетели звуки торжественной клятвы, растаяли в вышине вдохновенные строки, сумевшие тронуть наши сердца, зажечь в них искорки ответственности за судьбы мира. Нас вдруг пробило пониманием, что мы — защитники своих матерей, друзей... И ком подкатывал к горлу, и хотелось шептать: «Верьте нам, мы не подведем».

В конце церемонии командир Отряда поздравил всех с этим важнейшим событием в нашей жизни и в жизни Отряда. Теперь мы влились в него окончательно, стали его страницей, частью летописи. Нас поздравили также приглашенные ветераны Великой Отечественной войны, выпускники Отряда прошлых лет, приехавшие на присягу родители и представители местной власти и общественных организаций. Оркестр исполнил Государственный гимн СССР, и мы прошли торжественным маршем на плацу, выдохнув в конце троекратное: «Ура! Ура! Ура!».

После церемонии командиры водили гостей по нашему ротному помещению, показывали камбуз. Со стороны это выглядело чинно и благородно. Мы приободрились, как будто нам принесли сюда свет и тепло домашнего очага. Вдруг запахло волей, прежней жизнью, пирогами... даже послышались звуки тех дней, ранней юности, отшумевшей так внезапно и рано. И где-то качнулась ветка над окном любимой детской комнаты в родительском доме. Мы вставали с банок и принимали строевую стойку, приветствуя посетителей, выказывая им уважение. А они сердечно прикладывали руку к груди и благодарно, чуть ли не в поклоне кивали головами. Так прошло освящение казенных стен святым духом оставленных в прошлом жилищ и забот.

Невидимые ниточки мойр протянулись оттуда сюда и связали прервавшиеся потоки времени в одно целое. Отныне мы не чувствовали разрыва, а воспринимали новые обязанности как продолжение того, что делали на гражданке. Нас влекла и пугала

предстоящая служба на подводных лодках. Что мы о ней знали? Ничего! Как все таинственное и загадочное, она представлялась нам пугающей темной скорлупкой, набитой незнакомой техникой. А ведь надо было в ней разбираться, уметь ею управлять, нести трудную и опасную вахту на рубежах Родины.

Мы внимательно слушали преподавателей, которые, подчас начинали с ностальгией вспоминать флот и подводные лодки. Тогда, пользуясь возможностью, расчувствованностью наставника, засыпали его вопросами, стремясь узнать, что же нас ждет. Не на все вопросы мы получали исчерпывающие ответы. Да и то сказать: одно дело услышать от кого-то, и другое — самому потрогать, пощупать, испытать в действии.

Не думайте, что идею боевого применения субмарины его создатели почерпнули в романе Жюль Верна «20 тысяч лье под водой». Лихо там все закручено! Придуманная первым в истории литературы профессиональным писателем-фантастом подводная лодка, таранила надводные корабли, используя металлический бивень, располагающийся на носу, и отправляла их на дно. О другом оружии в романе не говорится, видно, мирным человеком был француз, просто любил придумывать интересные истории. Однако он столь полонил умы своих читателей, что первую атомную подводную лодку назвали в честь его «Наутилуса».

Сама же идея впервые была высказана Леонардо да Винчи. Впоследствии великий ученый уничтожил свой проект, так как опасался разрушительных последствий подводной войны. Но упоминание о нем, описание самой идеи подводного плавания остались. Правда, иногда среди прообразов подводных лодок называют также «чайки», удлиненные лодки запорожских казаков, которые могли использоваться и в перевернутом состоянии, но тут определенности меньше, уж слишком большими сказочниками были их прославленные характерники.

Что мы еще знали о субмаринах? Ну, слышали, что первая подводная лодка появилась в XVII веке, ее построил физик и механик Корнель ванн Дреббель. Там для приведения агрегата

в рабочее состояние необходимо было три офицера и двенадцать гребцов.

И только непосредственно столкнувшись со службой, мы с лихвой познали ее трудности. Прежде всего, это сложность техники, умной, но требующей столь же умного эксплуатирующего и обслуживающего персонала, иначе она способна была показать свой норов. Именно сложная техника и задает тон службе — неуспынным круглосуточным бдениям, чтобы не пропустить тревожные данные, любой ее каприз. Ну а если она взбрыкнет, то устранить приведшие к этому причины, чтобы не дать ситуации выйти из-под контроля. Подводная лодка — сложное сочетание порой несочетаемого.

Кроме того, в лодке тесно железу и людям. В замкнутом пространстве уживаются личности с разными характерами и темпераментом. Мне повезло — психологическая несовместимость, о которой вскользь упоминали в учебке, в моей практике на флоте как бы не ощущалась. Настолько все были загружены службой, что какая-то там психологическая несовместимость в расчет не принималась — есть приказ, который надо выполнять, а твои рефлексии и настроения в боевом коллективе никого не интересуют. Жизнь на лодке, находящейся в море, регулируется командами, ибо в сложной обстановке все подчинено выживанию и выполнению боевой задачи, поставленной командованием. Только в этом случае коллектив и подводная лодка соединяются в единый боевой организм, способный противостоять врагу и стихии.

Поступление в Школу техников

Учебе в Школе техников предшествовала подготовка к поступлению и вступительные экзамены по математике и электротехнике. Вернусь немного назад.

В минской средней школе, где учился, я не успевал по языкам и по таким предметам, как физика, химия, алгебра, геометрия. Короче, почти по всем. Плохо учился, слабенько. Поэтому в летние каникулы со мной бедные учителя занимались дополнительно, были в советское время такие требования к ним — не смогли научить

ученика в течение года, занимайтесь в каникулы индивидуально. И поблажек никому не было, ни нерадивому ученику, ни учителям. И все же удивляюсь, как они сумели довести меня до успешного окончания десятилетки и вручения аттестата зрелости. Думаю, тому помогло хорошее поведение, моя репутация тихого троечника.

Сразу после школы я подал документы для поступления в Политехнический институт, туда меня приглашали как спортсмена. На тот момент я имел первый спортивный разряд по вольной борьбе. Это довольно хорошее достижение, следующим шел разряд кандидата в мастера спорта, затем — мастер спорта. Понятной и неувидительной была бы реакция нашего классного руководителя Светланы Михайловны Броутман, преподававшей химию, когда она узнала, что я сдавал и завалил вступительный экзамен по ее дисциплине, если бы я знал ее предмет. Но я его не знал. С негодованием, она воскликнула, словно была обманута в лучших ожиданиях:

— Только попадись мне этот Ловкачев — прибью! — но я был осторожен и на глаза Светланы Михайловны до сих пор не попался. Что ее так удивило, все же шло закономерным порядком: не знал, вот и не сдал.

А вот куда точно чуть было не поступил, так это в пединститут, да еще и на физмат! На письменном экзамене по математике мне там поставили четверку, а на устном — после ни бе, ни ме, ни кукареку, сказанных в ответ с моей стороны, преподаватель начал выводить в экзаменационной книжке пятерку. От такой неожиданности я даже глаза протер, однако это видением не было, хоть и продолжалось недолго. Другой преподаватель что-то шепнул на ушко пишущему, и тот, не доведя пятерку до конца, вдруг жирно исправил ее на двойку. Вот тут все стало на свои места, этому я поверил. Как пояснил сведущий человек, со мной произошел тот единственный случай из ста, когда спортсмен не поступил в вуз.

И кстати сказать, я благодарен судьбе, что в два названных института не поступил. Ну это так, детали. Тем не менее тот опыт подсказывал, что у меня нет шансов поступить в Школу техников

ВМФ прославленного Учебного Краснознаменного отряда подводного плавания, где учились многие выдающиеся командиры-подводники Великой Отечественной войны. А как хотелось!

Я записался на все дополнительные занятия, куда только можно было, и использовал их на все сто десять процентов, так как у меня не пропадали даже переменки. Я занимался самостоятельно, использовал любую свободную минуту, и этот период жизни запомнился катастрофической нехваткой времени. Поэтому словесно-баночные выступления нашего отца-командира, который в частности призывал учиться, в тот период меня от этого важного занятия только отрывали. Помню, как я, стоя в строю, с нетерпением ждал окончания очередной беседы, чтобы быстрее взяться за тетради с конспектами.

Порой даже хвалил себя, что не курю, ибо экономил на этом кучу времени. Сначала, по сложившейся привычке двоечника, я сидел на занятиях за последним столом. Однако теперь, в период подготовки к вступительным экзаменам, стал другим — преобразившимся, стремящимся к знаниям — и мне это место разонравилось. Для установления контакта с преподавателями, страх перед которыми пропал, я перебрался за первый стол, и с тех пор вошло в привычку — где бы ни учился (в дальнейшем довелось учиться восемь лет), всегда занимал место только в первом ряду.

Итогом моих стараний явилось поступление в Школу техников ВМФ, однако до сих пор не знаю, с какими отметками сдал вступительные экзамены. Не исключаю, что мои успехи были очень слабыми и дело решили преподаватели, которые оценили мой порыв и желание учиться. С большой долей самонадеянности думаю, что в дальнейшем я их ожидания оправдал.

Вывод: О пользе образования говорит рассказ одного знакомого фронтовика. Приведу его полностью: «Нашу роту бросили в район Кривого Рога, там надо было заткнуть какую-то дыру в обороне. Задачу поставили четко: «Единственную дорогу, которой могут воспользоваться немецкие танки, держать до

последней капли крови. Танки остановить любой ценой!»

Роту пригнали на место, отгрузили какое-то количество противотанковых гранат, сказали, что завтра немецких танков, наверное, придет много, и уехали. Никаких других противотанковых средств нам не дали. Жить нам оставалось меньше суток, это понимали все.

Командир осмотрелся и вдруг говорит:

— Стыдно, люди к нам из самой Германии едут, а у нас дорога разбитая, — свихнулся, наверное, от страха, подумали многие. А командир продолжил: — Освободить свои вещмешки и за мной!

Мы вытряхнули пожитки и пошли к ближайшему от дороги холму из шлака, выгруженного с какой-то металлургической фабрики. Командир приказал набирать шлак в мешки и нести к насыпи.

На саму дорогу шлак сыпался неравномерно, побольше там, где дорога в горочку шла.

— Чтоб им не скользко было, — объяснял командир.

Эта работа продолжалась очень долго, все мешки были изорваны в лохмотья, лопатки сточились до черенков. Засыпали чуть не два километра дороги. Народ устал, начал проявлять злость, ведь надо было еще и окапываться полночи, и вздремнуть хотелось. Утром от наблюдателей поступил сигнал: «Видю танки».

Сжимая свои почти бесполезные гранаты, мы не сомневались, что жизнь закончилась. Наконец немецкие танки начали заходить на «благоустроенную» дорогу. Третий танк колонны потерял гусеницу первым, а через минуту вышли из строя и остальные машины, числом восемь. Стоячий танк, если его не злить, штука не опасная. Не совсем поняв, вас ис дас, немцы угробили и танк-эвакуатор. Пехота у немцев не дурная, вперед без танков не пойдет. Так что захлебнулось их наступление.

Ну а наши незваные гости, конечно, попы-тались выйти из машин, осмотреться, но мы их пригладили огнем, они и убежали. Кто успел.

Нам-то не сказали, что в таком случае дальше делать. Известно — полагали, что мы погибнем. А мы все живыми остались. Вот наш командир и послал гонца, чтобы доложить начальству: «Задача выполнена. Потерь нет». Гонец скоро вернулся с хорошей новостью: «Ночью можете уходить, сзади есть оборона. Будет возможность, накроем потом артиллерией»...

Секрет командира заключался в его образовании, он имел средне-техническую специальность «техник по холодной обработке металлов». И знал, что никельшлаки, отходы металлургии, — страшный абразив, лишь немного уступающий корунду и оксиду алюминия. Никакие пальцы гусениц не выдержат издевательства такой дрянью, и что особенно было приятно — гусеница приходит в негодность целиком, забирая с собой большую часть всего привода.»

В нашем Отряде была также и Объединенная школа, где готовили матросов и старшин по разным специальностям для службы на подводных лодках, в том числе и на атомных. В связи с этим 506-й УКОПП иногда в просторечии звали учебкой, а ленинградцы — подплавом (подводное плавание).

506-й УКОПП: сцена и закулисье

Итак, наш 506-й УКОПП находился на Васильевском острове, в районе Гавани, в самом конце Большого проспекта, в доме № 102. Пишу об этом повторно, потому что сейчас Отряд передислоцирован. Когда-то в этом здании были казармы и конюшни. Как нам рассказывали командиры, старожилы и знатоки этих мест, Васильевский остров с XIX-го века не сильно изменился, нумерация Большого проспекта выросла всего на пару строений. Этот проспект отличается тем, что пересекающие его улицы называются линиями.

В увольнении я гулял по Большому проспекту — застывшей в камне живой истории России, или бродил в одиночестве по тихим

и малолюдным линиям, разглядывая архитектурные особенности понравившихся мне зданий, любоваться достопримечательностями, которые начинались сразу же за воротами учебного Отряда. Хотя достаточно их было и на территории места прохождения службы — тут стояли учебные корпуса и казарма, построенные из кирпича красного цвета в конце XIX-го или в начале XX-го века. Какое удовольствие проводить дни в старинных зданиях! Какая радость! Какой простор! Теперь ведь так не строят. А там у нас были потолки в четыре метра высотой, окна — выше человеческого роста. Воздуха в помещениях — дыши на полную грудь.

Первый учебный корпус (УК-1), высотой в четыре этажа, фасадом выходил на Большой проспект, а тыльной стороной — на внутренний двор, который одновременно являлся плацем. На плацу проводились торжественные и утренние построения, строевые занятия, вечерние прогулки с песней, а также осуществлялся развод при заступлении в суточный наряд.

В наше время заместителем начальника по строевой части Отряда был капитан 2-го ранга Смирнов, которого курсанты за глаза звали «Здравствуй, развод» лишь потому, что в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы этими словами он приветствовал суточный наряд. На плацу он чаще и придиричвей других офицеров осматривал нас перед увольнением в город, однако меньше цеплялся к внешнему виду, который со временем становился все более неуставным, из-за чего кого-то выводили из строя с лишением увольнения или для исправления обнаруженных замечаний заставляли менять форму.

В те времена в моде были расклешенные брюки, и курсанты в этом деле изошрялись, кто как мог, тем более что эта особенность морской формы являлась традиционной со времен Октябрьской революции. Несмотря на то что максимально допустимая ширина клешей составляла тридцать два сантиметра, у отдельных курсантов она намного превышала норму. Поэтому чтобы попасть в таких неуставных штанах в увольнение, курсанты шли на разные хитрости. Например, исключительно для развода с внутренней стороны

каждую штанину приметывали ниткой, уменьшая ее ширину. Зато после выхода за ворота эта нитка вытягивалась, обнаруживая красоту военно-морского клеша.

Для изготовления модного клеша использовалось, так и хочется сказать — сложное техническое устройство, устройство под названием «торпеда». Этот шедевр изощренной курсантской мысли представлял собой удлинённый трапециевидный кусок фанеры, на который, иногда с большим усилием, натягивалась мокрая брючина, а затем утюгом или гладильным прессом она высушивалась. При этом частенько от курсантского усердия несчастная штанина не выдерживала натяжения, трещала по шву, обнажая вырванные нитки. Тогда порвавшейся одежде оказывалась скорая помощь с помощью иголки с ниткой.

При всем рвении командования Отряда сохранить форму одежды если не в девственном состоянии, то хотя бы с минимальными отклонениями от уставных требований, увольнение зарубалось все-таки исключительно редко. В деле нарушения формы одежды отличались брашпиля, а курсанты были более дисциплинированные и не жаловались на придирки начальства.

Брашпилями называли старшин, которые проходили срочную службу не на флоте, а в учебке. В низшей части флотской таблицы о рангах находится самый многочисленный отряд — матросы. В учебных заведениях — курсанты. По направлению вверх по пирамиде званий следуют:

- старший матрос (сокращено — стармос);
- старшина 2-й статьи;
- старшина 1-й статьи;
- главный старшина (главстаршина);
- главный корабельный старшина (ГКС).

У курсантов — те же звания, только добавляется слово «курсант», например: курсант старшина 2-й статьи. Хотя в устной речи для сокращения обращения слово «курсант» опускалось.

Курсант, как и моряк срочной службы, на нагрудном кармане робы-голландки кроме звания имел собственноручно пришитый

боевой номер — белую брезентовую ленту, на которой под трафарет черной краской наносилась надпись. У меня был номер «Т-47-13»: «Т» означало — школа техников; «47» — номер группы, одновременно первая цифра — номер роты; «13» — мой номер по списку учебного журнала. Я не суеверен и относился к своему номеру по журналу без комплексов. Как-то в городе одна некультурная бабушка, проходившая мимо нас и увидевшая боевые номера, сокрушенно и с сочувствием прошептала:

— Беденькие! Да они ж еще и клейменные!

На плацу, по обе стороны первого учебного корпуса, располагались с одной стороны памятник Ленину, а с другой — подводникам, погибшим во время Великой Отечественной войны, о них уже упоминалось. Первый был выполнен в традиционной для памятников той эпохи манере: вождь революции стоял на постаменте с вытянутой вперед правой рукой, символизирующей движение вперед. Второй — обладал большей индивидуальностью. Именно возле него курсанты фотографировались на память — героика всегда привлекает молодых, не до конца понимающих ее глубинную трагичность, видящих только внешний флер романтики. Но тут еще сказывались профессиональное родство, связь поколений.

По другую сторону плаца находилось пятиэтажное здание, в котором размещались медпункт, библиотека, а также матросская чайная, с учетом специфики учебки называемая курсантами «Перископ». Для посещения этого — хоть и непритязательного, но вожаделенного — заведения у нас не всегда имелись средства. Мы, как и все военнослужащие рядового состава, получали финансовое содержание в размере трех рублей восьмидесяти копеек. Для современного читателя поясню — это было некое подобное студенческой стипендии, которое предназначалось для стимулирования исполнения обязанностей военной службы, но с учетом того, конечно, что нам государство обеспечивало кров, гардероб и питание. Небольшая сумма, но достаточная для скромного удовлетворения наших нужд. Из нее, этой суммы, рубли являлись денежным, а копейки — табачным удовольствием. Так как

я не курил, то всей суммы вместе мне хватало на неделю безбедного «хождения под перископом».

За время курсантской жизни не слышал, чтобы кого-то из нас баловали деньгами, присылали из дому большие суммы на карманные расходы. Даже и те рублики и трешечки, которые приходили — вложенными мамами в конверты между страницами письма, чтобы их не нащупали при пересылке и не обнаружили, просматривая на свет, — не были частыми и регулярными. А уж если говорить о родительских переводах, то самая ходовая сумма составляла червонец, то есть десять рублей. Присылалась она в исключительных случаях — как подарок на праздник или если курсантом предусматривалась целевая покупка перед отпуском. Но и пятерка являлась хорошим подарком судьбы, почти манной небесной.

Между корпусами на нашей территории было два прохода. С одной стороны шла дорожка, ведущая к воротам, через которые мы строим и в массовом порядке выходили в увольнение. Другой проход вел к контрольно-пропускному посту № 1 и к церкви, в помещении которой размещалась учебно-тренировочная станция (УТС). За казармой, в третьем ряду, стояли второй учебный корпус (УК-2) и складские помещения.

В первом учебном корпусе находилось боевое Знамя воинской части — символ воинской чести, доблести и славы. Боевое Знамя — это знак, объединяющий воинскую часть и указывающий на ее принадлежность к Вооруженным Силам СССР. Там же располагались командование, рубка дежурного по Отряду, клуб и учебные аудитории, оборудованные (напичканные под самую завязку) различным железом (макетами, оснасткой, опытными стендами).

Командиром нашей группы, а также 45-й и 46-й (то есть всех минеров нашего курса) в течение двух лет был свежеепеченный выпускник 1974 года нашей же роты мичман Валерий Вожаков — круглолицый и краснощекий парень. Скромный, спокойный молодой человек, он никогда без причины не повышал голос, к

нам относился снисходительно и доброжелательно. И это было естественным, ведь еще вчера Валерий был таким же, как мы. Говорят, что впоследствии он, к сожалению, не устоял перед зеленым змием.

Вот он рассказывал, как однажды, заступив в суточный наряд, по делам службы сутился в районе рубки дежурного по Отряду. Там же рядом находился пост № 1, охраняющий Знамя части. Этот пост являлся самым важным и почетным в карауле, поэтому туда назначались наиболее дисциплинированные и ответственные военнослужащие. И вот, снуя туда-сюда, Вожаков обратил внимание на часового, истуканом стоявшего с автоматом на груди — каким-то он показался ему слишком неподвижным. Пройдя мимо него раз-другой, мичман убедился, что часовой у Знамени не реагирует, даже не провожает движущегося человека взглядом, что свидетельствовало бы о нормальной реакции. Вожаков, почуяв неладное, подошел ближе, снова со стороны часового реакции не последовало — стоит и тупо смотрит вперед, как в ступоре. Чтобы наверняка убедиться в своем подозрении, Вожаков провел ладонью у парня перед глазами, и снова не обнаружил реакции. Выяснилось — часовой, стоя на посту № 1, спит с открытыми глазами...

Насчет сна в неурочное время ходило много всяких баек. Одна из них о том, как курсант вставлял себе в глазницы спички, фиксируя веки в раскрытом положении, чтобы спокойно поспать на занятиях и чтобы преподаватель не беспокоил вопросами и замечаниями. Курсант, подпиравший руками голову или спичками веки, не всегда себя выдавал и мог вздремнуть.

В коридорах и на лестницах первого корпуса были развешаны огромные черно-белые плакаты с фотографиями подводных лодок. Каждый раз, проходя мимо, я со смешанными чувствами профессионального интереса и простого любопытства рассматривал их, задаваясь вопросом: «А не на этой ли субмарине придется мне познавать премудрости подводничьей службы?».

И сам себе отвечал: «Нет, конечно. Уж я-то попаду служить на самую современную атомную подводную лодку!». Раньше времени

и не раскрывая интриги повествования скажу, что ни на одну из изображенных на тех плакатах подводных лодок я не попал.

В одном из учебных классов находились макеты разрезанных мин для демонстрации их внутреннего устройства, с приборами и механизмами; а в другом — аналогичные макеты торпед, а также торпедного аппарата калибром 533 миллиметра. Первый класс являлся минным, и на втором курсе он стал нашим классным кабинетом для самостоятельной подготовки.

Так вот торпедный аппарат находился на первом этаже, его казенная часть занимала пространство кабинета, а труба через окно, как через портик парусного фрегата, прямой наводкой нацеливала жерло на наши казармы. Аппарат был действующим, и мы из него регулярно стреляли воздухом. От выстрела возникал громкий хлопок, и проходящий мимо человек от неожиданности и страха шарахался в сторону или приседал.

Как-то Коля Карпиков задал преподавателю трудный вопрос — и в плане практического осуществления, и для теоретического понимания:

— А что будет, если торпедный аппарат зарядить кирпичом и выстрелить?

Курсанты удивились столь бестолковому вопросу и долго смеялись. С тех пор впечатлений и тем для подтрунивания над бедным Карпиковым накопилось немало, их нам хватило до конца учебы, а я до сих пор не могу вспоминать о нем без смеха. Преподаватель не был готов к такому выпадку, поэтому ответил что-то невразумительное. В следующий раз он бы, конечно, сориентировался и за глупую выходку курсант получил бы по шапке. Но самое интересное, что Коля не озоровал, он просто был наивным незнайкой.

Наблюдая, как он учится, многие не сомневались в своем уровне знаний и практических навыках, а также в том, что смогут успешно окончить Школу техников. Для всех нас, Колиных товарищей, самым удивительным и невероятным оказалось то, что по окончании учебы Карпиков по распределению попал на научно-

исследовательскую подводную лодку Дважды Краснознаменного Балтийского Флота, его взяли туда на должность младшего научного сотрудника. По этому поводу ребята шутили: «Должность младшего научного сотрудника просто не позволит Коле утопить подводную лодку» или: «Академики возьмут шефство над Колей, и он станет, нам в укор, создателем нового минного и торпедного оружия».

На втором этаже учебного корпуса № 2 (УК-2) находился кабинет начальника учебной части, капитана 3-го ранга Сокова — интеллигента не меньше пятого поколения, всегда имевшего сосредоточенное выражение лица, а иногда даже скорбное. О чем он скорбел, не знаю, но предполагаю, что главной его печалью были наши неудовлетворительные знания, что выражалось в немалом количестве, увы, низких отметок. Соков в действующем флоте не служил, поэтому нашу группу боевыми знаниями не обогатил. Тем не менее имел чем поделиться с учащимися. Именно в нашу бытность он получил очередное воинское звание капитана 2-го ранга, и помню, как один из курсантов пришивал на его китель новые погоны.

В этом же корпусе находилось учебное помещение, которое на первом курсе служило нам классным кабинетом. Там мы проводили время, выделенное на самоподготовку. Окна этого класса выходили в сторону предприятия под названием «Севкабель». Но у дальних горизонтов из них виднелись очертания города, над которыми парил купол Исаакиевского собора. Замечательный его вид вселял оптимизм и надежду на лучшее. Перспектива прояснялась в солнечную погоду, и купола особенно радовали ослепительно-желтым блеском сусального золота, своим величием и красотой. Отнюдь не от безделья взгляды курсантов часто на них останавливались. Глядя на этот памятник архитектуры и вообще русской культуры, мы понимали, что находимся в прекрасном городе и должны оправдать возлагаемые на нас надежды. Заодно нам мечталось о прекрасном будущем, как минимум о предстоящем увольнении и прогулке по Невскому проспекту.

После занятий, на выходе из учебного корпуса, я устраивал для друзей показательные выступления, попросту говоря, хулиганил, как дворовой мальчишка. Словно цирковой эквилибрист я с разбегу взбегал по стене и эффектным ударом ноги, как могло показаться, бил по фонарю, что висел на двухметровой высоте над входом. Конечно, до фонаря я каких-то пару миллиметров не доставал, но со стороны этого видно не было. Обман зрения будоражил воображение публики и вызывал восхищение моим трюком.

Из окон третьего этажа нашей казармы с одной стороны виднелся плац и первый учебный корпус, а с другой, где стояли двухъярусные койки 47-й группы, — открывался вид на учебный корпус № 2 и предприятие «Севкабель». По местным легендам, на территории этого завода за несколько лет до нашего поступления был обнаружен болтавшийся на подъемном кране повешенный курсант. Эта трагическая история еще долго будоражила наше воображение, вызывая то недоумение его суицидом, то подозрения в убийстве.

В помещении четвертой роты, недалеко от спальных мест нашей группы, был спортивный уголок с гириями, штангами и несколькими матами. По вечерам курсанты систематически таскали это железо, накачивая мышцы, укрепляя здоровье. На этих матах тренировался и я. Помню, как-то схватился в поединке с второкурсником, старшиной 45-й группы, невысоким крепышом. Сделал несколько удачных движений, на что зрители, мои товарищи, бурно и одобрительно отреагировали, будто я отстоял их честь и достоинство — над нами, первокурсниками, старшие частенько посмеивались, а нам это не нравилось. Однако старшина был тяжелее и физически покрепче. Разозленный моей смелостью и задиристостью, он проявил сноровку и жестко прижал меня к матам.

Любила наша братия и розыгрыши, часто их устраивала.

Как-то одноклассники во главе с Игорем Матросовым притащили из спортивного уголка штангу и пару гирь и пристроили в постель Коли Карпикова вместо грелки. Надо сказать, что был наш Коля невысоким, белобрысым и круглолицым уроженцем

Брянщины, по натуре — любознательным и добродушным. Ну, просто вылитый объект для шуток. Тем более что выглядел моложе нас, тогда еще совсем зеленых. Так вот, обнаружив в постели источник холода, он обиделся на нас. Но спать-то надо было. Нервничая, Коля никак не мог в одиночку справиться с железяками, убрать их с койки. Он психовал и смешно пинал их ногами. А мы, неумные, смеялись.

Еще более тонкое испытание устроил Карпикову Валера Лукин: положил на матрас его кровати и прикрыл простыней длинную нитку, а когда тот лег, потянул за противоположный конец. Получился эффект незаметно ползающих в постели насекомых, конечно, раздражающих нашего бедного товарища. Каждый раз после очередного дергания нитки Коля резко вскакивал и, смешно суетясь, обыскивал постель, не догадываясь заглянуть под простыню. Более озабоченного человека несуществующими вшами я в жизни не видел. Подлый Лукин беззвучно умирал в своей постели от приступов смеха, от ржания, от хохота, рвущегося наружу. Чтобы не выдать себя, он втыкал лицо в подушку. Эту сцену трудно передать словами, ее надо было видеть. Насмеявшись, Валера, как партизан, изматывающий врага, снова и снова тянул за шнур, беспрестанно досаждая Коле Карпикову, а тот все вскакивал и панически суматошился. И никак не мог сообразить, что его разыгрывают, не догадывался встать и прогуляться по ротному помещению или охолонуться холодной водичкой.

О Коле вот еще что вспоминается. Всем известна привычка Наполеона скрещивать руки на груди при наблюдении за боем. У Коли тоже была одна привычка, лишь отдаленно напоминающая бонапартовскую, — он большим и указательным пальцами обеих рук прихватывал себя за форменный воротник, поднимал его повыше и издавал протяжный звук. Не думаю, что делал это специально для придания значительности своей персоне, скорее, по странной привычке — он так самоутверждался.

Однажды четвертую роту задействовали на овощной базе, и наши группы трудились там попеременно. Пришла очередь

поработать там коллегам из 46-й группы. Сунув манатки подмышки, они построились для убийства на овощную базу. И тут Коля Карпиков демонстративно вышел в центр среднего прохода казармы и, воткнув руки в боки, тоном уполномоченного представителя телеграфного агентства СССР сделал «важное и ответственное» заявление:

— Сорок шестая группа, кто не принесет мне манана, в роту лучше не возвращайся!

Да, любил Коля экзотический плод банан. Правда, название плохо запомнил. Однако данное обстоятельство ни в коей мере не снимало ответственности, возложенной на 46-ю группу. А те, посмеявшись над Колиным ультиматумом, загромыхали по деревянной палубе подошвами ботинок и по команде старшины бегом подались на выход.

У Коли Карпикова был старший брат. За пару лет до нашего поступления он с отличием окончил Школу техников. Вот такие сюрпризы в виде детей с разными данными подкидывает в семьи капризная матушка-природа.

Когда мы сдавали вступительный экзамен по русскому языку, наш Коля и здесь нашелся. Для начала он перемигнулся со своим товарищем в надежде перехватить хоть какую-нибудь полезную информацию, однако номер не выгорел. У того товарища тоже было пусто в том резервуаре, в котором иногда «кипит наш разум возмущенный». Озадаченно почесав затылок, Коля решил проявить военно-морскую смекалку и ничтоже сумняшеся обратился к персональной кладези информации, единственной, которой располагал, — комсомольскому билету. Оттуда он выудил на свет вкладыш и все, что там было написано про обязанности комсомольца, нагло и беззастенчиво, без зазрения совести, без комментариев, не добавив ни единого словечка от себя, сдул в сочинение.

Так как нам не озвучили оценок вступительных экзаменов, то и результат Карпикова по сочинению для нас тоже оказался под грифом «за семью печатями». Чтобы не показаться зазнайкой и

высочкой, от себя добавлю, что и мой результат по вступительным экзаменам недалеко ушел от карпиковского. Вот такая проза жизни. Думаю, поэтому нам и не оглашали результаты экзаменов, что итог оказался плачевным и добрую половину курсантов следовало бы перевести из нашей роты в Объединенную школу. И пришлось бы вербовщикам снова обивать пороги пересылочных пунктов, напрягаться и еще круче заворачивать мозговые извилины, чтобы завлечь новых кандидатов в Школу техников, взамен отбракованных.

Вывод: Умейте воспринимать происходящее в целом, не только его парадное представление, но и закулисы. Тогда ваши знания будут полнее и ближе к истине. В частности, вы поймете, что шутники не обязательно шуты, иногда под этой оболочкой скрывается острый и притязательный ум.

Если Колю Карпикова можно было назвать достопримечательностью доблестной 47-й группы, то аналогичным явлением на уровне всей 4-й роты был Толя Шерстнев, мой земляк из Беларуси. Могу представить, как он попал в Школу техников. Наверное, повторил мой путь, но с той разницей, что с ним на вербовочном пункте беседовал офицер не из механиков, и не из минеров, ибо попал Толя в 41-ю группу «мотылей», или, проще говоря, мотористов. Внешне он был примечателен: чуть выше среднего роста, раздобревшего телосложения, с круглым, как под циркуль очерченным лицом, лоснящимся и всегда расплывающимся в улыбке, что напоминало мордочку гигантского хомячка. Простой по характеру и способностям парень из глубинки. За Толей числилось столько подвигов, что все их запомнить не удалось. Любой его поступок, даже не шутовской вызывал у курсантов приступы неудержимого смеха.

Да что говорить, мы смеялись даже над тем, как он стоял дневальным по роте. Уморительным было наблюдать, как он представлялся, поднимая трубку служебного телефона. А делал он

это картинно и говорил с неискоренимым белорусским акцентом:

— Шарсцнеу на проводе.

А для наших товарищей по роте это проливалось бальзамом на душу, и они комментировали по-своему:

— Шарстнеу на дроце.

Смыслов в этом эпизоде мы воображали очень много, начиная от «цирка на дроце» и заканчивая «цирк уехал, а клоуны остались».

Дважды крещенные

На территории Отряда находилось большое и красивое здание церкви, по монументальности архитектуры напоминающее собор. В нем размещалась учебно-тренировочная станция (УТС), где крестили будущих подводников — настолько это было символично. И отражало суть явления, как отражает вращение Земли подвешенный под куполами парижского Пантеона и Исаакиевского собора маятник Фуко.

Представьте храм, где вместо амвона стоит высоченная, почти под купол железная бочка в несколько обхватов, наполненная водой. Впечатляет? Нас тоже впечатляло! Бассейн, труба торпедного аппарата, вырезанные отсеки подводной лодки, железная колба, высотой около двадцати метров и прочая отнюдь не церковная утварь — здесь с нами проводились занятия по легководозлазному делу (ЛВД), или легководозлазной подготовке (ЛВП).

В этой купели под сводами храма крестили не одну тысячу подводников, в их числе выдающиеся, прославленные и герои ратного морского ремесла. Сюда на занятия привозили также курсантов из высших военно-морских училищ. В этом удивительном храме, где намоленность места соединилась с обучением подводному плаванию, будущие подводники, дважды крещенные, получали особое благословление. И неизвестно, скольких моряков спасло это удивительное совпадение.

Здесь мы приобретали практические навыки пользования спасательным гидрокомбинезоном подводника (СГП) и индивидуальным дыхательным аппаратом (ИДА-59). В комплексе

это имущество называлось индивидуальным снаряжением подводника (ИСП-60). Как до нас в течение 60 лет, так и после нас еще 30 с лишним лет, моряки учились всплывать из затонувшей подводной лодки, отсчитывая по буйрепу мусинги, зависая у каждого из них, чтобы выровнять кровяное давление организма с забортным (наружным) давлением. Постигали мы тут на практике и метод свободного всплытия, выныривания из глубины через выходной люк и торпедный аппарат.

Учились свободно всплывать с пятидесятиметровой глубины в барокамере, выражаясь по-нынешнему — виртуально. Делалось это так. Ты сидишь на скамейке в барокамере «на сухую», без воды, но дышишь в индивидуальный дыхательный аппарат. Затем в камере повышается давление до пяти атмосфер — производится имитация сначала погружения, а затем всплытия. Процедура в принципе несложная, если у тебя нет насморка и ты умеешь и в данный момент способен «продуваться», то есть выравнять давление внутренней стороны ушной барабанной перепонки с наружным, атмосферным. Это как при взлете или посадке самолета закладывает уши, только в барокамере этот процесс происходит гораздо интенсивнее, а потому для новичков — болезненней. Если вовремя не «продулся», начинаются боли, и тогда необходимо прекращать погружение или всплытие, иначе лопнет барабанная перепонка и из ушей пойдет кровь. Это называется баротравмой уха. Аналогичная травма и по той же причине может произойти и с дыханием — разрыв легких. При свободном, то есть быстром, всплытии без задержек, наступает кессонная болезнь, когда кровеносная система человека из-за резкого перепада давления не успевает обновляться и газовые пузырьки дыхательной смеси «застревают» в крови и совершают разрушения в организме. Кессонную болезнь тоже лечат в барокамере, для чего водолаза так же виртуально «помещают» на глубину, с какой он резко всплыл, и по специальной таблице с долгими остановками, медленно выводят из организма опасную дыхательную смесь. На это подчас уходят не одни сутки.

Для отработки приемов и навыков борьбы с пожаром в лодках и поступлением в ее полость воды на учебно-тренировочной станции находились отсеки, вырезанные из настоящих субмарин, в которых не было никакого оборудования, агрегатов, механизмов, приборов. Здесь мы отрабатывали приемы борьбы за живучесть отсека при поступлении воды. В качестве средств борьбы у нас были раздвижные упоры, брусья, клинья и прочее. Важно подчеркнуть, что существует разница между струйкой из обычного крана и водой, поступающей под давлением. Тут чем сильнее напор, тем ее больше, и иногда при заделке пробоин возникают непреодолимые трудности.

В музейной экспозиции учебно-тренировочной станции мы видели и более примитивные модификации дыхательных аппаратов, которыми пользовались наши предшественники-подводники во все времена, в том числе и в Великую Отечественную войну. Индивидуальный дыхательный аппарат ИДА-59 со времен нашей юности принципиальных изменений не претерпел, поэтому и свое название сохранил почти неизменным, сейчас к нему добавилась буква «М», модифицированный — ИДА-59М. С использованием этих средств можно спастись с глубины до 100 метров, а при помощи аварийно-спасательной службы флота, когда на затонувшую лодку передают дополнительные гелиевые баллоны к индивидуальным дыхательным аппаратам, — до 120 метров. Понятно, что это не та глубина, о которой стоит говорить. Курсируя по морям и океанам, лодки ходят гораздо глубже. Тем не менее в трагедии с «Курском» экипажу не удалось преодолеть даже 109-ти метров. Мы и тогда понимали, что реально тонущей подводной лодке мало кто или что в состоянии помочь.

Вывод: Пусть досужие умы спорят о символике намоленных мест, об их силе и значении, субъективное ли это восприятие или объективный эффект, а нам намоленность места, где располагался тренажер, реально помогала. Он намоленного места так же заряжаешься уверенностью и оптимизмом, как от места трагедии — чувством утраты. Поэтому

намоленными считаю те места, куда приходило много людей с добрыми думами и намерениями, с добрыми чувствами и где проявлялся их высший дух.

Когда шли занятия в учебно-тренировочной станции, при курсантах всегда находился специальный военно-морской врач, который перед погружениями подвергал нас наружному осмотру. На первых занятиях он обратил внимание на мои щеки с ярким румянцем и с настороженным выражением спросил:

— Какой-то вы красный. Вы себя нормально чувствуете?

Не успел я открыть рот, чтобы ответить, как мои товарищи отреагировали:

— Товарищ майор, вы его на камбузе во время обеда не видели! — это была просто шутка, потому что ел я мало и далеко не все подряд.

Преодоление страха

На флоте каждый по своему преодолевает страхи и трудности. Или не преодолевает и тогда расстается с морем... Речь идет об искусстве выживания в морской пучине, о мере его постижения. Курсант — это будущий мичман или офицер, и с этим званием он как бы получает инъекцию, укрепляющую иммунитет против страха глубины. Правда, не каждый с подобной прививкой способен справиться.

Недавно в газете «Моя семья» (№ 43 ноябрь 2010 года) я прочитал статью, где бывший третьекурсник Военно-медицинской академии делится впечатлениями о службе. И что-то мне в ней не понравилось. Предварительно поясню некоторые термины. Моряки срочной службы кроме основного официального звания, как и в Советской Армии, имеют еще одно, неофициальное — по сроку службы: отслуживший три года — дэмэбэ (а не дембель), два с половиной года — годок, два года — подгодок, менее двух лет — карась (а не салага, как в армии). Как видите, на флоте эта система из-за большего срока службы градирована не на два года, а на три.

Так вот мне не понравилось, что курсант испугался наезда годка, назначившего его выполнять малопрестижную обязанность бачкового, и по своему малодушию пожаловался офицеру, о чем и пишет. Видимо, у автора статьи оказалась аллергия на прививку, которую он должен был получить в училище. Да, бывают ситуации, когда остаешься один на один со своими страхами и трудностями — чаще психологическими, нежели физическими, — и тогда ты лично должен подумать, как с ними справиться или как их преодолеть. Согласен с тем, что не всегда тебе будет отпущено время, достаточное для обдумывания ситуации и принятия решения. Но если ты эту трудность преодолеешь сам, без чьей-то помощи, — ты получишь и закалку, и уважение товарищей. А если побежал к офицеру или мичману, значит, проявил беспомощность и несамостоятельность.

Считаю, что можно и должно обращаться к офицеру или мичману за советом. Но не стоит бежать к ним и ябедничать, чтобы оградить себя от прессинга годка-матроса. Думаю, в этом первом тесте на вживание курсанта во флотскую среду и проявляется уровень самостоятельности. В данном случае никого не осуждаю и не критикую, просто подчеркиваю, что каждый находит выход из трудного положения сам и по-своему. Из дальнейшего вы узнаете, через что довелось пройти автору этих строк, как он выкручивался из сложных, неординарных и даже критических ситуаций.

Вывод: Вопросы этики, манера поведения на флоте до сих пор являются актуальными и широко обсуждаемыми в обществе. Они сложны, так как в каждой конкретной ситуации состоят из массы составляющих — характера, воли, темперамента, воспитания человека. Сказываются также дефицит времени, личная культура, привычки, опыт или его отсутствие, понимание ситуации, формальные и неформальные традиции — как общие, так и конкретного коллектива...

Помню первые страхи, с которыми пришлось столкнуться во время легководолазной подготовки в учебно-тренировочной

станции. Речь идет не о панике и растерянности типа «хватай мешки, вокзал отходит», а о боязни неизвестного и отсутствии опыта ее преодоления. Об этом вслух говорить было не принято, и каждый преодолевал этот страх молча и самостоятельно.

Первое практическое занятие проводилось в бассейне, где мы должны были произвести погружение в спасательном снаряжении. На первый взгляд это упражнение казалась несложным и я не очень волновался. Однако когда на меня надели прорезиненный спасательный гидрокombинезон подводника, вдруг запаниковал и подумал, что прямо сейчас задохнусь.

Правда, никто этого не заметил, так как этот страх был внутри и наружу я его не выпускал. Взяв себя в руки, я успокоился: «Еще не все кончено, ведь в маске есть трубка, через которую можно дышать». Но вот на меня навесили тяжелый аппарат «идашку», индивидуальный дыхательный аппарат, и стали привинчивать соединительную гайку сопряжения со спасательным гидрокombинезоном подводника, и тот же противный страх снова омерзительным гадом начал вползать в душу. С усилием мне удалось подавить его, включить мозги и подумать: «Дурачок, ты будешь дышать благодаря аппарату, главное — не выпускай изо рта загубник. А если что-то не так с аппаратом при погружении в бассейн, — продолжал я подавлять свой страх, — то достаточно быстро всплыть и высунуть голову из воды». Это окончательно успокоило, и я, облаченный в спасательный гидрокombинезон подводника и индивидуальный дыхательный аппарат, без опаски полез в бассейн.

Еще раз я испытал страх, только более изощренный. Тогда мы отрабатывали упражнение выхода из затонувшей подводной лодки через торпедный аппарат. Нас, трех курсантов, одетых в спасательные гидрокombинезоны подводника и индивидуальные дыхательные аппараты, по одному затолкали в трубу торпедного аппарата, предварительно надев на четыре пальца металлическое кольцо для связи с внешним миром методом перестукивания. В трубу меня спровадили последним, и за мной задраили заднюю

крышку. Когда стали заполнять трубу торпедного аппарата, то вода полилась прямо на ноги, отчего почувствовался душевный дискомфорт. Правда, этот страх по уровню был мною отнесен к категории элементарных, и справиться с ним не составило труда: «Ведь ты же нормально дышишь через аппарат, и волноваться нечего. Когда на тебя в душе льется вода, ты же не боишься».

Однако одним элементарным страхом дело не обошлось. Когда вода заполнила торпедный аппарат, я почувствовал затрудненное дыхание. И вот тогда действительно испугался, так как в голову проникла поистине паническая мысль: «Ну, вот приплыли! В «идашке» хреново набили баллон с кислородом, который, как назло, на мне закончился. И вот она, моя финишная ленточка — еще несколько глотков, и она оборвется вместе с моей жизнью! И хоть ты барабань металлическим кольцом по трубе торпедного аппарата, хоть кричи, тебе уже ничто не поможет».

В общем, от недостойной смерти или позорной жизни меня спас, нет, не интеллект... Дудки! В этом случае пригодился исключительно животный инстинкт. Благодаря ему я хватанул воздуха на весь остаток жизни. И о чудо! Сработало устройство под названием «дыхательный автомат». Ободренный порцией свежего дыхания (упоминание о рекламе какой-то там жевательной резинке «Минтон» здесь просто неуместно), я подумал: «До выхода из этой чертовой бочки доживу... Ну, а там, поглядим...»

Вывод: Страх — это происки воображения. Достаточно смирить его, развенчать и страх исчезнет. Не стоит забывать и то, что в случае реальной опасности, к подстраховке и спасению подключатся инстинкты.

В этом случае инстинктивный вдох на всю полноту легких сделал доброе дело, от него сработало устройство, перепускавшее свежую смесь в дыхательный мешок. И все пошло своим чередом. Наконец заполнение водой закончилась, в трубе торпедного аппарата выровняли давление с «забортным», затем открыли переднюю крышку. Мои товарищи поочередно начали выходить

из аппарата и с глубины трех-четырёх метров всплывать на поверхность. Ну и я, радостный и счастливый, будто только что родился на свет и меня тут же крестили испытанием, всплыл в водах купели-бассейна. Дважды крещенный.

Уже потом, когда эмоциональная лихорадка уступила место трезвому осмыслению ситуации, я понял, что в трубе торпедного аппарата от волнения и страха дышал мелкими глотками. Это не способствовало созданию достаточного разрежения для срабатывания дыхательного автомата, отвечающего за подачу кислородной смеси из баллона в дыхательной мешок. И что получалось? А вот что: дыхательная смесь перенасыщалась углекислым газом, и становилось нечем дышать.

Именно по этой же причине пострадала очередная партия курсантов, находящихся в торпедном аппарате. По вине одного страдальца, запаниковавшего при открытии задней крышки, потоком воды их всех вынесло на палубу, как комок ветоши. Я в числе других, уже прошедших это испытание, смотрел на них где-то со смехом, а где-то и с сочувствием — ведь и сам мог оказаться в таком же состоянии. Другие курсанты, которым только предстояло это испытание, с явным страхом посматривали по сторонам.

Самым интересным занятием в учебно-тренировочной станции было всплытие в огромной металлической башне высотой около двадцати метров. Это упражнение моделировало ситуацию, когда подводная лодка затонула, и личный состав экипажа должен спастись через выходной люк или рубку. В нижней части учебной башни имелось отверстие с тубусом, край которого был опущен в металлическую коробку, до краев заполненную водой. Изолированное помещение под башней — это как бы отсек затонувшей подводной лодки, где давление повышалось до полутора атмосфер, что соответствовало глубине пятнадцати метров.

Происходило это так. Несколько курсантов, одетых в соответствующее снаряжение, находятся в помещении под учебной башней. Один из них включается в дыхательный аппарат ИДА-59, залезает в металлическую коробку с водой, подныривает под тубус,

проходит узкое отверстие выходного люка и производит всплытие. Одно дело описать этот процесс и совсем другое — физически ощутить все прелести всплытия.

Сначала мы всплывали по буйрепу, отсчитывая мусинги. Я преодолел двадцатиметровую глубину, но при выныривании больно ударился головой о буй-вьюшку, к которой крепился верхний конец буйрепа. В нашлемной части гидрокombineзона, которая надевается на голову, имеется лепестковый клапан для стравливания из него излишков воздуха, он приходится на лобовую часть. Этим-то «лепестком» я удачно воткнулся в буй-вьюшку, однако радость всплытия затмило болевое ощущение. На следующем занятии мы выходили без задержек методом свободного всплытия, без буйрепа, только успевай вентилировать легкие и продуваться — выравнивать давление с обеих сторон барабанной перепонки.

На втором курсе мы обратили внимание, что один из матросов Объединенной школы вдруг поседел. То, что он поседел, а не имел такой цвет волос с рождения, для нас было очевидным хотя бы потому, что он был призван на службу из Средней Азии и до этого был черным, как смоль. Так как шила в мешке не утаишь, то скоро выяснилось, что дело произошло на занятиях по легководолазному делу. При всплытии в башне этому бедняге в гидрокостюме начала поступать вода, отчего возникла паника. В полной мере испытал это реальное чувство, он поседел. Хотя поступление воды и было, но на процесс его дыхания это не повлияло. Парню сочувствовали, над ним никто не насмеялся, даже мы, второкурсники, потому что каждый через это прошел, каждый знал, как достается преодоление страха.

Не хочу сказать, что мы шли на занятия в учебно-тренировочную станцию как приговоренные к смерти через утопление. Отнюдь. Во-первых, страх появлялся не всегда, а во-вторых, если и возникал, то в спровоцированной конкретным событием ситуации. Поэтому перед прохождением такого необычного испытания волнение на первых порах было у каждого, а потом мы привыкли.

Ведь каждый себя уже мнил подводником или как минимум

соотносил с этим почетным сословием. Тогда старшие товарищи, воспитывая нас, говорили:

— Если на улице встретишь маленького, пузатенького и лысенького человека, поклонись ему — это подводник.

Под «маленьким» подразумевается, что моряк, обитающий в замкнутом и тесном пространстве, портит себе фигуру, становится сгорбленным. И даже если он высокий, то обстановка подлодки помогает ему «подрости» вниз.

«Пузатенький» — это результат гиподинамии и недостаточной физической активности на подводной лодке, где свобода передвижения ограничена корпусом в сотню метров длиной, а шириной и высотой не более десятка (а на «дизелюхе» и того меньше) метров.

Лысенький — означает, что у человека от долгого пребывания в отсеке, где на него воздействует радиация и он дышит искусственным воздухом с вредными химическими примесями, выпадают волосы.

Впрочем, мы были молодыми и здоровыми, поэтому эти типичные беды подводника, как мы думали, в ближайшее время нас не коснутся, зато будущие почет и уважение нам импонировали заранее.

Наши воспитатели

Можно сказать, что мы — воспитанники героев и просто бывалых подводников.

Так, с ноября 1973 по ноябрь 1974-го года 506-м УКОПП руководил капитан 1-го ранга Иван Романович Дубяга. Это был недюжинный человек. Командуя атомной подводной лодкой «К-115» проекта 627А, он первым в истории Военно-морского флота СССР совершил трансарктический переход по Северному морскому пути с Северного флота на Тихоокеанский. Поход совершался в составе двух атомоходов, в подводном положении. На своей субмарине Иван Романович Дубяга всплыл у мыса Желания, затем недалеко от советской дрейфующей полярной станции «СП-

12» и прибыл в бухту Крашенинникова, что в Петропавловске-Камчатском. Это произошло в 1963 году. За этот переход ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Конечно, черты его характера и уровень профессионализма сказались на традициях учебки, которые он заново сформировал, поэтому курсанты гордились своим выдающимся командиром и во всем подражали ему. Нам взять его опыт не пришлось, зато в наследство достались легенды тех лет, овеянные романтикой и стремлением к подвигу.

Следующие два года 506-й УКОПП возглавлял контр-адмирал Алексей Федорович Надеждин, битый подводник, настоящий крещенный пучиной морской волк. Перед приходом в Отряд он являлся командиром 104-й отдельной бригады строящихся подводных лодок. Мы были наслышаны о том, что Алексей Федорович во время Великой Отечественной войны служил на «малютках» — утлых подводных суденышках. Ему пришлось побывать в сложных переделках: и на глубину он проваливался, и в торпедную атаку вражеского транспорта выходил, и глубинными бомбами его контратаковали. Алексей Федорович был низкого роста, и казался неприметным, скромным, не бросающимся в глаза человеком. По сути, он вместе с нами пришел в Отряд и с нами ушел из него, он нас принял туда и выпустил в Свет.

С октября 1976 года командиром Отряда стал контр-адмирал Сергей Анатольевич Миронов, до этого он командовал 49-й бригадой подлодок на Севере. Тоже невысокого роста, как и полагается подводнику.

В приложении к книге можно ознакомиться со списками Героев Советского Союза, прошедшими обучение в 506 УКОПП и командиров (начальников) Отряда, которые любезно предоставил бывший курсант 46-й группы нашей роты Мавлюд Хамитович Галеев. Наш 506 Учебный Краснознаменный отряд Подводного Плавания им. С. М. Кирова имеет свою замечательную историю.

Заместителем командира УКОПП с 1972 года был капитан 1-го ранга Лев Николаевич Шаболин, который до этого в Ракушке командовал дизель-электрической подводной лодкой «К-91».

Начальником Школы техников был капитан 1-го ранга А. Ведров — высокий, представительный мужчина мощного телосложения со строгим взглядом. Школа техников состояла из четырех рот: третья и четвертая в 1975 году представляли собой первый курс, а первая и вторая — второй. Каждый год роты вместе с курсантами меняли свой курс. Командиром «параллельной» 3-й роты был майор Юрий Арефьев, высокий, полный. Он носил военно-морскую форму с погонами, имевшими два красных просвета. 1-й ротой командовал подтянутый, интеллигентного вида капитан 3-го ранга Б. Ф. Левданский.

Первоначально при формировании первого курса в нашей роте насчитывалось свыше двухсот соискателей звания «мичман». Однако во время подготовки и сдачи экзаменов около тридцати претендентов были отчислены, в основном из-за неуспеваемости и нежелания учиться. Этот отсев оказался самым значительным по численности в четвертой роте. Убыль личного состава за время учебы и в дальнейшем имела место, но уже не такая массовая.

В нашей роте было семь групп с 41-й по 47-ю, в среднем по двадцать пять человек в каждой.

Состав нашей 47-й группы из двадцати восьми курсантов по тем временам был вполне обычным, то есть интернациональным: тринадцать человек (46,4%) были призваны из России, семеро (25%) — из Беларуси, шестеро (21,4%) — с Украины и один (3,6%) из Литвы. Своих земляков назову поименно: Николай Владимирович Черный из Бельничей, Владимир Григорьевич Сыман из Слуцка, Анатолий Арнольдович Кржачковский из Борисова, Виктор Васильевич Шутиков из Гомеля, Леонид Николаевич Станкевич из Барановичей, Александр Зайковский из Воложина. Понимаю, что делать выводы лишь по одной да к тому же небольшой группе некорректно, тем не менее не могу удержаться от простительного хвастовства: каждый четвертый — из Беларуси.

Такая пропорция соблюдалась и в целом по стране, это известный факт — каждый четвертый, а может быть и третий, кто служил в Военно-морском флоте СССР, был призван из нашей

республики. К этому следует добавить, что не менее семидесяти четырех адмиралов, как пишет Долотович Б. Д. в книге «Адмиралы земли белорусской» (Минск, «Беларусь». 2009, с. 8, с. 47) тоже были родом или жили в Беларуси. И после этого у кого-нибудь повернется язык сказать, что Беларусь — сухопутная страна?

Вывод: Беларусь — морская страна, хотя если без шуточек, она может быть таковой только в союзе с Россией, которая имеет выходы к морям и океанам. Без России, увы, многие наши достоинства остаются непроявленными.

Учеба, дежурства...

Ходили мы и в наряды: на первом курсе — дневальными, на втором — уже и дежурными по роте. Заступали в наряд на камбуз, где за всей ротой мыли посуду и целой группой во главе с мичманом Валерием Вожаковым выполняли комплекс кухонных работ. Всю ночь мы чистили картошку для Отряда. А это не менее тысячи молодых прожорливых организмов! От этой работы возникала безнадега и тоскливая мысль: «Чистить — не перечистить эту гору картошки, сидеть здесь — не пересидеть». А утром, словно вызволенные из плена, мы возвращались в помещение роты, мокрые и усталые, с единственным желанием добраться до койки и перехватить хоть часок сна. В этом случае нас освобождали лишь от утренней пробежки, а остальной распорядок жизни роты все равно был для нас обязательным.

Всей группой мы также ходили в караул с индивидуальным оружием — автоматами Калашникова, а мичман Валерий Вожаков — с личным пистолетом Макарова. В нашу бытность ЧП с оружием не происходило, а до нас случалось всякое — произвольные и непроизвольные выстрелы. Один курсант при охране учебного кабинета засекреченной аппаратуры связи устроил горячую встречу сменяющему наряду — из автомата уложил их, а потом и себя.

Заступали и в гарнизонный караул военной комендатуры Ленинграда по ул. Садовой. Там я находился на охране камер-

одинок, наряд у которых у нашего брата был не в почете. Там же нам показали камеру, где сидел Валерий Павлович Чкалов после скандального пролета на самолете под Кировским (Троицким, Равенства) мостом. Видел солдата-недоросля ростом «метр в кепке» и весом «сорок килограммов в сапогах», который сбежал со службы домой, однако, проехавши пол-Сибири, был снят с поезда и на время следствия водворен в комендатуру на Садовой.

Посылали нас в составе военного патруля «утюжить» проспекты культурной столицы. Лично мне из всех нарядов этот нравился больше всего — любил я гулять по городу и с утра до вечера нахаживал без особого передыху несколько десятков километров.

Обычно под предводительством офицера мы с товарищем несли службу на Литейном проспекте, хотя мечталось о Невском и о других достопримечательных местах. Но и на Литейном хватало интересного. Ведь здесь находился Дом офицеров, и в этих нарядах нам приходилось, если можно так выразиться, «опускаться на дно», но без «покладки на грунт» этого довольно милого увеселительного заведения. Под закрытие Дома офицеров нам попадались пьяные и загульные военнослужащие, чаще мичманы.

Иногда нас использовали в качестве почетного караула или похоронной команды. Ленинград вписан в многовековую историю Российского Флота, здесь располагается большое количество учебных военно-морских заведений и учреждений. Поэтому заслуженные моряки доживают здесь свой век, делятся опытом с последователями и рано или поздно уходят из жизни. Для нас было важным непосредственное соприкосновение с мемориальным духом современной флотской истории.

В почетный караул выделялось около десяти курсантов в парадно-выходной форме одежды с автоматами, заряженными холостыми патронами для прощального салюта. Так как в холостых патронах заряд был слабый, то его не хватало, чтобы автоматически перезарядить оружие, и мы каждый раз после выстрела это делали вручную. Обычно салютовали в крематории. При этом для

родственников усопшего салют громыхал настолько неожиданно, что некоторые из них чуть не падали в обморок.

Однажды несколько курсантов было выделено на то, чтобы нести гроб. На такие случаи надевалась повседневная роба синего цвета. Мы привезли покойника в положенное место, и на этом наша миссия была выполнена. Пока продолжались дальнейшие церемониальные действия, мы сидели без дела, а потом пошли осматривать окрестности и слоняться по полю. Оказалось, что оно засеяно морковью. находка нам понравилась. И мы, словно были голодные, накинулись на нее и, как зайцы, начали выдергивать и трескать. Старший нашей команды, командир отделения Игорь Матросов вдруг принялся развивать мысль о том, что пепел из крематория, конечно же, используется для удобрения близлежащих полей, мол, поэтому и морковка уродилась такая сладкая и замечательная. При этом сам пожирал ее с аппетитом, а у меня от игры воображения челюсть отвисла и морковка выпала из рта. Товарищам мой озадаченный вид показался забавным, они веселились и откровенно ржали, расписывали дальше технологию выращивания морковки, добавляя тут же придуманные детали и натуралистические подробности. Мне от этих разговоров стало плохо. А они все смеялись и веселились. Вот так с шутками и прибаутками закончилось это мероприятие.

Кроме нарядов курсантская жизнь изобиловала различными общественно-полезными работами. Они были неожиданными, интересными, тяжелыми, однако всегда вполне посильными. Курсантская среда как губка впитывала в себя все: радости, печали, эмоциональную окраску пережитых событий и впечатления. Особенно запомнились склады Ленинградской военно-морской базы, где хранилось немереное количество и разнообразие стройматериалов. Нам была оказана честь и высокое доверие по перемещению тяжелых и очень неудобных для хвата барабанов с какой-то строительной замазкой. С задачей мы справились, приноровились и без проблем перекидали эти совсем не музыкальные барабаны, куда надо, заодно и мышцы подкачали.

На овощных складах нам также доверяли не менее ответственную, почетную и вкусную работу — там мы грузили ящики с яблоками, мандаринами. Помнится, были китайские, польские и молдавские яблоки, что свидетельствует о больших возможностях интендантской службы флота. Мы так объедались витаминами, что под конец работы даже ленились их чистить. Если кто-нибудь выбирал себе мандаринку, то находился товарищ и, чтобы не обременять себя чисткой плода, как бы невзначай подкатывался и просил:

— Дай и мне, пожалуйста, половинку.

И конечно же, не забывали про своих товарищей, которые в это время занимались пополнением знаний. Завернутые в робу и спрятанные под одеждой фрукты, а также на радость старшине роты кое-что из стройматериалов, мы приносили в Отряд. Уставшие и расслабленные, слегка вялой походкой входили в родную казарму. А наши дорогие старшины тут же милым окриком возвращали нас в реалии службы: “Ну что, караси, нюх потеряли?” или: “У вас, что задницы ракушками обросли?”.

И командовали:

— А ну бегом, в среднем проходе не задерживайся! Последний из бегущих — мой!

Последняя часть фразы подразумевала то, что отставший курсант будет иметь внеочередной наряд на службу или на работу. И вечером, когда все прилежные и расторопные курсанты будут мирно спать в уютных кроватях, ему по благу сыщут неожиданную работу. Нет, не шашки или домино, а более интеллектуальное занятие, например, вычистить тупым лезвием «Нева» урчащий унитаз гальюна или по-домашнему прибраться в казарме. Значит, пока личный состав мирно спал, тебе, как разведчику во вражеском стане, предстояло снова по палубе среди пахнущих носков и гадов с ветошью в руках и тереть ее родимую, тереть, тереть...

На первом курсе у наших старшин продолжительное время было любимое занятие: задать вопрос, сопровождающийся жестом. Обычно он задавался перед получением курсантом какого-то

количества нарядов вне очереди. Задавая свой коронный вопрос, старшина 47-й группы Данилов делал загадочное лицо, будто знал, что проштрафившийся курсант выиграл в лотерею легковой автомобиль «Запорожец»:

— Сколько нарядов вне очереди?

И тут же перед носом проштрафившегося курсанта возникала фигура из двух пальцев, наподобие английской буквы «V». Любой из нас, видя эту фигуру, в соответствии с законами логики отвечал:

— Два наряда.

Тогда наш старшина с видом крупье из казино победно объявлял Джекпот:

— Не два, а пять.

Недоумевающий курсант, не веря привалившему счастью, растеряно уточнял:

— Как это пять?

— А потому что эта не арабская, а римская цифра.

Вот такие нестандартные подходы при решении некоторых служебных вопросов имели место в нашей роте. Не раз наблюдая подобную раздачу приятных новостей, я отвечал на каверзный вопрос, изображая на своем лице неверие в счастье:

— Пять, — надеясь лишить крупье удовольствия порадоваться за ближнего. Тогда он, чтобы не лишать меня сюрприза, тупо предлагал иной вариант:

— А два не хочешь? — и победно озирался по сторонам, призывая окружающих быть свидетелями того, как он поиздевался над своей жертвой.

Увольнения и девушки

Главным и единственным развлечением курсантской жизни являлось увольнение в город, благо это был чудный город, город-герой Ленинград, и здесь было где погулять. Один Эрмитаж чего стоит! Хотя и не часто доводилось, но я с превеликим удовольствием бегал туда. Бесконечные залы с огромным количеством великих картин, с красивой старинной мебелью, с тишиной и чинными

дежурными старушками навевали ощущение благолепия. Очень хотелось знать больше о художниках, создании этих шедевров, но на все не хватало времени. Казалось, вот останется позади учеба, служба — тогда уж начитаюсь вволю.

И все же отмечу, что за два года учебы в Ленинграде мне удалось увидеть достопримечательностей меньше, чем за две недели во время школьных каникул. И это естественно, так как нас отрывал от других вопросов и вел за собой возраст — теперь нас, еще не повзрослевших мужчин, в большей степени интересовали девушки, нежели достопримечательности. Поэтому в увольнении наш народец посещал увеселительные заведения с танцами, а также общежития, населенные женским составом. Особенной популярностью пользовалась пресловутая общага на Детской улице. И чего там только не происходило! Мне думается, что если бы по этому поводу делались заметки, то материала хватило бы на объемную книгу фривольного содержания.

В одной из комнат этого общежития с нашим товарищем произошел незаурядный конфуз. Вдруг всем нам стало известно, что пока он предавался любовным утехам, его подруга ела колбасу. Непонятно? Объясню. Наш товарищ пришел в общежитие, в гости к этой девушке, и по сложившейся традиции тут же занялся с нею любовью, или, говоря современным языком, сексом. А она, вместо того чтобы получать удовольствие, банально трескала колбасу. Уточню. Девушка от любовного процесса не отказалась, просто была увлечена сразу двумя занятиями — совокуплением и поглощением ужина. Хотя не удивительно — тогдашняя колбаса по сравнению с теперешней была куда вкуснее. Но вот в сравнении с сексом... не знаю.

Почему так случилось? Может, спешка вызвана была ее занятостью или сильным голодом? А может, наш друг был так тороплив, что она не успела сказать: «Погоди, дружок! Дай мне, пожалуйста, отобедать»? Понимала моремана.

Гадать не стоит... Мне в этом ничего предосудительного или ненормального не видится. Не всегда удается одним выстрелом

убить двух зайцев. А в этом случае — получилось, ну так порадуемся за проворную девушку. Я не знаю, каким образом это стало достоянием гласности, так как наш товарищ, любовь которого была сыгнорирована в пользу колбасы, болтуном не был. Возможно, это выдумка. А может, кто-то случайно подсмотрел, ведь общежитие — это как проходной двор. Ну а дальше — трудно не поделиться с товарищами пикантной новостью.

Вывод: Трудно быть молодым и сочетать одновременно учебу, расширение общего кругозора, продолжение укрепления своего воспитания и устройство личной жизни. Однако ничего из перечисленного откладывать на потом нельзя. Преуспее тот, кто используют время молодости не на развлечения, а по прямому назначению — на обустройство души и тела со всеми их потребностями в системе мироздания.

Среди курсантов нашего Отряда особой популярностью в плане веселого времяпрепровождения пользовался дворец культуры им. С. М. Кирова на Васильевском острове, а потому посещался с большим воодушевлением. Он был расположен в нескольких автобусных остановках от Отряда. В народе этот дворец известен под названием «мраморный», так как внутри искусно отделан этим камнем. Публика, посещавшая это общественное заведение, была занятной и интересной. Наиболее людным местом всегда оставался длинный танцевальный зал. Примечательным, на мой взгляд, являлся порядок расположения прибывших на танцы гостей. Устанавливалась своеобразная табель о рангах: в левом крыле собирались малолетки, за ними направо — молодежь постарше, дальше — отдыхающие среднего возраста. Особо выделялась правая часть зала, заполненная солидными и пожилыми кавалерами и дамами, с которых, казалось, вместе с пудрой сыплется песок. Наблюдать за разношерстной публикой было интересно. Ранжир и расслоение по возрасту придавали своеобразный колорит и шарм всякое повидавшим ленинградцам. До сих пор хранятся в душе теплые воспоминания о часах, проведенных среди них.

Администрация Дворца культуры не терялась, успешно эксплуатируя своих посетителей. Похоже на шутку, но это так — перед танцами по полу разбрасывалась мастика в виде стружки, которой танцующие в течение вечера натерли паркет до блеска.

Во время перестройки в некоторых кругах возникла озабоченность культурой питания. Речь идет о спиртных напитках. К чему это я, спросите вы? А еще об одном хотелось бы сказать, коли уж критиковать работу наших идеологических наставников.

Как-то в разговоре с приятельницей мы заговорили о времяпрепровождении курсантов военных училищ, ну и будущих мичманов. Речь идет о среде, из которой мог выбрать спутницу жизни будущий офицер, мичман. Моя знакомая была просто в шоке!

— Мальчишки, ушедшие из дому в 18 лет... приобретали опыт там, где девки отдавались и жрали колбасу одновременно. И женились на них. Ужас!!! Я не говорю, что эти девахи — плохие люди. Нет. Я говорю о том, что они не стремились к знаниям, не были духовными личностями... И они заражали высшие эшелоны нашей военной власти мелкотравчатой моралью, накопительством, жлобством, мещанством... всеми нравственными пороками. И при этом выставляли это в достоинство, дескать, как же — мы всего добились самостоятельно. А чего они добились при отсутствии воспитания и образования? Вот откуда начинался развал страны... Ваши воспитатели не дали вам возможности побывать там, где растет и воспитывается достойный вас контингент девушек. Получается, что вы, элита страны, выбирали себе жен из низкопробного материала. Вас не повели туда, куда надо было! Почему???

Получается, что этот вопрос был упущен нашими замполитами. Не скажу, что ничего не делалось. В высших военных училищах проводились культурные вечера с привлечением девушек из медицинских, педагогических, библиотечарских вузов, были прекрасные экскурсии с осмотром достопримечательностей Эрмитажа. Так как это происходило в виде факультативов, то курсанты редко их посещали, так как им было интересней «работать»

по индивидуальному плану. Это по рассказам товарища, который в 70-х годах учился в Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф. Э. Дзержинского, расположенном в здании Адмиралтейства. Понятно, что в каждом училище эту работу налаживали по-своему. В Пушкинском высшем военном инженерном строительном училище в конце 80-х годов ограничивались экскурсиями для отличников, других культурных мероприятий не было, остальные курсанты просто ходили в увольнение.

Это не риторические вопросы, ибо наши судьбы вылились в судьбу всей великой Родины. Получилось, что элита вооруженных сил и даже политическая элита, выбирая себе жен, занижая ту планку общения, на которую их вознесла Родина в профессиональном смысле, предопределила развал нашей страны — СССР. А ведь не за горами и судьба России!

Родня

В увольнении я нередко заходил к тете Наташе, двоюродной маминей сестре по линии отца. Она считала своим долгом хорошенько накормить меня, всегда скучающего по домашней готовке курсанта, и только после этого отпускала в город. А если уезжала в деревню, то инструктировала невестку, чтобы «не дай Бог Алексей не остался голодным». Казарменная пища не нравилась мне, ясное дело, здорового аппетита не придавала, поэтому домашняя еда была праздником.

Тетя Наташа Климова — коренная ленинградка, во время блокады потеряла двоих детей, умерших от голода. Третий, мой троюродный брат Сергей, чудом выжил. Этот спокойный, уравновешенный человек уже тогда являлся для меня живым примером природной тяги и стремления к жизни в самых экстремальных условиях. Нам, тем, кто не видел ужасов войны, трудно представить, что пережили и испытали отцы, матери, дедушки и бабушки в Великую Отечественную войну.

Меня назвали в честь прадедушки Алексея Алексеевича, маминого деда по отцовской линии. Коренной русский человек

из крестьян Тверской губернии, он приехал в деревню Кунилово откуда-то из других мест и купил здесь водяную мельницу, которую затем не хотел отдавать новой власти, за что был арестован. Однако его, человека преклонного возраста, добывавшего хлеб своими руками, с годик подержали где-то вне дома ипустили. Мельницу, конечно, забрали, а заодно корову, плуги, жеребенка... Все ведь не прахом пошло, а влилось в новое народное хозяйство. Прадедущка не осквернил свою душу злом, не осерчал на молодую власть, остался доброжелательным гражданином, пошел работать в колхоз. Для меня он является примером стойкости, образцом правильного мышления, мощной славянской души с ее простотой, добротой, незлобивостью, радушным отношением к миру. Такие люди закладывали в нашей стране тот фундамент, о который впоследствии сломал свой хребет немецкий фашизм. О прадедущке родственники вспоминали с благоговением.

Мой дедушка Петр, мамин отец, умер от крупозного воспаления легких в возрасте двадцати девяти лет, оставив троих детей.

Особо следует сказать о его сыне Андрее, моем дяде. После событий Финской войны часть Выборгских земель отошла к Ленинградской области. Мои крестьянские предки получили там земельные наделы. Когда началась Великая Отечественная война, прадедущка вернулся в Ленинград, а дядя Андрей остался в усадьбе, и в восемнадцатилетнем возрасте (а именно 24.07.1941 года) был призван стрелком в Каннельярвский истребительный батальон (по другим источникам 12-й отдельный батальон 55-й дивизии или армии). Через месяц получил сквозное пулевое ранение правого предплечья, а спустя год умер от ран и истощения. Мама до сих пор с особой теплотой вспоминает брата, которому так и не удалось создать семью.

К началу военных действий моей маме — Ловкачевой Ольге Петровне — едва исполнилось шестнадцать лет. Семья оказалась в оккупации на малой родине — в деревне Кунилово Калининской области. Как я уже сказал, росла она без отца, троих детей

поставила на ноги ее мать, моя бабушка. Эта простая работающая женщина с исконно русским именем Агафья олицетворяет силу духа моих предков.

Глубоко убежден, что каждый из нас должен знать как можно больше о своих корнях. Тогда и в жизни не будешь шарахаться из стороны в сторону. Примечателен факт, что после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, когда в деревнях остались разоренные хозяйства и покалеченные мужики, бабушка Агафья возглавила колхоз. О ее гуманности и справедливости говорит то, что после сдачи государственных заготовок оставшееся зерно она раздала односельчанам. За это чуть не поплатилась свободой, кто-то донес на нее... Но обошлось. Впрочем, я знаю, что так было во многих, многих селах, не любили тогда люди делать друг другу зло. Жили дружно.

А в годы военного лихолетья семья — бабушка Агафья, дядя Женья и моя мама — оказались на оккупированной территории. В откровенных беседах, на которые мама шла не очень охотно, много доводилось слышать о трудностях, лишениях, страхах, голоде, холоде. Плохое люди не любят вспоминать. Например, их дом в 1942 году немцы разобрали на фортификационные укрепления, возводимые для отражения ударов Красной Армии на ржевском направлении. Моим родным довелось жить в бане, а в ней не то что элементарных санитарных условий не было — не было даже печки. Диву даешься — как они выжили!

Всем известно, что фашисты угоняли людей в Германию, где превращали в бесправных рабов. И это в двадцатый век! Моей маме удалось избежать этой участи, так как ее семью прятали в подполе чужие люди. После освобождения она в деревне не осталась, ее направили туда, где молодые руки были наиболее востребованными, — на один из уральских патронных заводов. Тяжелая это была работа, не женская. Да время было такое, что по-другому не получалось. Трудовой подвиг по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, к сожалению, не оценен нами в полной мере.

Вывод: В нашей стране нет человека, семью которого не опалило бы черное пламя войны. Поэтому каждого задевает, когда на Западе, а теперь уже и на постсоветском пространстве, пытаются оболгать Великую Отечественную войну, пересмотреть ее историю и итоги, отнять у наших Отцов и Дедов и присвоить себе Великую Победу над порождением нацизма — немецким фашизмом. Еще живо поколение ветеранов — участников великих битв и боев, которые рассказывают и пишут о том, как ковалась Победа над Германией.

А еще больше остается тех, кому ветераны доверили исповеди о своей жизни, живые свидетели и слушатели их рассказов. Чем дальше мы уходим от тех событий, тем больше узнаем жестокой и суровой правды о них. Подлой и недальновидной является попытка обеления предателей и изменников, перелицовка их в «национальных героев». Не побоюсь назвать племенем ублюдков тех политических деятелей, которые в угоду антисоветским, антирусским интересам и своим корыстным амбициям затеяли опасную игру с историей. Уверен, что каждый из нас не изменит своих взглядов — Победителями в Великой Отечественной войне являются Наши Отцы и Деда, и этого уже никому не вымарать из нашей памяти.

Вечная память погибшим в Великую Отечественную войну! Безмерное уважение и преклонение перед солдатами, тружениками тыла, отстоявшими нормальную жизнь для будущих поколений.

Соученики

Вернемся в наши казармы. Основным и в то же время гарантированным развлечением для курсантов были танцы, которые устраивались в клубе 506 УКОПП по субботам и воскресеньям. На первом курсе туда могли попасть почти все желающие, почти — да не все. На втором — уже все. А вот для прекрасной половины человечества были квоты, которые устанавливались, исходя из наполненности зала. По этой причине командование

Отряда выставляло кордоны, для преодоления которых юные девицы прилагали героические усилия, доходило до скандалов и неприличных разборок. Из-за чего одна весьма симпатичная серьезная девушка сказала мне, что первый и последний раз предприняла культпоход к нам в клуб на танцы.

В качестве образовательных и воспитательных мероприятий отцы-командиры организовывали экскурсии в Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО), Эрмитаж, поездки в Петродворец. Только мне по разным причинам туда попасть не удавалось. Однажды, помню, потому что приехала мама, и я единственный раз за время пребывания в УКОПП получил увольнительную записку на полные сутки. Это увольнение запомнилось на всю жизнь. Первая долгая разлука с мамой придала встрече душещипательности, большей открытости в выражении нежности и привязанности. Встретились мы в домашней обстановке у тети Наташи. А ночью я гулял с девушкой по Ленинграду, пока не развели мосты, была как раз пора белых ночей. Отрезанные Невой от внешнего мира, мы оказались в древнем Питере, веющем на нас романтикой, давней архитектурой и отшумевшей историей. Мысли наши были светлыми и чистыми, нас радовала бесконечность жизни, ощущавшаяся впереди, и будущее казалось разноцветно-радужным.

Вспоминается глупый, подчеркивающий нашу юную бестолковость прикол с шайбами — так мы называли котлеты круглой формы. Второкурсники затеяли соревнование, кто больше их съест. Мы видели, как они подзадоривали товарища, заключившего пари, что он осилит целый бачок этого деликатеса. Сначала еда поглощалась с видимым удовольствием, потом его взгляд начал приобретать паническое выражение. И совсем уж вызывал сострадание, когда он доедал последние котлеты. Закончилось это приключение плачевно, работникам медпункта пришлось приложить немало усилий, чтобы восстановить его здоровье.

В течение двух лет наша рота была бессменным фаворитом в соревновании за получение звания лучшей в Учебном Краснознаменном отряде подводного плавания. Но вот по какому-

то невероятному стечению обстоятельств случился залет одного нерадивого курсанта, и это сорвало дело, мы пролетали мимо. Передовое Красное Знамя было торжественно вручено не нашему командиру, хотя капитан-лейтенант Анатолий Лаврентьевич Дашук был достоин высокой награды как прекрасный человек, хороший воспитатель и отличный командир. Со временем он получил очередное звание капитана 3-го ранга, и его рота стала образцовой. Вот только это было уже в другой жизни, не с нами.

Сначала ребята-одногодки, призванные на флот по достижении совершеннолетия и «забритые в матросы», казались одинаковыми и не отличимыми друг от друга. Со временем каждый стал выделяться характером и какими-то способностями или их отсутствием.

Сразу, конечно, замечался двухметровый Володя Билак, из-за своего гигантского роста он всегда был голодный и сонный, несмотря на законную полуторную порцию питания. Кроме роста у него приметными были и уши, похожие на весла ялика, смешно торчащие в разные стороны. Родом он был с хутора, расположенного в пятидесяти километрах от Львова, — с Западной Украины.

Однажды мичман Вожаков зашел в туалет с целью контроля состояния. Там увидел сидящего на подоконнике, как бы курящего Билака. Но его вид... Вожакову наш великан показался бесформенной рухлядью. И глядя на него, он сказал:

— Это что за ветошь лежит на подоконнике?

Худой и длинный, а главное обмякший Володя в тот момент являл собой мечту старьевщика, но никак не двухметрового гиганта. Он спал!

Вожаков вообще был мастер находить мелкие прегрешения. В другой раз он явился к нам на самостоятельную подготовку в класс. Увидев отдельно взятых курсантов, занятых восстановлением биологической активности после непосильных трудов воинской службы, то есть сном, Вожаков тихо сказал:

— Команда для тех, кто спит, — и тут же рявкнул: — Вста-ать!!!

Это известный прием выявления нарушителей. Застигнутые врасплох, они выдают себя начальству в испекшемся виде.

Из спящих курсантов, резво исполнивших команду, я запомнил только Володю Билака — из-за своего роста он подскочил неуклюже, и это вызвало взрыв смеха. На его ремне нелепо болталась баночка (табуретка), которая, как колокольчик у бычка на шее, была привязана туда непременно подвернувшимся доброжелателем. Уже потом, спустя тридцать лет в содеянном сознался Анатолий Кржачковский. Тяжелым грузом, говорит он, этот поступок лежал на его совести — все годы душа стремилась исповедоваться перед товарищами, чтобы избавиться от юношеского греха...

Однако этот урок Володе впрок не пошел, и он все равно продолжал спать на самостоятельной подготовке и через год снова залетел. Это было на втором курсе в первом учебном корпусе. Там они с Толей Кржачковским поделили в закрепленном за нашей группой торпедном кабинете импровизированные спальные места: верхнюю часть, что была в виде разрезанной торпеды, занял Толик, а нижнюю — Володя. Оба уютненько устроились и мирно дрыхли, пока их не потревожили. С проверкой учебного процесса вошел вечно печальный, как всегда, озабоченный нашей успеваемостью капитан 2-го ранга Соков. При входе старшего офицера последовала громкая команда:

— Смирно!!!

И как уже повелось, сонная братия на эту команду отреагировала своеобразно. Если бы спящие ее не выполнили вообще, а продолжили свое мирное занятие, то все обошлось бы. Однако Толя подумал, что это дежурная шутка, и со своего торпедного яруса нравоучительно произнес на курсантском сленге:

— Хорош звиздеть!

Капитан 2-го ранга Соков, как сказано выше, очень переживавший за весь учебный процесс, а в данном случае конкретно за 47-ю группу, как волшебник перенес оттиск скорби и печали со своего лица на лица Толика и Володи, тем самым передав им часть ответственности за самостоятельную подготовку. Вот так, теперь уже оба, — Билак и Кржачковский были в очередной раз отоварены нарядами вне очереди.

Вывод. Недопустимо манкировать временем, предназначенным для занятий. Соблюдай принцип непрерывного образования. «Учиться, учиться и учиться» — *В. И. Ленин*.

И помни, что «тяжело в ученье — легко в походе»
— *А. В. Суворов*.

По окончании учебы Володя Билак служил на Севере, но как проходила и чем закончилась служба, как сложилась его судьба, я не знал. Однако удивительный факт произошел в 2008 году. В Минске действует клуб подводников, где аккумулируются материалы и сведения о белорусских морях. При сканировании фотографий, переданных бывшим командиром атомной подводной лодки капитаном 1-го ранга Владимиром Николаевичем Ворошниным, я наткнулся на одну, где узнал Билака. Сразу же нахлынули теплые воспоминания. Вот так спустя 32 года нашелся Володя, который в 70-е годы служил на атомной подводной лодке проекта 670М.

В дальнейшем некоторые соученики выделялись из общего числа хорошей учебой — это Гена (Кеша) Корочкин, Слава Черепанов, Николай Черный, Володя Андриюк и Витя Киданов.

Гена Корочкин родом из города Бузулука Оренбургской области. Красавец выше среднего роста, стройный, по характеру добродушный и спокойный, немного замкнутый, верный друг и надежный товарищ. Не помнится, с чьей подачи его прозвали Гешей, а я называл Кешей. Он абсолютно не обижался, о чем и свидетельствует надпись на подаренной фотографии:

«На долгую и добрую память другу Алексе от
Кеши, в дни нашей совместной учебы в УКОППе им.
С. М. Кирова. Пусть такие погоны будут для тебя не
пределом.

г. Ленинград, IV/1976 г.»

Во время учебы мы дружили. А по окончании Школы техников наши дороги разошлись. Геннадий выбрал дальнейшую службу на Северном флоте, а я — на Тихом океане. Позднее я предпринимал попытки найти его. В 1999 году, будучи в служебной командировке

в Управлении внутренних дел Оренбургской области, нашел лишь одного человека с подобными установочными данными, однако... на два года моложе, то есть найти Кешу Корочкина, мне так и не удалось.

Володя Андриюк родом с Украины, невысокий, полноватый, смешливый — неунывающий товарищ с покладистым характером. Кстати, несколько слов в продолжение о наших страхах. Андриюк панически боялся воды и отчаянно просил, чтобы на занятиях при отработке аварийного выхода из подводной лодки через трубу торпедного аппарата его поочередно заменяли Толя Кржачковский или Володя Шилин. Совершалось это за символичную плату, говорят, что водобоязненный курсант и будущий подводник проставлялся в «Перископе». В проставку входил пакет молока с булочкой. Володе проще было нести материальные затраты, чем переступить через страх. Он, оправдывая себя в глазах товарищей, бравировал:

— Я лучше буду ворочать лопатой, чем полезу в торпедный аппарат.

Не знаю, судьба ли сыграла злую шутку, или это было собственное решение, чтобы преодолеть свой страх, но по окончании Школы техников Володя остался в Отряде водолазов в Учебно-тренировочной станции.

Более подробный рассказ о земляке и друге Коле Черном впереди. Тут лишь отмечу, что был он среднего роста, обычного телосложения, широкоскулый. Как водится у добродушных людей, имел круглое лицо. Родом — из Бельничей. Мне были близки и понятны его притягательная солидность и неспешность в быту, скромность, доходящая до застенчивости. И я благодарен судьбе за встречу с ним, за дружбу не только во время учебы, но и на подводной лодке.

Станислав Черепанов, или в курсантской среде просто Слава, был родом из Перми. Росту вымахал выше среднего — такой себе крепкий парень, доброго нрава, комфортный в общении, умеющий расположить к себе товарищей. Во время учебы женился на

ленинградке — замечательной и симпатичной девушке Ирине. По окончании Школы техников служил мичманом в УКОПП, однако что-то там не сложилось, и он ушел. Знаю, что в 1977 году у него родился сын. Нам посчастливилось дважды встретиться, в 1977 и 2003 году, оба раза — в городе, что сблизил нас. Встречи были душевными, теплыми, доверительными, мы с радостью делились новостями об успехах и поражениях. Я искренне порадовался за друга, и тому, что в 2003 году Слава работал в Мариинском театре, и тому, что его юношеская любовь и верность прошли испытание временем в три десятка лет. Сегодня это редкое явление. Их нежные отношения с женой были такими же, как и в юности. А вот сын тревожил его душу.

Особняком стоит Витя Киданов. Отношение к учебе и отдельные поступки выделяли его в курсантской среде. Он хороший парень, отзывчивый, не злопамятный, по жизни не жесткий, в некоторых ситуациях чистосердечный и добрый. Имел место случай, который высветил его понимание службы, отличающееся от неписаных флотских обычаев, традиций, правил.

Полученные теоретические знания закреплялись курсантами школы на трех флотах: Северном, Балтийском и Черноморском. Мужики, которые были с Кидановым в одном экипаже, поведали занятную и поучительную историю. Рассказ характеризовал его неожиданным для нас образом.

Итак. 1975 год. Место действия — Крайний Север. Береговая база подводных лодок. Пора года — поздняя осень. Вечерело. Личный состав экипажа готовится к отбою. В кубрике, в среднем и в боковых проходах, караси шуршали ветошью, мыли палубу. Подгодки их лениво, вполсилы контролировали, блюда важную составляющую боеготовности флота — малую приборку. Годки в Ленинской комнате без особого интереса смотрели по телевизору информационно-политическую программу «Время». Там же находился руководитель практики, капитан 3-го ранга, со звучной фамилией Школа, преподаватель «Минного оружия», опытный офицер сорокалетнего возраста. Курсанты, как более

независимый народ, нежели караси или подгодки, в это время были предоставлены сами себе.

Круглый отличник боевой и политической подготовки курсант Виктор Киданов не спал и не занимался собой, он внимательно следил за офицером. Ждал, когда тот начнет дремать после забот рабочего дня. И вот наступил такой момент, руководитель практики смежил веки и уронил голову. Тотчас Витя Киданов встрепенулся, встал. И, чеканя шаг в тапочках на босу ногу, словно шел «на доклад», приблизился к старшему офицеру, щегольски щелкнул пятками, как каблуками гадюк, прогнулся и со скупой слезой в голосе произнес:

— Товарищ капитан 3-го ранга, разрешите раскидать Вашу коечку?

Уточню, повествование происходило после практики в учебном классе Отряда, где присутствовал весь личный состав 47-й группы. Свидетели рассказа возмутились откровенным угодничеством, подхалимской выходкой товарища. Послышался их возбужденный гомон. Соученики Вити тут же, прямо и нелестно, высказались о его поступке. Мало того что прогнулся, так еще сделал это в неопрятном виде. Нарушение воинского Устава и неписаных правил было совершено с особым цинизмом, заключающимся и в прогибе, и в строевом шаге в тапочках на босу ногу.

Можно предположить, что это шутовство помогло круглому отличнику, труженику на заискивающей ниве «чего изволите» Виктору Киданову получить оценку «отлично» по предмету «Минное оружие» от преподавателя с примечательной фамилией Школа. Эта история получила продолжение при завершении учебы. Случилось так, что мы с Кидановым претендовали на получение красного диплома. Честно скажу — я к этому особо не стремился. А вот для Виктора это было важным.

Пришлось искренне удивиться, когда спустя тридцать четыре года (в 2010 году) при встрече в Борисове Анатолий Кржачковский вспомнил про этот случай. Он, оказывается, был свидетелем, как Киданов отвоевывал место под солнцем, говоря:

— Я лучше Ловкачева знаю минное оружие.

Что важно! — спустя такое продолжительное время даже незапоминаемые люди помнят поведенческие детали. Вот почему говорится: «Береги платье снову, а честь смолоду».

Зачем Виктор сравнивал наши знания? Почему противопоставлял меня себе? Видимо, так он реагировал на мое резко негативное и саркастическое отношение к командиропоклонству, лакейству, что проявлялись в нем. Признаюсь, из-за юношеского максимализма я иногда перегибал палку, задавая тон нашим отношениям. Виктору и без меня доставалось. Судьба распорядилась так, что еще долгие годы мы с ним ходили бок о бок по одним и тем же стежкам-дорожкам, ели хлеб-соль с одного стола, довелось побывать в экстремальных условиях, в которых он вел себя достойным моряком.

А пока в Школе техников мы постигали азы минно-торпедного дела, нас с Виктором даже интервьюировали журналисты отрядной малотиражки на предмет того, что мы оба должны окончить Школу техников с отличием. Самое интересное, что в итоге ни я, ни он не получил красный диплом. И ему даже не помогла отличная оценка по «Минному оружию». Справедлив ли результат в отношении Киданова — не знаю. Про себя могу сказать, что поленился более полно подготовиться к экзамену, а преподаватель, к сожалению, из-за прохладного отношения ко мне не настоял на пересдаче.

За выходку с командиропоклонством товарищи резко изменили отношение к Киданову, и устроили ему обычную в таких случаях обструкцию. Его невзлюбили, над ним откровенно издевались. Каюсь, что в этом деле больше всех преуспел Ваш покорный слуга. Судьба же (а судьба ли?) распорядилась так, что мы попали в один экипаж, да к тому же были связаны служебной зависимостью: Киданов начальником — я подчиненным. Вмешался ли в дело случай или сам Киданов расстарался, известно одному провидению.

Вывод: Береги платье снову, а честь смолоду. Не прибегай к заискиванию и угодничеству.

Всегда есть возможность выразить уважение достойному человеку словами: «Честь имею!»

Из общего ранжира 47-й группы выделялся балагур и повеса Анатолий Кржачковский. Как-то получалось, что в быту он был не в ладах с уставом и воинской дисциплиной. Выше уже упоминался забавный случай во время самостоятельной подготовки.

Толя, мой земляк из Борисова, по характеру простой, веселый и непосредственный парень, очень общительный и контактный, поэтому и его прозвали Сыном. Автором прозвища был мой друг и сообщник по совместным проделкам Володя Шилин.

Однажды на заре курсантской карьеры Толя имел неосторожность в присутствии старшины роты Василия Ивановича оторвать на бушлате пуговицу, которую крутил по дурной привычке. В назидание остальным он за это был наказан образцово-показательным образом. Ему выдали «скромный» наряд — пришить все пуговицы, оторванные на форме, хранящейся в баталерке четвертой роты численностью в двести человек. Пришлось ему, как Золушке, до утра трудиться, а на занятиях отвечать по вопросам изучаемого материала без скидки на бессонную ночь.

Как-то Толя попытался спародировать «баночные беседы» командира роты Анатолия Лаврентьевича Дашука. Вскочил на баночку, а она не пожелала участвовать в политической сатире, испуганно перекосилась и сломалась.

На этот раз Василий Иванович, в силу уже сложившихся «дружеских» отношений с шутником, отнесся к выдаче наряда с гораздо большим тщанием и отеческой заботой. Теперь Толе надлежало отремонтировать все баночки, поломанные четвертой ротой, численность которой с описанного выше случая в меньшую сторону не изменилась, и в подсобке их накопилось немалое количество. Провинившемуся выделили для ремонта один гвоздь и молоток. Зато последовало грозное наставление:

— Как хочешь, так и ремонтируй!

После такого внимательного и заботливого отношения Толя сначала воодушевился, а затем впал в служебную депрессию. Как ни крути — задание выполнять надо, так как игнорирование может повлечь гораздо более крутые меры. Но как его выполнить? Толя в грустной задумчивости почесал репу, и логический ход мыслей направил его стопы к столяру. Дед, исполнявший эту важную и крайне необходимую в Отряде должность, по-отечески отнесся к курсантской Золушке. Видимо, он по совместительству сверх штата исполнял обязанности отрядной феи. Толя подарил доброму старику не пару хрустальных туфелек, а пачку сигарет, и тот за ночь отремонтировал все табуретки, в том числе и ту подлую баночку, которая в самый ответственный момент сломалась.

Наш Сын полка, а точнее 47-й группы, не был глупым балбесом. Просто Анатолия подводил неугомонный темперамент и неусидчивый характер. Более надежного товарища, верного друга, с которым не страшно идти в разведку, трудно сыскать.

Однажды Толя и его друг гуляли с девушками в районе Дворца культуры им. С. М. Кирова и наткнулись на драку. Несколько негров избивали курсанта высшего военно-морского училища. Нападавшие были рослыми и здоровыми бугаями, а наш коллега из «вышки» щуплым и невысоким. Тем более четверо на одного! Наши товарищи, видя вопиющую несправедливость, по сути расправу, вмешались с лучшими намерениями. Они сняли ремни, намотали на руку и пресекли международный конфликт. Негры были аккуратны, как просмоленные шпалы, уложены на асфальт. Это грозило недоразумениями с дружественной африканской страной. Толя, чтобы не опоздать из увольнения, очень торопился и, споткнувшись о бордюрный камень, упал и ушибся. В результате в Отряд не опоздал, но явился с разбитой коленкой и порванной брючиной.

Этим дело не закончилось. В тот же вечер в Отряд наведался военный патруль с попыткой выявить и задержать зачинщиков массовой драки, которая теперь уже, в глазах отдельных товарищей, приобрела статус интернационального скандала. Эти наскоки на

Отряд повторялись несколько раз и были прекращены командиром Алексеем Федоровичем Надеждиным:

— Мои курсанты не дерутся! — сказал он.

И это справедливо. Принуждение к миру гостей, скопом навалившихся на гражданина принимающей страны, называется не дракой, а миротворческой акцией.

После окончания Школы техников Анатолий Кржачковский служил на атомных лодках проекта 667БД на Севере. Со школьной скамьи он дружил с одноклассницей Нелей. За время разлуки чувства их окрепли и переросли в нечто большее. По окончании Школы техников влюбленные поженились, что свидетельствует о высоких душевных качествах Анатолия.

Случайно оказалось, что Неля является родственницей Героя России Владимира Николаевича Дронова, уроженца Бегомля, ныне Докшицкого района, Витебской области. Службу Владимир Николаевич прошел на Северном флоте от курсанта до контр-адмирала. Занимал должности от командира атомной подводной лодки до заместителя командира дивизии. Командир уникальной воинской части: 10-го отряда акванавтов Министерства обороны СССР, затем — Российской Федерации. Участник многих боевых служб, он совершил свыше десяти дальних походов, в том числе в Арктику. Успешно выполнил стрельбу баллистическими ракетами с Северного полюса. Внес большой вклад в освоение новой боевой техники, в разработку новых форм и способов боевого применения атомных ракетных подводных крейсеров стратегического назначения. Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 1996 года за мужество и героизм, проявленные при испытании новой техники, контр-адмиралу Дронову Владимиру Николаевичу присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением знака особого отличия — медали «Золотая Звезда».

Сейчас Анатолий Арнольдович с Нелей Викторовной, детьми и двумя внуками, Павлом и Лешей, живут и трудятся в Борисове. Я растрогался до глубины души, когда узнал, что один из внуков назван в мою честь. Неделю ходил под впечатлением, и чувство признательности переполняло душу.

Коля Плюхин — высокий, стройный, простой, непритязательный, без каких-либо фанатерий парень, родом из старинного города Чаплыгин Липецкой области. Во время учебы звезд с неба не хватало, среди сверстников старался не выделяться. Однако был словоохотливым, тянулся к отличникам, которых уважал настолько, что иногда это казалось заискиванием, примерным поведением в коллективе не отличился. Хотя это не мешало ему пользоваться определенным авторитетом среди курсантов. Впоследствии служил на дизельной подводной лодке Северного флота.

Володя Шилин, родом из Липецка — атлетического телосложения, физически крепкий, с волевым и по-мужски красивым лицом. Он очень нравился женщинам. В журнале по алфавитному списку числился последним, а среди нас был один из первых — самый одаренный и талантливый. В нем ощущалась внутренняя сила, ждавшая своего часа, словно это был джин из бутылки. Имея сильную волю, Володя без труда сдерживался, но иногда, выпуская наружу своего джина, своевольничал. Богом данные таланты проявлялись у него в хорошей дикции, в грамотной речи, которой он пользовался, с юмором рассказывая забавные истории. Веселый хохмач, он сам получал удовольствие от действия, происходящего на СамПо и порой заражался от чужих проказ. Мне кажется, что в этом человеке умер актер, обладающий неординарными способностями: умением управлять чувствами, эмоциями, мимикой, обладающий острым умом и неплохим пониманием людей. Такие одаренные люди в жизни встречаются редко, а некоторые лицедеи и к концу жизни не нарабатывают столько талантов.

Выше описывалась драка с неграми, и ниже следующее может показаться повторением, но из песни слов не выбросишь. Володя Шилин и Толя Кржачковский попали в подобную переделку еще раз. Как-то осенью, уже на втором курсе, незадолго перед выпуском они гуляли с девушками по Гражданскому проспекту. Толя шел впереди, а Володя чуть сзади. В какой-то момент внутреннее чутье заставило Толю обернуться и от увиденного содрогнуться. Три

человека, неожиданно выскочили из подворотни и по непонятным причинам напали на Володю. Более того, один из нападавших успел накинуть удавку на его шею. Толя подбежал к верзиле и нанес сокрушительный удар. В результате друзья положили бандитов на землю, однако Толя получил удар ножом в правое бедро. Теперь уже проблематичным стало возвращение в роту. Товарищам пришлось проявить немалую смекалку, чтобы пройти через КПП.

По окончании Школы техников Володя служил на Севере. Сейчас живет в Липецке.

Леня Станкевич — мой земляк из города Барановичи. Хороший друг и надежный товарищ, однако не коммуникабельный. Зачастую замкнутый и какой-то угловатый. Понимать таких людей не просто. После окончания Школы техников служил где-то на Северном флоте. Сейчас живет в Бобруйске. Через знакомого узнал, что Леня семьей не обзавелся, проживает в общежитии один и тяготеет к выпивке. Контакт с ним установить не удастся.

Володя Катков, родом из города Павлово-на-Оке Горьковской области — невысокий, кряжистый. Вырос без отца, и мать в единственном сыне души не чаяла. По характеру он добрый, отзывчивый, обладает острым умом. В строю обитал на шкентеле, где из низкорослых, но интересных ребят образовалась своя тусовка: Володя Шилин, Валера Сулимов, Витя Житяков, Саша Тутаев и Коля Карпиков. Эта компания «на галерке» отличалась веселой самодостаточностью и независимостью. На шкентеле они могли болтать о чем угодно, даже когда это воспрещалось бдительными наставниками. Одним словом, им постоянно попадало «на орехи». Мишенью их острот служила их же теплая компания. Чаще всего объектом приколов и подначек избирались Коля Карпиков, Саша Мелешкин, реже Витя Житяков.

Однажды Володя после посещения «Перископа», в котором закупил булочек под самую завязку, попал под срочную строевую команду: «Становись!». В строю, да еще при строгом старшине роты — не забалуешь. Быстро справиться в одиночку со стратегическим запасом продуктов и съесть их он не успевал.

Вот ему и пришлось проявить душевную доброту и применить тактику угощения ближайшего окружения. Мероприятие носило конспиративный характер, поэтому Володя прятал кулек в складках шинели на уровне бедра. Желающих получить халявное угощение оказалось больше, чем булочек. Понимая это, каждый стремился стать ближе к Володе, тем самым создавая хаос в строю. Со стороны это выглядело очень смешно, а старшину группы раздражало и нервировало. Казалось бы, непримечательный эпизод, а запомнился на всю жизнь.

Володя Сыман, мой земляк — уроженец города Слуцка. Был он среднего роста, обыкновенного телосложения, по окончании Школы техников служил на многоцелевых атомных ракетных подводных лодках проекта 670М. Демобилизовавшись, работал механиком завода «Эмальпосуда», инженером-конструктором и начальником опытного участка Минского ремонтно-механического завода. Сейчас живет и работает в Слуцке. Женат, имеет прекрасную семью, дочь замужем, учится в вузе. По возможности мы с Володей с удовольствием встречаемся и, как водится, поднимаем рюмки за тех, кто в море.

Саша Зайковский — мой земляк из Воложина, сын председателя колхоза. Несмотря на то что курсанты нашей группы были ровесниками, а Саша родился всего на год раньше, выглядел он старше как минимум на пару-тройку лет. Среднего роста, широкий в кости. Уже тогда его пластика выдавала крестьянское происхождение — вальяжная походка, угловатая фигура, похожая на плуг. Это был хороший товарищ, надежный друг, по мужицкой сметке тяготивший к каптерке и ее нештатному начальнику Котову. Некоторым курсантам в группе это не нравилось, зато он был благодетельствован дополнительной должностью баталера группы. В нем глубоко сидела простонародная жилка. Служил на Севере.

Толя Журавлев — высокого роста, стройный, замкнутый, застенчивый, иногда даже угрюмый, неразговорчивый. Добрейшей души человек.

По окончании Школы техников служил на Северном флоте, в 31-й дивизии подводных лодок, что в Оленьей Губе, на стратегическом ракетоносце проекта 667БД. Вошел в конфликт не то с командиром, не то со старпомом, подвергся необоснованным придирам. Рубанув с плеча, послал их куда подальше. Не помогло. Тогда он отчаялся на безрассудный шаг — в марте прямо с корпуса подводной лодки бросился в воду, с плавающими льдинами и шугой. Проплыл около ста пятидесяти метров в сторону судостроительного завода «Нерпа» до противоположного берега залива Оленья губа, вылез на сушу, отряхнулся и ушел в туман. Обида, нанесенная Анатолию, была несправедливой. Командование, осознавая вину и сглаживая ситуацию, подписало его рапорт об увольнении на гражданку.

Саша Мелешкин, родом из героического Севастополя — среднего роста, застенчивый, худенький, хилого телосложения. Отличный малый — совершенно безвредный (любимая поговорка: «абы тихо»), очень добрый, готовый всегда помочь, никогда не унывал, а наоборот, имел позитивное настроение, приятный в общении. По распределению после учебы в Школе техников попал служить на Северный флот.

Вася Нетименко — стройный украинский хлопец, симпатичный, темноволосый, немногословный, иногда угрюмый, но с подкупающе доброй улыбкой, редко сходящей с уст. Его заветной мечтой было одно: по окончании Школы техников получить отпуск и жениться в своей деревне — на дочке председателя колхоза. Он так и говорил:

— Буду кататься, как сыр в масле.

Вася служил на Северном флоте, со слов однокашников, подружился с зеленым змием. Насчет исполнения морганатической мечты ничего не знаю.

Витя Шутиков, мой земляк из Гомеля — невысокий, в строю группы находился на шкентеле. Совсем недавно позвонил Володя Малашкевич — курсант-одногодка с 3-й роты, и в виде сюрприза выдал номер мобильного телефона Виктора Шутикова. Разумеется, я тут же позвонил, чтобы открыть замечательную флотскую судьбу,

которая отражает сложные процессы распада Советского Союза и стагнации флота. Сложилось так, что Виктор Васильевич Шутиков отдал советскому Военно-морскому флоту, на первый взгляд, немного — четырнадцать лет, однако, его флотской биографии может позавидовать любой офицер и уж точно каждый мичман.

Виктор Васильевич служил на атомных подводных лодках проектов 667БДР и 667БДРМ сначала на Севере, в 13-й дивизии, в Оленьей Губе, затем Северным морским путем в составе экипажа на подводной лодке перешел на Камчатку, в 25-ю дивизию. Виктору кроме тяжелого перехода по Северному ледовитому океану довелось участвовать в известной операции Северного флота под странным названием «Бегемот», когда впервые в мире подводная лодка выстрелила шестнадцатиракетным залпом, выпустив весь боезапас. За эту уникальную операцию, которую не рискнули повторить даже американцы, эти хваленые «спасатели мира», экипаж был представлен к наградам. Однако из-за августовского путча о героях-подводниках и их подвиге забыли. А в 1991 году, когда Советский Союз стал разваливаться, Виктора Васильевича «попросили» с флота, вопреки его желанию.

Сейчас Виктор, человек с героическим прошлым, имея непоседливый и неугомонный характер, трудится на земле. Заслуженный пенсионер не стал зарабатывать политические дивиденды на выдающейся биографии, а продолжает работать простым начальником мехотряда в одном из фермерских хозяйств Чечерского района, Гомельской области.

Валера Сулимов, земляк Володи Шилина, родом из Липецка — невысокий увалень, кряжистый, с угловатой и забавной походкой, плотный крепыш. В народе говорят: будь проще, и люди к тебе потянутся. Так вот это о Валере. Круглолицый, всегда улыбающийся, с ямочками на щеках. Наречен был Гаврилой его же земляком Володей Шилиным. На прозвище не обижался, а даже наоборот — поддерживал шутки по этому поводу. В строю находился на шкентеле, где вместе с Александром Тутаевым, Витей

Шутиковым и Володей Катковым балагурил и веселился.

Запомнился веселый розыгрыш с участием нашего героя. Вечером, когда курсанты отдыхалт, Валера посетил «Перископ». Возвращался оттуда широким шагом, рассекая набегающий поток воздуха. Так он появился в боковом проходе роты, где с одной стороны размещались двухъярусные койки, а с другой — окна. Вышагивая, демонстративно держал перед собой кулек со сладостями, напоминая известного белорусского борца Александра Медведя, который в Мюнхене на Олимпиаде-72 нес флаг сборной команды Советского Союза. Не заметить его было нельзя. Народ потянулся. Но не к факелоносу, а к кульку с аппетитным содержимым. Кто-то из самых резвых стремительным вихрем налетает на Валеру, а тот на глазах у него медленно отправил в рот последнюю не то конфетку, не то печенюку. Кулек, как осенний лист, подхваченный ветром, на мгновение оказался в руках самого шустрого товарища, только там уже ничего не было. Всеобщий стон разочарования потряс стены казармы, удостоверяя факт изощренного издевательства зловредного Сулимова над остальными. А коварный наш товарищ, удовлетворенно улыбнувшись, с детской непосредственностью направился к кровати.

Сейчас Валера живет в Липецке. Имеет двух детей, дочь и сына.

Саша Тутаев, родом из Тулы, — интересная личность, чернявый, худощавый и низкорослый паренек. Весельчак, с развитым чувством юмора. Поначалу производил впечатление приклатненного, однако оно было ошибочным. Наоборот, на него можно было положиться, он никогда не перекладывал ответственность на других. По контракту Саша служил на Северном флоте.

Игорь Смирнов, родом из подмосковного Можайска — низкорослый, щуплый, небогатырского телосложения, а в общем добрый малый. Как и многие из нас, ничем особым не отличался, если не считать того, что раньше всех в нашей группе женился, в первый курсантский отпуск.

Как-то в перекур Игорь сидел на трапе между первым и вторым этажами второго учебного корпуса и вдруг пустился в разглагольствования об интимных подробностях своей первой брачной ночи, словно повредился умом от высоты. Слушатели отреагировали мгновенно. Не успел Игорь выложить до конца детали постельных сцен, как Толя Кржачковский по-простому, по-рабочекрестьянски достал его, сгреб и намял бока. Анатолия поддержал и Володя Катков, подключившись к воспитательному процессу. Не страшно, что двое на одного, в мужском коллективе это бывает, когда всем миром добавляют ума отдельно взятому дураку. Зато этот метод воспитания отличается мгновенным и стойким результатом. Уверен, после такого нравоучения Игорь навсегда понял, что такое семья и жена.

Литовец Йонас Кинчюс, уроженец славного города Вильнюса, — по меркам трехсотлетней давности, тоже мой земляк, а ныне гражданин дальнего зарубежья. Скромный, неприметный, надежный и хороший друг, совсем не жадный, по меткой оценке Толи Кржачковского, «такой не предаст». Высокого роста, стройного телосложения, широкой кости, востроносый, лицом вылитый «Ганс» или «Фриц». Ему бы в фильмах сниматься в роли немецкого солдата. К нам относился ровно, не выказывая превосходства, да и мы особо его не выделяли. Такое понятие, как национальная неприязнь, напрочь отсутствовало в курсантской среде.

Кстати сказать, у нас не в ходу были такие слова, как хохол, бульбаш, жид, чурка и прочие подобные. Йонас по-русски говорил с явно выраженным акцентом, что даже нравилось нам, придавало ему шарм, и не было предметом насмешек со стороны товарищей. Хотя характера он был непростого, хуторского склада — замкнутый и немногословный. Если что-нибудь говорил, то обязательно с хитровой ухмылкой, которая пряталась глубоко в углах губ. При этом пригибал голову, как бы принимая защитную стойку, что выдавало неуверенность и готовность получить по темечку за подкол или подначку.

Саша Молчанов, русский по национальности — выше среднего роста, крепкого телосложения, по характеристике Анатолия Кржачковского, простой и добродушный парень, слегка закомплексованный, а в целом — надежный. Это проявлялось в активном участии в шлюпочной команде. По окончании Школы техников служил на одной лодке с Витей Шутиковым в Оленьей губе, затем след Молчанова потерялся. Говорят, что умер...

Витя Житяков, родом из украинского Житомира — приземистый, спокойный, незаметный парень, себя не выпячивал, однако и в обиду не давал. На несправедливый наезд мог адекватно ответить. Среди товарищей пользовался авторитетом. Впоследствии служил на Северном флоте.

Вот такие мы были одинаковые и вот такие разные...

Преподаватели Школы техников 506-го УКОПП

Преподавательский состав Школы техников 506-го УКОПП соответствовал полному штатному расписанию. Творчески и ответственно относился он к работе, поэтому и учеба наша была интересной, занимательной, под самую ватерлинию заполнена тем, чем живет любая военно-морская учебка. Некоторые фамилии, к сожалению, со временем стерлись из памяти. В основном это были опытные боевые офицеры и только две женщины являлись представителями гражданской системы образования, по электротехнике Татьяна Дмитриевна и по математике Галина Федоровна. Очень интеллигентные и образованные женщины — коренные ленинградки.

Татьяне Дмитриевне Хачатурян в то время было тридцать два года, с мужем она развелась, держала себя в превосходной физической форме, стройной фигурой невольно приковывала внимание курсантских глаз. У нее были черные как смоль волосы, всегда аккуратно уложенные на миловидной головке, а над верхней губой красовался нежный покров растительности, который выдавал страстную и темпераментную натуру. Со слов курсантов известно, что у нее с неким другим преподавателем, капитаном 2-го

ранга, были романтические, а может, правильной сказать, весьма прозаические отношения. Фамилия преподавателя не называется по той простой причине, что он был женат. Оба наставника жили в одном доме, но в разных подъездах. Об их романтических отношениях, свидетельствует рассказ соученика, исполнявшего обязанности оповестителя.

Однажды по Отряду объявили тревогу, и оповестителю поступил приказ вызывать преподавателей. Мой товарищ, будучи ответственным и старательным исполнителем, сначала прибежал по адресу капитана 2-го ранга. Дверь открыла супруга. Она сделала удивленное лицо и сообщила, что муж на суточном дежурстве. Оповеститель понял, что нечаянно «подставил» своего преподавателя и постарался исправить ошибку:

— Я, наверное, ошибся, или в роте напутали.

После этого ринулся в другой подъезд того же дома, к Татьяне Дмитриевне. Там его снова ждал сюрприз, дверь по-хозяйски открыл искомый капитан 2-го ранга, одетый не в обычную форму со знаками различия, а в женский халат своей подруги — нашей преподавательницы.

Не поберегли преподаватели нежной и ранимой психики юного и тогда еще совсем неиспорченного курсанта. В дальнейшем они решили не жалеть нашего несчастного однокашника, так как Татьяна Дмитриевна обратилась с просьбой к командиру 4-й роты Анатолию Лаврентьевичу Дашуку, чтобы ее лично оповещал известный курсант, который имел «нежную душу и ранимую психику».

Галине Федоровне, преподавателю по математике, было за сорок. По характеру она была как добрая мамочка — мягкая и отзывчивая, интеллигентная и тактичная в обращении с курсантами. Ее отношение к нам резко контрастировало с казарменно-казенным отношением мужской половины преподавателей, и поэтому запомнилось. По прошествии стольких лет стыдно и неловко мне за неблагоприятный поступок по отношению к ней. Он будет описан позже, а сейчас прошу замечательного человека: простите меня, пожалуйста, наша милая и дорогая курсантская мама!

Среди остальных выделялся преподаватель, который всегда ходил в гражданском костюме, хоть и имел звание подполковника морской авиации. Невысокого роста, плотный, с лысой и оттого еще более круглой, напоминающей шар, головой. Вел сопромат, строгим он был и взыскательным; считал, что на «пятерку» предмет знает только он. Для некоторых сия дисциплина являла туманную и недоступную планету Сатурн, постичь которую очень тяжело. Для меня же сопромат был не трудным, не тяжелым. Однако когда получил четыре балла, то гордился.

С легкой руки морского подполковника у нас образовалась привычка называть друг друга не курсант, а тарсант, с явным намеком на Тарзана. Эта «фишка» стала популярной среди курсантов и других рот, и даже брашпилей.

Морской подполковник слыл умным мужиком и любителем своеобразного юмора, с оттенком интеллектуальности и учености, он задавал такие замечательные вопросы, которые повергали нас в недоумение или в непреодолимый ступор:

— Товарищ тарсант, что нужно сделать, чтобы залезть на потолок? — Видя, что курсанты являют собой скопище опешивших тарсантов, он тут же отвечал: — А вы, товарищ тарсант, возьмите интеграл.

Правда, с помощью столь замечательного математического знака никто из нас на потолке так и не побывал. Любил поставить курсанта в затруднительное положение, предлагая построить эпюры нагруженной балки.

Насколько он талантливо разбирался в науке, настолько же путался в своих замечательных тарсантах. Чтобы не заблудиться в тарсантских дебрях, ориентировался с использованием доступного средства — списка из учебного журнала. При личном общении он нас идентифицировал исключительно при помощи боевого номера. Если на моем боевом номере выведено «Т-47-13», то он называл меня не по фамилии, а обзывал той самой чертовой дюжиной, под которой спустя восемнадцать лет с момента рождения я был зачислен в 47-ю группу. Тем самым как опытный штурман каждого

из нас отождествлял в прокладываемом курсе движения к свету знаний с географической точкой.

Мои товарищи не терялись, и данное обстоятельство использовали себе на пользу, но исключительно в целях приближения к светочу знаний. Например, Толя Кржачковский не очень стремился постигать сопромат, поэтому вместо него зачет пошел сдавать Кеша Корочкин, предварительно они, естественно, поменялись голландками, а значит, боевыми номерами. И номер удался, уловка не была замечена преподавателем.

Как в любом учебном заведении, независимо от высот парения ученых и неученых мыслей, в Школе техников также были приемы и традиции при сдаче экзаменов и зачетов. В этом деле наша 47-я группа лидирующих позиций не занимала, но и последней не была. Например, перед сдачей экзамена по электротехнике мои сотоварищи распределили между собой билеты, чтобы вытянуть тот заветный, который вызубрен от корки до корки. Я же решил сдавать электротехнику без уловок, по-настоящему и тем самым как бы испытать судьбу. В средней школе суть физических процессов от меня ускользала, была выше моих интеллектуальных возможностей. А тут я пошел первым, отвечал без предварительной подготовки, не стал пользоваться заранее выученным билетом и ... сдал на «отлично». В дальнейшем этот эксперимент сыграл важную роль в моей самооценке, я поверил в собственные силы.

В отношении математики такой уверенности у меня не было, но так как я почувствовал вкус учебы, удовольствие получать оценки выше «тройка», то все чаще стало появляться желание учить ее. Билеты на экзаменах по математике распределились между курсантами по отработанной схеме, я тоже загодя вызубрил «свой», и именно его вытянул. Хотя был уверен, что преподаватель представляет уровень моей подготовки и одним ответом на билет не удовлетворится. Поэтому для закрепления успеха дополнительно подготовился и по остальному материалу. И правильно сделал. Первый дополнительный вопрос Галины Федоровны появился от удивления, что по билету я дал безукоризненный ответ.

Второй родился в результате обескураженности моим ответом на дополнительный трудный вопрос. Третий появился в виде «контрольного выстрела», для закрепления впечатления. Ну а на четвертый вопрос у обескураженного моими правильными ответами преподавателя просто сил не осталось. Поэтому математику я сдал более чем успешно. При подведении итогов экзамена преподаватель отметила:

— Группа сдала экзамен хорошо, как и ожидалось, но удивил Ловкачев. Как он умудрился сдать на «отлично», не понимаю! Видимо, соответственно своей фамилии. Но все равно рада за него.

Как говорилось выше, неловкость от такого ловкачества чувствую до сих пор.

Предмет «Автоматика» у нас вел капитан-лейтенант Вик-тор Антоненко, наш земляк, родом из белорусского города Жоди-но. Он увлеченно отдавался процессу обучения и доходчиво объяснял материал, чем как человек и преподаватель был очень симпатичен нам. Именно поэтому на втором году обучения я написал курсовую работу по теме, относящейся к расчету характеристик мультивибратора. Мультивибратор — это релаксационный генератор электрических колебаний прямоугольного типа. Термин предложен голландским физиком ван дер Полем, так как в спектре мультивибратора присутствует множество гармоник — в отличие от моновибратора, генератора синусоидальных колебаний. Мультивибратор был описан Икклзом и Джорданом в 1918 году.

Также увлеченно преподавал свой предмет «Устройство подводной лодки» («УПЛ») и командир нашей роты Анатолий Лаврентьевич Дашук. По сути нас готовили для службы на дизель-электрических подводных лодках, поэтому мы изучали 641-й проект подлодок. Однако многие минеры, а в нашей роте их было три группы (с 45-й по 47-ю), попали на атомоходы.

Стерлась из памяти фамилия капитан-лейтенанта, читавшего курс лекций «Акустические устройства и неконтактные взрыватели» («АУиНВ»). Был он тридцати пяти лет, невысокого роста, крепкого телосложения. Нам эта дисциплина казалась одной из

самых сложных в минно-торпедном деле. Речь идет о системах, обеспечивающих самонаведение торпед и подрыв их взрывчатого вещества на оптимальном расстоянии от корпуса кораблей и подводных лодок противника. Представьте себе обыкновенную простыню размером, примерно, с классную доску, на которой нарисована принципиальная схема системы самонаведения боевой торпеды. Наверняка, вам приходилось видеть схемы телевизоров. Так вот это почти то же самое, только сложнее.

Яркая эмоциональная речь, фактологически выверенная информация, удачно подобранные примеры, иллюстрирующие работу отдельных узлов аппаратуры, увлеченность в изложении материала — все это явилось подтверждением талантливости нашего преподавателя. Его предмет очень пригодился в дальнейшей службе.

Бывший командир дизельной подводной лодки Краснознаменного Черноморского флота, капитан 2-го ранга Юрий Павлович Колчин преподавал «Радиоэлектронику и импульсную технику» («РЭИТ»). Его манера — он быстро вычитывал лекцию, закруглял ее словами «чтобы у матросов не было вопросов», затем переходил к наиболее интересной части занятий — флотским легендам, байкам, описанию сложившихся традиций. Эта часть лекций — наиболее интересная. Затаив дыхание, подавшись корпусом вперед, мы не пропускали ни единого слова бывалого моремана. С одной стороны, Юрий Павлович лишал удовлетворения пытливый ум, тяготеющий к получению профессиональных знаний, а с другой, — притворным безразличием и даже цинизмом возбуждал живой интерес к флотским традициям, быту, жизни и прививал нам любовь к морю.

Однажды на таком диспуте Юрий Павлович имел неосторожность заговорить о флотской лексике. Тема заинтересовала курсантов, естественно, захотелось узнать побольше подробностей. К величайшему разочарованию, морской волк посмотрел на часы и засобирался уходить, только интригуяще бросил:

— Попадете на флот, там все узнаете.

Может показаться, что преподаватель показал фигу в кармане. Но понятно же, что не было смысла развернуто освещать

специфическую тему. Битый морской волк, понимая это, не стал распространяться и брать на себя ответственность. В естественных условиях морской жизни, когда раскрываются исторические особенности возникновения того или иного слова, человек полнее постигает моряцкий жаргон. Как и более точно раскрывается и понимается морская этика. Запомнилась показательная деталь. Юрий Павлович как-то проговорился, что в личную автомашину «Волга», где сидения покрыты чистыми чехлами, сажают только девушек, одетых в белое. Поистине, это был лощенный эстет и рисующийся повеса.

Благодаря замечательным и прекрасным преподавателям мы уяснили работу узлов и механизмов мин и торпед, находящихся на вооружении, узнали устройство торпедного аппарата, нам стали понятны многие термины, например, такой как «акустическая змейка», почему торпеда при самонаведении на цель идет именно так, а не по-другому. Самым важным было то, что мы почувствовали уверенность в себе, в своих знаниях, понимали, что придем на флот с заделом, который поможет освоить сложнейшую военную технику. Понятно, что на вооружении стояла передовая военная техника, и нам предстояло эксплуатировать ее, с ее помощью обеспечивать защиту Родины.

Любых слов благодарности в адрес преподавателей Школы техников 506-го Учебного Краснознаменного отряда подводного плавания им. С. М. Кирова мало, сколько их ни найди, всего не выразишь. А чтобы быть кратким, подытожу:

Вывод: Изучайте свои способности и стремитесь развить их. Знания и навыки, приобретенные в учебе, не пропадут даром – рано или поздно, прямо или косвенно они пригодятся в жизни.

Праздничные заплывы

Ко Дню Военно-морского флота из курсантов Школы техников формировался сводный отряд (не менее двухсот человек) для показательного заплыва в Неве. За время учебы мне

дважды пришлось принимать участие в подобном торжественном мероприятии. Тогда каждому курсанту выдавался чехол, предназначенный для белой фуражки и переделанный для этого случая под берет. И выдавались разноцветные флажки, которые перед входом в воду заправлялись за резинку трусов. Во время заплыва мы разворачивали их над водой по отдельной команде, создавая картину, которую сами не могли видеть. И конечно, в тот день мы пели песню, ставшую гимном русских военных моряков, — «Врагу не сдастся наш гордый “Варяг”»...

Предварительные тренировки проводились в тихих и спокойных водах Финского залива на плавсредствах 506-го УКОПП. Там мы строим ныряли с деревянного пирса — это пристань на сваях, устроенная перпендикулярно к линии берега.

Любой выезд в город курсантам представлялся приятным и радостным событием. Тем более после отработки отдельных колен своей программы в Финском заливе, когда команду начали вывозить для тренировок на Неву.

Какой русский не слышал про белые ночи в Северной Пальмире? Стоит позавидовать нам, видевшим их. Можно сказать, что нас официально вывозили только для того, чтобы полюбоваться романтической порой, когда на улице как бы день, а улицы пустыньны — лишь редкие пешеходы, из числа навечно очарованных, наслаждаются красотами Ленинграда. Нева в граните... прекрасна и неприступна, но не для нас, сейчас мы с головой окунемся в ее воды. Противоположный берег с характерным силуэтом Кунсткамеры чуть различается, а позади здание Адмиралтейства как бы поддерживает нас, напоминает о славной истории, о том, что тяжело в учении — легко в походе. Правда, задача, ради которой нас вывозили сюда, не оставляла времени побродить по каменной набережной, приблизиться по спуску к воде, присесть на ступеньку и взглядеться в набегающую волну да помечтать о юной спутнице. Но мы успевали оглянуться и насладиться красотами белых ночей, шепнуть друг другу о том, как нам повезло, что мы учимся в Ленинграде.

В первый раз нас привезли на берег у Адмиралтейства. Там мы разделись и какое-то время сидели в крытых тентом машинах, чтобы акклиматизироваться к предутренней прохладе, — в этот час в Ленинграде светло и особенно свежо — затем выгрузились и выдвинулись по ступенькам к воде. И вот послышалась команда:

— Первая шеренга в воду! — Тут же следующие: — Вторая шеренга в воду! Третья шеренга в воду!

Курсанты прыгали в воду молча — без вскриков, ахов, охов.

Даже по прошествии трех десятков лет, стоит кому-нибудь произнести вслух эту команду, как в памяти оживают эмоции и ощущения тех дней. Здесь уместно заметить, что и утренняя команда «Рота, подъем!» также врезается в память на всю жизнь. Последнюю я использовал через несколько лет по окончании службы, чтобы поднять на ноги бывшего военнослужащего, который уже ни на что не реагировал, будучи сильно под шафе. Помогло!

... Наконец поступила команда и для нашей шеренги.

Для сухопутного человека я плавал сносно. Помню, первые самостоятельные гребки «по-собачьи» сделал, когда учился в четвертом классе школы-интерната за чертой Минска. Тогда же в районе деревни Петровщина совершил первый подвиг — в одиночку переплыл малюсенькую речушку, глубина которой превышала мой рост.

Здесь, на Неве я уже чувствовал себя бывалым пловцом. Перед прыжком присмотрелся к прозрачной воде, обратил внимание на дно, отметил, что оно каменистое и неглубокое. Чтобы не поранить ноги, прыгал в длину, при этом стараясь избежать столкновения с пловцом следовавшей за нами шеренги. Однако не все проявили подобную расторопность, по неумению многие прыгали вертикально и, конечно, выходя на горизонтальную прямую, задевали дно и царапали о камни животы и ноги. Но зато как уморно они отряхивались от водорослей после первого нырка!

Самое большое испытание, однако, ждало нас впереди, и оно лишний раз подтвердило — еще не все курсантские страхи

были преодолены. Отойдя вплавь на глубину, курсанты смешили ряды. Чем дальше от берега, тем быстрее скорость течения реки, тем больше это сказывалось на пловцах, поломавших строй, допустивших неразбериху. Они сгруппировались, и это мешало не просто плыть, но даже держаться на воде. Многие впали в панику, беспомощно барахтались, кто-то тихо тонул, а другие, спасая жизнь, хватались руками за соседа и топили его.

Оказавшись в центре массовой паники, я дрогнул. Это была опасная стихия, где легко погибнуть даже отличному пловцу. Но мне вовремя припомнилось, что в таких случаях надо нырять, чтобы избежать захвата испуганного человека. Это приободрило, и я стал даже покрикивать на паникеров, чтобы привести их в чувство. Запомнились круглые от страха глаза Толика Кржачковского, который то скрывался под водой, то выныривал, судорожно хватая воздух, будто совсем не умел плавать.

Слава богу, все обошлось, никто не утонул. Только некоторых товарищей течением снесло вниз, в сторону моста лейтенанта Шмидта. А там предусмотрительно находился шестивесельный ял со спасательной командой. Плохих пловцов оказалось немало, так что спасателям с яла пришлось изрядно потрудиться. Не зря говорят, что первый блин комом. Следующие заплывы проходили более организованно, и ко дню Военно-морского флота наши пловцы достигли мастерства, позволившего им отлично выступить.

Вывод: Не разочаровывайте людей, которые любят свою армию, своих молодых и красивых защитников. Соответствуйте их представлениям о вас, это и вам принесет пользу – заставит подтянуться и поверить в собственные силы.

Боевые корабли, парадно выстроенные на Неве от Дворцового моста до моста лейтенанта Шмидта, являлись эпицентром происходящих событий и представляли взору гостей праздника великолепное зрелище. В 1975 и 1976-м годах наш сводный отряд пловцов с поставленной задачей справился успешно — проплыл как

надо, собственно, так происходит всегда. Зрителям это нравится, кто-то даже слышал вопросы:

— У них там под водой моторчики, что ли?

Наш распорядок дня в дни тренировок круто изменялся: занятия отставались в сторону — ночью мы отшлифовывали свои фигуры, колена и купались, а днем отсыпались. О такой службе можно было только мечтать!

Международные визиты

Будни нашей учебы скрашивались подобными неординарными событиями. Кроме учебы и участия в общественных работах за два года мы пережили несколько визитов вежливости, совершенных иностранными кораблями в нашу страну.

В частности в 1975 году Ленинград посетили два корабля ВМС США — фрегат УРО «Леги» и эсминец УРО «Тэттнол», которые участвовали в праздновании тридцатой годовщины Победы над фашистской Германией. УРО — это серьезное дело, означает оно «управляемое ракетное оружие».

Когда эти корабли были уже на подступах к Кронштадту, мой земляк, командир отделения штурманских радиометристов Александр Зублевский, первым классифицировал их и в нарушение международных соглашений сфотографировал. Американцы заметили блик оптики и пожаловались командованию Балтийского флота, в связи с чем начались разборки на предмет установления личности дерзкого фотографа. Александр сознаваться не спешил, поэтому командование ничем не смогло помочь американцам, зато у нас остались качественные снимки кораблей вероятного противника.

Эти корабли два дня находились в Гавани, а мы, курсанты, стояли в оцеплении.

Что я хочу сказать? Советские люди характеризовались любознательностью, жаждой знаний, равнодушием к разнообразию культурных традиций. Они всегда проявляли интерес к другим народам, их нравам и особенно к тому, что представляло собой антипод нашей духовности, — к потребительским

сообществам. В их быту, в том, что можно назвать субкультурой обывателя, настоящих ценностей-то и не было. А ее зачатки или крупными рассыпанные включения перемешивались с пошлостью, нигилизмом, откровенным крохоборством. Однако многие из нас ездили посмотреть их мир в качестве туристов, и хотели заранее представлять его особенности и типичные внешние черты. В этом смысле здоровый интерес к американцам понятен и оправдан. Мы многое знали по литературе, кино, музыке, по молодежным субкультурам типа хиппи... Но не все.

Конечно, молодежь, во все времена придающая значение внешним эффектам, еще не видящая глубинной сути событий и явлений, увлекалась аляповатостью потребительских брендов. Ее влекли их красочные блестящие упаковки, а также развязность поведения иностранцев, их громкий смех, игнорирование окружающих, казавшиеся бравадой и независимостью. Случалось, подростки принимали за нечто суперменское обыкновенный вызывающий эпатаж, а этику покорителей — за романтику свободных стихий. Опасные это были представления...

К сожалению, мы поняли их пагубность слишком поздно...

На наивном подражательстве подростков и на павлиньих инстинктах части не самой образованной молодежи играли те, кто гнушался работать, — спекулянты, бездельники, лентяи, паразитирующий элемент. Все они, получившие «торгово-экономическое» образование в подворотнях, западали на лейблы с заветной надписью «made in the USA», пытались достать импортный товар и на нем заработать, перепродать втридорога. Они охотились за иностранными туристами, работниками посольств, и, конечно, кораблями и матросами. Появились они и тут.

Знали мы и о провокаторах, что без них редко обходятся массовые мероприятия — как говорится, хоть скабрзность на заборе написать, но они должны были отметиться. Кто-то делал это по глупости и невежеству, другие подражали им, а были и настоящие агенты влияния, гадающие своей стране за деньги. Эти могли устроить даже беспорядки.

Теперь-то уж не секрет — пятая колонна, подкармливаемая западными державами, не сумевшими захватить Советский Союз силой и стремившимися подорвать его изнутри, выращивалась из наших людей, скомпрометировавших себя в моральном плане, и подпитывалась их алчностью и низменными интересами. Сейчас никто не удивляется филиалам разведок, существующим у нас в виде правозащитных организаций и различных фондов. А тогда мало кто знал, что идея хозяйничать своим спецслужбам на нашей территории пришла американцам сразу после войны, и они ее планомерно осуществляли. Тогдашние наши враги по Холодной войне ныне совсем развязали себе руки, стали держаться наглее — подрывная деятельность по развалу России, а также государственных основ и экономики стран на территории постсоветского пространства продолжается. Главный интерес Запада — несметные сокровища нашей бывшей Отчизны, ее природные ресурсы.

Соединение этих трех потоков — любопытных людей, охотников за спекулятивным товаром и провокаторов — могло превратиться в толпу. Отчасти так оно и получилось.

Поэтому для нас, подготовленных к этой работе предварительными инструкциями, совсем не была неожиданностью возникшая давка, настолько живая и живописная, что в первый день под напором толпы из желающих побывать с экскурсией на территории США даже грузовые машины заграждения шли юзом. Мои товарищи рассказывали, что американцы показывали на толпу пальцами, смеялись и с большим воодушевлением фотографировали возникшие беспорядки. Я, в принципе воспитанный мальч, наверное, получил бы там шок, ведь СССР и США находились по разные стороны идеологических баррикад, что очень охлаждало отношение к визитерам — это раз. Во-вторых, наши люди были не такие дикари, чтобы толпиться и переворачивать заградительную технику. Меня спасло то, что в первый день визита американцев к нам я находился на ответственном задании — трудился на военно-морских складах. В этот же день меня в УКОПП навестил мой тренер по вольной

борьбе Ефим Давыдович Кузнец. Было приятно, что дома помнят обо мне. А чего сам не видел, о том судить трудно.

Зато на следующий день я тоже побывал в оцеплении. Ажиотаж со стороны зевак спал, так как ситуацию взяли под контроль. Мы стояли спиной к американским кораблям и лицом к толпе. Вот тут-то я и заметил одного субчика с фотоаппаратом, который направлял его не на корабли, а на судостроительный завод, расположенный немного в стороне. А дальше глаз уже нетрудно выделил из массы людей и других провокаторов, тех самых, о которых нам говорили. Они подогревали толпу, чтобы она живописнее смотрелась на американских снимках. Вот они какие — подстрекатели, агенты влияния! А с виду обыкновенные разгильдяи или активные лоботрясы... Тогда мы мало знали об их разрушительном влиянии, но уже чувствовали, что есть среди нас такая сила. Как пить дать, эти страсти тут созданы были искусственно! Глядя на них, трудно было избавиться от желания взять каждого негодяя за шиворот и отвести куда надо. Знать бы тогда, что через неполных два десятка лет именно эти отбросы доведут страну до развала...

Наших моряков, участвующих в культурном обмене экипажей, кто должен был общаться с визитерами, инструктировали по части бдительности и возможной утечки информации со стороны американцев. Если кто-то из американцев вдруг разоткровенничается, то надо было держать ушки на макушке и не хуже губки впитать в себя, запоминать выпадающие из их уст секреты. Для этого с нашей стороны подбирались моряки со знанием английского языка, а для страховки и на случай возможной раскрутки болтливого американца в разговор должен был вступить присутствующий в группе военный переводчик. Особому отделу во время дружественных визитов работы хватало.

Не менее хлопотным делом для особого отдела представлялась сохранность собственных военных тайн во время ответного визита. Эсминцы «Бойкий» и «Жгучий» посетили американский город Бостон. Наши моряки не были особо посвящены в секреты, однако

моральному облику советского военнослужащего придавалось особенное значение. Кстати, в отличие от нас американские моряки вели себя слишком свободно, демонстрируя преимущества их «демократического» государства. Очевидцы рассказывали, что американцы употребляли спиртные напитки, не всегда соизмеряя свои возможности и не делая поправки на то, что находятся не дома. Впрочем, кто их знает, может специально набирались, чтобы таким тривиальным способом нагадить нам, мол, убирайте за дорогими гостями. А может, для дурного примера.

Если отбросить шутки, то американские моряки оставили приемлемое впечатление. Нам понравилась их форма — красивая и ухоженная. Хороши были белая панاما в качестве головного убора, голландка, брюки, лакированная обувь. Шарму добавлял форменный воротник, похожий на наш, только с двумя звездочками на плечах. Сами моряки имели подтянутый вид, короткую стрижку. Для поддержания дисциплины и порядка у них на борту имела корабельная полиция, вооруженная дубинками. Это и не удивительно, у американцев наемные военные, поэтому в вооруженных силах, в том числе и на флоте, оправдано использование аппарата принуждения. Тогда и подумалось, что американский флот — серьезная организация, где порядок и дисциплина находятся на должной высоте.

Действительно, на флоте все серьезно и мелочей не бывает. Например, наличие на руке обручального кольца. Казалось бы, мелочь, и каждый вправе носить его без оговорок. Ан, нет. На корабле это запрещено, потому что бывали случаи, когда моряк лишился безымянного пальца, зацепившись кольцом за выступающую часть. Опрятный внешний вид, подтянутость, дисциплинированность моряков демонстрируют и характеризуют военно-морские силы любой страны. В сентябре 1975 года в Ленинград приходил учебный барк португальских ВМС «Сагреш». Вид португальских моряков нам не понравился из-за неаккуратных длинноволосых причесок. Также в Ленинград на яхте с официальным визитом прибывала королева Дании вместе с мужем. Очевидцы рассказывали, что Ее Величество высокая и привлекательная дама.

Моему другу Александру Зублевскому, командиру отделения штурманских радиометристов, поступил приказ на несение боевой вахты для своевременного обнаружения и распознавания французского флагмана — крейсера «Кольбер» и сопровождающего сторожевого корабля «Ле Норманн». Благодаря ответственному отношению при изучении и освоении материальной части, постоянным тренировкам Александр стал специалистом 1-го класса и вплоть до конца службы удерживал пальму первенства в соединении. Поэтому со значительным упреждением ему удалось обнаружить и опознать французский флагман, его местоположение и курс. В боевых условиях это чрезвычайно важно — кто первым обнаруживает, тот имеет возможность первым нанести удар на поражение, что зачастую позволяет выиграть сражение. А при встрече иностранных гостей опережение имеет и политическую составляющую. Александр своими знаниями поднял на более высокую ступень престиж советского Военно-морского флота. В виде морального поощрения он получил возможность с близкого расстояния сфотографировать крейсер «Кольбер».

Видели мы и французов, у которых были интересные и красивые, даже утонченные лица, однако отнюдь не спортивным телосложением они портили картину — их кормовая часть тяготеет к женским параметрам, и фигуры грешат мешковатостью. С ними наши курсанты играли в волейбол и баскетбол, и всегда выигрывали.

Вывод: Причастность к великой культуре способ-
на творить чудеса. В контактах с иностранцами мы
чувствовали себя детьми своего народа, посланни-
ками великой Родины, и гордились этим. Это удеся-
терило наши силы, поднимало гражданское самосо-
знание, укрепляло в нас лучшие мужские качества.

Практика на действующем флоте

Перед окончанием первого курса третью и четвертую учебные роты Школы техников отправили на действующий флот для прохождения корабельной практики на подводных лодках. Я решил

пройти практику на Севере, а на втором — стажироваться на Камчатке, чтобы иметь возможность полюбоваться необъятными просторами Родины — Советского Союза. На Севере практику проходил в Видяево, в в/ч 60166, на дизель-электрической подводной лодке 613-го проекта. Этот тип подводной лодки в то время являлся самым массовым, так как их у нас было построено довольно много — 215 штук. Командиром подводной лодки, куда меня прикомандировали, был капитан 2-го ранга Шевцов. Несколько осенних месяцев, проведенных на Севере, запомнились тем, что я узнал дикий холод, неутолимый голод и постоянную усталость. Помню, меня позвали посмотреть на северное сияние, а я не нашел в себе ни физических, ни моральных сил, чтобы выйти на улицу. До сих пор сожалею об этом.

Должен сказать, что Север сам по себе, не считая специфики службы на подводной лодке, — своего рода факультатив выживания в экстремальных условиях, и его выдержать способен не каждый. Здесь мне пришлось научиться спать без тельняшки, хотя первое время от северной холодрыги не спасала и она. Старослужащие жестко отслеживали и заставляли тельняшки снимать. Если к курсантам относились терпимо, то к молодым матросам, только что прибывшим из учебки, — беспощадно. Приятно сознавать, что они, как старшие братья, уделяли нам внимание и прикладывали силы, чтобы закалить нас. Вот такое отношение друг к другу делало нас монолитом.

Однажды экипаж завели мыться в баню. Как положено, разделись и пошли в помывочный зал, а там как назло закончилась горячая вода — вот тебе и испытание.

В экипаже я был прикомандирован к БЧ-3 (минно-торпедная часть). Старшиной команды торпедистов служил мой земляк из Беларуси, невысокого роста, щуплого телосложения, но очень шустрый и подвижный. Дикция его была немного подпорчена скороговоркой, однако запомнился он надежным товарищем, с которым можно ходить не только в разведку. К тому времени он прослужил на флоте уже два с половиной года, поэтому состоял

в годках. Мы подружились и обменялись домашними адресами. Через несколько лет по окончании службы на флоте старшина заезжал в Минск, но я оказывался или в командировке, или в отпуске, и он меня не нашел. По описанию мамы я понял, что это был старшина команды торпедистов с подводной лодки 613-го проекта в/ч 60166.

На практике в очередной раз довелось испытать чувство ледящего страха, только уже на совершенно ином уровне. А дело было так. Утром с экипажем мы пришли на лодку, отвязались от пирса и прямо в бухте начали производить дифферентовку корабля. Поясню: дифферент — это наклон корабля в сторону носа или кормы, следовательно, дифферентовка — это устранение дифферента. Так вот сначала мы погрузились. И замечу, что это было первое в моей жизни погружение на дизельной подводной лодке. У большинства моряков это событие происходит без происшествий, мне же запомнилось на всю жизнь не только торжественностью.

Как будущий минер, я находился в первом торпедном отсеке. И вот только мы приступили к продуванию носовой дифферентовочной цистерны, как прямо со стороны палубы и до самого подволока (то есть по-сухопутному — потолка) в отсек забила сильная струя воды, предпосылок к чему не было. А в отсеке — неопытная зеленая молодежь, четыре человека, из них трое — молодых. Перечислю: ваш покорный слуга — еще совсем зеленый матрос, выпускник учебки, — свежеспеченный лейтенант командир БЧ-3 и один опытный старослужащий, то бишь годок по-флотски, — мой земляк из Беларуси.

В экстремальной обстановке сознание у человека работает по-другому. Происходит моментальная оценка ситуации, затем включаются автоматические навыки, поэтому и говорят: «Не успел подумать, а уже что-то сделал».

Анализ начну с себя. Да, я был напуган и растерян, поэтому сначала впал в ступор и лишь смотрел на струю. В тот момент медленно, как улитка, проползла мысль: «Диаметр струи всего

ничего — пару сантиметров, значит, пока отсек заполнится водой до краев, успеем что-то придумать». Другими словами, сделал самое правильное — самоуспокоился. Глупо получается — стою, тупо и безынициативно люблюсь бьющим фонтаном.

Второй объект, молодой матрос, тоже стоял рядом и изображал соляной столб. Потом, в казарме, как на духу он признался:

— Я подумал, что нам кирдык — мы тонем.

Пришлось только подивиться его лаконизму.

Реакция старослужащего минера оказалась самой адекватной и естественной. По тому, как он действовал, было ясно, что ему это не впервой. Он начал по-деловому заделывать дырку, схватив что-то из подручного материала.

А вот реакция начальника отсека, молодого лейтенанта, оказалась самой забавной и потешной. Сначала он довел себя до паники, инстинктивным прыжком оседлал торпеду нижнего ряда, а чтобы не дай Бог не замочить ноги, машинально их поджал. Следующим его движением, которое я отметил боковым зрением, был вратарский бросок в сторону кормовой переборки. Однако от последнего позорного рывка его удержал вид двух молодых моряков, застывших каменными столбами. Ну и старослужащий, борющийся с поступающей водой. Молодой лейтенант понял, что слегка поторопился и погорячился, его шараханья будут неправильно истолкованы. Тогда он переборол инстинктивное желание выскочить из отсека и, как настоящий голкипер, руководящий обороной своих ворот, перенаправил энергию в сторону «Каштана» — устройства симплексной связи на подводных лодках. Заикающимся и срывающимся голосом доложил на главный командный пост:

— Це-це-центральный! В пе-пе-первый поступает вода...

Вскоре вода в море кончилась, простите — в цистерне, откуда, собственно, и поступала в отсек; а точнее сказать — бьющая струя была перекрыта рукой механика на центральном посту. И на этом исторический инцидент завершился.

Молодому лейтенанту, кое-как оправившемуся от страха, требовалась сатисфакция, поэтому своему подчиненному, еще

более молодому военнослужащему он в назидательной форме начал разъяснять суть происходящего. И говорил о том, что поступление воды в отсека явилось следствием продувания кормовой дифферентовочной цистерны, давление из которой перешло в носовую, откуда и была вырвана пробка.

Наблюдая бесславное поведение командира отсека, я удивлялся, чего это он, вместо того чтобы промолчать, стал словесами разрушать ауру кайфа, установившуюся в отсеке. Тем более уже все, в том числе и молодой матрос, поняли природу происхождения фонтана. Не сумев сдержаться, я начал всячески поддевать «умного» педагога и «бесстрашного» командира. Лейтенант долго терпел подначки, наконец, не выдержал и с обидой в голосе произнес:

— Прекратите издеваться, товарищ курсант!

Мне стало неловко, я понял, что перегнул палку, ведь мы все, кроме годка, испугались по-настоящему, поэтому послушно прикусил язык.

Из этого случая вытекает следующее.

Вывод: В экстремальной ситуации – не паникуй!

Тебя выручит интуиция, говорящая языком твоих знаний и навыков. А чтобы понять его, старайся начинить себя знаниями, освоить побольше навыков и довести их до автоматизма, как таблицу умножения.

На подводной лодке приходилось бывать каждый день. Этому гениальному изобретению человечества, находящемуся в агрессивной среде, какой является морская вода, необходим постоянный уход. Здесь у каждого члена команды имелись персональные участки ответственности по устранению влаги, ржавчины, грязи. И в специально отведенные часы они занимаются покраской металлических частей, надраиванием до блеска медных и латунных деталей. Для нас, пришлых курсантов, также находилась работа, зачастую не самая приятная. Мне годки поручили суриком, красно-оранжевой краской, выкрасить

цистерну огнеприпасов, находящуюся в третьем отсеке. Герметичная цистерна — принадлежность БЧ-3, в ней хранятся боевые и огневые припасы, это снаряды, патроны и т. п., а также запалы, взрыватели, применяемые для подрыва мин, шашек. Для выполнения ответственного задания меня снабдили емкостью с пахучей краской, а к ноге на всякий случай привязали шкерт, тонкий и короткий конец тросика. По-деловому заняв предоставленную во временную аренду нежилую площадь лодки, я приступил к работе. Не помню, сколько времени провел в трудах праведных, однако по истечении определенного времени от паров краски мне в голову ударила дурь. По этому поводу я не беспокоился, так как самочувствие было прекрасным, да и вообще, такого понятия, как токсикомания, тогда не существовало. Заботливые годки, занятые более важными делами, через какое-то время вспомнили обо мне и решили навестить. Помню, как в люк просунулось добродушное лицо, похожее на компьютерный смайлик, и с ехидной вежливостью заинтересовалось:

— Эй, курсант! Как самочувствие? Ты там еще не забалдел?

— Все нормально, — сказал я.

— Вылезай, подыши свежим воздухом, а то совсем одуреешь.

Хоть и оставалось красить немного, но спорить я не стал, внял совету старшего. Вылез на свет божий, вдохнул свежего воздуха, отчего голова закружилась еще больше. Повторный заход в цистерну оказался более кратковременным и уже менее опасным.

Тогда же в Видяево кто-то из сокурсников пригласил меня на экскурсию по дизельной подводной лодке 641-го проекта, устройство которой мы изучали в Школе техников. Это была большая океанская подводная лодка, и я сразу понял, что тут есть с чем сравнить мою лодку, как в рекламе: «Почувствуйте разницу». Я был поражен объемом отсека, куда попал, от его размеров возникла ассоциация, что находишься в спортивном зале. Шесть торпедных аппаратов были размещены вертикально, что действительно впечатляло. Еще не переступив комингса (это высокие стальные пороги возле дверей и люков) переборочного люка, лишь заглянув

в первый отсек из второго, я подумал: «Как же здесь минеры обслуживают торпедные аппараты, особенно верхние? Наверное, лезят наверх по спортивному канату».

Еще помнится вот что — в Видяево проводились соревнования по классической борьбе, в которых участвовал и я, причем не без удовольствия. Ведь на гражданке я занимался вольной борьбой, где можно хватать соперника руками за ноги и работать ногами (делать обвивы, обхваты). Здесь же надо было бороться по правилам классической борьбы, разрешалось делать захваты выше пояса и запрещалось работать ногами. Как видим, правила в этих видах борьбы существенно отличаются. Но меня, молодого курсанта, привлекли к мероприятию, не спрашивая о каких-либо пожеланиях и не вникая в подробности. И я на подсознательном уровне в схватках использовал недопустимые приемы, работал ногами. Судья на ковре постоянно лупил меня по конечностям. И все же из-за нестандартной борьбы я получил поддержку многих болельщиков, тем более что зрители, в том числе и не из нашего экипажа, азартно болели за ... Муху.

Дело в том, что в экипаже, к которому я был прикомандирован, в БЧ-1 (штурманская боевая часть) более двух с половиной лет служил матрос — такой себе морячок среднего роста, интеллигентного вида, холерик по характеру, к которому прилипла кличка Муха. Он пользовался любовью и уважением товарищей. Когда же организаторы соревнований пришли в экипаж записывать кандидатов на участие, то кто-то, исключительно ради смеха, записал Муху, а тот и понятия не имел, что такое борьба. Вот и пришлось мне защищать честь экипажа под его псевдонимом. Не подвел, достойно справился с задачей, результатом послужила похвальная грамота от командира корабля.

Вспомню и мелкие происшествия. Например, там я впервые увидел северную крысу, невероятно мерзкую тварь огромных размеров. Как-то встретился с нею, величиной с упитанного кота, на узкой заснеженной тропинке. От удивления даже растерялся, а она не торопливо, не обращая внимания на человека, прошла наперерез своим курсом. Пришлось уступить дорогу.

Довелось быть участником события, когда весь личный состав базы подводных лодок подняли по боевой тревоге. Экипажи слаженно и быстро заняли боевые посты. Курсанты, как наиболее независимая и, можно сказать, разгильдяйская часть участников, не особо поспешали. Со стороны это выглядело нагло и цинично, некоторые офицеры, обгоняя и на бегу сбивая дыхание с раздражением, бросали нам:

— Совсем оборзели?

— По всему флоту боевая тревога, а шнурки выеживаются!

И как они нас, паршивцев эдаких, ботинками не пинали?! До сих пор удивляюсь их культурному отношению и терпению.

Когда по боевой тревоге все заняли места на постах согласно штатному расписанию, произвели проворачивание оружия и технических средств, провели учения по борьбе за живучесть, в общем, выполнили все необходимые мероприятия, встал вопрос: чем занять личный состав. Пока отбоя по боевой тревоге не последовало, вступило в силу универсальное действие — большая приборка. По этому виду боевой деятельности в ВМФ всегда найдется занятие, тем более работа для курсантов-практикантов. В первом торпедном отсеке годки успешно перепоручили нам наведение порядка под руководством подгодка.

Ну, что тут? Тут у годков хоть большая, хоть малая приборки начинаются с бо-ольшого перекура, а у молодых любой перекур начинается с бо-ольшой приборки. Пользуясь случаем, старослужащие решили подшутить над молодым курсантом. Так тонко организовали дело, что издевки, к разочарованию годков и к своему стыду, я сначала не заметил.

Мне всучили в руки кандейку, черпак литров на пять, и послали за соляром в дизельный отсек. А там годок из механиков с хитроватым выражением лица уже ждал карася. Он, продолжая розыгрыш, говорит:

— Слушай, курсант, чтобы накачать в кандейку солярки, надо маленькой рукояткой кое-что тут подкрутить, — и сует мне железную палку с мой рост величиной.

Залез под настил, показал, куда надо ее вставить, и предупредил, что прокручивать надо аккуратно. Приказали крутить — кручу. Кручу и равнодушно жду команды на прекращение действия. При этом чувствую, что годок чего-то ждет. Не вытерпев моего прилежания, он задал наводящий вопрос:

— Ну, ты хоть понимаешь, что делаешь?

— А что я делаю?

— Ты что, не понимаешь, что крутишь вал гребного винта?

— Нет, не понимаю, я же минер, а не механик. Сказали крутить — кручу, скажут нести — буду нести. Что прикажете, то и стану выполнять, ничего не скажете — ничего делать не буду.

В общем, я разочаровал его. Махнул он рукой, налил дизельного топлива и отправил восвояси со снисходительным наставлением:

— Учи матчасть, курсант!

Признаюсь — урок этот сильно зацепил мое самолюбие. Неохота выглядеть дураком. Вывод был сделан на всю оставшуюся жизнь. Больше в подобные двусмысленные ситуации на флоте я не попадал.

Наконец закончилась приборка. Все сделали как надо, навели в отсеке чистоту и порядок — торпеды на стеллажах блестят, как блестит столовое серебро в доме среднего достатка. Хотя розыгрыш старших не до конца удался, в завершение они похвалили:

— Молодец, курсант, службу понял.

Тогда же я впервые увидел и даже услышал, как прорабатывается реактивный двигатель ракеты, стоящей на вооружении подводной лодки 651-го проекта. Технический осмотр производился на верхней палубе плавмастерской, находящейся рядом с нашей подводной лодкой. Ракета стояла на специальных козлах, и из-за оглушительного рева невозможно было не только разговаривать, но и находиться в радиусе нескольких десятков метров.

После боевой тревоги и окончания работ экипаж ушел на базу, а мы с товарищем настолько устали, что не в силах были преодолеть дорогу до казармы и остались на подводной лодке. В первом

отсеке за трубами торпедных аппаратов нашли проспиртованные батоны белого хлеба, упакованные в герметичные полиэтиленовые пакеты. Плотнo поужинали этим подручным средством, заодно получилось, что отметили ударный труд. Даже и через тридцать с лишним лет при воспоминании об эрзац-пище желудок морщится и вопит от возмущения. Герметичные упаковки были разбросаны где попало по отсекам не просто так. Они являлись составной частью аварийного запаса пищи на случай аварийной ситуации, если моряки окажутся в изоляции от внешнего мира. Употреблять эту пищу рекомендуется после подогрева, а мы заглатывали специфический проспиртованный продукт в холодном виде.

После сытного ужина мы разместились на ночлег в дизельном отсеке, где было тепло и почти уютно. Улеглись на двух больших дизелях, расположенных побортно, которые работали в максимальном режиме несколько часов. Мне не очень повезло — над дизелем был подвешен аварийный брус и я мог спать только на спине или животе. А чтобы поменять положение, надо было по-крабьи выкарабкиваться с дизеля, а потом подлезать обратно. На время сна можно было убрать брус — но я не догадался. За ночь дизели остыли и под утро, не выспавшиеся и замерзшие, мы понуро поплелись на базу, где нас ждала служба.

О причине подъема по боевой тревоге поведали товарищи, проходившие практику на Балтике, когда мы вернулись в Ленинград. Оказывается, тогда был поднят весь Военно-морской флот СССР. А случилось вот что: какой-то серенький, неизвестный замполит В. М. Саблин с подельниками связали командира и пытались угнать корабль за границу. Благодаря поднятой в воздух авиации дезертиры и предатели застопорили ход у территориальных вод Швеции. Этот инцидент в соответствии с идеологическими установками тогда не предавался гласности. Однако, как известно, — ничто не проходит бесследно.

Вывод: Думать, анализировать, сопоставлять полезно всегда, а еще полезнее — делать пра-

вильные выводы. Предатель — явление мерзкое, презираемое также теми, в чьих интересах совершается. Обычно на это идет человек либо глупый, либо уличенный в грешках, на предмет чего его шантажируют и склоняют к еще более постыдному поступку. Предательства не случается с теми, кто живет по совести, по морали, по мужской чести.

Практикантские курьезы

Вместе со мной практику проходили соученики Вася Нетименко и Толя Кржачковский, только они были на дизель-электрической подводной лодке 651-го проекта. В быту ее называли «раскладушка» из-за того, что ракетные пусковые установки при стрельбе приводились там в положение 15-ти градусов.

Толя и Вася с должной ответственностью подошли к изучению материальной части минно-торпедной службы и устройства первого отсека. И так рьяно занимались этим, что судьба не замедлила с наградой. В районе торпедных аппаратов Толя нашел целый клад, причем весьма ценный — по меркам того времени и с учетом дефицитной поры. Сокровище представляло собой герметично запаянную жестяную банку, покрытую толстым слоем ржавчины. Наши герои разумно предположили, что банка имеет не совсем прямое отношение к узлам и механизмам отсека. Василий поначалу не придал значения находке и на вопрос друга:

— Ну, что там?

Перевел разговор в гастрономическую плоскость, ответил:

— Да, картошка какая-нибудь...

Тайна, покрытая не только толстым слоем ржавчины, но и налетом загадочности, приманила пытливые исследовательские умы. Практиканты занялись поисками подручного средства, чтобы проникнуть внутрь. К счастью, на щите с пожарным инвентарем нашлось старое, расклепанное с торца зубило. Василий не ошибся — судьба в этот раз проявила благосклонность. К неопишуемой радости друзей, в ларце (а ларчик просто открывался)

оказалось десять килограммов весьма полезного и ценного для растущих организмов будущих подводников шоколада.

Наверное, готовясь к автономке (дальнему походу), кто-то при погрузке продуктов припрятал в нише носовых торпедных аппаратов банку с шоколадом, а потом про нее забыл.

Позже, хвастаясь, Анатолий так и говорил:

— Мы и на камбуз не ходили.

Эта практика у Анатолия и Василия раскрашена еще одним примечательным эпизодом, который в дальнейшей курсантской жизни обрастал все большими подробностями. Однако, все по порядку...

Курсантам первогодкам доверили доставку из-за бугра (сопки), где размещались склады, важнейшего стратегического материала, обеспечивающего жизнедеятельность подводной лодки, — спирта. Старшим команды назначили молодого мичмана двухлетней выдержки, а добровольцами вызвались идти наши герои. Их путь пролегал по пересеченной местности, был неблизким, климатические условия имели тенденцию к ухудшению, усиливался холодный ветер. Успешно преодолев все препятствия, команда прибыла на склады.

Забегая вперед скажу, что преодолевать препятствия на обратном пути команде пришлось с гораздо большими трудностями.

На складе героям вручили два сорокалитровых бидона (фляги, в каких доярки хранят молоко, называемые молочными бидонами) технического спирта, материал, без которого не обходится поддержание в боевой готовности материальная часть флота. Две фляги на троих — очень много. Одному приходилось идти посередине и нести тяжесть в обеих руках. Как выяснилось, это в определенной мере было удобно, ибо повышало устойчивость. Спирт по химическим свойствам имеет эффект высокой испаряемости. Наши герои эту аксиому проверили сразу же, как только склады скрылись из виду. Ясное дело, физических сил и, что самое главное, решимости для выполнения поручения прибавилось.

Поскольку дорога пролегла по пересеченной местности, то фляги иногда превращались в гордых скакунов, а brave моряки в захватских наездников. И вьюга пофиг... и пурга нипочем...

Заправка флотских систем является сложным организационным и техническим процессом. Всем известно, насколько непросто процесс дозаправки самолетов в воздухе или боевых кораблей на ходу в море, настолько же непростым оказался процесс дозаправки и наших героев. Высококалорийное горючее заливалось через горловины припрятанных фляжек и подавалось в пищеварительные системы. Как истинные патриоты товарищеского братства, друзья помнили о том, что через два дня заканчивается практика и предстоит обратная дорога в Ленинград, дальняя и скучноватая. Процесс заправки мелких емкостей, доставка на базу, обеспечение сохранности продукта, комплектование сухого пайка с последующим превращением в «мокрый» — все это живо обсуждалось до конца нашей учебы в Школе техников.

Вернемся немного назад. По дороге процесс дозаправки происходил с систематической периодичностью, так что старший группы, молодой мичман, чуть ли не превратился в известного всем литературно-исторического героя Ивана Сусанина. Бедолагам пришлось довольно-таки изрядно поплутать между сопками с непосильной ношей.

Можно предположить, с каким облегчением вздохнул старпом, когда увидел запорошенных, заиндевеливших, уставших, еле стоящих на ногах курсантов. Ему и в голову не пришло проверить количество содержимого во флягах. Много передумал старший офицер за время их отсутствия. Рад был, что они вообще вернулись.

Этот трудовой подвиг был совершен в конце корабельной практики, и доблестная группа курсантов в пенаты возвращалась, радуясь жизни и отнюдь не проклиная судьбу, так как дорога была качественно смазана, где спиртом, а где шоколадом. Ехали весело с приключениями и происшествиями.

За время практики на действующих флотах довелось по-настоящему почувствовать: кому суровую снежную осень Севера,

кому ветреную соленую Балтику, кому теплый бархатный климат Черноморья; познать на вкус тяжесть флотской службы и романтику плавания на подводных лодках. Вернувшись в Ленинград, мы делились впечатлениями, новостями, случаями, приколами.

Например, случай в отсеке подводной лодки, когда от искры возникло пламя. Кто-то в панике выскочил, а годок, не растерявшись, снял с головы пилотку, смахнул огонь...

В другом случае на борту произошел пожар, и подводная лодка вернулась на базу с погибшими моряками. Экипаж после аварии не одни сутки находился в море и тела погибших разложились. При их извлечении из прочного корпуса моряку наливали стакан спирта. После выхода из аварийного отсека он трезвел, и перед следующим заходом снова приходилось наливать ему.

А еще рассказали случай про то, как молодого гидроакустика обучали военному делу. Подводная лодка в надводном положении находилась на внешнем рейде, там же на удалении располагались другие корабли. Командир запрашивает обстановку. На связи у аппаратуры, позволяющей прослушать акваторию, находится молодой специалист. Для подстраховки и подсказок ему в ограждение рубки поднялся годок, откуда визуальнo срисовывал обстановку и передавал информацию вниз. Командиру идет подробнейший доклад с перечислением всех возможных параметров первого объекта:

— Цель такая-то, классифицирую так-то. Угол такой-то. Дистанция такая-то.

Видимо, кто-то отвлек или ради прикола годок передал информацию, а командиру репетуется следующее:

— Бортовой номер цели такой-то.

Командир от такого доклада просто оторопел. Ведь какой бы ни была совершенной современной гидроакустическая аппаратура и как бы хорошо она ни работала, но увидеть бортовой номер, начертанный на скуле надводного корабля, невозможно. Гидроакустики цель слышат, а не видят. В итоге командир устроил

радиотехнической службе поучительный разнос за фальсификацию и недобросовестное отношение.

А вот байка о том, как сексуально озабоченный матрос нашел удовлетворение на подводной лодке, находящейся на покраске у заводской стенки.

Внутри прочного корпуса велись работы. Мероприятие важное, так как во время покраски иногда возникают пожары — достаточно искры для воспламенения паров от лаков и красок. Личный состав экипажа к этим работам готовится особенно добросовестно: убираются легковоспламеняющиеся и мешающие предстоящим работам вещи и предметы, ржавые поверхности ошкуриваются, никелированные части и детали снимаются или покрываются бумагой и смазкой... Покрасочные работы обычно выполняет бригада, состоящая из женщин и девушек, а личный состав экипажа следит за качеством и по мере сил оказывает помощь. Вот и нашелся морячок, который девушке-малярше оказал «помощь».

Вопиющий и противоправный акт произошел в неожиданный для девушки-маляра момент, когда она вылезала из торпедного аппарата с зацепившейся за верхний край трубы спецовкой, оголившей ей кормовую часть. Здесь же оказался шустрый морячок, алчущий любовных приключений. При виде открывшейся красоты он не удержался и не растерялся, а наоборот, проявил военноморскую смекалку и осуществил внезапно созревший преступный замысел. А после лихого дела тихо, по-английски исчез в дебрях систем и механизмов чрева субмарины.

Бедная девушка стопы своих рабочих ботинок направила к командиру лодки. Тот, озадаченный чрезвычайным происшествием, построил личный состав для опознания шалуна. Впрочем, оказалось не все так просто.

Малярша, обходя строй, внимательно глядявалась в лица, пытаясь опознать попользовавшегося ею супостата. Представляю, как реагировали члены экипажа, находясь в роли подозреваемых. Хотя, глядя на маляршу, не исключаю, что каждый из них

был занят не сантиментами, а другим: оценивал ее как объект вожделения и мысленно представлял себя на месте разыскиваемого или предполагаемого негодяя. Девушке не удалось опознать его. Командир, не веря в удачу, радуясь, что все обойдется без скандала, на всякий случай и для очистки совести спросил у маляраши:

— Так вы что же, не запомнили лица?

— Как же я могла запомнить, если не видела его, голова-то моя торчала в трубе.

Командир, все еще не веря в удачу, но с расправившей душу надеждой продолжал уточнять:

— Так вы даже и лица не видели?

— Как бы я увидела!? Ведь он пристроился сзади.

Вдохновленный результатом произведенного дознания, командир мысленно радовался, что, видимо, виновника не выявят, а значит, и его не накажут. Эта девушка могла обратиться в военную прокуратуру, и тогда позор несмываемым пятном лег бы на экипаж. Поэтому командир как заправский дознаватель продолжал расспрашивать, чтобы девушка полностью вылила свой гнев и успокоилась:

— Ну, может, вы какие-нибудь приметы запомнили или хоть что-нибудь, что способно нам помочь?

Жертва оживилась, что-то припоминая и тут же выпалила:

— У него ботинки в краске!

Душа командира с почти уже расправленными крыльями вдруг поникла. Пришлось проводить повторный осмотр строя, где любой мог оказаться обвиненным. Впрочем, правосудию не суждено было свершиться... ибо у всех моряков ботинки оказались в краске. Обескураженная и оскорбленная девушка безнадежно махнула рукой на строй моряков и удалилась с обиженным видом.

Вывод: Морские были, флотские легенды на пустом месте не рождаются. Рано или поздно становится известной их подоплека, которая как правило оказывается неизмеримо менее красочной и геройской. На то он и фольклор!

Понятно, что в то время имя негодяя осталось неустановленным, а по собственной инициативе никто не признался. Моряки, конечно же, догадывались, а кто-то и знал его имя. Эта история оказалась хрестоматийной. Случай, ставший легендой, во всех экипажах рассказывался в детальной неизменности, менялось лишь место действия. Каждое подразделение не считало зазорным, а даже, наоборот — за честь перетянуть одеяло совершенного поступка на себя. Трюмные из БЧ-5 утверждали, что это «преступление века» было совершено в их епархии. А минеры рассказывали свою версию.

Первый отпуск

После практики на Севере, где годки-мореманы заставляли нас спать без тельников (тельняшек) и мыться холодной водой, мы закалились так, что в зимний отпуск я поехал в бушлате. Разве можно представить вышагивающего по Минску моряка в шапке-ушанке и шинели? Допустить этого я не мог. Земляки не узнали бы во мне моремана, и тогда хоть помирай от стыда. Минск — сухопутный город, жители называют морем любое рукотворное водохранилище. И я вышивал по улицам родного города в клешах и в бушлате с расстегнутыми верхними пуговицами, с видом матроса-революционера, только перекрещенных патронных лент не хватало.

Военный патруль в Минске встречается редко. А мне «повезло», встретил хоть и сухопутный, но не менее грозный патруль. Нарываться не стал, как положено, приложил ладонь к бескозырке для отдания чести. Однако офицер поглядел на меня с недоверием и подозрением, а поравнявшись, задумчиво нахмурил брови, грозно молвил:

— Товарищ курсант.

Я отметил, что правильно опознан, и порадовался — значит, и среди «сапогов» имеются эрудиты. Хотя про их неосведомленность по матросским кубрикам ходят легенды. Например, где-то в сухопутной глубинке нашей страны к моряку в вечернее время прицепился патруль за то, что он не отдал честь. Не растерявшись, моряк выдал экспромт:

— Согласно Корабельному уставу, после спуска Военно-морского флага честь на флоте не отдают.

Начальник патруля это вранье принял за чистую монету, но в сомнении замешкался, а моремана тем временем и след простыл.

Когда я оказался в похожей ситуации, то предпочел не рисковать и не падать в грязь лицом с позорной доставкой в местную комендатуру. Старший патруля хотел тоже выглядеть достойно в извечном поединке между «сапогами» и «шнурками», в старом, как мир, споре кошки с собакой. Предметом разбирательства стал элемент курсантской формы. Офицер, как адвокат, ломающий голову над составлением гражданского иска, испытывал затруднение в подборе нужного термина. Словарный запас у него был не то чтобы ограниченным, а скорее недостаточным. Делая обвивающий шею жест, он бубнел:

— А где ваш... ваше... это... как его? Ну, вы сами знаете что! Так где оно?

Видя его неуверенность и некоторую несостоятельность, я почувствовал превосходство. Не желая давать пощады (нас учили бескомпромиссной борьбе с врагом), участливо, будто собираясь помочь, спросил:

— Извините за непонимание, чево я знаю?

Было смешно и весело. Капитан, ткнув указующим перстом в грудь, намекал на обычный предмет с простым названием — галстук. Он хотел сделать замечание по поводу отсутствия матросского галстука. Мне же только и оставалось тупо демонстрировать непонимание, подавляя накатывающий смех. Вот так, не понятые друг другом, мы и разошлись, как в море корабли.

Вывод: Цените юмор. Он способствует хорошему настроению и продлевает жизнь. А выйти с помощью смешной выдумки и юмора из затруднительной ситуации сам Бог велел.

Первый отпуск запомнился домашним уютом, который раньше не ценился, теплом маминой заботы. По доброй памяти я зашел

к тренеру по вольной борьбе Ефиму Давыдовичу Кузнецу, а тут как раз проходил чемпионат города. Ефим Давыдович предложил поучаствовать в соревнованиях. Не отказался, решил проверить спортивную форму. Как положено, прошел процедуру взвешивания. По жребию судьбы первую схватку пришлось бороться с другом детства Сергеем Титовым. Интрига заключалась в нашем с Сергеем негласном соперничестве. Раньше было как? На тренировках делить было нечего, так как на ковре добросовестно в поте лица пахали, а на соревнованиях в поединке Сергей проиграл. Зато в этот раз он с легкостью взял реванш. Я не тренировался более года, значит, дальше участвовать в соревнованиях не имело смысла. Стало ясно, что спортивная форма уже не та.

Игры в «демократию»

Понюхав моря на практике и почувствовав вольницу в отпуске, мы считали себя если не морскими волками, то мореманами уж точно. Наши задницы обросли ракушками, а море стало по колено, и не успевший опереться молодой потерял и нюх и страх. В самой передовой роте Отряда начали пробиваться ростки «демократии».

В начале января 1976 года командование Отряда ограничило увольнение в город. Причина оказалась достаточно серьезной, так как назревала драка с выпускниками Объединенной школы. Вроде бы пустяк, но не для заматеревших второкурсников. По казарме прокатилось недовольство, а среди личного состава началось брожение. Тогда, чтобы поставить на место зарвавшихся юнцов, отменили и танцы. Нам бы на этом свой демарш и прекратить, однако — неслыханное дело — рота, претендующая на получение переходящего Красного Знамени, в полном составе отказалась от приема пищи. А обед, как назло оказался самым что ни наесть классным! Жирный наваристый борщ по-флотски, сваренный на бульоне от настоящего качественного мяса, своими ароматами щекотал ноздри, соблазнительный винегрет возбуждал аппетит, тихоокеанская селедочка (теперь такой уж нет) вышибала слюну, сервировку стола завершал бачок с зажаристыми шайбами

(котлетами), лежащими поверх рассыпчатой гречки. И все же танцы были важнее — личный состав, роняя слюну, к яствам не притронулся. Дело принципа — дело чести. Тем более нашему примеру последовали и второкурсники 3-й роты.

Володя Романов, Саша Муспан, Валентин Погуляй, Саша Шумаков, Витя Егоров являлись членами танцевального коллектива. Полюбоваться на них и танцевать с ними в УКОППовский клуб регулярно приходили стройные и фигуристые девчонки с местной ниткопрядильной фабрики. Танцевальные пары репетировали и даже выступали на конкурсе Ленинградской военно-морской базы. Шутка ли такое дело? Курсанты-кавалеры старались не пропускать «свидания» на сцене, чтобы не упустить случая лишний раз прикоснуться к упругому девичьему телу.

И вот группа возбужденных и краснощеких танцоров прямо с репетиции влетает на камбуз. Схватившись за чумички, чтобы вкусно отобедать, вдруг обнаруживают пустые столы с нетронутой пищей, вспоминают ситуацию и вовремя откладывают в сторону шанцевый инструмент. Замполит Климантов, выполняя свою работу, вежливыми уговорами и нежными увещеваниями пытался надавить на опоздавших курсантов. Не получилось. Танцоры от основного коллектива не отбились и бунтарей поддержали. Честь и совесть 4-й роты, наш скромный и честный, застенчивый и порядочный комсорг Кудинов, ему-то одному непокорная рота и делегировала полномочия по приему пищи. Курсанты с завистью и с жалостью смотрели на совестливого комсомольского вожака, который без особого рвения сражался с обедом. Все понимали, что ему претила роль ренегата и штрейкбрехера. Но ему иначе нельзя было!

Досталось и командиру роты, которого пригласили на ковер к начальнику Отряда. Боевой адмирал даже не предполагал, что ему когда-нибудь придется «воевать» со своими курсантами, и из-за чего — из-за бабских юбок! Позор! Выглядел он хмурым и потерянным, а взгляд выдавал сосредоточенность и озадаченность. Состоялся жесткий нелицеприятный разговор с громами и молниями

на голову несчастного и ни в чем неповинного Дашука. На построение он пришел поникшим и понурым. Впервые Анатолий Лаврентьевич не стал забираться на излюбленную трибуну-баночку, и речь его не вдохновляла и не зажигала нас.

На общем собрании ротные начальники клеймили подчиненных бунтарей. Климантов проявил замполитовское красноречие, сравнил нас с твердолобыми баранами, которые вслед за безмозглым вожакom бросились в реку. Комсорг вынужденно исполнил свою незавидную номенклатурную обязанность — осудил нас и нашу бузу. А вечером по Отряду прошелестел слухок, что курсанты 4-й свободолобивой роты оказались героями жареных новостей вражьего «Голоса Америки» — доигрались. Это уже никуда не годилось. Что же мы, неужели будем проявлять непонимание ситуации и лить воду на чужие мельницы?

Да и командование Отряда пошло на уступки. Разрешили увольнение в город и танцы в клубе. Переходящего Красного Знамени нам было не видать, как своих ушей. С одной стороны, мы отстаивали свои права, чему были несказанно рады. С другой стороны, потом было стыдно — глупым поступком в одночасье лишились уважения боевого адмирала. И дали врагам нашей Родины повод злорадствовать и чернить наш народ. Такой ценой растить свои амбиции мы не хотели бы, тем более что на них никто не покушался и старшие проявляли принципиальность для нашей же пользы.

Новый куратор

На втором курсе куратором 47-й группы был назначен капитан 1-го ранга Лемаев. Мы же в шутку, на манер пансионатных благородных девиц, называли его «классной дамой». Почему так нам придумалось, не знаю. А был это интереснейший человек и превосходный моряк. Среди своих воспитанников пользовался любовью и уважением.

Если в известном смысле преподавателя математики Галину Федоровну можно было назвать «мамой» группы, то капитана 1-го

ранга Лемаева — отцом. Он был строгим. Однако душевность, свойственная шестидесятилетнему человеку, мудрость и доброта, казались нам милыми и сердечными. Седой интеллигент, прошедший горнило самой страшной в истории человечества трагедии, ветеран Великой Отечественной войны, он относился к будущим мичманам с пониманием, действительно по-отечески.

А к себе и своей роли в нашей жизни — с предельной ответственностью. Ни одно политзанятие не прошло для нас бесследно. Его качества, закаленные суровой военной жизнью, и его знания, проверенные временем и служением народу, — все это в сумме делало уроки увлекательными в плане патриотического воспитания нашего отношения к Родине и избранной профессии. Запомнились его рассказы о боях с японцами на Курильских островах в 1945 году, об освобождении островов Кунашир, Парамушир... И каждому особенно приятна была простая похвала такого человека. Однажды автору этих строк после полемики на политзанятиях довелось услышать из его уст:

— Вы прямо эрудит, — я гордился этим.

Услышать такое из уст ветерана войны — это было наградой и от нахлынувших чувств благодарности захотелось от души выкрикнуть:

— Служу Советскому Союзу!!!

Больше всего запомнился урок и наставление, когда Лемаев советовал не жаловаться на моряков и по пустякам не «закладывать» их командирам:

— С матросами всегда разбирайтесь сами. Исключением может быть ситуация, когда кто-то из них вышел из-под контроля.

Вывод: Спасибо нашим прекрасным воспитателям за их самоотдачу, честность и душевное тепло, за доверие к нам, веру в нас. Это делало нас мужчинами.

Новые приключения моремана

И опять 25 июля 1976 года праздновался день Военно-морского флота. Для участия в праздничных мероприятиях в Ленинград прибыли иностранные корабли. Два из Германской демократической республики (ГДР) и три — из Польской народной республики (ПНР). Пять боевых кораблей пришвартовалось к стенке набережной лейтенанта Шмидта. Показательным явился тот факт, что флагманом немецкого отряда считался большой десантный корабль (БДК) советской постройки. А флагманом польского отряда — эсминец «Варшава». В 1970 году бывший советский корабль «Справедливый» проекта 56-А был переименован в «Warszawa» и передан военно-морским силам Польши. Это были по сути наши корабли, предмет нашей гордости.

Заморские корабли простояли у стенки Невы несколько дней. Выходя в увольнение, мы ими любовались. Как-то на набережной я встретил группу подвыпивших немецких матросов. Один из них с энтузиазмом и пьяным радушием стал приглашать меня в компанию. Германец несколько раз произносил одно и то же слово, перемежая его непонятными междометиями. Запомнилась фраза:

— О-о, стармо-оз! Стармоз! Стармо-оз...!

Он с видимым удовольствием произносил это слово, чувствовалось, что смакует его. Тогда у меня на погонах под курсантским якорем красовались две полоски золоченого шеврона. Получилось, что под руку радушному немцу подвернулся курсант со званием старшина второй статьи, выговорить полное звание немец не мог. Вот и кричал странное слово. Включив все богатство мимики, он приглашал попить с ними пива. Польщенный приглашением, но памятуя наказ командиров — в увольнении «ни-ни!», я вежливо отказался. Удаляясь в сторону Отряда, долго еще слышал вслед слово из военно-морского сленга чужестранца «стармо-оз!».

В последней декаде июля меня с земляком Анатолием Кржачковским назначили помощниками дежурных по обеспечению визита иностранных кораблей: его — немецких, меня — польских.

Нашими начальниками стали капитаны 3-го ранга Василий Школа и Игорь Горский.

Службу мы несли на дебаркадере, находящемся недалеко от гостей. Любой визит иностранных кораблей всегда вызывал здоровый или не очень здоровый интерес у жителей и гостей города, поэтому на набережной лейтенанта Шмидта постоянно толпился народ. Дочка старшего по наряду Игоря Георгиевича Горского с подругой также приходила смотреть на военные корабли, заодно побывала на рабочем месте отца — дебаркадере. Позднее Игорь Георгиевич в шутовом тоне признался, что мы с Анатолием имели честь понравиться девушкам. Вместе с военными для обеспечения мероприятий привлекались подразделения органов внутренних дел. Я заметил, что Игорь Георгиевич за руку поздоровался и накоротке разговаривал с подполковником милиции, который являлся его однокашником. Тогда же мелькнула мысль: старт в карьере одинаковый, а результат не в пользу моряка.

Вечером, когда страсти улеглись, Толя присел к столу, чтобы почитать книжку Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Увлечшись и живя приключениями героев книги, он не сразу почувствовал на плече чужую руку, но, обнаружив ее, подумал, что это я допустил возмутительную фамильярность, поэтому по-дружески со всей доброжелательностью и душевностью предложил:

— А пошел ты на...!

Сердечный посыл, когда не хотят отвлекаться от важного дела. Однако Толин посыл оказался не по адресу, так как под раздачу попал немец. Известно, что хорошо для русского, то смерть для немца. Обнаружив это, Толя сильно озадачился, лицо вытянулось, а челюсть отвалилась в раскрытую книгу. Ситуация усугублялась тем, что немец оказался переводчиком и уловил сказанное. Как опытный дипломат, он мило улыбнулся и по-русски с пониманием ситуации ответил:

— Бывает...

Тогда же с наступлением ночи старшие офицеры, как положено, разделились и легли на матрасы, расстеленные на полу и укрытые

белыми простынями. Под чуткой охраной помощников уснули. Мы с Анатолием, порадовавшись за отцов-командиров, тоже не растерялись, сидя за столом, прикорнули, как бедные родственники. А ночью нас всех самым бесцеремонным образом потревожили. Резко распахнулась дверь, и в помещение стремительной походкой, некультурно, так как без стука, ворвался со свитой незнакомый контр-адмирал. Мы с Анатолием, одетые по форме, вытянулись по струнке.

Совсем по-другому явили себя Горский и Школа. Не растерявшись, приняли строевую стойку «смирно» в трусах и майках, босиком, каждый на своем матрасе, и браво доложили адмиралу обстановку. Зрелище улетное! Контр-адмирал, приняв доклад и не обращая внимания на вид обескураженных офицеров, резко сорвался с места и помчался дальше. Странно, что он не обратил внимания на нештатное состояние офицеров. Может, высокому гостю стало неудобно за то, что потревожил сонное царство, а может, ворвавшись без стука, устыдился?

Следующий день омрачился неприятным событием. На набережную, чтобы посмотреть припаркованные иномарки, пришла моя подружка Галя. Мы стояли напротив германского корабля, и я, довольный и счастливый, небрежно положил руку на ее плечо. Моя нарукавная повязка «рцы» хорошо выделялась на ее фоне. Объясню: «рцы» — это название буквы «Р» в старом, дореволюционном алфавите, в Военно-морском флоте существует традиция пользоваться именно им. В данном случае такая повязка означала, что военнослужащий находится при исполнении обязанностей вахтенного. Вот я и светился с этой буквой на глазах у публики, обнимая девушку, вместо того, чтобы нести вахту. Естественно, это нарушение не прошло незамеченным — праздничное радушие и романтическое настроение испортил подошедший морячок:

— Товарищ старшина второй статьи, вас приглашает капитан первого ранга пройти на немецкий корабль, — сказал он.

Несмотря на ласкаемое слух обращение по званию, да еще и на «вы», я понял, что сие приглашение перенести на более удобное время не получится.

Сердце в нехорошем предчувствии сначала сжалось, а затем холодной ледышкой бултыхнулось куда-то в низ живота. Вдруг захотелось, чтобы этот корабль тут же у стенки, вместе с пока еще незнакомым капитаном 1-го ранга пошел на дно. Желанием идти и с кем-то знакомиться я не горел. От нехорошего предчувствия ноги сделались ватными.

Нехотя, не тешась мыслями, что такого героя, как я, там ждет награда, на глазах у столпившихся на набережной людей, с поникшей головой и в сопровождении неотступно следовавшего матроса, я поднялся по трапу на корабль союзников и вошел в ходовую рубку.

В просторном помещении находились и немецкие офицеры, причем один из них сидел в командирском кресле и хитро улыбался. Он посматривал на меня и ожидал чего-то интересного. А наш соотечественник, капитан 1-го ранга, тут же принялся чистить бравого курсанта, словно я был ржавый и неухоженный чайник. Рот раскрывать в оправдание не полагалось, да и что можно сказать... Посрамленный и униженный, я не знал куда деться от стыда, готов был бежать и прыгать за борт. А капитан 1-го ранга, не жалел красок, рисовал перспективы моего ближайшего будущего, о котором минуту назад нельзя было и подумать:

— Ты-ы! Мальчишка в форме советского моряка — позор Военно-морского флота СССР. Дойти до такого, чтобы в городе, колыбели трех революций, на виду, можно сказать, у всей мировой общественности раздевать какую-то б.... — он передохнул и продолжил: — Сейчас же вызову машину и под конвоем водворю тебя в комендатуру. В тишине гауптвахты у тебя будет время подумать о своем вызывающем, развязном поведении.

Слушая нравоучения капитана 1-го ранга, я сам возмутился проявленными качествами: испорченностью, разнузданностью,

цинизмом — и, получив по заслугам, стал настраиваться на другую жизнь. Моя почетная вахта, подумал я, переходит в другую фазу и через минуту начнется служба совершенно иного рода и в другом месте. Камерный номер гостиничного комплекса под названием «Комендатура на улице Садовой» забронирован для меня, а безукоризненно вышколенная прислуга во главе с метрдотелем-комендантом нетерпеливо ждет важную особу-арестанта...

Не знаю, сколько времени длилось это избиение, оно показалось бесконечным. Но вот обвинительная речь подошла к концу, и последовал последний вопрос, который был логическим завершением инцидента:

— Кто старший наряда?

Себе неприятности обеспечил и под расправу подвожу старшего наряда — ужас! Но запирается было бессмысленно:

— Капитан 3-го ранга Горский.

Наконец, я был отпущен — низко павшим в глазах германской военно-морской элиты. В полной мере я ощутил, что такое позор. Международный. В подавленном состоянии вернулся на дебаркадер и увидел рванувшуюся навстречу подружку. Как некстати... И сдуру я разразился злым словом. Галя с недоумением отшатнулась, и видеть ее мне больше не довелось.

Мысленно я проклинал себя за легкомыслие и с ледяным страхом ожидал вторую часть «марлезонского балета», участником которого должен был стать капитан 3-го ранга Горский.

Игорь Георгиевич преподавал «Методику боевой подготовки» (МБП). Был он возрастом под пятьдесят лет, обычного телосложения, спокойный и добрый, совсем не злой человек. Но каким он станет после randevу с капитаном 1-го ранга на немецком корабле? И вообще — за что ему такое наказание, устроенное мной?

Предчувствие не обмануло. Игорь Георгиевич вернулся с этой встречи поникшим, с красным лицом, будто с него содрали кожу.

Скорый на расправу начальник, что нес вахту на корабле союзников, встретил его сурово...

Слава богу, из обещанных нам, провинившимся, перспектив не сбылась ни одна. Хотя цепочка событий, инициированная моей рукой, попавшей на девичье плечо, имела продолжение.

На ближайшем занятии Игорь Георгиевич во всех красках описал, какой я есть наглец, циник, вертопрах и какой отвратительный поступок совершил на глазах гуляющей публики, уронив высокое имя советского моряка. А главное, что посмел понравиться его дочери, высокой, стройной и симпатичной девушке. Добродушный Игорь Георгиевич тенденциозно подытожил мою успеваемость по «Методике боевой подготовки» и вместо грозящей пятерки вклеил четверку. Ни на злого капитана 1-го ранга, ни на Горского, ни на «капитанскую дочку» обижаться, конечно, не следует — нечего мне было расслабляться. А Игорь Георгиевич — нормальный мужик, командованию роты и Отряда о моем неуставном поведении не доложил.

С другой стороны, повезло побывать на территории другого государства с интересной и познавательной экскурсией.

Инцидент произошел в конце второго курса, когда за каждую пятерку приходилось биться до последнего вздоха, ведь я рассчитывал получить красный диплом. Получению приза в виде красной коленкоровой корочки реально помешала совсем другая четверка, по специальности «Минное оружие». Диплом с отличием мог бы поспособствовать мечте сразу после Школы техников поступить в высшее военно-морское училище. Но увы!

Вывод: Никогда не смешивай службу с личными делами, ибо служба неизмеримо важнее всего остального, что может заботить мужчину.

В мае-июне 1976 года по гарнизону Ленинграда объявили повышенную штормовую готовность — уровень воды в Неве поднялся угрожающе высоко. Так что довелось видеть легковые машины, затопленные по лобовое стекло. Нас подняли по тревоге,

погрузили в машины и повезли на склады, где службы находились в постоянной готовности, на случай если вода поднимется выше ординара, то есть допустимого уровня. В ожидании ночь провели в вестибюле управления складами, оккупировав его безмятежно разметанными во сне телами. Ранним утром побудку устроил адмирал, который из-за нас не мог пробраться на рабочее место.

Вскоре мы вернулись в казарму и услышали занимательные истории. Не все празднично проспало ночь, как мы на складах. Некоторым пришлось поработать на серьезных объектах. Например, в студенческом общежитии на Васильевском острове. Там по комнатам гуляла вода, на поверхности плавали вещи. Бедные студентки, спасаясь от ледяной купели, сидели на столах, поджимая ноги. Курсанты как истинные герои включились в приятный процесс эвакуации гражданского населения и выносили девчат из затопленных помещений на руках.

Преддипломная практика

Преддипломная практика длилась около двух месяцев. Мы проходили ее в Кронштадте — городе-музее, богатом историческим прошлым, на заводе «Арсенал» (ул. Макаровская, 2), производящем боевые торпеды. Оказать существенную помощь заводу в виде выполнения высококвалифицированных работ мы не могли, и большую часть времени пропадали на пирсе, где валялись огромные якоря и тяжелые цепи. Как сказали бы сейчас — тусовались, загорали, хотя, под северным солнцем черными при всем старании не стали. Поддавшись стадному чувству безответственности и опустив свой авторитет ниже ватерлинии, бездельничал и главный практикант, старший лейтенант Бобков.

Неизвестный доброжелатель, обеспокоенный нашим вопиющим бездельем, донес на нас администрации завода. Для пресечения этого безобразия по точному адресу послали патруль. Наша курсантская массовка, оказалась мобильной, успешно и без потерь ретировалась. За всех пришлось отдуваться ответственному (временно оказавшемуся безответственным) Бобкову.

В Кронштадте нас разместили во временно освободившееся помещение казармы 999-го учебного отряда. Здесь также находилась Школа техников, готовившая мичманов на надводные корабли и по отдельным специальностям, таким как боцман, на подводные лодки.

Распорядок дня был более щадящий. Учебные занятия не проводились, и главное, мы были избавлены от строевой муштры. Из Учебного отряда на заводскую практику ходили мимо величественного Морского собора, построенного в 1913 году на пожертвования моряков. Напротив собора находится памятник выдающемуся русскому флотоводцу вице-адмиралу Степану Осиповичу Макарову — военно-морскому деятелю, океанографу, полярному исследователю, кораблестроителю, который первым в мире успешно применил торпедное оружие и положил начало научному обоснованию и практической организации борьбы за живучесть корабля. Якорная площадь перед собором выложена чугунной плиткой, представляющей, на мой взгляд, произведение искусства, так как отлита в виде штурвала. Приходилось пересекать широкий и глубокий, заросший буйной растительностью овраг, через который перекинут примечательный в своих архитектурных особенностях узенький пешеходный Макаровский мост.

Вывод: Мы не без оснований гордились своей колыбелью. Кронштадт — уникальное историческое место России. По количеству достопримечательностей на квадратный метр, по-моему, даже опережает Ленинград. Сегодня в Кронштадте находится около 300 памятников истории и архитектуры, культуры и искусства, памятных знаков и мемориальных досок. Из них можно узнать многое, погуляв по городку.

В Кронштадте, как и в Петербурге, имеется свой Летний сад, на ограде которого до Октябрьской революции висело объявление: «Матросам и собакам вход воспрещен».

Нашему поколению невероятно повезло, так как мы свободно гуляли по саду, несомненно, социальный статус советского моряка

значительно повысился. При посещении города-крепости Юрием Алексеевичем Гагариным на канале ему показывали мерный футшток, по которому отслеживаются морские приливы и отливы, на что первый космонавт остроумно пошутил:

— Так вот где находится пуп земли.

А почему он так сказал? А потому, что Кронштадтский футшток — это футшток для измерения высоты уровня Балтийского моря, установленный на устье Синего моста через Обводный (Проводной) канал. От нуля Кронштадтского футштока на всей территории бывшего Советского Союза производятся измерения глубин и высот, а также орбиты космических аппаратов. Кронштадтский футшток — один из старейших в глобальной сети уровневых постов Мирового океана. Вот так!

Юрий Алексеевич также обратил внимание на красоту местных девушек-кронштадочек. Это не райские рыбки или русалки, а самые обыкновенные земные создания, нежные существа, магнитом притягивающие взоры курсантов. С юношеским пылом и задором, не пропуская мимо ни одну, мы обсуждали их достоинства. К сожалению, нашему изысканному вкусу, который в соответствии с возрастом уже начал складываться, ни одна юная дева не угодила.

Окончание учебы

На первом курсе, отслужив более чем полгода, мне за хорошую учебу и примерное поведение присвоили старшего матроса, еще раньше это же звание командиры отделений получили автоматом. После флотской практики на подводных лодках и по окончании первого курса мне присвоили звание старшины 2-й статьи. А на втором курсе — старшины 1-й статьи. Перед убытием на флот для прохождения стажировки отличникам учебы командование роты намеревалось присвоить звание главного старшины, однако традиционный курсантский залет сорвал этот замысел. Некоторые товарищи с погонами без лычек, вынужденно оправдывались:

— Чистые погоны — чистая совесть, — как будто у отличников учебы не было совести и чести...

Дома друг детства Петр Калинин, глядя на мои погоны старшины 1-й статьи, смеясь, спросил:

— Три лычки получил за то, что сдал такое же количество товарищей? — глупая шутка, конечно.

Мы понимали, что на выходе из Школы техников получим звание, которое сравниет всех, поэтому присвоение старшины было хорошим стимулом лишь при убытии на практику или стажировку, чтобы отличаться от матросов плавсостава. Отдельные курсанты на стажировке для поднятия собственного авторитета нашивали лычки на погоны, которых согласно военному билету не имели.

Диплом об окончании Школы техников у меня оказался вполне приличным (в отличие от аттестата зрелости) с пятью «четверками», остальные отметки были «пятерками», поэтому как отличник учебы я выбрал место дальнейшей службы на флоте — Камчатку. Туда же для прохождения стажировки и убыл.

Сотня бесшабашных курсантов, собранных из двух рот, на Дальний Восток ехала поездом до Владивостока с первой пересадкой в Москве. Здесь чуть ли не потерялось двое товарищей, по пьяному делу попавших в комендатуру. На откуп штрафников, имевших отнюдь не боевой вид, а скорее уставший, как после тяжелой битвы, ушла часть пайковых денег, выданных нам на дорогу. Старший команды, капитан 3-го ранга, пустив шапку по кругу, предложил курсантам сброситься «на коньячок», чтобы выручить товарищей. С одной стороны, мы сделали доброе дело, с другой, — всю дорогу, в общей сложности длящуюся четырнадцать суток, слегка голодали, что не мешало наслаждаться относительной свободой и бездельем, безмятежно созерцать природные красоты великой державы, пересекая ее с запада на восток на расстояние свыше десяти тысяч километров.

В дороге соблюдалась видимость контроля за курсантами, во всяком случае, назначался дежурный по эшелону, обязанности помощника дежурного приходилось исполнять и мне. И не удивительно, что за время пути никто серьезным образом не попал в переделки, хотя предпосылок имелось предостаточно.

Например, пока ехали в поезде, в вагон чуть ли не на каждой станции подсаживались сотрудники милиции, которые занимались выяснением обстоятельств по факту выброса человека из поезда.

Когда в Москве сели в вагон, то большинство мест было занято штатским народом, как ютились бедные командированные, трудно представить. Курсанты занимали места на третьих багажных полках и в чердачных нишах. Чтобы обеспечить хоть какой-то комфорт в пути следования, они приняли меры по недопуску посторонних гражданских лиц, для чего на станциях и полустанках кандидатам по предъявленному билету говорили:

— Это воинский вагон, так что ищите свободное место не здесь.

Несчастливые пассажиры, нагруженные чемоданами и прочей кладью, в поисках свободной плацкарты рыскали вдоль состава. Не бывает правил без исключений, у нас таким исключением являлись девушки и молодые женщины. Правда те, видя, что творится в вагоне, с опаской ретировались куда подальше, сами убежали.

Всю дорогу, пока мы ехали через Сибирь, почти на каждой станции местные стряпухи предлагали пассажирам различные яства в виде мясных котлет и гарнира из свежеприготовленной домашней картошки и прочие вкусности. И люди их покупали, но не мы. От такого изобилия в вагонах стоял немислимой соблазнительности аромат, и у нас бежала слюна, которую унять было невозможно, наши животы, как пустые барабаны, стягивались до минимальных объемов.

За всю дорогу нас централизованно покормили всего парутройку раз, а все остальное время желудки содержались пустыми и необремененными. Что уж говорить о придорожных яствах и деликатесах. Для решения вопроса о подорожном питании отдельные курсанты находили добрых тетенок, которые их кормили: кого за так, а кого и за плату. За какую? Сам не знаю... А на коротких остановках у полустанков, рискуя отстать от поезда, мы бежали к Байкалу, чтобы смыть с лица въевшиеся железнодорожную пыль и копоть.

Вторую пересадку сборная команда произвела в Хабаровске. Предоставленные сами себе, стихийно разбившись на группки, мы ночью гуляли по городу. Наша группа, около десятка голодных курсантов, набрела на хлебозавод, где сердобольные женщины через окошко выдали нам пару буханок горячего вкусного хлеба, и мы его тут же умолотили за пару минут...

Вывод: Настоящий мужчина не пропадет, не зря в народе сочинялись сказки о храбрых солдатах.

По дороге команда постепенно уменьшалась. Последнюю пересадку сделали во Владивостоке. Здесь она, уменьшенная за счет специалистов для баз подводных лодок северного направления, оседавших по дороге, окончательно распалась на крохотные ватаги для юга Приморья и Камчатки. Каждая такая команда имела предписание, а потому в нужный момент откальвалась от основной массы, чтобы убыть в соответствующую военно-морскую базу Краснознаменного Тихоокеанского флота.

Около пятнадцати человек следовало на полуостров Камчатка, в базы Бечевинка и Рыбачье. Нас перевели с платформы железнодорожного вокзала на морской вокзал, благо они располагаются почти рядом. Мы сели на белый пароход — мечту туриста — с названием «Советский Союз». Он имел богатое историческое прошлое, так как достался нам по репарациям от разгромленной фашистской Германии, и ходил в рейсы только по внутренним линиям в сопровождении подлодки 641-го проекта. Сопровождение никто не видел, так как проходило оно в подводном положении. В то время «Советский Союз» был самым большим пассажирским пароходом в нашей стране.

Плавание на морском лайнере для меня было первым и запомнилось на всю жизнь. Теплая солнечная погода, у всех — прекрасное настроение. Не спеша пароход отошел от пирса, прошел Уссурийский залив, являющийся частью залива Петра Великого. В свою очередь эти акватории вместе с Амурским заливом входят в бассейн Японского моря. Проходя по заповедному заливу Петра

Великого, мы оставляли по левому борту остров Аскольд. Старший группы, капитан 3-го ранга, будучи под впечатлением от прекрасного вида, расчувствовался и поведал детективную историю о том, как американская подлодка вошла в водные окрестности Владивостока, наделала много шума и подняла всю противолодочную оборону (ПЛО) Тихоокеанского флота по боевой тревоге. В самый апогей суматохи она скрытно залегла на грунт у подножья острова Аскольд и затаилась. Когда же шум закончился, вражеская субмарина тихо уплыла восвояси. За этот финт американский командир (или его подводная лодка) был романтично прозван «Черным принцем», а мы получили неприятный урок.

Расстояние от Владивостока до Петропавловска — около двух с половиной тысяч километров. Преодолели мы его за четверо суток, идя через пролив Лаперуза, разделяющий советский остров Сахалин и японский Хоккайдо. Ночные огни Хоккайдо виднелись на большом расстоянии, а Сахалин темным контуром возвышался на горизонте. Прошли Японское, Охотское моря, Тихий океан. Воды Японского моря и Тихого океана красивого лазурного цвета, а воды Охотского казались темными, менее приятными глазу и желания купаться не вызывали.

На пароходе была та же атмосфера беззаботности, что и в поезде. Нас поместили в каюту носовой части судна, где каждому выделили по шконке. На дорожку несытно покормили, посчитав, что больше никто никому ничего не должен. В дальнейшем для поиска пропитания мы опять же были предоставлены сами себе. На пароходе народу было много, всякого и разного, и курсанты, как и в поезде, решали вопрос прокорма самостоятельно.

Охотское море, демонстрируя суровый нрав, не сильно и не жестоко качало нас штормом в четыре балла. Мне нравилось лежать на шконке и тихо балдеть, когда нос судна и я вместе с ним, в результате килевой качки по восьмерке, долго-долго летел вверх, а затем так же продолжительно падал вниз, как в бездонный колодезь. Не все испытывали удовольствие, некоторые страдали от морской качки. Штрафбатовцы («сапоги» и что удивительно — без

конвоя) — мужики лет под тридцать с красными рожами, в пьяном угаре разгуливали по палубам, откровенно смеялись над бледными и зелеными жертвами болтанки.

На пароходе имелось два бассейна и столько же ресторанов и кафе. Понятное дело, финансовые возможности не позволяли нам разгуляться. К нашей великой радости, на верхней палубе, в купели свежего морского или океанского бриза, устраивались танцы, создающие особую атмосферу с привкусом морской романтики, вдохновляющую на сердечные приключения. Здесь и протекало наше основное время. Когда звучала музыка, ни один танец не обходился без участия курсантов.

Однажды ночью довелось проснуться уже от другой романтики типа «украл — выпил — тюрьма». Из-за соседней переборки раздался непонятный шум и грохот. Протирая глаза, я вышел в коридор и увидел, как пожарная команда судна с озабоченным и деловитым видом «отоваривает» двух штрафбатовцев, проникших в соседнюю каюту к девушкам, чтобы пожить. Видимо, их, как и нас, держали слегка впроголодь.

На штатском судне по возможности поддерживался порядок, поэтому без дисциплинарных мероприятий не обходилось. Здесь снова пришлось заступить «помощником дежурного по эшелону». Дежурство оказалось гораздо интереснее, чем в поезде. Пришлось взять под свою ответственность парочку залетевших курсантов, сидящих в изолированной каюте — камере, где они спали на топчане, в одних трусах, поживаясь от холода. Рядом находилась другая камера, обитая мягким материалом для ограждения общества от травм, если попадутся буйные граждане.

Стажировка

Группа в пятнадцать человек по прибытии в Петропавловск-Камчатский распалась на две части. Одна направилась на северо-восток в поселок Бечевинка, расположенный в одноименной бухте, на расстоянии 75-ти километров от камчатской столицы. Здесь базировались дизельные подводные лодки. Команда минеров в

составе автора этих строк, Андрея Ливенкова, Виктора Киданова, Николая Ковалько, Валерия Плаксина направилась в поселок Рыбачий (Вилочинск) — на атомоходы. Туда можно добраться по сокращенному пути через Авачинскую бухту на катере или, значительно удлиняя дорогу, — на автомобиле.

По прибытии на базу атомных подводных лодок в Рыбачьем мы были прикомандированы к экипажу в/ч 31217-2 атомной подводной лодки проекта 667А. И разместились в кубрике штабной плавказармы (ПКЗ). Однако через некоторое время пришел мичман с предложением стажироваться на другом корабле. Я дал согласие, и меня перевели в первый экипаж лодки войсковой части 56107-1, где командиром БЧ-3 (минно-торпедной боевой части) был капитан-лейтенант Виктор Григорьевич Перфильев.

Впервые попав на атомную лодку 667А проекта (до этого я бывал лишь на дизельной лодке 613-го проекта, где теснота такой же друг человека, как и минимум удобств), получил несравнимое чувство гордости за Военно-морской флот, на котором предстояло служить. Здесь отсеки казались огромными и просторными, поражали воображение. Лампы дневного освещения преображали их, делая светлыми и ультрасовременными. В каюте, отделанной пластиком, возникла ассоциация, что находишься в купе вагона. Поначалу обескураживало отсутствие окон и возможности смотреть на мелькающие пейзажи. В каюте же на этом месте обычно монтируется секретер или пара шкафов, что делает ее более тесной и менее романтической.

Служивому люду известна курсантская вольница на флоте, когда наш брат, подчас имея неоправданно раскованное и независимое состояние души и тела, в том числе формы одежды, позволяет отступления от жизни по строгому уставу. Вот и я, собственно как и сотоварищи, офицерам ниже капитана 3-го ранга честь не отдавал, а майоров с красными просветами на погонах, так просто в упор не видел. Проходя мимо майора в военно-морской форме, не приветствовал его. Зачем нужна такая пустая бравада? Глупость, конечно... причем непростительная.

Военнослужащих с армейским званием на территории базы атомных подводных лодок приветствовать считалось извращенным и прямо-таки недопустимым шестерством или случайным прогибом. В данном случае (по начинающейся складываться традиции) мне просто не повезло, так как сей майор оказался хоть и сухопутным, но начальником какого-то очень строгого режима. Поэтому расправа с зазнавшимся курсантом оказалась короткой и развивалась по известному сценарию: отобран военный билет, явиться за ним надлежало старшему, значит, командиру БЧ-3 Виктору Григорьевичу Перфильеву. И снова командир с тем же понурым видом и красным лицом, как в свое время Игорь Георгиевич Горский, по моей вине пошел в кабинет сухопутного начальника — даже не на корабль и тем более не на подлодку.

Чтобы так низко пасть на базе атомных подводных лодок, надо было умудриться.

Вывод: Осмысливай отрицательный опыт, не допускай повторения ошибок.

Группа курсантов, назначенных на подводную лодку для прохождения стажировки на Камчатке, продолжительное время бездельничала в плавказарме, и тут без залетов не обходилось. Описываемый ниже случай произошел на ровном месте. Чтобы пресечь безобразие и повлиять на курсантов силой великого и могучего русского языка, на головы стажеров откуда-то сверху в кубрик плавказармы свалился помощник командира корабля. Последовали призывы к изменению отношения к службе и повышению дисциплины: ходить на корабль, изучать материальную часть, помогать личному составу по уходу за техникой... Долго помощник командира властвовал над аудиторией, пока не услышал категорическое несогласие с каким-то пунктом программы. И тут началась дискуссия, сопровождаемая взаимными претензиями и упреками. В результате озлобленный помощник командира послал бузотеров по всенародно известному адресу. Один из курсантов совершил трудовой подвиг в чужой постели во время ночного

культпохода в поселок, поэтому на шконке мирно посапывал. Гвалт всеобщего обсуждения разбудил даже этого труженика. Осознавая вину перед товарищами за неправильно проведенную ночь, он продрал глаза и подобострастно уточнил:

— Простите, куда сбегать?

Неуместность вопроса и его тон произвели эффект мины, взорвавший плотину неудержимого хохота, местами переходящего в стон и рыдания. Вконец обозленный помощник командира энергично стартовал с места и с пробуксовкой рванул с персональным докладом к командиру лодки.

Мне удалось найти общий язык с экипажем. С удовольствием я являлся на корабль, встречался с товарищами, к порученной работе относился с охотой и выполнял добросовестно. За непродолжительный срок пребывания на корабле мне повезло с кратковременным выходом в море побывать на перегрузке ракет. Крепкая дружба возникла у меня со старшиной команды торпедистов, мичманом Николаем Иосифовичем Зубиком. Николай, земляк из Беларуси, был старше меня на пару лет, весельчак, легкий на подъем. Он-то и сделался покровителем и товарищем в некоторых «подвигах». Мы вместе ходили как на службу, так и в поселок Рыбачий — по местам боевой славы, то есть к симпатичным камчадалкам (не по роду-племени, а по месту обитания). В результате я подружился с прекрасным человеком и симпатичной девушкой по имени Людмила, которая приходила на пирс к месту стоянки подлодки, удивляя экипаж.

Мне завидовали: “На корабле без году неделя, а девушки приходят к нему прямо на пирс”.

Милая и симпатичная Людмила вела себя целомудренно. Я же, наглый и без царя в голове, бегал в самоход под прикрытием нового друга, проходил через КПП, надевая чужую форму мичмана. Иногда оставался ночевать, где принимали, а в экипаж возвращался, прикрываясь группой мичманов.

Как-то вечером, гуляя по поселку, мы с Людмилой зашли в подъезд, разговор коснулся ее внешности, потому что она носила

строгие ниже колена юбки. И тут я, зачарованный красотой ее ног, попросил продемонстрировать их. Признаюсь, никогда и никому более идиотского предложения не делал. Исключительно из хорошего ко мне отношения девушка смирила гордость — с быстротой молнии подняла подол юбки чуть выше колен и быстро опустила. Еще более заинтригованный, а главное — не налюбовавшийся, я схитрил:

— Не рассмотрел. Так быстро показала, что я ничего не увидел.

Посчитав, что зашла слишком далеко, Люда упорствовала. Я же обиженно настаивал. В результате обижено надулся на свою подругу, как мышь на крупу, а она, оскорбленная приставаниями, развернулась и пошла домой. Я же сидел на подоконнике ее подъезда и думал, что возвращаться на базу придется нелегальным путем, через забор. Курсантам, как и морякам срочной службы, пропуск в зону не полагался. В ужасе представлялось, как часовой, бдительно охраняющий пост, влепит мне небольшой весомый аргумент в виде гостинца граммов на девять. Нам был известен случай, когда солдат подстрелил курсанта, возвращавшегося на территорию базы атомных подводных лодок. И так вдруг стало тоскливо от ссоры с Людмилой, от необходимости глупо рисковать здоровьем или жизнью, что из сострадания к себе я осознал неправоту. Забыв про все, побежал догонять ее, чтобы просить прощения и остаться на ночлег.

На Камчатке довелось встречаться с местными старожилками — крысами. Азартно вместе с другими моряками гонял их по системе вентиляции камбуза. Рассказывали, как на ботинках, оставленных на ночь, крысы объели кожаный верх, оставив лишь резиновую подошву. Эти мерзкие создания, тем не менее бессменные спутники моряков — от галер и парусников до атомоходов.

После окончания стажировки в Ленинград я возвращался с приключениями. На обратную дорогу нам выдали воинские перевозочные документы (ВПД) на поезд. Однако я решил лететь самолетом, так как Камчатку покидал последним из стажеров. На

решение повлияло также и то, что добираться поездом, пароходом было долго. Из аэропорта в Елизово, под Петропавловском, вылетел туда, куда удалось взять билет, — на Москву. Перед регистрацией рейса познакомился с сердобольным молодым мичманом, который накормил и угостил шампанским. Он же оказался и соседом по креслу в самолете, так что путь выдался веселый и непринужденный. Опасался за выпитое шампанское: что если оно меня побеспокоит на большой высоте — но нет, обошлось.

Летели мы четырехмоторным самолетом Ил-18 — с промежуточными посадками в сибирских городах, поэтому в общей сложности полет занял почти сутки. Странно было осознавать, что я впервые летел на самолете, покрывая по воздуху расстояние в двенадцать тысяч километров.

Благодаря полету удалось значительно сэкономить время. В Москве выяснилось, что из-за плохой погоды Ленинград не принимает. Гуляя по аэропорту, я вдруг подумал, что если раньше срока появлюсь в УКОППе, то мне нечем будет заняться. Придется бродить по казарме в поисках наряда на службу... И такая тоска меня взяла! А тут и судьба подкинула шанс провести нештатный отпуск. Ответ напрашивался простой: лучше лететь в Ленинград по дуге через Минск. Вот так у меня образовался двухнедельный отпуск, который я успешно скоротал на вкусных мамкиных харчах. В роту прибыл без задержки и даже не последним, так как некоторые товарищи опоздали.

За два года, проведенных в стенах учебки — 506-го УКОПП им. С. М. Кирова я получил первые познания по специальности, прошел закалку будущего моряка, обогатился незабываемыми жизненными впечатлениями.

Короткие встречи

За время службы случались встречи то ли с интересными, то ли с известными людьми, о которых я помню. Так, в 1976 году довелось увидеть командующего военно-морскими силами США. Тогда в составе команды я принимал швартовые концы с белого

катера, возившего высокопоставленного адмирала иностранного государства в закрытый военно-морской город Кронштадт. Это был подтянутый мужчина, в строгом кителе с кучно сбившимися красивыми наградными планками, со строгим, каменным выражением лица.

Днем раньше, на том же катере в Петродворец возили на экскурсию министра обороны какой-то африканской страны.

Приняв концы после прибытия катера, я остался стоять у трапа на причале, а делегация чинно спускалась по сходням. Вдруг один советский генерал оступился. Машинально я протянул руку, чтобы удержать его, и он за нее инстинктивно ухватился. Устояв на ногах, скупно улыбнулся в знак благодарности, однако, тут же резко оттолкнул мою руку, будто был оскорблен в лучших чувствах. Сначала это вызвало недоумение, но потом стало понятно — генерал не хотел признавать себя стариком.

Приходилось бывать на подсобных работах и стоять в оцеплении, доводилось присутствовать на концертах, когда в северной столице выступали звезды эстрады. Помню Эдиту Пьеху в ярко желтом платье. Сергей Захаров запомнился озорным поведением. Когда фотокорреспондент, прицелившись в него объективом, уже готов был фотографировать, он круто разворачивался и шел в обратном направлении. И так все время. Бедный фотограф бегал вокруг сцены и без конца занимал выгодную позицию в другом месте.

Была у нас творческая встреча с выдающимся артистом кино Николаем Афанасьевичем Крючковым. Сначала он традиционно рассказывал о себе, о кино и ролях, а затем фотографировался в окружении курсантов. Этот снимок долго висел у нас на стенде.

Вывод: Активная жизнь богата на встречи с интересными людьми. Говорят, что от любого из нас до самого высокопоставленного человека лежит не больше семи шагов.

Сбрасывая якорь с постамента...

Перед выпуском из Школы техников, примеряя на плечи погоны мичмана, некоторые товарищи отрывали от белой голландки форменный воротник и просили соучеников оставить на память автографы на обратной стороне.

На торжественном построении Отряда нам вручили дипломы об окончании среднего специального учебного заведения, погоны мичмана и кортик. Значительно позже (уже совсем в другой жизни) Анатолий Кржачковский вспоминал, как втроем с Кешей после построения они остановились у входа в казарму и услышали сказанные мною слова, которые врезались ему в память:

— Ну что, ребята, это не последние наши звезды?

Было ли это сказано без пафоса? Не знаю, но точно, что с надеждой на будущее и с мальчишеским задором. После окончания двухлетней учебы, получив путевку в жизнь, находясь в хорошем настроении от впечатлений торжественного момента, все полагали, что все у них замечательно и впереди их ждет успешная флотская судьба.

Вручение кортиков — непростая процедура. Тут некоторым не повезло — им вручили не военно-морские, а армейские кортики с непрестижной символикой. Уточню: не повезло тем, кто демонстрировал неудовлетворительную дисциплину или слабые знания. Товарищи, в таком виде обиженные Военно-морским флотом на заре мичманской карьеры, были весьма озабочены обменом кортиков, суетились, непременно хотели иметь кортики с соответствующей символикой. В конце концов, все уладилось, и историческая справедливость восторжествовала.

После получения главного символа офицерской военно-морской доблести и чести многие принялись проверять его боевые качества, известные понаслышке. По сути, кортик колющее, а не режущее оружие, и в современности — лишь предмет формы одежды. Так сложилось исторически. У кортика острым является только кончик, а режущие края заточены так, что смотрятся грозно, а резать, тем более порезаться ими нельзя.

Боевые свойства личного холодного оружия проверяли следующим образом. Держа на уровне плеча, кортик роняли на пятикопеечную монету, нужно было попасть точно. Так проверялась пробивная способность лезвия. Сталелитейная промышленность не подвела — в каждом случае пятак пробивался с гарантией. Не зря у гарды на клинке вытравлено заветное слово «Булат». Правда, тут имеется важная оговорка. Подобных проколов можно совершать не более трех, так как кончик кортика может отколоться. Хотя при умелой заточке лезвия свойство личного оружия восстанавливается, но ради чего доводить дело до восстановления? Это будет уже явное не то.

Кто-то из курсантов, кто был крестьянских кровей, переноса боевые возможности кортика на практические рельсы, со знанием дела заключил:

— Отличная вещь. Сгодится кабанчика колоть.

Такое заявление о кощунственном применении исторического оружия, конечно же, покорило присутствующих. Заявителю пришлось проявить максимум изворотливости и дипломатических усилий, чтобы не получить по тылке...

Наша 47-я группа Школы техников ВМФ отметила выпуск мичманов в ресторане гостиницы «Ленинград». Получилось символично. Крейсер «Аврора» стоял напротив и своим видом словно салатовал в нашу честь. На не официальном, но торжественном мероприятии запоминающейся является военно-морская традиция, связанная с замачиванием кортиков. Для этого берется ведро для охлаждения шампанского и превращается в торжественный реквизит. Лед за ненадобностью выбрасывается, чаша пускается по кругу, а участник церемонии бережно опускает в нее свой ценнейший предмет. Затем ведро под восторженные возгласы шумно заливается пенящимся шампанским. Символический кубок, наполненный бодрящим напитком, с кортиками, совершившими в нем торжественное омовение, величественно повторяет круг почета. Новоиспеченный мичман по-гусарски прикладывает к краю чаши, отпивая из нее сколько захочет. После этого с волнующим чувством

сопричастности к военно-морскому братству извлекает именно (номер вписан в удостоверение личности) кортик.

Николай Черный и здесь отличился, в качестве бесплатного приложения в придачу к своему кортику «снял» финку. Здесь имеется в виду не бандитский ножичек, а милая девушка финской национальности. Злые языки утверждали, что это она его «сняла». Николай рисковал тем, что известные компетентные органы проявят к нему интерес. По тем временам контакты военнослужащих с иностранцами находились в поле зрения соответствующих служб. Нельзя было допускать ситуации, удобной для вербовки Николая империалистической разведкой. Но наши спецслужбы оказались на высоте, ибо знали, что тут дело чистое. Так что мы пощупали да и только.

После окончания застолья поздним вечером мы с Анатолием Кржачковским вернулись на Васильевский остров, чтобы душевно попрощаться с родным Отрядом. Наткнувшись на якорь, я из озорства предложил Анатолию:

— Давай скинем его с постамента.

Сказано — сделано. Оказалось, что наш хулиганский поступок оригинальностью не отличался, и мы нечаянно поддержали традицию Отряда. Если бы не мы, то это сделали бы другие однокашники. Оказывается, каждый год выпускники Школы техников сбрасывают символ остановки и обездвиженности с пьедестала, символизируя выпуск в долгое плавание, а молодые курсанты утром водружают его на место.

Однокашники сначала разъехались в отпуск по домам, а затем отправились на Дважды Краснознаменный Балтийский флот, Краснознаменный Северный флот, Краснознаменный Черноморский флот, Краснознаменный Тихоокеанский флот. Я же в отпуск не пошел, решил сразу направиться по месту распределения. Времени для следования к месту службы поездом предоставлялось достаточно, поэтому, исходя из уже имеющегося опыта, на недельку-другую я заехал в Минск, а оттуда самолетом без опоздания прибыл на Камчатку, на Краснознаменный Тихоокеанский флот.

Меня обучил мужскому ремеслу и воспитал Военно-морской флот СССР в своей прославленной кузнице кадров — 506-й УКОПП им. С. М. Кирова. Флот сформировал душу и дал путевку в жизнь. И я горжусь этим.

Я закончил обучение в Школе техников 506-го УКОПП в ноябре 1976-го года — в год 70-летия Отряда. В 2006-м году, когда нам самим исполнилось по 50 лет, мы отметили 100-летие подводного флота и Отряда. Для меня и моих однокашников это важные и весьма символические совпадения.

Завершить эту часть повествования хочу стихотворением неизвестного поэта, которое предоставил для публикации выпускник Школы техников 1990 года Алексей Михайлович Дрянин. Он обнаружил его черновик, написанный от руки на измятом листе бумаги, в тумбочке ротного помещения.

ОТРЯД

Нам не забыть родные эти стены,
Что носят имя гордое УКОПП,
Где мы готовились уйти на смену —
И дальше прославлять подводный ФЛОТ.
Нас тут учили мужеству, отваге,
Умению любить и защищать
Тот самый мир, который в 45-м
Смогли отцы и деды отстоять.
Отряд учил смотреть меня смелее
В глаза опасности, не уступать в борьбе,
И помнить, что навек всего милее —
Служить Отчизне, Родине своей.
И пусть она прикажет в час суровый
Громить врагов, явившихся из тьмы,
Мы встанем в строй! Мы к подвигу готовы —
Под флагом Родины НЕПОБЕДИМЫ МЫ.

ЧАСТЬ 2. ХОЖДЕНИЕ ПО БОЛЬШОМУ КРУГУ

ГЛАВА 1. СЛЕДОВАНИЕ К МЕСТУ СЛУЖБЫ

«Пришла пора признать все экипажи подводных лодок подразделениями особого риска и наделить их членов достойными социальными гарантиями. Мы должны, наконец, осознать, что живем в великой морской державе. Великой даже в грандиозности своих морских катастроф, не говоря уже о своих бесспорных великих достижениях... Сегодня каждый россиянин просто обязан знать имена своих подводных асов, первопроходцев и мучеников так же, как он усвоил имена поп-звезд и футбольных форвардов...»

Контр-адмирал А. Т. Штыров

ПУТЬ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ РАКЕТОНОСЦУ

Встреча с отцом

Ноябрь 1976 года. В предвещии зимы на Васильевском острове Ленинграда слякотно и сыро. Со стороны Гавани дует насыщенный запахом Балтийского моря холодный и промозглый ветер. И нет ему дела до важности и торжественности момента: из стен старейшего учебного подразделения подводного флота в ВМФ СССР производится очередное вбрасывание молодых мичманов. Свежий балтийский ветер разнесет их беспокойное племя на четыре стороны света, по периметру морских границ: Северный, Тихоокеанский, Черноморский флоты и про себя, про седую Балтику, не забудет. По-разному приживутся они на морских просторах. А пока никто не знает, что ждет их в недалеком будущем. Под тенью Военно-морского флага, гордые новым статусом, мы находимся в отрядном строю, поочередно получаем дипломы и кортики. Распахиваются ворота 506-го Учебного Краснознаменного

отряда подводного плавания (для ленинградцев просто — Подплав) и мы, вчерашние караси-курсанты, а сегодня салаги-мичманы, покидаем гнездовье.

Свежеиспеченный выпускник Школы техников ВМФ, будто столбик новеньких пятак с Монетного двора еще в нераспотрошенной упаковке (форме мичмана), с командировочным предписанием, где указана новая прописка (место дальнейшей службы) — войсковая часть 95016, стою я за воротами *Alma Mater*. Путь предстоит неблизкий — на другой конец необъятной Родины — на Камчатку. И чувствую нетерпение стать настоящим подводником, пораньше оказаться на флоте, чтобы опередить других и занять лидирующие позиции. По окончании Школы техников я мог использовать причитающийся месячный отпуск сразу. Но, использовав воинские перевозочные документы и денежное пособие не на поезд, а на самолет, сэкономил пару недель и заскочил в Минск.

Наш 506-й УКОПП готовит для службы на подводных лодках специалистов, но не готовых подводников, ибо таковыми становятся после назначения кандидата на должность и сдачи экзаменов, зачетов на самостоятельное управление боевым постом. А чтобы стать еще и настоящим подводником, необходимо походить по морям.

Мое старание было вознаграждено. Из выпуска как ленинградской, так и владивостокской учебок я прибыл в числе лидеров, причем с месячным отрывом.

Домой заявился, имея в багаже полный комплект формы согласно вещевому аттестату. С этого заезда в Минск офицерская шинель до сих пор висит в шкафу «на память». Жена во время приборки традиционно пытается подкопаться под ленинградский сувенир:

— Лешка! Ну, сколько будет висеть эта шинель? Продай ее кому-нибудь, или сдай на блошинный рынок, а еще лучше — на «Беларусьфильм».

Время в Минске текло медленно. Когда брал билет на самолет до Петропавловска-Камчатского, изнывал от нетерпения. А пока был дома, переболел гриппом.

Так сложилось, что отец моим воспитанием не занимался. Жил в другой семье, своих детей не имел, а воспитывал чужого сына. Не знаю, случайно или специально зашел сейчас к нам. Инстинкт отцовства глубоко сидит в каждом мужике. В жизни мелочей не бывает. Не исключено, что встреча спланирована свыше. Когда в комнате появилась бесформенная серая фигура немолодого мужчины, мама представила:

— Знакомься, твой отец.

Если быть честным, то в раннем детстве приходилось испытывать горькие чувства и переживания от безотцовщины. А в этот момент поразился своей реакцией. Как можно знакомиться с чем-то серым, бесформенным, безликим? Оказалось, что биологический отец никакой ни положительной, ни отрицательной информации не несет. Пустое место. Даже мой простой вопрос: «Как дела?» — показался неуместным и совершенно бессмысленным. А что творилось в его душе, что перевернулось там? Думается, его эмоциональная палитра была более насыщенной. Оказаться в положении пустого места и врагу не пожелаю. Эта встреча очень сильно повлияла и на мои жизненные взгляды, на все мировоззрение.

Вывод: Не бросайте своих детей. Впоследствии можно нарваться на их равнодушие или того хуже — на презрение.

С робостью и внутренним трепетом ходил я в среднюю школу № 3 на Грушевке, свою родную. Проведал наставника и учителя, военрука Михаила Яковлевича Килейникова — прекрасного человека и замечательного педагога, с большим знанием дела преподававшего свой предмет. Талантливый от природы, он увлекал меня и моего одноклассника Александра Захарова так, что почти каждый день мы оставались после уроков в кабинете военного

дела и там изучали стрелковое оружие, а в спортзале стреляли из малокалиберных тульских винтовок ТОЗ-8, ТОЗ-12. Рассказал Михаилу Яковлевичу об учебе и предстоящей службе на подводных лодках. Вспомнили одноклассников, благо учитель многое знал чуть ли не о каждом из них. Ветеран Великой Отечественной войны в звании капитана Советской Армии, он дал многим путевку в военную жизнь. И сейчас слушал меня с удовлетворенным видом — гордился мной.

Находясь под впечатлением разговора с Михаилом Яковлевичем, я спускался по лестнице, и тут наткнулся на директора школы Евгения Климентьевича Чигринова. Встреча оказалась весьма неприятной. Указав на меня протянутой рукой, будто на музейный экспонат, он хорошо поставленным голосом сказал пробегающей стайке учеников:

— Смотрите, дети, вот это — выпускник нашей школы!

В сильном смущении я подхватил кортик, как горничная длиннополую юбку, и молниеносным рывком вылетел из школы.

Еще свежими оставались в памяти выходки этого человека. Бывший директор детской колонии, он пришел к нам со своими новациями по части методов воспитания. За мелкую провинность мог точным броском запустить учеником начальных классов во входную дверь, словно тот был баскетбольным мячом. Бедняга раскрывал ее лбом и вылетал во внутренний дворик.

До сих пор помнится его любимое словечко «интитива», которое произносилось со вкусом. Каждый раз, когда нелепый «шедевр словесности» вылетал из его уст, со стороны учеников следовала негативная реакция — слышались смешки и комментарии. Яркий пример неудачного первооткрывателя, изобретателя, рационализатора русского языка. Речевой дефект являлся особой приметой директора.

Учительский коллектив в отличие от директора, балансировавшего на грани уголовных выходов, состоял из высокообразованных представителей минской интеллигенции. Кто-то нравился и к кому-

то я тянулся больше, кто-то был менее симпатичен, однако такой стойкой антипатии, как к Чигринову, не было ни к кому.

Вывод: Не место красит человека, а человек – место. Не верьте похвалам недостойного человека, избегайте их, ибо они дискредитируют вас.

Встретился я также с другом детства Петром Калининым.

Сегодня Петр Михайлович — известный специалист в области единоборств. Он — вице-президент Международной федерации боевого каратэ SKIF, заслуженный тренер Республики Беларусь, мастер спорта СССР и Республики Беларусь по каратэ, рукопашному бою и кикбоксингу, обладатель 8-го дана. Он давно тренирует детей, успел вырастить целую плеяду чемпионов Европы и мира.

Петр воспользовался случаем и примерил мою форму мичмана, крутился перед зеркалом, любовался ею. Потом мы пошли в ресторан «Каменный цветок», пригласив с собой его жену и ее сестру, чтобы отметить окончание моей учебы. Попасть туда в то время было очень сложно, но нам повезло.

Как-то на автобусной остановке я встретился взглядом с мужчиной, который показался мне старшим на несколько лет. Его взгляд был красноречив и пристален, и в нем читалось, что он служил на кораблях, знает морское дело, и жалеет зеленого мичмана. Этот взгляд запомнился надолго. Сочувствие штатского человека обидело, даже разозлило. У каждого своя дорога — он выбрал сухопутные стежки-дорожки, а я морские дали-горизонты. Служить в Военно-морском флоте на подводных лодках, тем более на атомных ракетносцах, доводится лишь избранным, настоящим мужикам. Именно там закаляется характер, вырабатывается настоящая позиция гражданина, накапливается ценнейший жизненный опыт, именно там ты глубже понимаешь, что такое любовь, мама, твои дети, твое Отечество.

По дороге на Дальний Восток, к месту службы, я заехал в Москву, где навестил бабушку с дедушкой, которые жили на

Звездном бульваре, недалеко от Выставки достижений народного хозяйства, знаменитой ВДНХ, и Останкинской башни. Дедушка Сережа запомнился убежденным коммунистом старой закваски. Он одобрял мой жизненный выбор и относился к нему уважительно, подробно расспрашивал об учебе в Ленинграде, о новом назначении. После той встречи я понял, что зрелые люди всегда завидуют молодым, по-доброму, но с грустинкой и обреченностью. Значит, молодость — преходящий дар, который надо беречь!

Там же в Москве я встретился с другом детства и соседом по подъезду минской квартиры Вовиком Козловским. Ровесник, товарищ и компаньон по детским хулиганским выходкам и шалостям проходил срочную службу в Кремлевском полку охраны. Я понимал, как хочется ему гордиться своей службой и как важна поддержка земляка. Да и вообще не навестить друга не мог, это было бы неестественным. Володя пришел в Никольскую башню Кремля, там мы и увиделись, обменялись новостями и впечатлениями о службе, и я не без гордости похвастал кортиком.

Посещение Камчатки

В середине декабря 1976 года я прилетел в Петропавловск-Камчатский. Еду в автобусе, а по краю дороги снега столько, что из сугроба лишь вершок забора торчит. По нашим европейским меркам снега было много, а на Камчатке так не считали. Там замечает дома до второго этажа. На вопрос, как же люди выходят на улицу, услышал:

— Открывают окно и выходят.

Удивило, как хозяйки сушили постиранное белье. Между параллельно стоящими домами натягивали на ролики веревки на уровне третьего этажа и на них развешивали. После большой стирки пространство между домами напоминало готовую к баталии флотилию парусников. Простыни, как на параде линейных кораблей XVIII-XIX веков, напоминали паруса, наволочки — косые треугольные кливера; а трусы и лифчики развевались на ветру, как брейд-вымпелы — короткие и широкие вымпелы с косицами.

Замечательное зрелище, и если включить фантазию, то с таким наглядным пособием перед глазами можно написать не один приключенческий или морской роман.

Явка на Камчатку в личном деле отмечена короткой записью:

13.12.1976 г. прибыл в отдаленную местность полуострова Камчатка. В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 2358 от 14.09.1945 г. выслуга лет исчисляется в льготном порядке — один год службы за два.

Приказ командира 25-й ДипЛ № 1907 от 13.12.1976 г.

И тут же, будто еще одно звено якорной цепи цепляется за первое, следует запись о назначении на должность:

С 13.12.1976 г. — старший торпедист (ВУС-29223) крейсерской подводной лодки «К-523».

Приказ Командующего 2-й ФлПЛ № 095 от 13.12.1976 г.

Словосочетание «отдаленная местность» указывает на то, что это действительно далеко от центров культуры, таких как Минск, Ленинград, Москва. А слово «Камчатка» нередко употребляется в нарицательном смысле. Термин «отдаленная местность» имел юридический статус, он предусматривал коэффициент, влияющий не только на зарплату, но и на исчисление срока службы. Если ты прослужил год, то выслуга при начислении пенсии составляла два года, а если — пятнадцать лет, то в стаж (выслугу) записывали тридцать лет, и ты мог уходить на пенсию. Такой двойной коэффициент действовал только «в районах Крайнего Севера, Камчатки и приравненных к ним местностях». В других отдаленных местах, скажем в Приморском крае, коэффициент составлял 1,15. Здесь можно было рассчитывать лишь на небольшую добавку к зарплате.

На атомных подводных лодках своим порядком год службы считался за два, однако на Камчатке эти две льготы у подводников не складывались, действовала только одна.

Примечательной является нумерация приказов — первый обычный, а второй впереди имеет ноль. Это говорит о том, что мое прибытие на Камчатку чрезвычайным происшествием не являлось, а вот назначение на должность в экипаж крейсерской подводной лодки — событие секретное и огласке не подлежит, поэтому и встретили без оркестра. Однако приказы о зачислении и записи в личном деле не всегда реально отражают стоящий за ними факт. Вторая запись не соответствовала действительности. Экипаж подводной лодки находился не на Камчатке, а в противоположном конце необъятной страны — в Учебном центре города Палдиски Эстонской Советской Социалистической Республики. А ракетносец «К-523» проекта 667Б, таковым еще не был, так как строился в славном городе Комсомольскена-Амуре. По всей вероятности, это объяснялось условиями секретности.

В штабе флотилии мне предложили получить командировочное удостоверение для убытия к месту нахождения экипажа в/ч 95016 и отмотать около трех тысяч километров назад.

Этот ход мне, как разборчивому и привередливому жехниху, категорически не понравился, ибо не вписывался в личные планы. Я уже имел «предложение руки и сердца» другой «невесты» — экипажа в/ч 56107-1 крейсерской подводной лодки проекта 667А, где проходил стажировку, отчего сохранил им верность, а вместе с ней и надежду, что сумею закрепиться там на ближайшую пятилетку. Там служить мне было бы не только удобнее из-за давнего знакомства, но и выгодней по северному коэффициенту. Так почему бы не попробовать?

Наконец я прибыл в экипаж, встретился с командиром БЧ-3 капитан-лейтенантом Виктором Григорьевичем Перфильевым и старшиной команды торпедистов Виктором Иосифовичем Зубиком. Меня приняли как старого знакомого, ненадолго отлучившегося в отпуск или командировку.

Почему я стремился сюда попасть? Во-первых, здесь проходил стажировку. Во-вторых, экипаж уже сложился, все члены

команды притерлись, и мичманский костяк являл собой спаянный коллектив, в котором не зазорно было учиться своему ремеслу на практике и чувствовать себя защищенным от возможных флотских приключений с неприятным исходом.

Вначале показалось, что все наладилось и жизнь пошла своим чередом. Экипаж на лодке ушел для перегрузки ракет в поселок Советский, а меня оставили на берегу, так как приказа о назначении еще не было. Я остался в плавказарме. Пропуска в поселок не имел, поэтому не мог выйти даже за пределы контрольно-дозиметрического поста, и как сыч сидел в мичманской каюте. При минимуме удовольствий и отсутствии каких-либо занятий только и оставалось, что любоваться чарующей красотой сопок и вулканов Авачинской бухты с фальшборта или пирса. Каждый вулкан неповторим — Авачинский, Вилючинский, Козельский, Корякский, Мутновский, Горелый, и все они прорезались своими формами на горизонте.

Основным занятием, которому я посвящал свободное время, было чтение, благо в каюте имелись интересные книги в достаточном количестве. Вдруг я заметил, что поддерживаю ненормальный распорядок дня: ночью запоем читаю, а днем сплю, на обед и ужин не попадаю, иногда успевал лишь на завтрак. Потом понял, в чем дело — разница между московским и камчатским временем составляла девять часов, а биологические часы внутри моего европейского организма продолжали работать по-старому. Если бы я сразу влился в экипаж, в ритм его работы, то вместе со всеми поддерживал бы тамошний распорядок дня и разницу во времени преодолел бы незаметно. Больше недели я жил затворником, перепутав день и ночь, в старом режиме видя сны и принимая пищу.

В те времена мичман на первом году службы на Камчатке получал почти пятьсот рублей — немалые деньги. Десять зарплат и, пожалуйста, — легковая автомашина. В связи с высокими зарплатами про камчатских мичманов и офицеров ходили байки и анекдоты.

Но деньги можно было только копить для будущих дней, тратить их в том суровом краю, да еще при нашем образе жизни, было почти не на что.

Там даже завод разливного пива в магазин воспринимался как праздник. Впрочем, люди с радостью делают праздник из всего, если у них нет проблем и все ладится. Конечно, специфика воинской службы сильно ограничивает человека в том, что обыватели называют радостями жизни.

Мы не могли жить так, как гражданские люди, люди мирного труда, окружающие нас. У нас были иные задачи — не просто жить, а служить Родине. Я порой завидовал мужикам, у кого были время и возможность покупать ящиками бутылочное пиво, садиться в круг и, не спеша попивая его, наслаждаться мирной беседой. Впрочем, они могли бы то же самое сказать в отношении наших окладов и тому, что нам год службы засчитывался за два.

Вывод: В любой ситуации и явлении есть свои преимущества, жизнь любит равновесие.

И все же мы стремились к тому, чтобы торжествовала справедливость, поэтому организовывали поездки в Ленинград, чтобы попить пивка. К этому остается добавить, что стоимость билета на самолет рейса «Москва — Петропавловск-Камчатский» в один конец составляла 149 рублей, а в другой почему-то — 151. Бокал пива стоил сорок копеек. Ради копеечного удовольствия тратилось три сотни рублей! Впрочем, мы привыкли к таким послаблениям для себя, выбрасывание носков после пары дней их использования, только ради того чтобы не стирать, транжирством не казалось.

Тогда же я лично познакомился с местным допингом египетского происхождения под названием «Абу симбел». Этот ликер поставлялся на Камчатку в избытке, и был весьма коварен. О его повадках поведал товарищ Николая Иосифовича Зубика в таких словах:

— Иду на корабль под очень хорошим впечатлением от приятного общения с Абу симбелом. Иду по дороге, никого не трогаю,

никаких грешных мыслей в голове не держу. Иду, иду... Вдруг ни с того, ни с сего дорога поднимается на дыбы и встает вертикально. Я даже испугаться не успеваю, а она — как долбанет по голове... даже след оставила... Как добрался до казармы, не помню.

Новый год я встретил в плавказарме — в полном одиночестве, за чтением книг. Содержание одной из них помню до сих пор — речь шла о Крымской войне и о боевых действиях на Камчатском полуострове, где война для англичан и французов оказалась менее успешной, чем на Черном море.

В первых числах января 1977 года меня вызвали в штаб флотилии, а там заместитель командующего флотилией, капитан 1 ранга, насупив брови, приказал срочно убыть в экипаж в/ч 95016, куда я был командирован по распределению. Тем более что пока я ездил в Рыбачий, экипаж этой субмарины передислоцировался из Палдиски в Комсомольск-на-Амуре. Я попытался настоять на своем желании остаться на Камчатке, что-то лепетал о практике, на ходу придумывал резоны. Но грозный начальник, круче сдвинув брови, разъяснил, что я плохо понимаю текущий момент. И добавил, что в случае неподчинения меня ждут принудительные меры административного характера. И в результате я все равно буду доставлен с Камчатки на большую землю! — в войсковую часть 95016. Вернувшись в принявший меня экипаж, я горестно поведал несостоявшимся сослуживцам о невозможности остаться с ними, что меня отправляют на большую землю — в Комсомольск-на-Амуре. Товарищи посочувствовали, а мичман Востриков, чтобы утешить, добавил еще горечи и страхов:

— Да у меня при одном воспоминании о Комсомольске уши в трубочку сворачиваются, так что, дружище, не завидую тебе, — после чего я совсем скис.

Нехотя собрал я свой небогатый скарб и четвертого января 1977 года убыл из отдаленной местности, где пребывание, как счетчик ушлого таксиста, удваивало выслугу лет и удлиняло рубль. Прекрасная перспектива, но я пролетал мимо нее перелетной птицей. Пришлось попрощаться с замечательной и прелестной

красавицей Людмилой. Мы симпатизировали друг другу, да и родители ее имели немалые виды на наше совместное житье. Даже друг и несостоявшийся камчатский начальник Николай Зубик сказал:

— Женись, Леха, на ней. Все равно лучшей девчонки на всей Камчатке не сыщешь!

Вывод: Жизнь любит игру по правилам, и тех, кто пытается обойти ее веления, если и не наказывает, то все равно не жалует. В лучшем случае — поправляет.

Однако судьба распорядилась иначе. Не был я готов еще к супружеской жизни, да и прекрасная камчадалка не настолько нравилась, чтобы совершить столь ответственный шаг.

Из аэропорта города Елизово вылетел я в Комсомольск-на-Амуре. В салоне самолета оказался в единственном числе. Отчего на душе еще гуще залегла тоска, и от полета осталось ощущение полного одиночества и щемящей прохлады. Сегодня сложно представить, что из-за одного пассажира борт выпускался в рейс, но в то время расписание полетов Аэрофлота было незыблемым делом.

Пролетая над Авачинским заливом, над снежными шапками покатых сопок и конусоидальных вулканов, я вспоминал, как однажды сидел в кубрике плавказармы и вдруг почувствовал, как корабль немалою водоизмещения, стоящий на тихой и спокойной воде, содрогнулся от резкого толчка. Я испуганно крутанулся на месте, но увидел лишь спокойную и невозмутимую реакцию присутствующих. Посмотрел в сторону Николая Иосифовича.

— Что это было? — спросил у него.

Он скучаяще ответил:

— А-а, землетрясение.

О-о, — подумалось мне, — теперь и я смогу когда-нибудь небрежно проронить: «Ой, да знаю, что такое землетрясение».

Через иллюминатор в салон самолета пробивались яркие лучи солнца, и от этого, несмотря на холод, немного улучшилось настроение. Под крылом проплыло безбрежное Охотское море,

уперлось в берега и сменилось заснеженной дальневосточной сушей. Впереди меня ждал незнакомый город, с новыми людьми и новыми впечатлениями. Перед заходом на посадку объявили, что в Комсомольске-на-Амуре сорок восемь градусов мороза. Мне вспомнились слова мичмана Вострикова о самозаворачивающихся ушах. Кажется, я услышал песню воздуха, наполненного взвесью заледеневшей влаги.

Здравствуй, подлодка!

09.01.1977 г. прибыл для прохождения службы в составе 1-го экипажа флота крейсерской подводной лодки “К-523” в 80-ю отдельную бригаду строящихся подводных лодок ТОФ.

Приказ командира 80 обспл № 12 от 10.01.1977 г.

Здесь обспл — это «отдельная бригада строящихся подводных лодок». Естественное сокращение для написания приказов и производства записей в личном деле. Сухие строгие строки, а сколько за ними стоит... За ними — судьба моей юности, всей жизни, берущей исток из этих лет.

Как только стюардесса распахнула дверь на трап, так сразу же почувствовалась бодрящая крепость мороза, его всевластное дыхание. Занесенные снегом улицы после Камчатки уже не впечатляли. Я шел по городу широкими шагами и совсем не солидно размахивал легким чемоданом. А мороз, пользуясь щедротами моих размашистых движений, проникал сквозь шинель и дотягивался до тела ледяными иглами. Уши, пальцы рук и ног онемели от его уколов.

То и дело оглядываясь по сторонам, я зорко все примечал и лихорадочно соображал, где может находиться моя часть. Я старался идти быстро и еще быстрее, чтобы не замерзнуть окончательно. Спросить дорогу ни у кого не мог — город стоял как вымерший, пешеходы не встречались, весь люд спрятался за стенами жилищ и зданий. Наконец, показалась одинокая женщина, идущая навстречу. Она взглянула на меня только для того, чтобы обойти стороной, не столкнуться. И тут же приказала с тревогой

в голосе, не обращая внимания на открывшийся рот с застрявшим вопросом:

— Скорее трите щеки — они у вас побелели, иначе отморозите!

Бросив чемодан прямо под ноги, я принялся исполнять вводную команду, растирать лицо руками. А она ушла, и я не успел расспросить о дороге, не успел поблагодарить, даже рассмотреть черты. Осталось только впечатление тепла и света... Как не было ее, словно то чистое спасение, посланное мне ангелом-хранителем, явилось в облике человека. И вспомнилось: «У Бога нет других рук кроме наших...»

Так бывает. В ходе учений, когда для усложнения или для проверки того, как личный состав реагирует на резко изменяющуюся обстановку, часто придумывались дополнительные вводные команды. Например, в ходе учебного боя может поступить вводная «Убит командир». Или при стрельбе торпедными аппаратами — «Выход из строя системы ввода данных в торпеду из центрального поста» и т. д. Вот что такое вводная...

К счастью, воинская часть находилась почти рядом, в центре города, и мои воспоминания были этим прерваны.

До 80-й отдельной бригады строящихся подводных лодок Тихоокеанского флота, где обитал искомый экипаж крейсерской подводной лодки проекта 667Б «К-523» (в миру — войсковая часть 95016) оказалось рукой подать, что и спасло от дальнейших обморожений.

И был день... и было 9 января 1977 года.

В экипаже жизнь шла своим чередом. Тут должны были получить от Судостроительного завода им. Ленинского комсомола крейсерскую подводную лодку. Впоследствии ее переклассифицируют в ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПК СН). На Камчатке я осваивал лодку проекта 667А, а тут — следующая модификация, 667Б. Не надо думать, что замена в номере проекта лишь одной буквы «А» (по-флотски — «Аз») на «Б» («Буки») не имеет решительного значения. Ибо это далеко не так.

На такой вот самой современной по тем временам суперлодке мне предстояло служить. Невольно к чувству ответственности прибавлялась и гордость. Хотелось поскорее увидеть строящийся корабль, попасть на него, приступить к делу. Экипаж в/ч 95016 принял меня, новоиспеченного мичмана, без особого восторга, спокойно, деловито, как полагается, поставив на все виды довольствия. Ну а чего бы я еще хотел? Тут уже была не учеба, а служба и служба на переднем крае Родины. Серьезная.

Общая картина была такова. Экипажам так называемых «новостроек» на время формирования выпадала особая судьба, расписанная наверху — Главкомандующим ВМФ и Главным штабом. Им полагалось пройти два пути: один назывался «малым кругом», а другой — «большим». В соответствии с этим штатным расписанием изначально предусматривалось создание двух полноценных экипажей.

Что значило «пойти по малому кругу»? Это значило, что вновь сформированный второй экипаж посылался на целевую подготовку в Учебный центр, где досконально изучал материальную часть новой лодки. При этом экипажи стратегических ракетоносных подводных лодок, «стратегии», обучались в городе Палдиски Эстонской ССР, а экипажи многоцелевых подводных лодок — «нестратегии» — ехали в Обнинск, что под Москвой.

Что значило «пойти по большому кругу»? А вот что: субмарина еще находилась на стапелях, а предварительно сформированный первый экипаж, досконально подкованный теоретически в Учебном центре, прибывал на судостроительный завод и придиричиво, по винтику и до винтика изучал ее материальную часть. Именно первый экипаж занимался высокотехнологичным «железом», принимая его от изготовителей. Вместе с представителями науки — разработчиками секретных технологических систем, специалистами сдаточной команды, рабочими и инженерами от Бога, первый экипаж участвовал в заводских и государственных испытаниях. Очень сложная, ответственная, а потому и почетная обязанность всегда ложилась

на первый экипаж, который затем передавал новенькую субмарину второму экипажу.

Именно на ней происходило слияние обеих экипажей в один коллектив.

Возникает вопрос: чем первый экипаж внешне отличался от второго? Дополнительной римской или арабской цифрой, добавленной в документах к номеру воинской части — I (1) или II (2). Например, в/ч 36176-I и в/ч 36176-II или в/ч 95016.

По факту получается, что изначально специалисты первого экипажа более досконально знают лодку. Но с течением времени, в процессе ее боевой эксплуатации различия в знаниях, умениях и навыках между членами обеих экипажей исчезали. Согласно приказу я был зачислен в экипаж в/ч 95016. Как видно, тут дополнительная цифра отсутствует. Это значит, что наш экипаж существовал в единственном лице и находился на большом круге. Он прибыл в Комсомольск для участия в завершающем этапе строительства и приемки подлодки.

Вот на этом этапе я в него и влился. Времени на раскачку не оставалось, нужно было браться за серьезное дело. Хотя я был молодым, однако сразу прочувствовал и понял мощь и объем навалившейся на меня ответственности.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ЭКИПАЖА

Подлодка

Чем является военный корабль для офицера, мичмана, матроса?

Для далеких от морской службы людей вопрос так не стоит. Местом работы, скажут они. И все. Но нет, для моряка корабль — это дом родной. Но это не все. Моряки к своему кораблю относятся как к одушевленному предмету, как к живому существу. Даже как к своему детищу. Подводный ракетносец, эта многотонная гора умного железа, без человеческих рук, человеческого дыхания, пульса, души не станет специфической живой системой и силой, боевым организмом. Человек дает ему

жизнь и он же управляет ею, строит его судьбу. Экипаж научает свой корабль тому, чтобы он всеми сложнейшими устройствами, изысками научной и конструкторской мысли в виде систем, агрегатов, установок, приборов, механизмов тонко реагировал на физическое и интеллектуальное воздействие. Тумблеры, кнопки, рычаги, манипуляторы, тут и там имеющиеся на пультах, — это очень чувствительные органы, отдельные рецепторы громадного одушевленного организма субмарины. Они реагируют на ласковое прикосновение, грубый удар ногой или кулаком, на любое слово, даже на невысказанные мысли.

Корабль наделяется экипажем человеческими свойствами, ибо экипаж передает ему их, отдает ему свои качества. Моряки относятся к кораблю как к другу, товарищу, соратнику — когда выполняют с ним боевую задачу, делают общее дело. Иногда их отношение меняется и напоминает отношение к красивой, умной, чувствительной женщине — когда машина находится на отдыхе и надо навести на нее лоск, обиходить, поддержать ее форму. Как женщины отличаются друг от друга красотой и характером, так и подводные лодки различаются между собой статью и повадками. Отсюда их индивидуальные особенности поведения на воде и под водой; их реакции на управленческие команды членов экипажа.

У военного моряка с кораблем складываются свои индивидуальные отношения. Подводный дом днем и ночью укрывает его на базе, в море, в ясную погоду, в лютую стужу, в жестокий шторм и безжалостную бурю. Как стены домашнего очага, так и подводная лодка предоставляет моряку тепло и свет.

Вывод: Моряком надо родиться, ибо любовь к морю сродни особенному таланту, как любовь к музыке или живописи.

Особенное отношение к кораблю появляется в море, когда остаешься один на вахте в отсеке. Тогда по-настоящему чувствуешь железное плечо друга, чутко реагирующего на управленческие команды. Здесь ты отвечаешь не только за себя, но и за жизнь

и здоровье других. Удивительный симбиоз человека и железа в некотором приближении понятен автолюбителям, холящим и лелеющим свою машину, выказывающим особое к ней отношение, называющим ее ласковыми именами, а под горячую руку — и обидным словом.

До Великой Отечественной войны существовала традиция: в освящение революционных событий давать подводным лодкам политически яркие имена, энергичные: «Большевик», «Декабрист», «Коммунар». Потом настала другая история, и появились новые названия лодок, связанные с подвигом советских людей в борьбе с гитлеровским зверем.

В советское время названия субмарин вытекали из новой жизни, из наших идей и стремлений, из приверженности миру. Они не были оторванными от земли, эфемерными и часто отражали названия весьма конкретных географических точек: городов или союзных республик. Поскольку экипажи кораблей состояли из молодежи, то часто встречались названия: «Комсомолец Казахстана», «Ленинский комсомол», «Ленинец». Некоторые подводные лодки назывались в честь наших юбилеев или важных событий: «им. 50-летия СССР», «им. 60-летия Великого Октября», или «им. XXVI съезда КПСС». Более романтичными именами назывались подлодки, работающие на науку, — «Северянка», «Славянка».

Поддерживали в советском подводном флоте и старую морскую традицию — давать лодкам имена рыб: «Ерш», «Окунь», «Щука». Например, в составе довоенного флота было больше сорока подводных лодок с подобными названиями.

Три кита

К моему прибытию экипаж ракетного крейсера стратегического назначения «К-523» личным, офицерским, командным составом был укомплектован практически полностью, исключение составляли мичманы.

Как уже говорилось, жизнь экипажа началась в Учебном центре ВМФ в городе Палдиски, куда стекались люди с других

подводных лодок, военно-морских училищ, учебок. Как в народе говорят: с бору по сосенке — сформировалась команда. Однако простого сбора людей, одетых в форму и наделенных знаниями, недостаточно.

Вывод: Для становления и приобретения статуса экипажа атомного подводного ракетноносца команде надлежало: во-первых, привести к единому знаменателю личные взаимоотношения; во-вторых, превратить в неделимую частицу единого целого дисциплину, волю каждого человека; в-третьих, упорядочить и систематизировать знания каждого отдельно взятого специалиста согласно техническим и тактическим характеристикам корабля.

Первый успешный вклад в решение этих задач своими согласованными усилиями вносят замполит, старпом и механик корабля. В нашем случае это были «три кита» — заместитель командира по политической части капитан 3-го ранга Владимир Васильевич Малмалаев, старший помощник командира капитан-лейтенант Алексей Алексеевич Ротач, командир БЧ-5 капитан-лейтенант Николай Иванович Семенец. Их работа была высоко оценена и описана в книге «Как создавался атомный подводный флот Советского Союза» авторов Н. В. Усенко, П. Г. Котова, В. Г. Реданского, В. К. Куличкова (М., ООО «Издательство АСТ», С.-Пб, ООО «Издательство «Полигон» — 2004, сс. 292-293).

«Подводный ракетноносец проекта 667Б «К-523» соединения атомных подводных лодок Тихоокеанского флота темной мартовской ночью 1983 г. вышел на боевое патрулирование в Охотское море. На высоком мостике атомохода, идущего через узкость пролива в надводном положении, стоял в меховой куртке его командир контр-адмирал О. Г. Чефонов, а также вахтенный офицер, штурман и сигнальщик. Командир внимательно наблюдал за действиями вахтенного офицера и, слушая доклады штурмана,

отмечал, что молодые офицеры действуют грамотно и уверенно. За два г. после прихода на корабль они обрели нужные качества и органично влились в экипаж ракетноносца, который уже несколько лет удерживал звание отличного корабля. Командир понимал, что это, несомненно, результат плодотворной работы, проводимой командованием корабля и в первую очередь его помощниками – старпомом капитаном 1-го ранга А. А. Ротачем и заместителем командира по политической части капитаном 2-го ранга В. В. Малмалаевым. Начиная со дня формирования экипажа, оба полностью отдавались службе, по-деловому воспринимали требования командира. Повезло, считал О. Г. Чефонов, ему и на других подчиненных. Командир БЧ-5, инженер-капитан 2-го ранга Н. И. Семенец, – настоящий волшебник в своем деле. Знает атомную энергетику до тонкостей, умело управляет самой большой на лодке боевой частью. Надежный специалист и ракетчик – капитан 3-го ранга Ш. А. Насеров. Командиры других боевых частей – капитан-лейтенанты Коростелев, Гаврилин, Еремеев, Конычев спокойно и четко исполняли свои непростые обязанности, работали слаженно».

Так что к прибытию в Учебный центр города Палдиски и вступлению в командование экипажем Олега Герасимовича Чефонова основной состав уже был сформирован и практически притерт. Естественно, Олег Герасимович понял и оценил большую работу, проделанную до него. В упомянутой книге, в главе, посвященной старшим помощникам командира, Олег Герасимович вспоминает:

«На моем корабле длительное время старшим помощником служил капитан 2-го ранга Алексей Алексеевич Ротач. На РПК СН «К-523», которым я командовал, он был в полном смысле моим ближайшим помощником. Вся повседневная жизнь корабля и экипажа в базе и в море держалась на его опыте,

энергии, способности хорошо ориентироваться в обстановке, умении видеть главное. В период учебы в центре ВМФ вся тяжесть начального периода жизни коллектива атомного ракетносца, когда закладываются основы морального климата в офицерском коллективе, создается атмосфера взаимопонимания и основы флотских традиций, легла на плечи старшего помощника А. А. Ротача и заместителя по политической части капитана 3-го ранга В. В. Малмалаева. Командиром на РПК СН «К-523» я был назначен позже них, и до моего прихода дружная работа этих офицеров заложила хорошие основы экипажа, которым мне пришлось впоследствии командовать.

Считаю, что именно благодаря плодотворной работе старпома и политработника в тот ответственный период впоследствии, когда наш ракетносец «К-523» решал задачи боевой службы, экипаж по праву считался передовым на флотилии и одним из лучших на Тихоокеанском флоте.

Мне было приятно служить и командовать таким кораблем. Командиру всегда спокойно, когда на мостике и в центральном посту подводного атомхода на командирской вахте находится надежный, подготовленный к любым неожиданностям старший помощник, которому веришь, как себе».

На личных встречах Олег Герасимович постоянно подчеркивал, что приходилось лишь направлять и незначительно корректировать действия ближайших помощников.

Командир — наша гордость

Остановлюсь на командном составе РПК СН «К-523».

Командир ПЛ — капитан 2-го ранга (впоследствии контр-адмирал) Олег Герасимович Чефонов родился в паре с братом-близнецом 18 октября 1937 года в семье командира Красной Армии Герасима Фроловича Чефопова в городе Гродеково Приморского края. Оба новорожденных были наречены именами русских кня-

зей — Олегом и Игорем. В школе братья отличались прилежанием к учебе и трудолюбием, и педагоги ставили их в пример ровесникам.

Тогда же их двоюродный брат Джемал Измаилович Зайдулин заронил Олегу и Игорю мечту о службе на флоте и особенную любовь к подводным лодкам. Поэтому по окончании начальной школы было естественным решение братьев поступить в Ленинградское Нахимовское училище. Оба они окончили его с блеском: Игорь с серебряной медалью, Олег — с золотой. В 1959 году братья окончили Высшее военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола — тоже с отличием. И сбылась их мечта — началась служба на дизельных подводных лодках Тихоокеанского флота. Не зря говорят, что судьба близнецов схожа: со временем оба они выросли от командиров группы штурманской боевой части до командиров подводных лодок на Камчатке. Олег Герасимович командовал подводными лодками 641-го проекта «Б-397» с 1971 по 1974 годы и «Б-101» с 1974 по 1975 годы, которые вывел в отличные. Когда в 1975 году ему предложили перейти на атомный ракетносец, а в 1976 году — стать командиром на РПК СН «К-523», то решение он принял без колебаний.

Пару слов скажу и о Джемале Измаиловиче Зайдулине. Годы его жизни — 1934-2009. Это был специалист в области тактики разнородных противолодочных сил, педагог, кандидат военных наук (1983 г.), профессор (1991 г.), капитан 1 ранга. Даты его становления таковы: в 1956 году он окончил Высшее военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола, в 1965 году — Высшие специальные офицерские классы ВМФ, а в 1971 году — Военно-морскую академию. С 1956 года проходил службу на подводных лодках Тихоокеанского флота в должностях от командира рулевой группы до командира подводной лодки включительно. С 1971 года — командир экипажа крейсерской подводной лодки Северного флота, с 1975 года — преподаватель, старший преподаватель, заместитель начальника

кафедры тактики ВМФ Военно-морской академии. Он — автор многих работ по тактике ВМФ, в том числе учебников и учебных пособий. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями. Вот такой человек повлиял на выбор Олегом Герасимовичем своей профессии.

Вывод: Олег Герасимович попал на наш корабль уже с опытом командования подводными лодками. Наиболее показательно его опыт проявлялся при швартовке, которая выполнялась выверено и точно, словно это были расчеты прирожденного конструктора, производящего вычислительные операции в уме, без логарифмической линейки. Всего несколько точных команд и — мы у пирса. У некоторых командиров этот процесс занимал гораздо больше времени, они подавали от двадцати до тридцати команд с огромным количеством фольклорных связок между ними. А сколько нервов и психов шло в качестве топлива для розжига и поддержания процесса!

Швартовка нашего корабля напоминала парковку инструктора автошколы, дающего молодому водителю класс водительского мастерства в стесненных условиях мегаполиса.

Поэтому, когда наш командир руководил швартовкой, мы «парковались» так неслышно, что узнавали о заведении швартовых концов на пирсе лишь по команде:

— Такой-то боевой смене заступить на вахту.

Должен заметить, что английские флотоводцы, признанные законодатели мод в морском деле, всегда внимательно следят за тем, как в портах швартуются корабли и суда, и по этому признаку оценивают профессионализм их командиров. Уверен, что если бы наш командир (хотя на атомном подводном ракетоносце — не дай Бог), швартовался в каком-нибудь Портсмуте или Глазго, то он имел бы вполне достойный вид и был бы высоко оценен королевскими мореплавателями.

На флоте существует негласная традиция — к командиру корабля обращаться не по званию, а по должности: «Товарищ командир».

Когда Олегу Герасимовичу присвоили звание «контр-адмирал», первому и единственному в то время на Тихоокеанском флоте командиру корабля, то все члены экипажа, конечно, этим гордились. Как-то к нему на пирсе обратился молодой офицер с рапортом:

— Товарищ адмирал...

Олег Герасимович тут же резко отреагировал:

— Я тебе что, больше не командир?

— Извините, товарищ командир...

— То-то.

Данный факт свидетельствует о многом и раскрывает глубинные человеческие качества нашего командира. Если к командиру обращается малознакомый офицер, то командир не может терпеть вольностей. А если обращается действительно подчиненный офицер или мичман, то здесь допускаются доверительные отношения и позволительно запросто обращаться «Товарищ командир».

Что такое первый командир для военнослужащего?! Можно привести аналогию с первой учительницей, но это будет слабая аналогия. Первая учительница знакомит с азами грамоты, а первый командир помогает постичь «буки» и «веди» военной службы, учит основному искусству, которым должны обладать мужчины, — подчинению. А умение подчиняться формирует мужчину, закаляет его. У каждого воина есть первый командир, начиная от старшего матроса (ефрейтора) или от лейтенанта и выше. Как первая учительница запоминается на всю жизнь, так и первый командир никогда не забывается.

Что касалось вопросов исполнения воинского долга, наш командир был жестким, зачастую неумолимым человеком. А в конкретной ситуации, если кто-то попадал в трудное, тяжелое или безвыходное положение, Олег Герасимович, обладая живым и отзывчивым сердцем, сочувствовал офицеру, мичману, моряку

и, иногда идя наперекор приказам и общепринятым установкам, помогал человеку. Очень редкий дар... бесценный... отцовский... который присущ только великим людям.

Например, к старшему лейтенанту Сергею Ивановичу Блынскому в Большой Камень приехала жена. Корабль находится в достроечном заводе, поэтому квартиры выделили только командиру и замполиту, остальным жилью не предоставлялось, все жили на лодке. Город закрытый, гостиниц нет, приезжие по командировочным предписаниям поселяются в общежитии завода, снять квартиру почти невозможно. Жена Блынского приехала на десять дней. Командир вручил молодому лейтенанту ключ от квартиры — живи!

Или вот еще пример. Когда экипаж проходил обучение в эстонском городе Палдиски, командир отпустил молодого лейтенанта на родину для решения неотложных проблем, возникших в его семье, чем предотвратил ее распад. Олег Герасимович вник в ситуацию, понял молодых неопытных людей. И хоть существовал прямой запрет вышестоящего командования на такие действия, он взял на себя ответственность, прикрыл офицера и разрешил выехать на родину — в другую республику, за тысячу километров.

В том же Палдиски молодые лейтенанты, едва освоившиеся в экипаже, были отпущены Олегом Герасимовичем на свадьбу друга. Шесть офицеров — ощутимая потеря для боеготовности экипажа — на несколько дней покинули часть и уехали в Ленинград. Если очень было надо, Олег Герасимович всегда шел навстречу личному составу. Ниже будет описано, как он проявил высокие человеческие качества по отношению к автору этого рассказа.

Позже Олег Герасимович служил в Главном штабе ВМФ, оттуда и ушел в запас. Но и поныне продолжает трудиться на общественной ниве — заведует Военной фундаментальной научной библиотекой ВМФ, где занимается историей флота. Он является членом Президиума Совета ветеранов Тихоокеанского флота, действующим членом Клуба Адмиралов. Библиографический

перечень его работ занял бы не одну страницу. Он стал заядлым дачником, любит трудиться на земле.

Замполиты — под колпаком долга

Заместителем командира по политической части (ЗКПЧ), как уже упоминалось, у нас был капитан 3-го ранга (впоследствии капитан 1-го ранга) Владимир Васильевич Малмалаев.

Владимир Васильевич — грамотный офицер, обязанности исполнял хорошо, командир был им доволен. А вот офицерский и мичманский состав, скажем прямо, не всегда поддерживал замполита, о чем следует лишь сожалеть. Однобокое тут было взаимопонимание — от замполита требовали и внимания, и участия, а с его службой и требованиями не каждый был готов считаться. Короче, как всегда, работа непосредственно с людьми, их настроениями и шкурными интересами благодарностью не изобиловала. Тем более что Владимир Васильевич был убежденным коммунистом и неуклонно интересы экипажа и общего дела, порученного нам Родиной, ставил выше интересов отдельного человека. В работе с людьми он делал ставку на их лучшие качества, позволяя каждому быть в чем-то не идеальным. С этой меркой он подходил и к себе. Такова была его гражданская сущность.

Конечно, людям с потребительской психологией, с не оформившейся любовью к Родине, к приютившему их коллективу, к доверенному делу, людям с низким градусом крови это мало нравилось. Чего скрывать, многие приходили на флот не по велению сердца, а за длинным рублем, такие отдавать свои силы общему делу не стремились. Давно замечено, что неразвитые душонки не просто не понимают и не принимают духовных людей, но агрессивно настроены к личностям возвышенным, богатым нравственно. Увы.

Лично у меня о Владимире Васильевиче сохранились хорошие воспоминания, с его стороны я встречал уважительное отношение к себе и большую помощь в службе. Например, после женитьбы именно благодаря его заботе мы с женой получили квартиру.

Позже Малмалаев стал заместителем, а затем начальником политотдела 21-й дивизии подводных лодок. Но что-то там у него не получилось, вышли недоразумения, обусловленные его щепетильностью и стремлением любое дело доводить до конца. Видимо, не угодил кому-то, помешал. По этой причине он рано ушел из жизни. Жаль, ведь его заслуги в становлении экипажа нашей субмарины значительны, он многих по сути еще мальчишек, попавших на флот, воспитал настоящими мужчинами.

После ухода от нас Малмалаева обязанности замполита перешли к капитан-лейтенанту Василию Сергеевичу Андросову.

Он резко отличался от предшественника в подходах к воспитанию личного состава. Подмечал и запоминал человеческие слабости и не особенно стремился их исправлять, ему проще было опираться на них, чтобы добиваться подчинения. Нормальным считалось встать на сторону простого человека, как будто между интересами общими и частными надо было не гармонию искать, а отдавать предпочтение последним, грубо говоря, улаживать их.

Был он весьма неоднозначен. Решение некоторых вопросов брал на себя и с докладом к командованию не спешил. С нерадивыми или провинившимися матросами и мичманами разбирался просто — ударом по печени или по почкам. И так это делал по-доброму, по-замполитовски, с любовью и лаской, что обижаться на такое обхождение не приходилось. Не припомню, чтобы кто-то ответил замполиту аналогичным образом. Считали, что лучше так, чем выслушивать бесконечные и бесполезные нотации и нравоучения. Кому что.

Полагаю, в новой жизни, нынешней, любители того, чтобы с ними обращались с помощью зуботычин, имеют их под завязку и даже с избытком. Но довольны ли они?

Сравнивая замполитов, скажу прямо: первый был интеллигентом, взывал к совести, стремился обогатить интеллект моряка, возвысить его над ситуацией; а второй проявил себя хитрым сермяжным мужичком, однако простым и доступным в общении. К сожалению, если бы тогда встал вопрос выбора между ними,

на сторону Василия Сергеевича перешла бы подавляющая часть личного состава.

Вывод: Ой как все неоднозначно! По менталитету некоторых незамысловатых людей иной раз лучше оказаться побитым нравоучительным справедливецем, чем терпеть демократические разбирательства. Все очень и очень непросто, так как у большинства народу отношение к замполитам было примитивное, даже пошлое — как к приспособленцам. И только потому, что замполиты стояли на стыке конкретного личного интереса и интереса всего общества, где им надо было прилагать невероятные усилия к тому, чтобы быть понятыми. Просто не хватало талантливых, выдающихся замполитов. Очень сложный вопрос!

Наверное, самое главное в этом то, что действительно было маловато хороших замполитов, так как некоторые беззастенчиво скатывались к устройству личной жизни и своего благополучия. Поэтому если кто-то из мичманов или офицеров узнавал про замполита что-то негативное, то веры такому человеку уже не было. Это матчасть реагирует лишь на физическое воздействие. А у людей все-таки имеет значение то, как замполит работает с личным составом, с душой или нет, лжив ли он в своих высказываниях с трибуны и в реальных поступках, соответствует ли его жизнь его речам.... какой пример он подает. Нести крест замполита было непросто, все равно что находиться под колпаком обязанностей, быть заложником идеалов, жить в луче прожектора, на юру...

Официальных критериев «хороший — плохой» замполит не существует, тут у каждого подводника — свой опыт. Мне довелось встречать хороших замполитов, однако подавляющая часть моряков могла бы вступить со мной в спор. Ну не любят люди, когда их заставляют топтать на вершину горы, зато с удовольствием скатываются вниз. Думаю, сейчас многие поняли, как расточительно они относились к щедрости откровенных сердец. А ведь с этого, с игнорирования бескорыстного добра, с непонимания его ценности начиналось разрушение нашей державы.

Несколько лет назад я попал в компанию подводников на восемь-десять лет моложе меня. Один из присутствующих, капитан 2-го ранга, не хотел называть свою должность. Мне стало интересно, я познакомился с ним ближе и узнал, что на Камчатке он был замполитом экипажа атомной подводной лодки. Вот до чего дожили — воспитатели стесняются своей благородной миссии! А воспитанники не уважают своих учителей... Это регресс.

В дополнение к нетривиальному вопросу о замполитах хочу присовокупить не менее сложную тему, касающуюся института «особистов». В последнее время здесь существует множество спекуляций.

Ниже приводятся примеры работы вероятного противника времен Холодной войны, участником которой мне довелось быть. На нашем корабле оперуполномоченным особого отдела был капитан-лейтенант (впоследствии капитан 3-го ранга) Анатолий Иванович Захаров, назначенный на должность приказом Председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова. Во время длительного пребывания экипажа в море Анатолий Иванович находился на борту. Приятный в общении офицер, он умел расположить к себе собеседника, досконально знал общую оперативную обстановку и, что самое главное, был в курсе личных дел экипажа. Довелось ему и со мной поговорить по душам. В чем было дело? В коллективе сложилась напряженная ситуация в отношениях с командиром БЧ-3 Виктором Степановичем Николаевым, командиром боевой части, по-флотски — бычком. Захаров вызвал меня на беседу, и я не стал утаивать от представителя государственной безопасности опасную ситуацию, способную привести к негативным результатам.

Впоследствии мне довелось слышать о конфликте между командиром корабля и особистом. Что там было: карьеристская мотивация Захарова или чья-то установка, чтобы он действовал именно так, — сказать не могу. Но то, что особист требовательно относился к адмиралу, это факт, который я подтверждаю с полной определенностью. Адмирал не мог игнорировать мнение простого капитана из особого отдела.

С другой стороны я слышал о противопоставлении Анатолием Ивановичем себя командиру корабля из карьеристских побуждений, что, разумеется, вышло за рамки его служебных полномочий, а значит, шло вразрез с безопасностью государства. И опять возникает та же проблема — насколько человек, занимающий ответственную должность, соответствует ей по моральным качествам.

Человеческий фактор вообще играет огромную роль в делах, а когда люди находятся в экстремальных условиях, его значение возрастает. По своей природе человек призван ходить по земле, а не плавать под водой. В этих условиях проявлялись результаты работы и замполита, и особиста, и чувствовалась их потребность и значение. Ибо чрезвычайно важным оказывался предварительный подбор кадров, вся воспитательная работа в экипаже и мера ответственности каждого за безопасность нашей страны, обеспечивать которую нам было поручено.

Старпомы с творческой жилкой

Старшим помощником командира (СПК) был у нас капитан-лейтенант (впоследствии — капитан 1-го ранга) Алексей Алексеевич Ротач, родом из Ставрополя — добродушный толстяк высокого роста и необъятного телосложения, строгий и справедливый служака, хороший психолог, отличный воспитатель, обладатель великолепного чувства юмора. В моем понимании это был настоящий старпом, самый лучший. Алексей Алексеевич был женат на моей землячке из города Речица Гомельской области.

Примечательный факт, когда экипаж в 1975 году находился на учебе в Палдиски, в Беларуси уродился хороший хлеб. В то время существовала своеобразная связка армии и сельского хозяйства. Для оказания помощи в сборе урожая от экипажа сформировалась команда, из Эстонии она была направлена в Беларусь. Собираясь в командировку, старшина 2-й статьи из радиотехнической службы, это гидроакустики, был чем-то сильно недоволен. Алексей Алексеевич, возмущенный поведением старшины, сказал фразу, что стала крылатой:

— Мы с тобой едим хлеб с одной земли!

Старпом имел обыкновение своеобразно ругнуться: «Ну что, е!?» — вроде и круто, а ничего не сказал. А еще он обладал нестандартной фигурой, поэтому не мог подобрать подходящее повседневное снаряжение к кортику. Но ведь без кортика в наряд не заступишь. На этот случай он брал его у меня — ремень черного цвета, так как своего для охвата его талии не хватало. Фигура в черной шинели с двумя бляхами выглядела строго... и забавно — одна бляха спереди, другая — сзади.

Опишу одно техническое решение, воплощенное старпомом, которое родилось из его личного опыта подводника. Современному ракетносу для обеспечения надлежащего ухода и обслуживания техники необходимо большое количество спирта. Однако для его хранения на корабле не предусмотрено место. А что такое большое количество фляг спирта, болтающихся под ногами личного состава? Гениальная идея сначала возникла в воображении, затем обросла важными техническими подробностями и только тогда обрела вид чертежа. Необходимо добавить, что нештатная идея воплощала неофициальную и в чем-то даже засекреченную конструкцию...

Стратегический ракетносец еще стоял на стапелях завода, а Алексей Алексеевич уже организовал изготовление емкости водоизмещением до двух тонн, претворяя идею симбиоза своей каюты и спиртохранилища. Для слива жидкости был смонтирован краник, а для снятия показаний — мерное стекло. Тогда много говорилось о научной организации труда. Здесь, пожалуйста, живая и настоящая наука, зашхеренная в темном углу каюты.

Тыльной стороной эта лодочная сокровищница выходила на пост обслуживания аккумуляторной батареи второго отсека. Вахтенные моряки на посту, зная о закромах старпома, мечтали устроить налет на их содержимое. Спали и видели, как бы просверлить хоть малюсенькую дырочку в цистерне и несанкционированно отбирать вождеденную жидкость. Мечты... мечты...

Вывод: На других корпусах подводных лодок 21-й дивизии такой конструкторской новации замечено не было, и есть основание считать, что это был единственный и неповторимый образец организационно-технической мысли, воплощенный в металл. Думаю, при желании Алексей Алексеевич мог бы защитить кандидатскую, а при более глубокой проработке и докторскую диссертацию на тему: «Научная организация труда в вопросе учета и хранения спирта в стесненных условиях субмарин».

Впоследствии Алексей Алексеевич стал командиром ракетного подводного крейсера стратегического назначения (РПК СН) в 21-й дивизии, затем служил старшим преподавателем в Учебном центре в Палдиски, где передавал бесценный боевой опыт молодому поколению. После увольнения в запас проживал в Ставрополе.

Странно, но вспоминается много отрывочного, неглавного... то фотография Ротача на стенде преподавателей-передовиков, то о болезни его ног, случившейся в последнее время. В одном из последних телефонных разговоров Алексей Алексеевич пошутил, что из-за болезни является невыездным, признался в любви к речичьему пиву. Я собирался порадовать командира и послать ему пару упаковок пива, не успел — 22 июля 2008 года, к величайшему прискорбию многих его воспитанников, прекрасный человек и замечательный старпом Алексей Алексеевич ушел из жизни.

Продолжателями его дела стали сыновья Владимир и Виталий — оба капитаны 2-го ранга. В свое время они командовали сторожевыми пограничными кораблями Краснознаменной Каспийской флотилии (г. Каспийск). В настоящее время Владимир Алексеевич является заместителем начальника отряда сторожевых кораблей ФСБ ВМФ России в городе Высоцке (Выборгский р-н, Ленинградская обл.). Виталий Алексеевич служит в Южном региональном пограничном управлении ФСБ России в Пятигорске (Ставропольский край). Внук Алексей Владимирович, нареченный в честь деда, заканчивает «Морской корпус Петра Великого» —

Санкт-Петербургский военно-морской институт на Васильевском острове. В телефонном разговоре, состоявшемся 27 июля 2013 года, Валентина Михайловна, жена офицера-подводника, мать боевых командиров, сообщила, что ее внук, будущий штурман, находится в дальнем походе в составе отряда кораблей, в Средиземном море.

Сейчас в администрации города Ставрополя решается вопрос об открытии мемориальной доски на месте, где стоял родительский дом А. А. Ротача.

Старшим помощником командира по боевому управлению (СПК БУ) являлся капитан 1-го ранга Константин Михайлович Иконников, самый старший член экипажа, седовласый, мудрый, уравновешенный, спокойный и человечный. Ему было около шестидесяти лет. Члены экипажа с замиранием сердца слушали рассказы бывалого подводника. Почетным дембельским аккордом Константина Михайловича стал спуск на подводной лодке в доке — по Амуру в достроечную базу завода в Большом Камне Приморского края. После этого перехода, оставив яркие воспоминания о себе, он ушел на пенсию.

После Константина Михайловича оставленные им обязанности исполнял капитан 3-го ранга Владислав Андреевич Филонов, подтянутый, высокого роста, красивый мужчина чрезвычайной скромности, не любивший привлекать внимание к своей персоне. Из уст Владислава Андреевича частенько вырывалось почти литературное ругательство: «Ешкин мышь». Чтобы услышать это грозное ругательство, надо было действительно вывести невозмутимого старпома из себя, что удавалось не часто и не каждому. Кто же преуспевал, тот повторным желанием не горел.

Впоследствии Владислав Андреевич принял командование кораблем 667А проекта с условием: если справится, то будет направлен на учебу в академию. В манере управления и командования лодкой ощущалась рука его бывшего командира. Однажды Владислав Андреевич в присутствии начальника штаба дивизии Владимира Петровича Бондарева настолько четко прищвартовался к пирсу, что старший на выходе не удержался.

— Чувствуется школа! — воскликнул он, имея в виду школу Олега Герасимовича Чефонова.

Значимые командиры

Важнейшую должность в плане обеспечения безопасности при эксплуатации и обслуживании общесудовых и аварийных систем корабля, должность командира БЧ-5, занимал капитан-лейтенант (впоследствии капитан 2-го ранга) Николай Иванович Семенец. С технической точки зрения это первый человек после командира корабля. Таким значимым лицом Николай Иванович и являлся — высокообразованный, с глубоким и богатым интеллектом, интересный человек, отличный специалист, несколько замкнутый по натуре. Он был красив внешне, и это нравилось морякам. Женился на прекрасной женщине, с которой воспитал двух сыновей. В ноябре 2003 года, когда отмечалось 25-летие Четвертой флотилии подводных лодок, Олег Герасимович Чефонов сказал:

— Лично я уважаю Николая Ивановича Семенца.

Знаю доподлинно, что таких слов наш командир просто так не говорит. Сейчас Николай Иванович живет в городе Троицке Челябинской области.

Помощник командира (ПК) — старший лейтенант Геннадий Иванович Баранченко — отличался в экипаже своим невысоким ростом, что ему удавалось вполне компенсировать амбициями и, если честно сказать, обширными познаниями в области знаний регламентирующей документации. Создавалось впечатление, что он знал армейскую азбуку назубок, жил и служил по ней, как ортодокс, принуждая других подчиняться ей, подчас в ущерб логике и здравому смыслу. Подозреваю, что крючоктворство Геннадия Ивановича не всегда нравилось даже командиру.

Вывод: По специфике службы должность помощника командира такова, что любить человека, ее занимающего, моряки не должны. Общеизвестно — помощник командира самый нелюбимый в экипаже человек. Однако с этим приходилось

мириться, ибо стать командиром корабля, минуя эту ступеньку служебной лестницы, невозможно.

Полностью талант Геннадия Ивановича раскрылся на штабной работе. А знания, как заряженное ружье, систематически требовали выстрела. «Перестрелка» чаще происходила с подобным себе помощником командира экипажа соседнего ракетоносца «К-530»:

— Вот ты знаешь, сколько воды требуется для помывки одного квадратного метра палубы?

Ответ следовал незамедлительно. И тут же в качестве ответного выстрела вопрос противной стороны:

— А ты знаешь, какое должно быть расстояние дверной ручки от пола?

Или же:

— Сколько полагается ваксы для чистки прогар?

Для непосвященных поясню, что прогары, или гады, — это рабочие ботинки. Они полагались моряку в качестве обуви к рабочему платью. Раньше они шились со шнурками, в настоящее время шьются с резиновыми вставками на берцах. Среди старослужащих принято вместо прогар в повседневной жизни носить парадную обувь — хромовые ботинки, или хромачи.

В некоторых частях ВМФ (береговых или размещенных в местах с суровым климатом) ботинки заменены на яловые сапоги, а в комплект тропической формы входят сандалии (на атомных лодках полагались в качестве обуви РБ).

Так вот ответы на каверзные вопросы подкреплялись ссылками на конкретные руководящие документы. Офицеры, присутствующие на баталиях корифеев уставной жизни, чувствовали себя беспросветными дилетантами и в споры не вмешивались.

Дуэлянт и задира, Геннадий Иванович одними поединками с равными себе по рангу не удовлетворялся. Стремился вколотить знания и подчиненным членам экипажа. Обычно он сеял разумное, доброе, вечное при приеме зачетов по знанию уставов. Креативно мыслящий помощник, он в карман за вопросом не лез, находил его

сразу и зачастую неожиданно, будто обухом по лбу, спрашивал:

— А как вы посадите в машине арестованного матроса при конвоировании?

Мало кто из офицеров и мичманов вчитывался в устав до таких подробностей. Оказывается, арестованный должен сидеть в машине спиной к движению, чтобы не мог спланировать побег. Наивный Геннадий Иванович считал, что вооружая своих подчиненных мощными и крайне важными знаниями, он делал нас неуязвимыми, такими, которым трудности в жизни уж точно будут нипочем. Разумеется, офицеру с уникальным багажом знаний по уставам, приказам, наставлениям и прочей нормативной литературе место только в штабе флота. Оцененный по достоинству Баранченко, вполне закономерно там и оказался — в штабе Тихоокеанского флота, где дослужился до высокого звания капитана 1-го ранга.

Командиры

Командир БЧ-1 (штурманская боевая часть), старший лейтенант Константин Георгиевич Роговенко — потомственный морской офицер (в третьем поколении), бывалый подводник.

Примечательный факт — до этого он служил на дизельной подлодке, которой командовал Игорь Герасимович Чефонов, брат-близнец нашего командира. Константин Георгиевич был беспартийным, что немного тормозило присвоение ему звания капитана 3-го ранга. Он был спортсменом, любил футбол, волейбол. Улыбчивый, с чувством юмора, симпатичный офицер, уделяющий внимание внешнему виду, он пользовался успехом у женщин. Простую операцию по глажению брюк не доверял супруге. О стрелки, которые он сам наводил на штанинах, можно было порезаться. Жена, избалованная его самообслуживанием, капризничала, жалуясь, что муж ежедневно надевает на службу свежую сорочку, иногда в обед даже меняет на новую. Его ботинки всегда были начищены до такого блеска, что между нами ходила шутка: «В них можно без зеркальца заглядывать под юбки девушкам».

Рассказывали случай. Как-то Константин Георгиевич опаздывал на поезд, но, храня достоинство офицера, спокойно вышагивал во главе семьи по перрону. Вдруг, заметив пыль на брючине, отошел в сторонку и остановился. Жена паникует, торопит мужа, мол, поезд уйдет, а тот спокойно отвечает:

— Хрен с ним, следующий придет, — с этим отставил чемодан, смахнул пыль и только потом продолжил движение.

Надо ли удивляться, что форма на нем сидела с иголочки, словно на манекене, и являла всю красоту военно-морского шика. Иногда он проявлял заносчивость, смотрел на мичманов и даже на некоторых молодых лейтенантов из электромеханической части свысока. Однако пользовался уважением, так как определенную грань не переходил.

Командир БЧ-2 (ракетная боевая часть) старший лейтенант Шамиль Абдурахманович Насеров. До зачисления в формирующийся новый экипаж он также послужил на кораблях. Это был немногословный, редко улыбающийся человек, очень серьезно относящийся к службе. Он имел суровый вид, пустых вопросов и разглагольствований не терпел, так что прежде чем обратиться к нему, подумай. Зато в быту это был добрый человек и отличный мужик. В последний раз я видел Шамиля Абдурахмановича в 2003 году, он был капитаном 2-го ранга запаса и являлся представителем администрации Президента Татарстана в Санкт-Петербурге.

Командир БЧ-3 (минно-торпедная боевая часть) старший лейтенант, впоследствии капитан 3-го ранга, Виктор Степанович Николаев. Имел определенный опыт службы в минно-торпедной части, но не на корабле, а на береговой базе, кстати, туда же впоследствии и вернулся. Весьма своеобразный товарищ со сложным и неуживчивым характером. К себе менее строг, нежели к товарищам, тем более к подчиненным. О таких говорят: «В чужом глазу соринку видит, а в своем бревна не замечает». В силу сложного характера со стороны командования имел претензий больше чем достаточно. Значительное время являлся моим прямым начальником,

а для Виктора Киданова — непосредственным начальником. Подробный рассказ о перипетиях службы с ним впереди.

Командир БЧ-4 (боевая часть связи) старший лейтенант (впоследствии капитан 3-го ранга) Владимир Андреевич Кречко — спокойный, трудолюбивый, нормальный мужик, таких называют солью земли. До службы на корабле преподавал в Тихоокеанском высшем военно-морском училище им. С. О. Макарова (ТОВВМУ). С Владимиром Андреевичем произошел неприятный случай, высвечивающий гамму противоречий во взаимоотношениях «матрос — офицер».

Корабль был пришвартован к пирсу, нес боевое дежурство. Экипаж, состоящий из трех боевых смен, находился в постоянной готовности применить главное оружие — двенадцать баллистических ракет. Одна боевая смена держала вахту, вторая отдыхала в казарме, третья на ночь ушла домой.

Владимир Андреевич Кречко находился в казарме, а вечером по делам отправился на корабль. Вступил на пирс, освещенный, как королевская яхта в праздничный день (хоть иголки собирай), подошел к трапу. Верхнюю вахту в это время нес ненадежный и гнилой (да простит меня «высокий» стиль) матрос, зачисленный к нам из другого экипажа, где прослужил более двух лет. Не исключено, что от него просто избавились. Тем не менее сейчас он был часовым, охранял доступ на подводную лодку, исполнял обязанности гарнизонной и караульной службы — согласно Уставу. Поэтому, видя человека, окрикнул:

— Стой! Кто идет?

Обычно экипаж состоит из полторы сотни человек, где все друг друга знают в лицо и даже по фамилии. А тут офицер — командир боевой части! Что уж говорить, его, конечно, все знали. И он это понимал.

— Ты что, не видишь? — сказал Кречко в ответ и продолжил движение.

Часовой, неудовлетворенный ответом или еще чем-то, передернул затвор карабина.

— Стой! Стрелять буду! Кречко, полагая, что матрос шутит, а даже если и нет, то вряд ли выстрелит, двинулся дальше.

Раздался выстрел. Пуля, дыхнув в лицо перегаром пороховых газов, просвистела поверх головы и улетела в сопки. Кречко остановился.

На место инцидента срочно прибыл дежурный по кораблю и снял самодура с поста верхнего вахтенного. А тот недобро скалился и оправдывался, что, мол, офицер не осветил лицо. Формально он был прав, но фактически проявил чистое издевательство и над системой воинского единоначалия, и над Уставом, и над человеческой моралью. Поступок в американском духе, на котором замешаны все их забастовки и бесчинства — столь тщательное выполнение предписаний, что это приводит к абсурду и к срыву основной задачи. Диверсия под видом слишком большой усердности в работе. Объяснение этого матроса было явно надуманное, так как пирс стоял залитый светом фонарей, да и со стороны КПП бил яркий луч, освещающий даже мелкие морщинки на лице офицера. Безусловно, несчастный Владимир Андреевич Кречко стал жертвой подчиненного, тронутого ненавистью к человечеству и спекулирующего удобно подвернувшимися обстоятельствами.

Матрос был просто наглецом, косившим под дурачка, о котором в народе говорят: «Заставь дурня Богу молиться, так он и лоб расшибет» — только тут он покушался на чужой лоб. Своим вызывающим поступком он противопоставил себя офицерскому составу, дескать, они нас дерут, а мы их кладем лицом в землю. Дежурному по кораблю происшествие доставило хлопот, надо было найти патрон для замены использованного. Ему также пришлось испытать беседы с особистом, командиром корабля, старпомом, замполитом. То, что ретивым вахтенным руководила примитивная злобность, говорило его хвастовство в курилке о том, как лихо он уложил на пирс офицера.

И тут мне припоминается случай, как наши пацаны инстинктивно начесали фэйс разглагольствующему об интима молодого.

Вывод: Держите под контролем своих товарищей, если они демонстрируют заниженную нравственность или не проявляют сопереживания. Обычно эти качества говорят о плохо распознанных отклонениях, способных в критической ситуации так изменить поведение человека, что он сознательно навредит больше, чем тупая природная стихия. Вовремя заданная трепка способна вразумить их и обезопасить вас от их выходок.

БЧ-5 (электромеханическая боевая часть) состоит из трех дивизионов.

Командир 1-го (дивизион движения, комдив-раз), капитан-лейтенант (впоследствии капитан 1-го ранга) Павел Глебович Топильский — мужчина полного телосложения, добродушный ровно настолько, насколько позволяет служба на подводной лодке. Прекрасный человек и отличный специалист. На мой взгляд, он олицетворяет образ настоящего подводника — мастера военного дела — спокойного, отзывчивого, уравновешенного, невозмутимого в сложной ситуации, ровного в отношениях. При нахождении в море Пал Глебыч являлся для меня, вахтенного торпедного отсека, начальником, как вахтенный инженер-механик смены номер один.

Командир 2-го (электродивизиона, комдив-два), капитан-лейтенант (впоследствии капитан 1-го ранга) Борис Витальевич Зайцев. Он был невысокого роста, с появляющимися проплешинами на густой по молодости шевелюре. Уживчивый, спокойный, интеллигентнейший человек. Классный, в смысле профессиональной классификации, превосходный специалист, досконально знающий матчасть. Доступно мог донести материал любой сложности до самого тупого подчиненного. Например, Борис Витальевич весьма своеобразно объяснял работу тока:

— Видишь, постоянный ток доходит до препятствия, здесь утыкается и дальше не идет. Зато переменный ток это препятствие перескакивает и бежит дальше...

После первого дальнего похода комдива-два перевели в Ленинград на повышение.

Командир 3-го (трюмного дивизиона, комдив-три), старший лейтенант (впоследствии капитан 2-го ранга) Борис Алексеевич Дудолодов. Он имел опыт службы на дизельной лодке. Это был знаток военного дела, скромный, слегка застенчивый, неконфликтный товарищ. Я ни разу не слышал, чтобы он повышал голос. Как-то так получалось, что в подчиненные ему попадали то «ни рыба, ни мясо», то залетки, то горлопаны. Неприятностей из-за них тихий и спокойный Борис Алексеевич имел выше головы, но относился к ним спокойно по принципу «меня имеют, а я крепчаю». В восьмидесятых годах Дудолодов Б. А. ушел на повышение и служил флагманским специалистом по живучести 21-й дивизии РПК СН. После выхода в запас живет в городе Шебекино, Белгородской области России.

Начальник радиотехнической службы (РТС), старший лейтенант (впоследствии капитан 3-го ранга) Геннадий Константинович Буйдов — спортсмен, атлетического телосложения, хороший специалист, требовательный командир, которого уважал личный состав. Не курил, не пил, можно сказать, вел аскетический образ жизни, если бы не одна слабость — уж больно охоч он был до женского полу. Как-то незаметно ушел преподавать в ТОВВМУ им. С. О. Макарова.

Начальник медицинской службы (начмед), лейтенант медицинской службы (впоследствии полковник медицинской службы) Иван Васильевич Ещенко — невысокий, коренастого, крепкого телосложения, в работе не просто ответственный, но и увлеченный профессионал. В первом дальнем походе сделал операцию в «полевых условиях» по удалению аппендицита. Мне зашивал левую бровь, которую я разбил, в свободное время упражняюсь в борьбе с Юрием Бессоновым, а также распоротую кортиком ладонь — во время баловства с тем же товарищем. На работе был деловит и если надо — инициативен, словом, если «товарищ доктор», то к нему.

Однажды в курилке, что была между пирсом и службой радиационной безопасности, собралось человек десять потравить анекдоты и здоровье посредством табака. Вдруг мирное собрание отравителей воздуха нарушил гражданский специалист из группы гарантийного надзора, подтвердив, что курильщики травят не только окружающую среду, но и себя, — он упал, захрипел, задержался в судорогах. Иван Васильевич не растерялся, тут же приступил к непрямому массажу сердца. Впоследствии выяснилось, что пациент болен эпилепсией. Припадок закончился под надзором доктора.

По имеющейся информации Иван Васильевич дослужился до начальника госпиталя в городе Североморске, Мурманской области.

Начальник химической службы (начхим), лейтенант Виктор Викторович Артемов — низкого роста, живой и подвижный, отличный специалист. Как и начмед, до этого на кораблях не служил. Впоследствии служил в штабе Тихоокеанского флота во Владивостоке, затем в Гатчине Ленинградской области.

Как-то для проведения стрельб экипаж выехал на полигон в окрестности Комсомольска-на-Амуре. После выполнения обязательной программы офицеры решили пострелять в свое удовольствие из разных положений. Виктор Викторович, человек субтильного телосложения и, как уже сказано, невысокого роста, решил пальнуть очередью из положения стоя. Но масса его тела, которую и массой-то трудно назвать, оказалась для данного упражнения не столько не подходящей, сколько угрожающей.

Если смотреть со стороны, то был вид, что стоит на огневом рубеже морской офицер с автоматом Калашникова наизготовку — красавец, ростом метр шестьдесят с учетом флотской фуражки, в строгой черной шинели из приборного сукна. Все чин-чинарем, в полном соответствии с наставлениями по огневой подготовке. Длина автомата с примкнутым штыком чуть меньше роста Виктора Викторовича. Пока стоит и целится — ладен и статен. Но стоило ему нажать на спусковой крючок...

К счастью, очередь оказалась короткой, магазин — не полным. Будь иначе, то у присутствующих жизнь оказалась бы короче.

Если мне не изменяет память, Виктор Викторович был левшой, поэтому автомат держал левым хватом. В результате неодолимой силы отдачи торс героя в мгновение ока развернуло супротив часовой стрелки, а веер трассирующих пуль чарующим лестничным уступом накрыл неслабый сектор полигона. Хорошо, что у него с левой стороны никого не оказалось. Ошарашенный своей феерической стрельбой, Артемов выдохнул:

— Ну, я и дал...!

Стрельбы прекратились по вине вашего покорного слуги, хотя товарищ мичман на флоте не большой начальник, чтобы давать команды офицерам. Просто когда я в руки получил карабин Симонова, то — не помню уже, с какого выстрела, — уложил мишень так, что она больше не поднялась. Все оказалось очень просто — в результате неудачного выстрела пуля срикошетила и перебила кабель, по которому мишени подавалась команда «встать». Всем хотелось еще пострелять, так как выделенный боезапас не израсходовался. И мне пришлось опускать глаза, чтобы не встречаться с укоризненными взглядами товарищей.

Вывод: Командиры боевых частей и служб на первый взгляд обыкновенные командиры. Однако это не так. Они являются важным звеном в цепи властной вертикали на флоте. В их руках сосредоточены нити управления от рядового матроса в трюме или специалиста ракетной боевой части до старшины команды или командира группы. Этот важный лимфатический узел флотской системы влияет на правильное выполнение боевых приказов командира и контроля их исполнения. От качества этого узла зависит состояние дисциплины и материальной части подводной лодки.

Офицеры

Отдельно скажу о других офицерах. Служил в БЧ-2 «вечный» капитан-лейтенант Владимир Михайлович Мылин, которому по выслуге лет и возрасту полагалось занимать должность командира

боевой части. Невысокого роста, очень своеобразный и интересный, веселый и неунывающий офицер, улыбочивый, от этого иногда ранимый, как ребенок, но с потрясающим чувством юмора. Как-то прибегает он в каюту с окровавленной рукой.

— Что случилось? — спрашивают у него.

— Крыса укусила!

— Как это произошло?

— Крысу ловил...

Создавалось впечатление, что перед нами возмужавший, но не повзрослевший мальчишка, которого многоопытная комсомольчанка коварно женила на себе. Казалось, он своим добродушием и непониманием места в жизни доставлял начальству кучу хлопот. Однако от общения с Мылиным В. М. в памяти остались только приятные и светлые воспоминания.

Молодые лейтенанты, в количестве около тридцати человек, младшие командиры офицерского состава — они прибыли в экипаж, находящийся в Учебном центре эстонского города Палдиски, после окончания высших военно-морских училищ. Все оказались на одно лицо, но не из-за одинаковой формы, а из-за твердости и монолитности, будто это были кирпичики каменной кладки. Каждый — отличный специалист своего дела, прекрасно до тонкостей разбирающийся во вверенной материальной части и в общем устройстве подводного корабля. Интересные личности. О некоторых хочется сказать отдельное слово.

В числе надежных «кирпичиков» был Сергей Иванович Блынский, мой земляк из города Гродно. Командир группы автоматики и телемеханики 1-го дивизиона БЧ-5 или, если брать должность по аналогии с атомной подлодкой первого поколения, — командир группы контрольно-измерительных приборов и автоматики. После года срочной службы в морской авиации и пятилетней учебы в ВВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского в городе Ленинграде Блынского зачислили в наш экипаж.

Сергей Иванович — образец ответственного отношения к делу. Из-за щепетильного выполнения обязанностей однажды

получил назидательный урок. Управление, сигнализация, блокировки, защита (УСБЗ), за которую он отвечал, — сложная и запутанная система, и чтобы в ней разбираться, необходимо было иметь крепкие мозги и невероятно богатую практику. Система предназначалась для управления большим количеством подсистем, клапанов. Она состояла из блокировок, электрических цепей, реле, кучи проводов, помещенных в металлические шкафы. Контакты в реле замыкаются, размыкаются, от многократного соединения под напряжением подгорают, а значит, должны подчищаться и промываться спиртом. Из-за неисправности одного реле сбоят вся система и может повлечь ряд крайне нежелательных последствий, приводящих к катастрофе.

Естественно, для проведения планово-предупредительных осмотров и для протирки двадцати тысяч (!) контактов реле Блынский ежемесячно получал пять килограммов спирта-ректификата двойной очистки. К спирту он относился абсолютно спокойно и бессовестным образом до последней капли тратил его не на себя дорогого и бесценного, а исключительно на технику.

Ректификат, произведенный на заводе и по химическому составу соответствующий требованиям проведения регламентных работ, в реальности имеет другое использование и другую судьбу. Спирту предстоит пройти через своеобразные чистилища. Миновать хранилище, перевозку, склады, носильщиков, старпома, командира БЧ-5, командира дивизиона... Ясное дело, до адресата он доходил в сильно разбавленном виде. В силу разных причин он разбавлялся всем, что под руку попадалось, и из очищающего превращался в опасное для здоровья средство. Таких тонкостей молодой офицер не мог знать и учитывать. Контакты, систематически протираемые нечистым спиртом, покрылись окисью, грязью и датчики начали нагло врать — вместо открытого положения клапана показывать «закрыто» или наоборот. С неисправной системой выходить в море смертельно опасно. Поэтому на корабле поднялась суета.

Надо ли говорить, что виноватым остался Сергей Иванович, который места себе не находил. А дабы он не сучал, ему в помощь

придали группы из специалистов по автоматике и телемеханике с соседних кораблей. Путь к очищению пролегал через отсеки на разных уровнях — от трюма до верхней палубы. Злополучные неполадки устраняли целую неделю, ползая на брюхе, зачищая нулевочкой тысячи контактов. Другой экипаж, принявший корабль, последствия неполадок ощущал еще долго.

Командир БЧ-5 Николай Иванович Семенец раздраженно пенял невиноватому, но виновному лейтенанту.

— Нахрен кому нужна твоя ответственность... — недовольно ворчал он. — Блынский, запомни на всю оставшуюся жизнь — если техника работает нормально, то нечего в нее лезть... пока не сломается!

Корабельный урок памятен Сергею Ивановичу по сию пору, а для проверки качества спирта он вооружился народным опытом.

Но тогда ни Семенец, ни мы не знали, что впереди экипаж подстережет опаснейшая ситуация, способная превратиться в трагедию и похоронить всех в морской пучине. И одним из наших спасителей станет этот молоденький командир офицерского состава, Сергей Иванович Блынский, прибывший сюда в составе тридцати выпускников высшего морского училища...

В 1982 году Сергей Иванович ушел с «К-523» и служил в Военной приемке на одном из заводов Комсомольска-на-Амуре, оттуда в звании капитана 2-го ранга вышел в запас.

Самое удивительное — прослужив два с половиной года на одном корабле, а потом столько же в одном соединении, мы сохранили сухие и сугубо служебные отношения. Зато дальнейшая судьба распорядилась иначе: через двадцать лет мы с Сергеем Ивановичем встретились за десять тысяч километров от бухты Павловского Приморского края — в Минске, где он осел на постоянное жительство. Встретились и подружились. Все спасенные Сергеем Ивановичем коллеги сохранили о нем приятные воспоминания как о добросовестном служаке, настоящем подводнике, надежном товарище.

В беседе «седовласых мореманов», когда разговор коснулся людских взаимоотношений, Сергей Иванович заметил:

— Плохое — разрушает, хорошее — созидает.

Трудно не согласиться с ним, и не потому, что эта емкая и выразительная фраза красива, как математическая формула, а потому что она верна.

Командир турбинной группы БЧ-5 Александр Григорьевич Малий. Красноречивая фамилия — «малый», «маленький» — была явно ему не по плечу, здоровенному мужику под два метра ростом, кандидату в мастера спорта по тяжелой атлетике. Он был непосредственным, в жизни совершенно безобидным и незлопамятным, имел низкий трубный (иерихонский) бас, говорил быстро, поэтому собеседнику приходилось напрягаться, чтобы его понять. Как-то в Палдиски Александр Григорьевич на спор отрывал от земли якорь весом триста пятьдесят килограммов. Дослужился он до капитана 1-го ранга, последняя должность — начальник плавмастерских. Живет в городе Фокино (поселок Тихоокеанский) Приморского края. Уважаемый человек, возглавляет фокинское отделение Союза подводников Тихоокеанского флота.

Александр Григорьевич часто попадал в комичные ситуации даже на партийных собраниях. Пока докладчик монотонно читал доклад, Малий самоотверженно боролся с коварным недругом — сном. Это очень раздражало замполита, зато веселило остальных. Как-то я лично наблюдал такую картину. Докладчик ровным, невыразительным голосом информирует собрание о положении дел в партийной организации, а Малий со всей ответственностью и изо всех сил старается вникнуть в суть. И все же чаша весов бескомпромиссной борьбы склоняется в сторону сладкого Морфея. Но вот Александр Григорьевич вздрогнул от толчка бдительного товарища. Опять пытается не спать, и опять с тем же неуспехом, снова его будит рядом сидящий товарищ. В неравном поединке с сонливостью несчастный мучительно и страдальчески переживает каждое поражение. Сколько их было, не считал, но присутствующие посмеялись вдоволь. Его спящего поза напоминала позу пассажира автобуса, едущего по разбитой дороге. Милый Малий в очередной раз засыпал,

бдительный замполит сделал замечание, несчастный соня усилием воли размыкал веки, тревожно озирался по сторонам, виновато опускал глаза и к удовольствию собрания тут же засыпал снова. Кто-то из командования, возмущенный «безответственным» поведением офицера, громко сделал ему замечание. Командир Олег Герасимович Чефонов, зная, что ничего изменить нельзя, снисходительно улыбнулся, прочие присутствующие откровенно хохотали. Лишь замполиту было не до смеха — обидно.

Александр Григорьевич — был отличным специалистом, которым дорожили. «К-523» вместе с пятью атомными ракетноносцами организационно входил в состав 21-й дивизии, затем дивизия пополнилась шестым корпусом, подошедшим с Камчатки. Из-за некомплекта на всю дивизию пришлось лишь три специалиста по турбинам. Подводных лодок оказалось в два раза больше, чем турбинщиков, в результате чего эти несчастные не вылезали из автономок. Если просто специалистам было от чего взвыть, то каково приходилось им, эксплуатируемым, без кавычек, в несколько раз интенсивней других?

Александр Малый с безотчетной преданностью относился к службе и фанатично изучал и контролировал материальную часть отсека. Как-то, ползая на брюхе, он застрял в трюме между алюминиевыми пайолами. Тут я поясню: пайол — это вообще-то деревянный настил в трюме судна. Укладывается он поверх настила второго дна для защиты груза от намокания. Обычно состоит из легкоъемных портативных секций. Толщина пайола 60-65 мм. Между пайолом и листами второго дна устанавливают деревянные прокладки толщиной не менее 12,6 мм или наносят слой специальной мастики, обеспечивающий дренаж.

Так вот Александр Григорьевич не ожидал подвоха со стороны обожаемой матчасти. Наоборот, рассчитывал на заботу и ласку со стороны любимого детища. Но с этим ему не повезло — он застрял так, что без помощи посторонних было не обойтись. Вахтенным, как назло, нес службу разбитной морячок с «потрясающим» чувством юмора — Анатолий Кормщиков. Обязанность вахтенного —

224

обходить отсек с осмотром и через каждые полчаса докладывать на главный командный пункт. Недобросовестный матрос отсек не обходил, а только докладывал об осмотрах. Зажатый пайлоами Малий прекрасно слышал доклады вахтенного, так как прямо у него над ухом находился «Каштан» (система симплексной связи, односторонней — в отличие от дуплексной, двусторонней, когда идет одновременный обмен информацией на прием и передачу). Сам же он дотянуться до микрофона не мог. А его зов на помощь перекрывался шумом работающих механизмов.

Сколько времени несчастный Малий просидел в заточении равнодушного железа, неведомо. Когда же добросовестного командира в этом беспомощном состоянии обнаружил безответственный морячок, то смеялся, перемещаясь в трюме впокат и вприсядку. Он так хохотал, что не имел сил освободить командира. А Малий, озверевший от всего разом — от унижительного положения и непочтительного отношения, беспомощно размахивал руками, приказывал немедленно его освободить и в бессильной ярости пытался дотянуться до вахтенного, чтобы «приласкать» широченной ладонью. А освободившись, так гонял разгильдяя, что тот летал по отсеку, как проколотый воздушный шарик.

Надо добавить, что любовь одушевленного Малия к неодушевленному железу оказалась устойчивой. Мне известно, что Александр Григорьевич в объятиях капризной матчасти застревал несколько раз. Каждый раз, находя новую дырку, немислимым шурупом вворачивался в нее. Первый, известный общественности случай произошел еще на заводе в Комсомольске-на-Амуре. Но тогда его выручил мичман Михаил Михайлович Баграмян. Во втором, только что описанном, — старшина 1-й статьи Анатолий Кормициков. Непреодолимая тяга к знаниям и желание досконально изучить технику являлась той отверткой, которая не давала покоя шурупу — Александру Григорьевичу Малию. А в тесных условиях подводной лодки человеку с такими габаритами отнюдь не просто.

О непосредственности Малия свидетельствует следующий факт. Служил в экипаже морячок родом из Москвы. Он находился

в подчинении командира турбинной группы. Умел вслух выразить мысль так, что если разложить на части, то оскорбительных слов не найдешь, а в собранном виде получалось обидно.

Как-то в казарме на политзанятиях Александр Григорьевич с четверть часа что-то в толковывал подчиненному. Неглупый москвич давно все понял. Устав от умничаний командира, он с хитринкой взглянул на него и брякнул:

— Товарищ старший лейтенант, смотрю на Вас — за Вами дерево красивое растет, а Вас в упор не вижу...

Пораженный прозрачным и обидным словесным вывертом подчиненного, офицер споткнулся на полуслове, поперхнулся. Осмыслив сказанное, не сдержался, забыв про силушку богатырскую, сунул пудовую гирию морячку за пазуху. Движение оказалось произвольным и резким. Умник, сложившись пополам, точнехонько, будто по расчетам, и улетел под батарею отопительной системы. Резко поумневшего остряка сострадательные товарищи с величайшим трудом извлекли из-под радиатора. Впоследствии к простоватому на первый взгляд офицеру подчиненные относились с предупредительным уважением.

Об уровне подготовки в высших военно-морских училищах свидетельствует уровень академических знаний молодого лейтенанта Валерия Григорьевича Жалдака, главного героя по спасению субмарины в той опасной ситуации, о которой уже упоминалось. В экипаже нашего корабля он начал службу командиром группы дистанционного управления № 1 (впоследствии стал капитаном 1-го ранга). Родом Жалдак из Беларуси. Породистый, худощавый, высокий, он статностью напоминал средневекового рыцаря. Немногословный, вдумчивый и надежный товарищ. Процесс его становления как настоящего воина проходил на нашем корабле, где он дорос до капитан-лейтенанта и специалиста высшей квалификации. Если бы в той конкретной ситуации, что грозила нам всем гибелью, не проявились навыки, умения и выучка Жалдака, то никто этих строк не прочел бы, да и о многих писать было бы нечего. Спасибо тебе, друг дорогой Валерий Григорьевич Жалдак!

Однако обо всем по порядку.

Летом 1979 года в бухте Павловского высадился научный десант во главе со знаменитым академиком Анатолием Петровичем Александровым, который был физиком по специальности. По дивизии тихо пополз слухок, не на шутку настороживший подводников: на экзамене будут опрашивать по знанию реактора и радиационной безопасности. Народ затрясло, как трясет осиновые листья в преддверии бури. Первыми на собеседование вызвали двух молодых лейтенантов, из умников — Жалдака Валерия Григорьевича и Садыкова Игоря Закиевича. Не знаю, случайно ли получилось или командование настолько было уверено в них, но научные светила приятно удивились знаниям и смекалке экзаменующихся. Для всей Четвертой флотилии плакатными стали слова академика Александрова:

— Если бы везде специалисты были так подготовлены, как у вас, то аварий на подводных лодках не было бы.

Страшившая нас проверка знаний по этой прекрасной причине забуксовала, а затем и вовсе сошла на нет, как мартовский снег. Положение спасло яркое впечатление от образцово-показательных знаний молодых офицеров, и что самое главное — опрос прекратился с успешными выводами. Замечу, Александров, президент Академии наук СССР, как в воду глядел. Подтверждение его пророческих слов найдется в дальнейших событиях, уже упоминаемых, главным героем коих стал Валерий Григорьевич Жалдак.

Валерий Григорьевич Жалдак после службы на «К-523» делился бесценнейшими знаниями в 717-м Учебном центре, учрежденном в Комсомольске-на-Амуре. Решение о его организации было принято ввиду того, что Тихоокеанский флот находится на приличном расстоянии от подобных центров подготовки в Палдиски (Эстония) и в Обнинске (под Москвой). Прежде чем попасть в Учебный центр, Валерий Григорьевич с блеском сдал экзамены и зачеты в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова, получив самые лестные отзывы. В Комсомольске-на-Амуре он являлся заместителем руководителя

кафедры ядерных реакторов, откуда ушел в запас, сейчас живет в городе Шебекино Белгородской области.

В БЧ-1 также начинал службу лейтенант Владимир Степанович Трубиков — хороший, скромный, отзывчивый, понимающий и толковый офицер. Запомнился скверной привычкой курить папиросы по-черному, не щадя ни своего, ни чужого здоровья. По этому поводу его однокашник лейтенант Виктор Юрьевич Кузнецов шутил:

— Слушай, Трубиков, будешь много курить — станешь Трупиковым.

За время совместной автономки Трубиков заматерел и получил благословение Олега Герасимовича на должность командира БЧ-1 в другом экипаже. Впоследствии Владимир Степанович Трубиков, ученик Чифонова, стал командиром ракетного подводного крейсера стратегического назначения проекта 667А и дослужился до звания капитана 1-го ранга.

Виктор Владимирович Коростелев начал службу в качестве командира электронавигационной группы БЧ-1. Он был высокого роста со слегка вытянутым лицом, очень исполнительный, редкий службист. Большой любитель шахмат. Короче, нормальный товарищ. Хотя... зануда. Говорят, именно из-за этого свойства характера от него постарались избавиться, как только представилась возможность — отправили на повышение.

Начинал службу в БЧ-5 командиром группы дистанционного управления № 4 (КГДУ-4) и одновременно являлся командиром седьмого реакторного отсека лейтенант Евгений Викторович Кочетов — скромный, интеллигентный офицер. Его человеческие и профессиональные качества были замечены, за отличную службу Евгению Викторовичу со временем присвоили воинское звание контр-адмирала. Для этого надо было быть действительно недюжинным человеком, ибо получить столь высокое звание редко кому из механиков удавалось. Сейчас он живет во Владивостоке.

Вывод: Молодые офицеры, основательно подготовленные в морских училищах по части теории, попал

на субмарину, отлично усвоили практическую часть своей работы и стали не только цементирующей составляющей экипажа, но и блестящими гражданами своей Родины, способными на самопожертвование и подвиг.

Вот такие молодые лейтенанты, в будущем доблестные офицеры, влились в экипаж РПК СН «К-523». Не обо всех удалось рассказать из-за отсутствия достаточной информации. Если бы тогда я мог предположить, что соберусь писать книгу, то присматривался бы к каждому, вплоть до простого матроса, и писал бы дневник. В определенных условиях любой матрос может оказаться ключевой фигурой.

Мичманский состав

Если офицерский и личный состав экипажа до моего прибытия сформировался практически полностью, то в мичманском ощущался явный недобор. Прибыв в экипаж, я нашел всего двух представителей, зато каких! Оба мичмана были армянами, один лет на пять старше, другой — на все пятнадцать.

Младший — Руслан Баширович Багдасарян. С Русланом довелось служить не долго, его вскоре комиссовали. Живой и шустрый, веселый и компанейский, он получил пулю от собрата по погонам. «Его пример другим наука» — далеко не пустые слова. Происшествие в самом начале службы произвело на меня сильное впечатление и заставило задуматься.

События разворачивались в Учебном центре города Палдиски. Несколько членов экипажа, среди которых были офицеры Константин Роговенко, Александр Павлов, Игорь Садыков, Сергей Гаврилин, Владимир Красуляк и мичманы Михаил Михайлович Баграмян и Руслан Багдасарян отдыхали на диком пляже, ели шашлыки и пили кавказское вино. После отдыха возвращались в часть. Путь пролегал мимо огороженной запретной зоны, на территории которой нес вахту мичман с табельным пистолетом. Отдохнувший народ, разбившись на группки, брел не спеша вдоль ограждения. Кто-то из них начал лениво пререкаться с мичманом,

находящимся при исполнении служебных обязанностей. Причины словесной перепалки неизвестны, но известно, что вооруженный мичман слов не выбирал:

— Эй, вы звиздюки (перевод — уважаемые)! Что вы, козлы (перевод — несознательные товарищи), тут шляетесь? Вы что, мать-перемать (необходимая связка слов, не требующая перевода), не видите, что тут запретная зона? А ну пи...те отсюда на х... (перевод — идите-ка, господа хорошие, куда-нибудь подальше).

Это ариозо продолжалось до тех пор, пока с «поющим фрегатом» не поравнялся Игорь Садыков, — малый атлетического телосложения, массой молодых мускулов под сто килограммов, готовый в любой момент к драке. Легко представить, как центнер натренированных мышц подпрыгивает теннисным мячиком и щелкает по скуле мичмана, отгоняющего подвыпившую компанию от охраняемой территории. От профессионального оперкота мичман, находящийся при исполнении обязанностей, потерял сознание. Члены дружной компании рассудили так: «С кем не бывает» — что не являлось, конечно, образцом ни доблести, ни мудрости.

Члены экипажа подлодки продолжили путь. Еще бы немного времени, и они скрылись бы в сумеречной дымке, обычно окутывающей приморские города умеренной климатической зоны. Но очнувшийся сундук (нелицеприятное прозвище мичмана в основном береговой базы, по аналогии с куском — армейским прапорщиком), не стал теряться и выстрелил в удаляющуюся группу нарушителей. Замыкающими в ней шли Багдасарян и Павлов, им-то и досталось: у первого пуля оказалась в печени, у второго запуталась в полах кителя.

Когда по факту совершенного инцидента возбудили уголовное дело, следователь, проводящий допрос, спросил у Александра Павлова:

— Ну и что вы почувствовали, когда пуля попала в китель?

— Показалось, что меня обдало холодным ветерком.

Руслану Багдасаряну печень разворотило так, что высококвалифицированный военный хирург еле собрал и вставил ее на место. В итоге пострадавшего через год комиссовали, а

берегового мичмана, проявившего бдительность, военный трибунал оправдал — человек нес свою службу.

Рассказывая об этом, Руслан озлобленным не казался, наоборот, советовал обходить пьяных дураков стороной. Ударил один, а пострадал — другой. Так и бывает — чаще всего люди гибнут по глупости.

Старший из мичманов — Михаил Михайлович Баграмян. Настоящий мичман (дословно с английского — «мужчина посреди корабля»), посвятивший жизнь подводным лодкам. О необычной истории его семьи следует писать отдельную книгу.

Будущий морской волк родился в Баку (почти через два месяца после начала Великой Отечественной войны — 15 августа 1941-го г.) и был назван Михаилом в честь человека который когда-то спас Эмиля Варкесовича, его отца. Отец был так благодарен другу, что в метрике записал сына Михаилом Михайловичем Баграмяном. Эмиль Варкесович Баграмян, майор-пехотинец, и мать Розалия, полковник медицинской службы, прошли Великую Отечественную войну и погибли в апреле 1945-го года среди развалин Берлина. Родителей Михаил не помнил. Как на пленке военной кинохроники, воображение рисовало ему, как мама собирается на встречу с отцом. Хочет взять с собой сына, чтобы показать мужу, который ни разу его не видел. Но бабушка, как она об это рассказывала, имея нехорошие предчувствия, не отдала внука.

Берлин бомбили... И встретившихся супругов накрыло бомбой. Провидению угодно было сохранить жизнь маленькому Мише, его воспитанием занялся дядя, брат отца — Возген Варкесович Баграмян, командир танкового полка. Жили они в Баку, однако отношения дядиной жены с пасынком не сложились, и через пару лет, в 1947-м году, Миша сбежал из дому. Сел на поезд и поехал «куда глаза глядят». Поймали его без труда и хотели отправить в колонию, но разобрались и сдали в детский дом комсостава.

Еще в Баку, играя со старшими дворовыми мальчишками, Михаил бредил морем, а повзрослев, попал в Каспийскую военную флотилию и стал юнгой на сторожевом катере. Однако впоследствии

избрал другое поприще — примерно в 1950 году он поступил в Ереванское музыкальное училище, и по его окончании почувствовал желание учиться дальше, получить высшее образование. Но в 1959 году, с наступлением призывного возраста, попал служить во флот.

Срочную службу ему довелось служить радистом в БЧ-4 на легендарной «Щуке» (тип подводных лодок) в городе Мурманске. Особенностью экипажа было то, что сформировали его по интернациональному принципу. В состав входили представители почти всех народов Советского Союза. Михаил пользовался заслуженным уважением и любовью экипажа. Тем не менее в 60-х годах неоднократно пытался уйти на гражданку для поступления в вуз, но каждая попытка заканчивалась уговорами командования остаться на корабле, и он оставался. Михаил, человек железной дисциплины, не то что пить водку, даже сигареты курить не научился. За время службы на дизельных и атомных подводных лодках занимал различные должности: радиста, интенданта, кок-инструктора, дозиметриста, техника космической связи, в свое время даже руководил военным оркестром бригады. На вопрос, сколько у него за плечами дальних походов, отвечал, что до десяти считал, а потом перестал. Очень скромный человек, он на мою просьбу написать несколько строк своих воспоминаний так и сказал: «Никогда не писал и мало кому рассказывал о службе, а ты мне душу разбередил».

В жизни случается такое, что и не придумаешь. Сразу попасть под опеку человека, имеющего за плечами богатейшую флотскую биографию, — невероятная удача. О таком и мечтать не приходилось, а мне повезло встретить Михаила Михайловича — невеличкого росточку, подтянутого, сухопарого, с добрыми умными глазами, пронизательным взглядом, философским складом ума. Вне всякого сомнения, именно таких мичманов как он называют золотым фондом флота.

При первой же встрече Михаил Михайлович четко описал флотский «пирог» взаимоотношений мичманского состава с офицерами и моряками строго по пластам. Инструктаж, правильной

сказать — урок, помнится до сих пор. Рассматривать офицеров надо не просто как коллег и товарищей с золотыми погонами — это военные специалисты, профессионалы своего дела, у которых, чем выше должность, тем больше ответственность. Следовательно, держаться с ними запанибрата нельзя. И дело здесь не столько в субординации, сколько в четком понимании своего места в службе, в иерархической системе обязанностей. А вот с личным составом надлежит быть предельно собранным и корректным — не заноситься перед матросами, не тыкать, но и ни в коем случае не позволять садиться на шею. Помнить: проверять тебя на прочность они начнут с первого дня.

Вывод: Мичманы — это особая прослойка между руководителями и исполнителями того единого организма, который вдыхает в корабль жизнь и называется экипажем. Мичманы — это передаточная субстанция внутренней информации, демпфер импульсов, придающий коллективу равновесие. Они, как подставленная под рычаг опора, равноудаленная от его концов, должны соблюдать дистанцию как с офицерским, так и с личным составом срочной службы. Мичманы — помощники офицеров в воспитании, обучении матросов и старшин. Но и их голос, идущий наверх обратной связью, не последний.

Получается слоеный пирог со всеми вытекающими из него тонкостями кухонного искусства. Средний слой — зажат между двумя пластами. Он проникает в них и сообщает вкус пирогу.

С первых же дней отношения с офицерами складывались просто, чего не скажешь о личном составе. Я прибыл на флот двадцатилетним юношей, не знающим жизни, не видевшим моря, а в экипаже уже находились моряки постарше — годки, познавшие стихии людей и воды. Это очевидное преимущество использовалось ими, чтобы подмять молодого мичмана. Михаил Михайлович Баграмян и Руслан Баширович Багдасарян своим присутствием незримо цементировали, пропитывали слои пирога-экипажа. И

я четко усвоил, что мне доверили функции более ответственные матросских, что матросы — мои помощники в их выполнении. И для слаженной работы придется завоевывать авторитет у каждого из них в отдельности. Что при выполнении заданий или работ под твое начало попадает группа молодых бесшабашных голов, и ты несешь ответственность за них. А панибратство — плохой помощник.

Михаил Михайлович, имея большой опыт службы на флоте, на подобных вопросах не заикливался, как и на вопросах межнациональных отношений. И хоть у него в подчинении был пестрый коллектив, два моряка: узбек Али-бек и татарин из Башкирии Хамид, они регулировались сами собой, по-житейски, их тут попросту не было, ибо характер исполняемой матросами работы совершенно не зависел от их этнической принадлежности.

Как и везде, в воинских коллективах люди радуются наличию земляка, группируются по национальным признакам, формируют свою солидарность и взаимную поддержку. Узбек Али-бек давно служил на атомной подводной лодке, познал вкус боевой службы: успел повидать море, побывать на глубине, ощутить себя настоящим подводником. Михаил Михайлович как-то спросил у него:

— Али-бек, а почему ты с земляками разговариваешь вроде пренебрежительно и свысока?

На что был получен короткий исчерпывающий ответ:

— Товарищ мичман, это же ба-аза!

Вот что было главным — гордость за почетное звание атомоходчика-подводника, а не соплеменники, служащие на береговой базе. Поэтому и «ба-аза»!

А вот имя Хамид вызывало у Михаила Михайловича нехорошую ассоциацию. Хамид — вроде как хамит. Чтобы не оскорблять свой музыкальный слух, Михаил Михайлович совершил нечто подобное крещению татарина в Православие. Отныне Хамид исчез с подводной лодки, а вместо него появился армянин татарского происхождения по имени Хачик. Хамиду и в голову не пришло обижаться на переименование, он понимал, чем оно удобнее старшему товарищу.

Был такой случай — экипаж отправили на уборку картофеля в совхоз под странным названием «Многоудобный». Хачик, он же Хамид, готовил пиццу для личного состава. Там же оказалось несколько человек из Армении, которые Хамида приняли за своего. Они начали вести разговор на родном языке, часто поглядывая на «земляка», рассчитывая на щедрое матросское угощение. А тот и в ус не дует, молча делает свою работу. Наконец возмущенные работяги обратились к Хачику с претензией:

— Слушай, ты чего молчишь? Ты же армянин! И имя у тебя армянское.

— Да не армянин я, а башкир, — и с азиатской хитринкой перевел стрелки на начальника: — Это мичман Баграмян дал мне такое имя.

Микродиаспора не угомонилась, удивленная непонятым фактом, предъявила Баграмяну претензию:

— Ты зачем башкира сделал армянином?

Не желая раздувать из мухи слона, тот мудро резюмировал:

— На флоте есть одна национальность — моряк! — что отражало абсолютную истину.

В том же совхозе Михаил Михайлович зафиксировал необычное природное явление — цилиндрические НЛО в виде заполненных картошкой мешков. Он рассказывал нам такое. Мол, сидим с лейтенантами на поле у костра, вдруг один из офицеров с удивлением говорит:

— Что за ерунда, кажется, мешок ползет!

Присмотрелись — точно! Несколько мешков, проявляя удивительную сообразительность и ловко маневрируя между кочек, направились на край поля, к опушке леса.

Баграмян легко раскрыл природу этого НЛО — неопознанного лезящего объекта. Он осторожно и грубо наступил на него ногой. И тогда из-под цилиндра показалась спина ползающего моряка, умело маскирующегося от посторонних глаз.

Ситуация оказалась простой и банальной. Кроясь от командиров, матросы, используя передвижение по-пластунски,

воровали картошку для местных жителей, в качестве платы получая за это бражку. Непонятного цвета самогонку гнали не из опилок, а из картошки с добавлением махорки. Падкие на алкоголь матросы, травились смесью ядов алкоголя и никотина.

Судьба часто выделяет удивительные коленца. В третьем дивизионе экипажа трюмным специалистом служил И. Г. Галеев, родом из Татарстана. Добросовестный, исполнительный матрос, настоящий моряк-подводник. А после его демобилизации (неисповедимы пути господни) в тот же экипаж на ту же должность пришел служить его младший брат С. Г. Галеев.

Примечательным матросом являлся Виталий Долгов, уроженец Комсомольска-на-Амуре. Он имел неоконченное высшее образование, его призвали служить на флот из студентов. Сначала направили во Владивостокскую учебку, затем на Камчатку, на атомную лодку. Так как наш экипаж являлся камчатского формирования, то Виталий прибыл в Палдиски. Отличный спортсмен, он хорошо играл в футбол, в экипажной команде являлся нападающим. После первого дальнего похода демобилизовался в звании старшины 1-й статьи.

Врастание в коллектив

В первые месяцы службы в Комсомольске-на-Амуре мне приходилось исполнять самую разную, даже неквалифицированную работу. Например, заступать старшим команды для расчистки от снега мемориального комплекса первостроителям города. От пятидесятиградусного мороза не спасали ни шинель, ни ботинки, ни перчатки. Выручало то, что я брал в руки лопату и наравне со всеми бросал снег. Не понаслышке знаю, как через две минуты парализующий холод сковывает пальцы рук. Поэтому всегда старался войти в положение подчиненного.

Отношения с матросами поначалу придавал особое значение, стараясь не расслабляться. Наглую фамильярность, высказанную как бы невзначай, пресекал без церемоний. Смотрел в глаза и парировал:

— Не «ты», а «Вы» и «товарищ мичман»!

Не сомневался в том, что на твердость характера жизнь обязательно проэкзаменует.

Так и получилось. Заступил я как-то дежурным по камбузу. В числе команды находился старослужащий матрос Батурин — среднего роста, обычного телосложения. По наглому выражению его лица читалось, что он мнит себя морским волком, не призванным подчиняться всяким там мичманам. Впечатление не было ошибочным, тут он создал конфликтную ситуацию, противопоставив себя, матроса-годка, мичману-карасю. Я наблюдал, как в его душе медленно и неотвратимо закипало нехорошее настроение, ищущее выхода наружу.

Ближе к ночи часть офицеров отправляется домой, а другая часть находится в казарме, контролируя отход ко сну личного состава. Тогда и проявляется недисциплинированность всяческих разгильдяев.

После ужина столовая была убрана, на камбузе наведены чистота, порядок и установлена тишина. Управившись с этим, я разложил на столе бумаги, меню и накладные, и принялся планировать на завтрак продукты, отпущенные под отчет (делать закладку). Оторвавшись от работы, дал команду Батурину отнести ящик с овощами в кладовку. Эта команда явилась каплей пара, преодолевающей давление в душе этого парня. И он взорвался: с кривой ухмылкой грубо отказался подчиняться. Видя, что дело приняло принципиальный оборот и что спускать нельзя, я с нажимом повторил приказ. Взбеленившийся матрос закричал, не сдерживая эмоций и переходя на «ты»:

— Тебе! подчиняться не собираюсь! И ящики таскать не буду! Здесь без меня карасей хватает!

С силой пнув ящик, он выскочил из помещения под вызывающий хлопок двери. Кровь ударила мне в голову. Возникло огромное желание догнать и набить ему морду. Именно в таких случаях психологи советуют считать до десяти. Подавив раздражительность, я принялся размышлять, как поставить на место

озлобившегося наглеца. Понимал, что если не переломлю ситуацию, то личный состав экипажа на мне, как на мичмане, поставит жирный крест. В результате цепной реакции авторитет ляжет, как оброненная под паровой каток карамелька. Тут же вспомнились слова капитана 1-го ранга Лемаева, что нельзя закладывать моряка начальству за исключением случаев его выхода из-под контроля. Совет морского волка оказался кстати. И я принял решение: через посыльного вызвал Батурина в кабинет дежурного по камбузу.

Он явился и с бахвальским видом уселся напротив. На его лице расцветчивалась уверенность в безнаказанности за нарушение Устава, дескать, посмотрим, что будет делать этот желторотый мичманок. И вообще, что может сделать карась...

Я сознательно затягивал паузу, изучая, нет, — читая на его лице крамольные мысли. Чем дольше длилось молчание, тем меньше в нем оставалось спеси, начала появляться тень неуверенности. Чувствуя, что ситуация становится под контроль, и понимая, что для доведения ее до логического конца спешить не нужно, я выжидал. Затем демонстративно придвинул телефонный аппарат внутренней связи, спокойным тоном, чеканя каждое слово, многообещающе произнес:

— А теперь, товарищ матрос, слушайте внимательно. Невыполнение приказа, хамское и неуставное поведение в отношении старшего по званию вынуждают меня снять вас с наряда и прямо сейчас доложить об инциденте дежурному по бригаде. Последствия, думаю, вам известны.

Предложенный сценарий Батурину, конечно же, был невыгоден. Во-первых, снятие с наряда гарантировало заступление на следующее дежурство в наихудшем качестве. Во-вторых, дежурный доложил бы о проступке матроса командиру бригады. Ну а с того бугра такой ком покатился бы, что серьезной круговерти не избежать. В разбирательство инцидента были бы вовлечены командир экипажа, старший помощник, командиры БЧ-5, дивизиона и группы, то есть вся вертикаль. И все получили бы по шапке из-за одного неумного матроса.

А обрушение кома завершилось бы на его голове выставлением перед строем в назидание годкам, которые пострадают непонятно из-за чего. И впоследствии Батурину от товарищей по кубрику мало не показалось бы.

После паузы, оказавшейся короче «пояснительной записки», с героем произошла метаморфоза. Его лицо покраснело до предела. Я продолжил:

— А ведь можно и не звонить. Но при условии, что вы извинитесь за хамское поведение и в дальнейшем будете беспрекословно выполнять команды.

Каков бы ни был соблазн сохранить реноме героя, боязнь дисциплинарного воздействия заставила Батурина опустить голову и процедить:

— Извините, я больше не буду.

И слово сдержал. С приходом нового мичманского состава, когда молодняк не смог отстоять свой авторитет и пошло братание с личным составом, Батурин в моем присутствии не решался «тыкать» мичманам. Информация об инциденте все-таки проникла в матросскую среду, и попыток подмять меня уже никто не предпринимал.

По прошествии трех десятков лет в узком ветеранском кругу мне довелось услышать о похожем случае, произошедшем в экипаже капитана 1-го ранга Андрея Ивановича Колодина. Там матрос так же проигнорировал приказ молодого мичмана и в конце послал его по известному русским людям адресу. В результате состоялась выездная сессия военного суда в казарме экипажа с образцово-показательным процессом. Шестимесячное пребывание этого матроса в дисциплинарном батальоне сильно повлияло на личный состав, который впоследствии весьма почтительно относился к мичманам.

Вскоре в наш экипаж начали прибывать мичманы моего года призыва, шестнадцать человек из первого выпуска владивостокской Школы техников 51-го Учебного отряда подводного плавания. Все сибиряки. А из ленинградской учебки вслед за мной прибыл Виктор Киданов, о моих не совсем складных взаимоотношениях

с которым упоминалось в первой главе. Здесь Виктор стал моим прямым и непосредственным начальником — старшиной команды торпедистов.

Виктор Васильевич Киданов прибыл на флот из Запорожья. На огромных просторах Советского Союза, особенно на Дальнем Востоке, Украина и Беларусь воспринимались чем-то единым: «Украина... Беларусь — да что там между вами... это ж пол-лаптя по карте!». Многие считали нас земляками.

Бок о бок мы прослужили в общей сложности четыре с половиной года: в Школе техников ВМФ в Ленинграде и торпедистами на РПК СН «К-523», в минно-торпедной части экипажа. Особых земляческих, тем более дружеских отношений, не сложилось, как говорят: ничего личного, только служба.

Я с головой был погружен в изучение работы механизмов, приборов и прочей механики и ощущал себя технарем, а не командиром. Оказавшись в одной упряжке на подводной лодке, мы с Кидановым прежние обиды и недовольства не вспоминали. Витя как руководитель и командир оказался мягким и не требовательным. Согласно функциональным обязанностям я подчинялся беспрекословно и даже проявлял инициативу не для прогиба перед бывшим однокашником, а сугубо по долгу службы. Да и Витя палку не перегибал — нормальный оказался мужик.

Впоследствии о нем еще многое будет рассказано. А сейчас лишь констатирую, что жизнь, как выверенные весы, не терпит дисбаланса. Она, как электронная саморегулирующаяся схема с автоматической подстройкой, где надо усилит напряжение (как было в Школе техников), а где не надо, отпустит силу тока (как будет в дальнем походе).

Александр Петрович Миль — высокого роста, худощавый, спокойный и уравновешенный человек.

Служил в радиотехнической службе, через некоторое время стал лучшим специалистом в соединении.

История женитьбы Шуры будто списана с захватывающего американского вестерна. В городе он заступился за незнакомую

девушку. В результате жестокой драки попал в больницу, в которой по божьему провидению работала та, что стала причиной инцидента. Благодарная девушка выходила своего рыцаря на белом коне, впоследствии между ними возникло глубокое чувство. Юная красавица стала женой нашего товарища.

Говоря о командирах, я цитировал книгу «Как создавался атомный подводный флот Советского Союза», так вот что сказано в ней о мичмане Милом:

«...акустики ничего подозрительного не обнаружили. “Горизонт чист”, – периодически докладывал старшина команды гидроакустиков мичман Александр Милый.

«Милый». Чефонов невольно улыбнулся. Очень уж хорошая фамилия! И тут же вспомнился случай, когда она, эта фамилия, не вызвала у него доброго чувства. Однажды на переходе в район патрулирования Милый обнаружил на глубине 100 метров цель, которую классифицировал как атомную подводную лодку. Начальник радиотехнической службы капитан-лейтенант Сергей Гаврилин эту классификацию подтвердил. Начали маневр на уклонение. Через два-три часа безуспешных попыток оторваться решили более тщательно проанализировать обстановку и пришли к выводу, что, вероятнее всего, слышали отражение звуковых колебаний собственного корабля. Выполнили еще ряд маневров и убедились в правильности своих предположений. Ошибся тогда Милый!».

Собственно, так или примерно так происходило становление каждого мичмана. Методом проб и ошибок. Цена этого метода своя, да и время затрачивалось по-разному — кто быстрее, кто медленнее осваивал специальность.

Александр оставил в памяти самые теплые и приятные воспоминания. Знаю, что позднее вместе со своим нынешним командиром Сергеем Петровичем Гаврилиным он перешел на преподавательскую работу и переехал в Палдиски. Сейчас Милый живет в г. Обнинске Московской области.

Анатолий Давыдович Голубков — круглолицый, невысокого роста, коренастый, добродушный парень родом из Новосибирска, негласной столицы Сибири. Служил он по штурманской части, в БЧ-1. Характер имел спокойный, невозмутимый до пофигизма, хотя был далеко не разгильдяем по жизни, тем более на службе. У нас сложились замечательные дружеские отношения. О прекрасных человеческих качествах Анатолия говорит тот факт, что в суровую жизнь подводника вошла девушка, приехавшая из Хабаровска. Не испугали ее флотские трудности, реальность Приморского края — вышла замуж за прекрасного парня. Наши жены подружились. Когда мы приходили в гости к Голубкам, Анатолий радушно спрашивал:

— Тебе какого чаю, длинного или короткого? — Толя брал чайник и, держа на малой высоте, еще раз уточнял: — Так длинного или короткого?

Будто в зависимости от длины струи от чайника к чашке поменяется вкус напитка. До сих пор я не понял, какой вкуснее — длинный или короткий.

Вызывая добрую улыбку у собеседника, сибиряк любил прихвастнуть:

— Да у нас вот такие яблоки растут, — и как заядлый рыбак из анекдота, которому связали руки, показывал яблоко величиной с грейпфрут.

С сожалением констатирую — разбросала судьба нас с Анатолием по разным концам необъятной родины, бывшей....

Вячеслав Васильевич Егоров — повыше меня ростом, крепкого телосложения, родом из Сибири. Служил в БЧ-5 турбинистом, хороший специалист. Со Славой Егоровым у меня сложились крепкие дружеские отношения.

Как-то пошли мы на сопку, возвышающуюся недалеко от бухты Павловского (Японское море), там были установлены корабельные длинноствольные орудия 180-миллиметрового калибра, защищавшие вход в порт Владивостока во время Второй мировой войны. Потом совершили экскурсию по казематам, в

которых ранее хранился боезапас и укрывался под землей личный состав. Мрачные своды сооружения давили на психику, настраивали не на благодушный лад. Слава, идя позади, вначале в шутку скороговоркой повторял:

— Ой, боюсь, боюсь, боюсь!

Исследовательский запал подогревал любопытство, и мы при слабом естественном освещении продвигались все дальше. В последнем каземате оказался спуск на нижний уровень или в подземный переход, дышащий непроглядной темнью. Юношеское озорство постепенно перешло в реальный страх. И теперь уже, когда Слава повторял дежурную присказку:

— Ой, боюсь, боюсь, боюсь! — это на шутку не походило, это был настоящий страх, невольно передавшийся и мне. Желание лезть в темень без фонарика пропало. А зря, позже я жалел. Интересно, а что там было?

Избранницей и спутницей по Славиной жизни стала землячка Фаина. При нас у них родился сын, названный Алексеем.

Виталий Анатольевич Калашников — турбинист первого дивизиона. Как все сибиряки, он был крепкого телосложения, внешне всегда спокойный. В кабаке не морщась, залпом выпивал целый стакан водки — демонстративно и с невозмутимым видом. Родом Виталий был из сибирской глубинки, при этом утверждал, что у них в семье не то, что телевизора, даже радио не было. Не знаю, шутил ли он, но меня это удивляло. Впрочем, на его развитии это не сказалось, эрудированностью и начитанностью он выгодно отличался от многих горожан.

Сергей Борисович Юдин — невысокого роста, обыкновенного телосложения. По специальности турбинист, долгое время не мог освоить вверенную матчасть десятого отсека. По этой причине получил прозвище «Сеня». Замкнутый, нелюдимый, из-за постоянных подтруниваний и не совсем безобидных подначек со стороны товарищей — неуверенный в себе. Заниженная самооценка мешала его быстрому и полноценному развитию как мичмана-подводника.

Анатолий Григорьевич Корсунов — выше среднего роста, крепкого телосложения. Нельзя сказать, что он был плохой человек, но в общении с товарищами допускал грубость и неоправданную жесткость. После комиссования Руслана Багдасаряна он был назначен старшиной команды трюмных. Корсунову было присуще чувство повышенной ответственности. И вот как-то он попытался разобрать датчик пневмоаккумулятора. Но в ходе работы нарушил технику безопасности — делал это под давлением. Конечно, получил травму. Инцидент мог закончиться даже трагично. Повезло, что отлетевшая гайка чиркнула его по лбу, хотя и оставила глубокую борозду. Анатолий долго ходил с перевязанной головой, словно киногерой, раненный вражеской пулей.

Иван Васильевич Дурнев — простой русский парень, тяжелый на подъем, добродушный и ленивый, невысокого роста, обычного телосложения. Он служил в третьем дивизионе, что обеспечивал бытовую жизнедеятельность в важных компонентах воды и пара. Полностью соответствовал имени и фамилии, как в русских народных сказках. Иван был настолько доверчивым, что однажды повелся на банальную клевету, и это привело к разборкам с сопутствующим мордобоем. Но об этом ниже...

Николай Аркадьевич Шиков — низенький, щупленький, похожий на шолоховского деда Щукаря. В экипаже его так и называли — «Дед». К кличке он относился как к необременительному реквизиту и не обижался. Служил в радиотехнической службе и хорошо разбирался в электронике. Это был нормальный парень, любитель шумных компаний. Он без успеха боролся с зеленым змием, пытаясь завязать его в узлы морские. Надеюсь, в итоге ему это удалось.

Виктор Геннадьевич Радзан — боцман, сидел на рулях нашей «К-523». Он был среднего роста с кряжистой походкой увальня. В принципе, неплохой парень, но, к сожалению, тяга к спиртному мешала нормальному с ним общению.

Помнится, при выполнении сложного маневра во время государственных испытаний Витя заложил «литерному» такой

крутой вираж, что на камбузе и в кают-компанин разбилась значительная часть стратегического запаса корабельной посуды.

Рассказывали, что демобилизовавшись после успешной службы, Радзан вернулся с семьей в Комсомольск-на-Амуре. Но однажды во время отдыха бывалый подводник утонул в реке.

Сергей Николаевич Рассказов, в просторечии «Сказкин», — обладатель стройного мускулистого тела, физически крепкий красавец родом из крупного сибирского города Кемерово. Резкий в движениях, ленивый на службе.

Как-то в пору заводских испытаний Сергей в свободное от службы время лежал на «самолете» в первом отсеке, а потом захотел поменять позу. Сделал он это так виртуозно и оригинально, что мы долго вспоминали и посмеивались: из положения «лежа на спине» вдруг пружинисто выгнулся и подскочил в воздух, там на наших округленных глазах перевернулся на сто восемьдесят градусов и опустился на лежак животом.

Алексей Васильевич Зырянов — невысокого роста и коренастого телосложения, служил в БЧ-4. Простой и добрый парень с Алтая, из Барнаула. Очень любил свою жену Ирину, обещал, что простит ей любую измену. Наверное, не зря говорят: кто любит, тот прощает. Другой вопрос: где тот предел, за которым любящий человек перестает прощать. У каждого он свой, как и болевой порог. Но, кажется, Ирина не спешила доводить своего мужа до столь отчаянного поступка.

Юрий Алексеевич Бессонов служил в БЧ-4. Родом из славного города Кирова (ныне Вятка). Из-за плотного телосложения, тяготевшего к полноте, имел кличку Бизон. Он в шутку утверждал, что на коробке детского питания красуется его милая детская фотография. Столь наглое утверждение опровергнуть не представлялось возможным. Попробуй, докажи что это не он. А кто тогда?

Кстати о кличках. Уже не помню, кто нарек Юру Бизоном. Зато помню, что именно Бессонов начал называть автора этих строк Лошой Ловкачевым. Кличку я не считал обидной и отзывался на нее.

С увальнем Юрой мы довольно часто боролись — молодая сила требовала выхода. В результате неудачного поединка Бизон однажды разбил мне бровь, и медику Ивану Васильевичу Ещенко пришлось вышивать на моем лице картину нитками. В другой раз Юра, загнанный в угол, шутливо защищался и в отчаянной попытке сохранить жизнь и здоровье неловко воткнул кортик в мою ладонь. На всю жизнь осталась мне память от хорошего парня, настоящего друга — Бизона (Юрия Алексеевича Бессонова) в виде шрамов то тут, то там.

Сергей Федорович Мальцев — родом из Сибири, служил в третьем дивизионе живучести, высокий и востроносый, худощавого телосложения, в суждениях и высказываниях частенько полагался на свое «авторитетное» мнение, иногда излишне категоричное.

С Сергеем произошла трагедия: insult, паралич — в результате он не выслужил срока подписки, и был комиссован на гражданку. На постоянное жительство уехал с семьей в Комсомольск-на-Амуре, но там жена его бросила. Сергея забрал к себе родной брат. Безусловно, равнодушие жены ухудшило состояние нашего сослуживца, и вскоре пришло известие, что его не стало.

Михаил Порфирьевич Будько — высокого роста, крепкого телосложения, круглолицый и русоволосый, наш товарищ из химслужбы. Было у него замечательное увлечение — фотография. Благодаря ему в архиве доблестного экипажа «К-523» сохранилось много черно-белых зарисовок из жизни. Михаил повторил «подвиг» начальника химслужбы Виктора Викторовича Артемова: стоя на огневом рубеже в позе дуэлянта, стрелял из пистолета Макарова (ПМ), находясь на стрельбах. Непонятно, кто научил молодого мичмана наводить ствол пистолета на мишень и замахиваться им, как замахиваются топором при колке дров. При каждом таком замахе линия огня меняла направление на диаметрально противоположное. Народ, стоящий за спиной Михаила, в панике разбежался в разные стороны.

Один из присутствующих обреченно прокомментировал:

— Так они же химики...

Вывод: Действия субмарины могли быть успешными только тогда, когда команда стала единым целым, ибо здесь каждый ее член зависел друг от других и все — зависели от него.

Оргпериод - налаживание службы

Когда все молодые мичманы прибыли в экипаж, нам объявили организационный период. Чтобы мы не разбрелись и не потерялись, нас подталкивали к службе, как неопытных щенят к миске с едой. Утром мы являлись в казарму к подъему личного состава, а службу покидали после того, как укладывали моряков спать, благо, жили в гостинице на территории части, в пятидесяти метрах от казармы. Днем от подъема до отбоя мы, молодые мичманы, занимались службой. Напрашивается вопрос, что такое служба, из чего она состоит и как протекает ее налаживание. Это емкое понятие, и включает оно в себя обширный список явлений и мероприятий, куда входят:

обеспечение личным составом соблюдения воинской дисциплины (сведение к минимуму дисциплинарных проступков и мелких нарушений) — для чего необходимо каждого матроса научить подчинению, и укрепление монолитности коллектива;

неукоснительное выполнение распорядка дня (сопровождение личного состава на прием пищи, занятия, различные работы и т.д.), осуществление контроля над моряками срочной службы;

проведение занятий по специальности (изучение общего устройство подводной лодки, материальной части), по политической подготовке (разъяснение основ общественных наук, привитие любви к Родине и советскому народу) и строевой (беспрекословное, быстрое и точное выполнение команд);

изучение (запоминание!) воинских уставов, приказов, наставлений;

самое главное для командования бригады — обеспечение приемки корабля от промышленности, а также выполнение хозяйственных работ и различного рода приборок в расположении части.

Официальный срок организационного периода определен календарным месяцем, однако лично у меня сохранилось впечатление, что длился он бесконечно долго. А душа рвалась на лодку, которую еще и увидеть не удавалось. Для командования экипажа этот период весьма удобен, ибо мичманы всегда обретались под рукой, и их можно было использовать по любому назначению на территории части и за ее пределами. Степень готовности корабля оставалась недостаточной для его посещения будущими хозяевами, и, чтобы не путаться под ногами строительных бригад, экипаж занимался боевой подготовкой на берегу.

Зима в Хабаровском крае суровая, с обильными снегами и заносами. Осадки не были редкостью и добавляли хлопот в разное время суток не только матросам, но мичманам и офицерам. Надолго запомнился особый вид боевой подготовки под кодовым названием «Гробики» — уборка территории военного городка. После разгула зимней стихии из штаба бригады поступала команда — выделить личный состав для уборки территории, например, на центральной аллее. Народ, недовольно галдя, выходил на улицу с широкими лопатами. Снег мало того что надлежало убрать, его надо было уложить по краям дорожек в аккуратно обустроенные прямоугольники, кубики, ромбики, которые мы и прозвали гробиками. Качество выполнения приказа проверялось самым высоким начальством, разумеется, приходилось работать аккуратно и тщательно устранять замечания.

Выходя в город, где снег убирался штатскими дворниками, приученные к порядку моряки легко обнаруживали недоделки, значит, начинали понимать, что такое добросовестно выполненная работа. Это главное.

Вывод: Во время организационного периода служба в основном состояла из опеки над личным составом, строевых занятий, нарядов... На первый взгляд, такая служба кажется бессмысленной. Однако это далеко не так. Флотская жизнь диктует свои

жизненно важные законы. Здесь все продумано до мелочей, порядок — святое. А порядок в головах военнослужащих — «царь, бог и воинский начальник».

Случалось, заступал я дежурным по штабу бригады и по камбузу, некоторые детали наряда уже описаны выше. Эта дежурка размещалась на втором этаже, в ней бывало оживленнее, ибо тут ключом была насущная жизнь флагманских специалистов. Главное в наряде — организованность, четкое исполнение команд, передача распоряжений. В наряды посылались наиболее подготовленные, дисциплинированные, исполнительные мичманы с безукоризненным внешним видом. Пылинка на кителе в глазах комбрига вырастала в огромное пятно, позорящее честь мундира.

В этом смысле в штабе запомнились две яркие личности — командир бригады, капитан 1-го ранга Михаил Шеметнев и начальник штаба, капитан 1-го ранга Виктор Дмитриевич Хайтаров. Комбриг — низенького роста, рыхлого телосложения, лицо круглое и красное, нос картошкой. Внешность напоминала смешного Синьора Помидора из детского мультлика, так за глаза его и называли. А начштаба, напротив, был высокого роста, подтянутый, со строгим взглядом, правильными чертами лица. Неудивительно, что никаких прозвищ, по-моему, к нему так и не пристало.

Известно, что Комсомольск-на-Амуре построили комсомольцы-энтузиасты, в честь которых он и назван. Здесь есть памятная надпись на камне, установленном на берегу Амура, гласящая: «Здесь 10 мая 1932 г. высадились первые комсомольцы — строители города».

Однажды я попал в наряд начальником патруля, пошел с двумя матросами гулять по городу. И тут нам встретились три молодых армейских лейтенанта. Я, как младший по званию, только собрался приветствовать их, но тут свежеепеченные лейтенанты опередили меня. По курсантской привычке, не дойдя несколько шагов, они вытянулись в струнку и образцовым строевым шагом прошли мимо нас, лихо отдавая честь. Конечно, мы приняли мини-парад, но от удивления чуть ли не с раскрытыми ртами. Я запоздало

приложил ладонь к уху, проводив восхищенным взглядом этих юных молодцов. Лейтенанты по званию старше мичмана, но из страха перед патрулем они по привычке сработали на опережение.

Пятидесятиградусные морозы держались долго. Затем немного потеплело, и до конца зимы ниже минус сорока градусов температура не опускалась. Мы даже обрадовались милости погоды, хотя, как оказалось, преждевременно — скоро задул холодный ветер, усугубивший ситуацию в условиях повышенной влажности. В который раз вспомнились слова камчадальского мичмана Вострикова о самозавернутых ушах. Тем не менее мичманы держали флотскую марку и в зимних шапках ходили, не опуская ушей (клапана на шапке). Интересно было наблюдать за реакцией армейских офицеров и солдат, встречавшихся нам, залихватским мореманам. Сапогам было строго предписано носить зимние головные уборы без заворотов, то есть с опущенными клапанами, да еще завязанными под подбородком, у шнурков с этим было вольнее, и мы демонстрировали удаль во всю свою глупость.

Никто не считал отмороженных за зиму ушей, щек, носов, рук и ног. У меня, например, после обморожений кожа на руках еще долгое время боялась даже слабых холодов, а Витя Киданов по собственной глупости попал в более неприятную ситуацию. Во время парко-хозяйственного дня ему поручили вымыть латунные якоря на въездных воротах. Как водится, обеспечить подручным инвентарем «забыли». Проявив флотскую смекалку, Виктор раздобыл солярку и голыми руками выдраил якоря до блеска. Сорокаградусный мороз сделал свое дело — на завтра на его руки было больно смотреть.

В один из парко-хозяйственных дней я получил назначение на выполнение обязанностей старшего машины, вывозящей мусор с территории части. После этого каждую субботу по умолчанию выполнял эту почетную обязанность. С готовностью занимал ставшее родным и законным место в теплой и уютной кабине самосвала. Как-то в очередной поездке я сделал открытие, что Комсомольск расположен на ровном плато, то есть раскинулся не по холмам и сопкам, как например Владивосток или Находка.

Зимой, когда еще лютовали морозы, меня вызвали к дежурному бригады для какого-то инструктажа. Строгий, с сосредоточенно озабоченным лицом офицер поставил боевую задачу:

— Назначаешься старшим воинской машины, повезешь офицеров штаба на боевое задание. Задача ясна?

— Так точно! Может, надо получить оружие и боеприпасы?

Офицер ухмыльнулся:

— Экипировку получишь... Потом.

Боевое задание, как выяснилось позже, оказалось действительно важным и ответственным. Вместо оружия выдали просторный рыжий тулуп, а вместо боеприпасов — по паре меховых рукавиц и войлочных валенок. Боевая машина оказалась банальным капотным автобусом «КаВЭ» (Курганский автобусный завод, производитель автобусов в России). Боевая группа, экипированная ледорубами, коловоротами, сачками, удочками, поплавками, крючками и возбужденная предстоящим морским сражением, постепенно заполнила автобус. Последним, окинув окрестности начальственно-орлиным взглядом, вошел Синьор Помидор. Комбриг организовал для своих «архаровцев» культурное мероприятие — выезд на зимнюю рыбалку.

Выехали за город. Как старший машины я переживал, чтобы за городом не застрять в огромных снежных сугробах. Во время движения пытался вникнуть — где едем. Дорога неширокая, видно, что расчищена бульдозером. К покрытию, как ни присматривался, так и не разглядел его — странная трасса. Сначала проехали под длинным железнодорожным мостом, затем — автомобильным. Последний меня совсем в тупик поставил: во-первых, зачем на ровной местности мост, во-вторых, почему едем под ним, а не по нему? Присмотревшись, понял, что мы едем по руслу великой дальневосточной реки, а дорожное покрытие это зимник — обыкновенный лед, зимняя дорога. Крепкие морозы создают на реке огромную толщину льда, способного выдержать тяжелую военную технику.

По прибытии в заданное место морской десант занял круговую оборону в радиусе километра. Пробурив лунки, офицеры занялись любимым делом, что издали напоминало огневые точки.

Матрос-водитель, уютно пристроившись на штатном месте, сладко кемарил. Мне же только и оставалось, что любоваться красотами природы. Я вышел из автобуса в надетой поверх шинели просторной «дубленке» — в лицо пахнул ветерок, колющий и обжигающий, словно кто-то провел по коже наждачной бумагой. Пытку ветром я выдерживал несколько секунд, отворачивался спиной к нему, а он холодными щупальцами пробирал меня до костей. Пришлось позорно бежать в теплый и уютный автобус. Каково же приходилось штабным офицерам, переквалифицировавшимся в рыбаков? Не знаю, удачен ли был улов, но в автобус они вернулись навеселе, с красными лицами — ну, вылитые синьорчики помидорчики, как отец-командир — Синьор Помидор.

Скупые радости

Скупые радости матросской жизни накладывали своеобразие на взаимоотношения, зачастую приобретающие комические оттенки. На моей памяти произошел интересный случай. Дело было зимой, морозным вечером с пятидесятиградусной отметкой ниже нуля на термометре. Территорию бригады по периметру контролировала военизированная охрана, состоящая из бабулек и дедулек, среди которых была пожилого возраста дама, в своем активе имеющая солидный вес, обремененный утепленной амуницией.

Известно, что самовольные отлучки с территории бригады категорически запрещались. Но один из матросов самоуверенно пренебрег данным обстоятельством. После плодотворно проведенного времени в самовольной отлучке он возвращался в казарму в прекрасном расположении духа и несколько расслабленном состоянии организма. Сходу преодолев последний барьер, нарушитель дисциплины нечаянно свалился на голову бедной женщины — бдительного стража.

Оригинальная встреча оказалась обоюдно неожиданной и не очень радостной. Если быть точным, то для матросского тела, летящего через забор и падающего сверху, она была категорически нежелательной. Приземление произошло прямо под ноги бдительной охранницы. Эмоции, переданные известной картиной Ильи Репина «Не ждали», скромны по сравнению с теми, что переполнили душу бедной женщины. От такого подарка судьбы, от его неожиданности она уронила себя, шарообразную и до безобразия укутанную различными поддевками, кофтами, платками, в сугроб. И из этого беспомощного состояния сама выйти не могла. Галантный кавалер, сигающий через заборы, но успевший прийти в себя, протянул ей руку помощи. Однако наша дама была обременена не только формой, но и служебным долгом. Ухватившись за руку, предоставленную исключительно в виде помощи, она вероломно заявила:

— Ты мною задержан! — и как отрезала.

Культурному матросику пришлось расстаться с неожиданной чаровницей. Не улыбалось ему, интеллигентному повесе, из-за проявленной галантности оказаться как минимум на гауптвахте и как максимум в дисциплинарном батальоне. Он перестал ее поддерживать, и бдительная, но нерасторопная охранница опять плюхнулась в сугроб. А морячок, образовав турбулентное завихрение, вольной птицей махнул в родную казарму. Обещенная таким обхождением женщина, навьюченная формой одежды, оказалась неспособной воспользоваться табельным оружием для подачи сигнала. Кроме того, даже подняться на ноги оказалась неспособной. Начала несчастная женщина кричать, звать на помощь — хоть кого-нибудь. Сбежались офицеры и кое-как водрузили ее вертикально.

— Что случилось? — спросили у нее.

— Я самовольщика задержала!

— Где же он?

— Апф...

Первое время молодые мичманы ограничивались со стороны командования в свободном времени, тем более в вольном посещении города. Да и что было делать неоперившимся юнцам такой холодрыгой в незнакомом окружении? Сначала выходы были редкими, затем, по мере готовности лодки, осуществлялись чаще и чаще. С апреля мы начали ходить на Судостроительный завод им. Ленинского комсомола регулярно, перемещались строем, иногда небольшими группами.

На этом деле погорели Бощман и Дед, во время телефонного разговора непрофессионально и бездарно шифруясь (договаривались о доставке водки в казарму). Случайно подслушавший разговор по параллельному телефону замполит, с лету раскрыл тайный код послания, используемый горе-шифровальщиками — «белый лебедь». Многоопытный воспитатель не преминул провести назидательную беседу с будущими подводниками. Суровый каптри поставил на вид: «Настоящий подводник водку не пьет»... Так ли это?

Вывод: В трудный период, где есть много ответственности и мало отдыха, единственное спасение от депрессии — находить радость в работе, в ее маленьких победах, и в общении с товарищами, в хорошей шутке. Но нельзя искать эрзац радости...

Однажды сильно подуставший Дед, Владимир Шиков, ночью возвращаясь в часть, решил не мелочиться. Могучим телом он преградил дорогу трамваю и потребовал от изумленной вагонновожатой подкинуть его к подъезду гостиницы. Правда, не учел, что маршрут этого вида общественного транспорта мимо героической бригады подводников не проходит, так как туда рельсы не проложены. Однако Деда в тот момент мало интересовал столь несущественный факт. Без скандала не обошлось. О происшествии мы узнали на следующий же день — опять-таки из замполитовской сводки. На этот раз без выговора в личном деле не обошлось.

Организационный период для меня тянулся бесконечно долго. Запомнился неординарный случай. В разгар зимы нескольких

мичманов, и меня в том числе, определили на траурное мероприятие: умер мичман, ранее служивший в нашей бригаде, и из штаба поступила разрядка выделить людей на похороны. Повторюсь, отдавать дань умершему, положившему на государственную службу здоровье и жизнь, — наиважнейшая традиция вооруженных сил.

Помню, у нас была железная установка: сразу после похорон явиться в часть. Мы, конечно, намеревались неукоснительно следовать указанию. Однако близкие и родственники усопшего и слушать не стали, автобус с участниками траурной церемонии, согласно ритуалу, привез нас к поминальному столу. В этой ситуации спорить бессмысленно. Соблюдая приличия, мы сели за стол. Как полагается по обычаю, приняли «на грудь» по три поминальные рюмки. Конечно, по нашему виду это стало заметно. Признаюсь — я, когда выпью, становлюсь не в меру словоохотливым.

Вечером в экипаже старший помощник командира Ротач собрал мичманский состав в отдельном кубрике для решения неотложных задач. Он деловито посвятил нас в ближайшие планы. И тут ваш почкорный слуга сорвался с тормозов и начал вставлять свои «пять копеек» в речь старпома. Несмотря на столь наглое поведение Алексей Алексеевич учел, что я очень уж близко проникся чужой утратой. Умудренный жизненным опытом, он не стал ни воспитывать, ни тем более наказывать меня. А просто вежливо и тактично не обращал внимания на мои параллельные реплики и высказывания. Потом, на трезвую голову, я удивился и до глубины души был потрясен человечностью и удивительным тактом старшего офицера. Этот яркий пример настоящей интеллигентности помнится мне всю жизнь.

По весне жизнь становилась вольнее, командование меньше опекало молодых мичманов, предоставляя нам больше свободного личного времени. Как-то мы гуляли с незнакомыми девушками по Комсомольску и пели популярную тогда песню «Виновата ли я...». Пьянящий воздух свободы вскружил головы, нам было хорошо и мы не обращали внимания на мирно спящий город. Мы блаженно орали, не заботясь о мелодичности и красоте исполнения. Проходя

же мимо болотца, услышали такое стройное лягушачье кваканье, что отдавая дань настоящему вокалу, пристыжено замолчали.

Первые потери

Примерно в это время холостяцкий коллектив мичманского состава начал нести первые потери. Из наших рядов выбыли женившиеся на комсомольчанках Анатолий Корсунов, Сергей Мальцев, Виктор Радзан, Саша Мильй.

Комсомольчанские свадьбы гулялись, как водится на Руси, — с молодым задором и весельем. Сплотившийся за зиму мичманский мирок с ноткой сожаления, но торжественно отдавал в супружескую жизнь своих членов.

На первой свадьбе погуляли без оглядки, истосковавшись по не забытой еще гражданской вольнице. Конечно, не стоит думать, что молодые мичманы — пьяницы. Далеко не так, наши переборы по части выпивки объяснялись очень просто — с коварством зеленого змия мало кто из нас тогда еще был знаком.

К следующей свадьбе мы учли свой отрицательный опыт и выглядели достойно, как подобало советскому военному служащему, сознательному комсомольцу.

Каждый успел познакомиться с девушкой — весна, природа способствовали романтическим отношениям. Все годы службы в экипаже я по-настоящему дружил с Алексеем Зыряновым, который был родом с Алтая. Простой, работающий парень, он встретился с молоденькой девушкой Ириной. Отношения быстро переросли в близкие, возникли пикантные обстоятельства. Однако Ире еще не исполнилось восемнадцати лет, поэтому для регистрации брака в ЗАГСе понадобилось разрешение исполкома. Документы молодые получили без проблем, и их брак зарегистрировали. Образовалась счастливая семья.

Есть под Комсомольском замечательное место отдыха с красивым поэтическим названием Пивань. Его прекрасная природа, божественность прозрачного до дна озера и чистота воздуха находились под покровительством греческого бога семьи

и брака Гименя, распеваящего своим жертвам завораживающие лирические песни. Здесь сын Афродиты, богини любви и красоты, златовласый Купидон, ставший богом любовного влечения, с легкостью направлял стрелы в чувствительные сердца влюбленных.

Как-то летом Ирина, Алексей и я поехали в Пивань, чтобы позагорать и покупаться. Мифологические существа подстерегли меня и, пользуясь колдовскими чарами, ранили — познакомили с очаровательной девушкой по имени Татьяна.

Но быстро пролетело хорошее время, пора было возвращаться в часть. Мы отошли на некоторое расстояние в сторону города, и тут Ирина тихонько толкнула меня локтем в бок, выразительно поведя взглядом на то место, где мы отдыхали. Оглянувшись, я опешил — на пригорке в лучах заходящего солнца вырисовывался силуэт прекрасной нимфы. От юной девы исходило марево, подогретый теплым солнышком воздух струился вверх, казавшийся порывом ее целомудренной души. Ирина, несмотря на молодость обладавшая умом и тонкой добротой, с хитринкой посмотрела в мою сторону:

— Алексей, это тебе ручкой машут! — сказала с грустью.

С ней довелось видеться еще несколько раз. Вскоре выяснилось, что встреча на озере состоялась совсем не случайно, Татьяна заприметила меня задолго до знакомства. Однажды наша шумная ватага ввалилась в продуктовый магазин, внося в его застоявшиеся стены праздное веселье и бесшабашность. Ничего мы не купили, но шутками, прибаутками привлекли внимание продавцов и немногочисленных посетителей. Среди покупателей находилась и Татьяна с матерью. Но тогда я не приметил симпатичную девушку, особо и не стремящуюся привлечь мужское внимание.

Иногда я задаюсь вопросом: почему женщина поступает так, а не по-другому, ведет себя легкомысленно с рациональной точки зрения. Женщина обычно идет к цели кратчайшим путем без каких-либо затей, не обращая внимания на мелочи. Такая способность, помноженная на эмоциональность, вызывает у мужчин восхищение. Это мы мужики, больше склонны придумывать трудности, сложности, условности. С этой точки зрения, поступок Татьяны

малопонятен. Известно, что некоторые девушки устраивают парням странные испытания и проверки. Вот и Татьяна озадачила меня тактическим ходом, устроив бессмысленный эксперимент.

Дело было так. Однажды я пришел к ней домой. Она пустила меня во двор и тут же попросила не заходить дальше, подождать у порога. А через некоторое время вышла из дома с младенцем на руках. Посмотрев на меня испытующим взглядом, многозначительно сказала:

— Это мой ребенок!

Будто громом пораженный иступан, стоял я, соображая, как на это реагировать и что в таком случае полагается делать. Мелькнула неприятная мысль: из меня хотят сделать отца для чужого ребенка. Вначале даже и не сообразил, как мог бы оказаться нашим этот годовалый малыш.

После того как Татьяна унесла ребенка в дом, соседская девочка, свидетель этой немой сцены, с детской непосредственностью и откровенностью сдала Татьяну:

— Да не верьте ей. Это не ее ребенок.

— А чей? — все еще пребывая в состоянии шока, уточнил я.

— Это ребенок ее сестры.

Постепенно до меня начал доходить смысл происходящего. В общем, этот эксперимент, учиненный над моей неокрепшей еще психикой, просто взял да и не понравился мне. С юношеским максимализмом, но не без легкого сожаления в душе, во взаимоотношениях с Татьяной я поставил точку. Кто знает, если бы не ее странный и малопонятный поступок, может быть, и женился бы на ней.

У Михаила Михайловича Баграмяна случилось нечто подобное. Старше основного молодняка на полтора десятка лет, он со временем снял комнату в живописном пригородном местечке. Хозяином дома являлся директор местного кафе, весьма добропорядочный семьянин и хороший отец для девицы на выданье. Приглядевшись к постояльцу, он решил, что лучшего жениха для дочери не найти. Да и Михаил, хлебнувший сиротского горя,

опытный подводник, вдоволь насытившийся солеными морскими ветрами, всерьез начал задумываться об изменении холостяцкого статуса. Но опытный — не значит уставший.

Недавно Михайлович откровенно признался:

— Если бы женился тогда, там бы и остался.

Значит, не судьба. Боеспособность грозного атомного ракетноносца, боеготовность экипажа резко упала бы без такого опытного мичмана. И потом, на кого бы он оставил молодых мичманов? Как говорится, из двух зол выбирают меньшее — вот Михаил Михайлович и выбрал атомный подводный ракетноносец. Мужчина в расцвете сил отдал предпочтение куче железа перед молодой женщиной. Другой, женившись на дочке директора ресторана, катался бы по жизни, как сыр в масле. Но расстановка жизненных приоритетов у Баграмяна была другой. Следует добавить, что его женьитбе с торжественным проходом по ковровой дорожке под бравурный марш Мендельсона воспротивился и старший помощник командира Ротач. Неизвестны слова, которыми старпом удержал интенданта от резкого поворота в судьбе. Но... сказаны они были явно вовремя.

Вывод: У мужчины, посвятившего себя военной службе, тем более подводной, приоритеты иные. Для него главное — субмарина. Как ни обидно женщине, ставшей его женой, но она у него даже не на втором месте, ибо на втором месте находится экипаж. Это реалии, складывающиеся объективно, а не по чьей-то прихоти. Их надо понимать.

Гостиница, в которой жили молодые мичманы, находилась в расположении части. Чтобы попасть в нашу обитель, нужно было пройти через КПП, затем миновать штаб бригады и казарму, в которой размещался личный состав экипажа, потом наискосок пересечь скверик. Здесь на постаменте стоял гипсовый памятник простецкого ваяния, изображающий бравого матроса. Мы все размещались на втором этаже — в двух комнатах. Так как в

расположение части я прибыл первым, то и в комнату заселился первым. Сначала было скучно, но с поступлением новых жильцов комната превращалась в зал ожидания железнодорожного вокзала, становилось веселей.

Как-то в наш гостиничный номер на время командировки подселили старшего лейтенанта из Николаевска-на-Амуре. Офицер сопровождал моряков, участвовавших в судебном процессе по уголовному делу в качестве свидетелей. Он рассказал жуткую историю, наделавшую в то время много шума.

Произошло убийство салаги, не пожелавшего исполнять прихоти годков (пресловутая дедовщина). Чтобы скрыть следы преступления, старослужащие сожгли тело в топке котельной. Долго искали пропавшего матроса, ведь виновные молчали, пока следователи не догадались просеять золу топки, где и нашли расплавленную латунную бляху от его ремня. Страшная история, услышанная из первых уст, поразила цинизмом, жестокой реальностью. Оказывается, в этой жизни не все безоблачно, радужно и правильно, как кажется.

Так как первое время экипаж на судостроительный завод не пропускали, то матчасть мы изучали по схемам и учебным пособиям — на это и уходило основное время команды. Точнее сказать, в этом и заключалась суть службы, нашего предназначения. С минерами занятия проводил командир БЧ-3 старший лейтенант Виктор Степанович Николаев.

Ближе к весне на всех членов экипажа оформили пропуска, и дорога на судостроительный завод стала короткой. На проходной оставлялся пропуск, взамен получался другой, с которым можно было попасть в цех, где находилась наша строящаяся субмарина. В другой цех с выданным пропуском пройти было невозможно.

Знакомство с лодкой

Когда я впервые оказался в цехе, то был поражен его гигантскими размерами. Удивился, что стоящая на стапелях лодка, имеющая длину около ста тридцати метров и высоту с

пятиэтажный дом, помещалась под огромной крышей, не имеющей опор, при том там еще оставалось в три раза больше свободного места. Вокруг стоял постоянный гул от большого количества работающих механизмов. Рабочие снаружи что-то зачищали, шлифовали пневмомашинами и турбинками, доводя выступающие части легкого корпуса подводной лодки до кондиции. В тесных проходах ее нутра наблюдалась постоянная суета, так как там велись работы по монтажу, установке оборудования, агрегатов, приборов, механизмов. Все спешили успеть к сроку.

Чем дальше продвигалась готовность нашего изделия, тем чаще мы там бывали. При первом посещении бросилось в глаза, что все внутренние помещения и механизмы субмарины покрыты темно-красной грунтовкой, поэтому производили мрачное впечатление. Зато потом, когда все приборы и механизмы выкрасили в тон слоновой кости, она преобразилась — внутри стало светло и чисто.

На случай возникновения на корабле аварийной ситуации создавалась независимая ремонтная бригада, в состав которой входили сварщики из числа наших членов экипажа. Для обучения сварному ремеслу отобрали двух мичманов — Анатолия Корсунова и меня. Обучали нас на заводе — в классе, где вместо парт оборудовали специальные рабочие места. Мастер показал, как надо обращаться с электродами, как держать в руках резак, как делать шов, резать металл, и о нас забыл — мол, не дети, набирайтесь опыта самостоятельно. Должен сказать, что у Анатолия дело спорилось, так как на гражданке он имел к нему отношение, а у меня не получалось. Однако со временем жизнь заставила освоить электросварку и даже газовую сварку. Признаюсь, профессионалами мы не стали, но навыки получили и электрической дуги и электродов не боялись.

В те времена существовала, на мой взгляд, очень важная практика — в удостоверение личности проставляли резус и группу крови, чтобы в любой момент для получившего травму товарища можно было найти донора из его среды. Тогда же впервые я узнал и свои данные.

На втором курсе Школы техников ВМФ, как отличника учебны по предложению замполита роты Юрия Климантова меня приняли кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза. Кандидатский стаж тогда составлял один год. Практикой выполнения партийных поручений для меня явилось участие в работе комиссии по приему юношества в комсомол. Этим почетным поручением я чрезвычайно гордился, ибо факт поступления человека в комсомол искренне считал важным. Само событие организовывалось солидно и торжественно. Комиссия заседала в просторном кабинете Дома молодежи. Будущим членам молодежной организации задавались вопросы по знанию Устава ВЛКСМ, по правам и обязанностям, выяснялось отношение к общественной жизни, к культуре своей Родины, обсуждались принципы активной жизненной позиции. Многие поколения до сих пор помнят, как это происходило.

Запомнился курьезный эпизод. Перед комиссией предстала девочка явно азиатской наружности.

— Девочка, а ты гражданка СССР? — спросил кто-то из нас. Девочка даже не поняла вопроса и растерялась. Тогда спрашивающий уточнил: — Кто твоя мама по национальности?

И этот вопрос вызвал затруднение у кандидатки. В конце концов, выяснилось, что мама девочки является гражданкой Корейской народной демократической республики. Мы были в смятении:

— Извини, — сокрушенно сказал председатель комиссии, — мы не можем принять тебя в комсомол. Не имеем права. В нашу организацию могут вступить только граждане нашей страны.

Конечно, все искренне сочувствовали девочке, понимая, что написанные правила не обойдешь. Дело-то политическое, международное.

Справедливости ради следует сказать, что в комсомол принимались все желающие. Происходило это обязательно в светлом и просторном зале. В нашем случае — в зале Дома молодежи, на открытие которого еще в 1967 году приезжал первый

космонавт СССР Юрий Алексеевич Гагарин. Комсомольские билеты и значки вручались торжественно, при большом количестве присутствующих. Девочки, подходя за ними, смущались и краснели, а мальчишки, скрывая волнение, с интересом вглядывались в детали моей формы.

Ближе к спуску корабля на воду с экипажем проводились практические занятия по отработке навыков спасения из затонувшей лодки. Легководолазное дело для меня не было необычным или опасным. Нас не слабо натаскали в купели-колыбели церкви Милующей Божьей Матери Ленинграда.

На тех занятиях особо запомнился пример Алексея Алексеевича Ротача, который как старпом организовывал личный состав экипажа на тренинг по указанной теме и которому было тяжелее всех из-за его объемных форм. Помню, как я стоял у трубы торпедного аппарата и наблюдал в окошко, типа иллюминатора, как он с дыхательным аппаратом, чуть ли не царапая стекло и стенки, с трудом пробирался по узкому пространству. Думается, подобную неприятную для него процедуру Ротачу доводилось проходить не раз, но для придания уверенности экипажу он не косил от нее. Зато мы, худенькие и субтильные, пролетали через трубу легко.

Как-то экипаж уныло брел с корабля в казарму, строй растянулся и потерял вид. Алексей Алексеич, имеющий потрясающее чувство юмора и любящий шутку, скомандовал:

— Экипаж подтянуться! Дистанция на вытянутую руку. Или у вас, как у обезьян, руки до колен?

Суровый тон заставил нас взбодриться, строй живо сомкнул ряды до соответствующих уставу параметров. Для тех, кто не служил и не хаживал строем, объясню: дистанция между шеренгами должна быть на длину вытянутой руки, а, как известно, у приматов передние конечности длинней, чем у их ближайших родственников *homo sapiens*-подводникус.

Однажды Алексей Алексеевич, раздраженный непонятливостью, нерасторопностью и «поздним зажиганием» личного состава, в сердцах воскликнул:

— Только и умеете, что бабам ноги раздвигать!

Вывод: Флотский юмор имеет специфические особенности, так как отображает жизнь людей в специфической среде (воде), связан с суровым бытом моряка, зависящим от природных стихий, с управлением сложной техникой и постоянным от этого напряжением внимания. Юмор добавляет перца в пресное повседневное однообразие и в рутину морской службы.

«Как надену портупею, все тупею и тупею». Этой фразой выражалось то, что на службе полагалось выполнять приказы, не раздумывая, от чего иногда казалось, что мы сами превращаемся в винтики своей умной машины. Тем не менее мы понимали правильность другой поговорки: «Живи по Уставу — завоюешь честь и славу» — в Уставе все предусмотрено до мелочей, и, руководствуясь им, ты избавишь себя от ошибок.

Моряцкий фольклор

Часто в песнях и байках моряков отображаются переживания по поводу сомнений, служить после демобилизации или не служить. Чему посвятить жизнь: оставаться на сверхсрочную или уходить на гражданку?

Наши юмористы любили творчество и переделали устойчивые аббревиатуры на шуточный лад: СФ (Северный флот) — современный флот; ТОФ (Тихоокеанский флот) — тоже флот; БФ (Балтийский флот) — бывший флот; ЧФ (Черноморский флот) — чи флот, чи не флот. Хотя я мало вижу в этом юмора, острословия и доблести. Однако из песни слов не выбросить, продолжу излагать... Лей (лейтенант) — льет; старлей (старший лейтенант) — старательно льет; каплей (капитан-лейтенант) — когда капает, когда льет; каптри (капитан 3-го ранга) — льет три капли; капдва (капитан 2-го ранга) — льет две капли; капраз (капитан 1-го ранга) — льет очень редко, раз капнет; адмирал, значит, — (уже) адмираль. В шутках ярко выразилось молодое задорное отношение к сексуальной физиологии, к физическим

возможностям мужчины согласно возрастным особенностям и к званиям, напрямую зависящим от возраста.

В БЧ-5, самом многочисленном подразделении лодки, сложились свои фирменные приколы. В народе известна поговорка: «Нам татарам все равно: отступить — бежать, наступать — бежать», а в БЧ-5 возникла своя версия, высмеивающая подчас имеющую место неразборчивость моряков в знакомствах: «Нам татарам все равно: что повидло, что дерьмо».

Там же, в обстановке электромеханической части, а точнее в третьем дивизионе, родилось что-то похожее на оду трюмным специалистам, переживающим свою судьбу с нотками ностальгии и мечтательности:

Тихо водичка журчит в гальюне,
Профессия трюмного нравится мне.

Все там же вышла в свет незатейливая, но горделивая поэзия:

Сижу гордой птицей на унитазе,
Как зоркий орел на горном Кавказе.

Острословы называли трюмных «королями дерьма и пара». Неблагодарно... И это при том, что если трюмный морячок не позаботится о горячей воде, то тут же возникнут санитарно-гигиенические проблемы, и не дремлющие бактерии гарантированно отправят экипаж в лазарет.

Из состава БЧ-5 запомнился моряк-турбинист Жалилов, призванный из Средней Азии. Кстати сказать, из этого региона Советского Союза на подводные лодки, особенно атомные, людей брали неохотно — по причине их неудовлетворительной обучаемости. А Жалилов был грамотным юношей, однако русским языком владел в ограниченном объеме, иногда с трудом выговаривал некоторые слова. Ну а на флоте, как известно, особенно в экстраординарной ситуации не до длинных речей. Среди нас бытовало ходовое выражение «Ах, ты йоханый карась». Жалилов этот набор звуков воспроизвести не мог, поэтому пошел по

другому пути: видоизменил фразу, оставив ее значение. И говорил с некоторой грамматической погрешностью: «Ах, ты ипона рыба». Смысл понятен всем, зато какая прелесть звучания! Эта его фраза стала крылатой, своеобразным товарным знаком БЧ-5 нашего корабля.

Вообще флотский язык имеет лексическую специфику, заключающуюся в использовании крепких словечек, зачастую нецензурных. Иногда казалось, что без них никак не обойтись. Однажды и я попал впросак, когда с трех-четырепалубными комментариями прогрохотал по трапу на среднюю палубу третьего отсека. Вдруг непонятно откуда услышал знакомый и родной голос командира корабля — Олега Герасимовича Чефонова с явно угадывающейся строжинкой, даже неподдельной угрозой:

— Это кто там матерится?

После сделанного замечания я, фактически осмеянный уважаемым человеком, самым главным хранителем истинных военно-морских культурных ценностей на нашем корабле, почувствовал себя духовно раздавленным и впредь старался избегать матерных выражений.

День 3 мая 1977 года стал для нашего экипажа особенным. Именно тогда состоялось историческое событие — со стапелей судостроительного завода Комсомольска-на-Амуре в торжественной обстановке спустили на воду ракетный подводный крейсер стратегического назначения «К-523». К сожалению, меня в тот день послали в наряд дежурным по казарме, пришлось пропустить столь важное событие, участником которого становятся отнюдь не многие, и то — лишь раз в жизни. Рассказывали, что «мамой» корабля стала симпатичная женщина из конструкторского бюро завода, она совершила обязательный ритуал — разбила бутылку советского шампанского о нос нового ракетноносца. А о винты корабля бутылку шампанского разбил главный механик Иван Николаевич Семенец. Кстати, тогда и в США существовала подобная традиция. Но там «мамой» всех спускаемых на воду

подводных лодок становилась жена действующего президента страны. Ну... демократы, одно слово.

Когда корабль стоял у причальной стенки, мы произвели технический отстрел торпедных аппаратов. Для данной операции в качестве торпедоболванки использовалась старая торпеда без приборов и механизмов, начиненная до нужного веса железным ломом. Мне крупно повезло стоять на стенке причала и наблюдать эту захватывающую картину. Пущенная торпедоболванка мгновенно преодолела под водой несколько десятков метров. Выстрел производился сжатым воздухом, и снаряд, обрамленный венком из пузырьков, тенью хищной акулы пронесся под водой, а потеряв заданную энергию, продувшись завихрениями воды и воздуха, всплыл на поверхность.

После окончания заводских работ корабль ввели в плавучий док. Это технически сложная операция. Плавучий док представляет собой огромную прямоугольную конструкцию из железа с внутренними цистернами. Полости (цистерны) заполняются водой, и док погружается на глубину, достаточную для приема подводной лодки. После этого вода из цистерн откачивается и док, готовый для транспортировки, поднимается на нужный уровень. Над бортами дока виднеется лишь ограждение рубки подводной лодки. Так как даже внешние очертания ракетноносца являлись секретными, то верхняя часть дока вместе с ограждением рубки и частью корпуса накрывались маскировочной сеткой.

Замечу, что все эти предосторожности не очень-то помогали. Как говорят, у нас все секретно, но ничто не является тайной. В городе все знали, когда военный корабль спустили на воду, и любой таксист мог поздравить тебя с этим знаменательным событием. Однако режим секретности соблюдался строжайше. По этому поводу среди нас даже легенды ходили. Рассказывалось, как однажды вражеская радиостанция «Голос Америки» поздравила советское правительство со спуском на воду очередного ракетноносца. Подтверждением моих слов может стать рассказ командира стартовой батареи БЧ-2 надводного ракетноносного

корабля «Гордый» Леонида Ивановича Лукашука. В 1962 году после спуска на воду их корабля по радио «Голос Америки» поздравления получил каждый член экипажа до последнего матроса — с указанием должности, звания и фамилии.

Вывод: Вот бардак! С этого начинались наш крах и потеря Родины.

НА ЛОДКЕ ИЗ КОМСОМОЛЬСКА В ПРИМОРЬЕ

Принцип безопасности

В моем личном деле имеется запись:

27.06.1977 г. — убыл в составе 1-го экипажа флота крейсерской подводной лодки «К-523» из 80-й отдельной бригады строящихся подводных лодок ТОФ.

Приказ командира 80-й обспл ТОФ № 029 от 30.06.1977 г.

Начальник штаба 80 обспл ТОФ
капитан 1-го ранга В. Хайтаров.

Плавающий док, как детская колыбель, держа в своем ложе корпус новорожденной атомной лодки и два экипажа (военный и гражданский, последний состоял из рабочих, слесарей, инженеров и других специалистов), отдав концы (снявшись со швартовых), неспешно поплыл вниз по Амуру. Если посмотреть на карту Дальнего Востока, то можно увидеть, как сухопутная государственная граница СССР (России) в районе Хабаровска поворачивает на юго-запад, минует озеро Хасан, город Владивосток, упирается в Японское море и дальше переходит в морскую. Амур же у Хабаровска, расходясь с границей почти в диаметрально противоположном направлении, поворачивает на северо-восток и выходит к Татарскому проливу, соединяющему Охотское и Японское моря. Таким образом, государственная граница как бы заодно с Амуром «отрезает» от континента неслабый кусок суши, называемый Сихотэ-Алинем, являющийся водоразделом рек бассейнов Амура, Японского моря

и Татарского пролива. На карте видно, что город Комсомольск находится почти посередине отрезка Амура, лежащего между государственной границей и его устьем, а у самого впадения реки в пролив расположен город Николаевск.

Вот мы и должны были пройти этот извилистый путь от Комсомольска до Татарского пролива. А дальше нам предстояло выйти из дока и своим ходом прибыть в Большой Камень, огибая материковую часть Хабаровского и Приморского краев, следуя мимо Находки и не доходя до Владивостока. Большой Камень это не утес в море, а поселок, в котором находился судоремонтный завод. Забегу вперед и скажу, что переход мы совершили успешно, без серьезных происшествий.

Руководство экспедицией осуществлял наш героический Синьор Помидор — командир комсомольской бригады капитан 1-го ранга Михаил Шеметнев, обеспечивший режим секретности перехода на все сто десять процентов.

Правда, без курьезов не обошлось. Встречным курсом мы разминулись с гражданским речным пароходиком. Военная громадина вызвала большой интерес у людей. Расторопный мальчуган из пассажиров додумался схватить фотоаппарат и сфотографировать опасную «Мурену». (Следует заметить, что натовские военспецы дали проекту 667Б имя этой хищной морской рыбы, и под ним он фигурировал у них и у американцев на протяжении всего нахождения на вооружении.) Комбригу доложили о несанкционированной съемке. За речным трамвайчиком молниеносно была организована погоня скоростным катером. Пассажиры с тревогой встретили военных моряков, деловито проследовавших к мальчугану. Пленку у начинающего шпиона отобрали и засветили, а его родителям пришлось выслушать грозные наставления со стороны соответствующих служб о необходимости правильного воспитания своих чад и присмотра за ними.

Вывод: Советским людям, увы, подчас не хватало понимания того, что такое общая безопасность,

чем она достигается, как надо ее блюсти и как надлежит вести себя около секретного объекта. Да и сейчас беспечность русского человека поражает своей стойкостью и тем, насколько ему же она и вредит.

В начале перехода и со мной произошел досадный случай. При подготовке столовой к кормлению личного состава, там образовался цейтнот: вот-вот прозвучит команда к приему пищи, а столы не накрыты. В спешке я ухватился за краешек тяжелой баночки, она кувыркнулась, выскользнула из рук и тупым ребром со всего маху опустилась на большой палец правой ноги. В глазах у меня сначала потемнело, а потом выступили слезы, я еле сдержался, чтобы не ругнуться. Впоследствии на месте удара образовался неслабый нарыв, который пришлось оперировать. Наш хирург Иван Васильевич Ещенко удалил его вместе с ногтем. Палец, к счастью, не оттяпал, за что ему большое спасибо! Тем не менее большую часть перехода я имел вид боевого коня, но, к сожалению, хромого.

Сказитель

Служил в моей БЧ-3 старшим торпедистом на левом борту старшина 1-й статьи срочной службы Петр Федорович Оверко, земляк из Беларуси. Он был среднего роста и телосложения, русоволосый, с такого же цвета усами, кончики которых почапаевски лихо завивались вверх — в общем, хоть картину с него пиши. Совместно мы прослужили около года. Зная о моем отношении к панибратству, Петр ситуацию не форсировал — не тыкал, но и обращения на «вы» тоже избегал. С хитринкой в глазах, рассудительный и неторопливый в решениях, он частенько повторял расхожую военную истину: «Не торопись выполнять приказ, ибо поступит другой, отменяющий первый». Ни разу не упустил случая акцентировать на этом внимание, когда нечто подобное случалось на практике. В БЧ-5 по случаю отмены приказа имелась едкая поговорка: «Пельмени разлепить, дрова в исходное, дым в трубу».

Следует заметить, что Оверко не был лишен повествовательного дара. Находясь в отсеке во время большой приборки, он отвлекал

нас от рутины нескучными байками. Попытаюсь воспроизвести одну из них. Итак.

Приезжает в родную деревню разудалый морячок, на побывку к родителям. Отец не понаслышке знает, что такое военная служба, и пристаёт к сыну с расспросами о порядках на флоте. Что да как, почему так, а не по-другому? Обычному сухопутному человеку, не выдавшему морей-океанов, словами объяснять специфику морской службы очень сложно. То же самое, что, например, иностранцу объяснять про русскую душу, которая, как известно – сплошные потемки. Так и мы, моряки, со своими флотскими заморочками для гражданского человека весьма загадочны. Сын пускается в долгие объяснения, вконец запутывается и предлагает:

– Батя, ну что я тебе военно-морские порядки буду на пальцах показывать? Чтобы их познать, надо в них повариться. Поэтому, если хочешь, давай завтрашний день проживем по-флотски.

Заинтригованный отец, озадаченно почесав затылок, соглашается:

– Ладно, давай попробуем!

Младший братишка подпрыгивает от радости и хлопает в ладоши. Как же, завтра аж целый день он будет моряком.

Спозаранку, как водится, день начинается с утренней побудки личного состава:

– Экипаж! Подъем! – орет моряк.

Кряхтя и охая, ничего не соображая спросонья, отец поднимается с постели. Да и брат вначале ничего не соображает, чего тут орут, а поняв – радостно исполняет приказание. Тут же поступает новая команда:

– Для утренней пробежки выходи на улицу строиться!

После кросса босиком по чистой росе поступает команда к следующему утреннему моциону:

– Личному составу умываться, койки заправить!

Когда семья села завтракать, отец на правах главы потянулся к стакану с молоком. Но не тут-то было: как матрос-первогодок он получает от сына-годка строгое предупреждение:

— На флоте все, даже прием пищи начинается по команде, — и тут же сын рывкнул дальше: — Экипажу начать прием пищи!

После завтрака начинается нескудная «боевая подготовка экипажа». На дворе яркими красками изобилует лето, набирает обороты сенокосная страда. Семейный экипаж занимает места на корабле, то есть на телеге, согласно штатному расписанию, и почти трогается с места. Да не все так просто. Поступает команда произвести внешний осмотр, пока не осуществлено «проворачивание оружия и технических средств вручную», то есть, пока не проверена сбруя, не повернуты туда-сюда оглобли, не прокручены колеса, не может быть и речи о выходе «из базы». Только после проведения надлежащих мероприятий и после закрепления отсечного имущества (граблей, кос) обязательно по-штормовому (это значит, что все должно быть закреплено на случай сильной качки), телега «отдает концы» — отвязываются лейцы от забора. Прибыв на место, экипаж строится и, как положено, получает скучный, нудный и долгий инструктаж, типа:

— На грабли не наступать, косу в траве не бросать, под прямые солнечные лучи с непокрытой головой не высовываться... (батя, скрежеща зубами, чуть не бросается с кулаками на годка-командира).

После этого команде ставится боевая задача:

— Косить отсюда и до обеда...

После обеда, как положено, производится «адмиральский час», во время которого косари часок мирно покемарили на свежескошенном сене, а затем с новыми силами продолжили «боевую подготовку». Вечером поступает боевое распоряжение:

— Прекратить работы. Заправиться.

Личный состав от усталости чуть ли не падает на землю, однако команда «заправиться» не значит расслабиться:

— Экипажу для возвращения на базу в пешем порядке становись!

Отец:

— Так, может, поедем на телеге?

Сын:

— Поступила вводная: «лошадь пала».

Отец испуганно:

— Как, лошадь пала? Типун тебе на язык. Вот же она стоит, живая и веселая.

Сын отцу:

— Батя, ты что, забыл, это ж флотская организация. Если поступает вводная, значит, не понастоящему, а понарошку. Но выполнять вводную обязаны все. Понял?

— Понял.

Звучит команда:

— Экипажу начать движение!

Только отошли от места, как поступает новая вводная:

— Вспышка справа!

Отец растеряно засуетился, пытаясь найти очаг возгорания:

— Што рабиць?

— Залечь на обочине слева от дороги.

С грехом пополам горе-экипаж залегает.

— Продолжить движение!

Только двинулись, снова вводная:

— Вспышка слева!

Теперь уже более организованно улеглись в придорожную канаву. Вот так с постоянными вводными, трудностями и препятствиями, с ног до головы вываленные в пыли и грязи, в соответствии со всеми канонами боевой подготовки военно-морской обоз дотянулся до базы — хаты. Отец направляет коня в ворота. Рановато! На флоте так не бывает:

— Куда прешь? Ты что, от оперативного дежурного получил добро на вход в базу?

Отец растерянно:

— Какое нахрен добро?

— Гражданским лицам объясняю. Для входа в базу необходимо «добро», то бишь, разрешение. Понятно?

— Понятно. А что делать?

— Как что? Ложимся в дрейф. А еще лучше малым ходом тралим окрестности фарватера.

Военно-морской обоз, превратившийся в тральщика, нарезает круги вокруг хаты. Трaлили акваторию у входа в базу, покуда не наткнулись на мину — коровью лепешку.

— Срочно приступить к разминированию!

Отец с недоумением:

— Не понял, коровья лепешка не опасна. Что с ней будем делать?

— Хороший боцман всегда найдет применение любой, даже бесполезной вещи.

— Эта лепешка только и годна для удобрения огорода.

— Видишь, батя, делаешь успехи — вникаешь в суть флотской жизни. Так как инициатива наказуема исполнением, то сам и разминируй.

После успешного разминирования отец схлоптал три наряда вне очереди, за то что спровоцировал команду: «Человек за бортом!».

Без команды прыгнул... с телеги, вызвав при этом весь комплекс мероприятий по спасению человека на воде. Ох, и намаялась же спасательная партия, пока посуху из воды тащила утопающего. Справившись, продолжили траление. Прошло время, и на улицу, то есть на акваторию, спустились сумерки. И сын резюмировал:

— Видишь, батя, стемнело. Надо включать ходовые огни.

— Это как?

– Если у тебя на телеге нет фонаря, так закури хотя бы, чтобы не нарушать правила навигации.

– Закурить? – добро. А вот нафига эта нафигация нужна? Не пойму!

Обеспокоенная мать выскочила из дому, не понимая, что происходит, встревожено воскликнула:

– Ты что, старый дурень, совсем ополоумел, в ворота попасть не можешь? А ну, марш домой!

Сын отцу удовлетворенно:

– Вот видишь! «Добро» от оперативного дежурного получили. Направляй корабль (коня с телегой) к причалу (во двор), смотри только на волнолом (ворота) не наскочи. Видишь, зыбь пошла (мать ругается).

Бросив швартовый конец (кинув поводья) жене, мореманской походкой отец направился в дом. Ничего не понимающая мать, разозленная художествами мужа, выдохнула:

– Ах ты, пень старый. Я щас дам тебе конец... А ну распрягай. Коня – в стойло, телегу – в сарай, а сам с детьми – марш мыть руки и за стол!

Наконец усталые мужчины уселись за ужин. Довольный тем, что удалось продемонстрировать флотскую жизнь, сын спросил:

– Ну что, отец, понял, что такое флотская организация?

– Да, сынок, понял. Правда... Нам, селянам, лишняя морока без надобности. Деревенская жизнь простая, всякие вводные премудрости ни к чему. Если начнем жить по флотскому распорядку, то не только вас (армию и флот), но даже и себя прокормить не сможем. И еще. Вот придешь с флота, вернешься в семью, поступишь опять в мое распоряжение и под мою ответственность – во-от заживем! Все будут знать, что ты настоящий мужчина. Пустых слов не говоришь, понимаешь, что постоянно нужно заниматься полезным делом, а не впустую тратить время. Теперь точно знаю, что флот закаляет и воспитывает реальных мужиков.

Кроме повествовательных способностей Петя имел еще и артистические. Мы, конечно же, догадывались, что истории придумываются на ходу. Но поддавались очарованию его интонации и тому, как он в лицах передает и инсценирует их. Судьба так сложилась, что отслужив срочную, Петр Оверко пропал из моей жизни, оставив яркий след. Все попытки найти его успеха не принесли. Мы от души хохотали, когда рассказывалось, как матрос Оверко в течение нескольких минут дважды встретился с командиром лодки:

— Иду в казарму, а навстречу командир. Как положено, отдал честь, иду дальше. Смотрю, опять навстречу идет командир. Подумал, может, померещилось, подошел ближе — командир! Опию отдаю честь и начинаю сомневаться в состоянии своей психики. Точно — крыша поехала. Успокоился, когда вернулся на лодку и узнал, что к Олегу Герасимовичу приехал брат-близнец. Братья похожи, как две капли воды и даже имеют одинаковое звание капитана 2-го ранга.

Вдоль Амура населенные пункты встречались крайне редко. При подходе к Николаевску-на-Амуре режим секретности усилился до предела. В этом районе японские рабочие валили лес, который отправляли на родину. Удивил тот факт, что рачительные заготовители забирали не только деловую древесину, но и кору, за которую в соответствии с договором ничего нам не платили. Как использовалась кора, для меня осталось загадкой по сегодняшний день. Находясь на своей территории, это место мы вынуждены были проходить под покровом темноты и с потушенными огнями, как сельские пацаны, натырившие яблоч в чужом саду.

Не уверен, прознали ли японцы или американцы о тайной операции по перемещению славной «К-523» по Амуру. Знаю точно — секретность не была излишней. Почему? Об этом писал П. В. Боженко в своем труде «Подводники тихоокеанцы в боях с противником (1941-1945 гг.)».

По результатам проигранной Русско-японской войны Россия, выполняя условия Портсмутского мирного договора, обязалась в течение 30 лет не развивать свой подводный флот на Дальнем Востоке. В связи с этим начавшиеся в 1932 г. работы по подводному кораблестроению во взрывоопасном регионе были строго засекречены. Так, моряки, прибывавшие с других флотов, снимали с бескозырок ленточки, судостроители вместо слова «подлодка» говорили «объект», а словосочетание «Морские силы Дальнего Востока» использовалось до 11 января 1935 г., пока не истек срок договора. Тогда Тихоокеанский флот получил свое естественное название. Поэтому сюда потянулись железнодорожные составы с подводными лодками «Малютка» с Черного моря и Балтики, а средние «Щуки» в разобранном виде перевозились в ящиках с отвлекающей надписью «Сельхозтехника».

Так в 1933 г. одну построенную лодку для прохода по Амуру замаскировали под пароход, а для правдоподобия смонтировали печку с большой трубой, из которой валил дым. Тем не менее японское радио сообщило, что по Амуру плывет не пароход, а замаскированная под него подводная лодка.

В наше время моряки ленточки с бескозырок не снимали и кроме слова «объект» мы использовали также «изделие», «заказ» и «корпус».

При выходе из Амура в Татарский пролив лодка покинула док. Он отправился обратно на завод, а мы в надводном положении продолжили путь самостоятельно, направляясь в достроечную базу — завод «Восток» поселка Большой Камень. Операция по перемещению дока с атомной субмариной в навигационном плане — наисложнейшее мероприятие. Не участвуя в этом, трудно представить сложность навигационной обстановки реки, с множеством поворотов и мелей. Движение по реке обеспечивали два буксира: один тянул, другой толкал. Это усложняло работу лоцману при проводке сцепки из трех плавединиц строго по

фарватеру. По створам, виртуозно обойдя все мели, изгибы, мы вышли на большую воду.

Согласно записи в личном деле наше прибытие в поселок Большой Камень отмечено приказом командира 72-й обсрпл (в переводе на русский язык — 72-я отдельная бригада строящихся и ремонтирующихся подводных лодок) от 12 августа 1977 года. Значит, путешествие составило полтора месяца, для относительно небольшого расстояния срок не малый.

ИСПЫТАНИЯ ПОДВОДНОГО РАКЕТОНОСЦА

Срастание с субмариной

Запись в личном деле мичмана Ловкачева А. М.:

12.08.1977 г. — прибыл в составе 1-го экипажа крейсерской подводной лодки «К-523» в 72-ю отдельную бригаду строящихся и ремонтирующихся подводных лодок ТОФ. Прибыл в отдаленную местность Приморского края Шкотовского района пос. Большой Камень.

Приказ командира 72-й обсрпл ТОФ № 0126 от 12.08.1977 г.

Обогнув Сихотэ-Алинь по речной и морской воде, мы оказались в достроечной базе, где экипаж совместно со сдаточной командой судостроительного завода провел испытания атомной подводной лодки «К-523». Сначала заводские, а затем государственные.

Вывод: Мы, молодые и необкатанные мичманы, выходили вместе с новоизготовленной субмариной в большую жизнь, мы шли единым курсом, и продолжалось наше срастание в единый монолит.

О совместной жизни экипажа и сдаточной команды из гражданских специалистов следует сказать особо. Жилое место, имеются в виду спальные места на подводной лодке, естественно, было рассчитано на один боевой экипаж. В данном случае на корабле

людей оказалось в три раза больше. Чтобы выйти из положения, на заводе сколотили из досок одноместные нары, похожие на пляжные лежаки, острословы прозвали их «вертолетами» или «самолетами». Каждый владелец своего «вертолета» находил закуток на подводной лодке и по мере возможного оборудовал там ночлег. Каюты второго и пятого отсеков заняли офицеры старшего командного звена и значительные персоны сдаточной команды и, разумеется, члены приемной комиссии. Все же остальные шхерились как могли.

На момент испытаний корабль не являлся боевой единицей флота, поэтому боезапаса не имел. В первом отсеке находились торпедные аппараты: четыре калибром 53 сантиметра и два 40-сантиметровых, пространство на стеллажах для запасных торпед оставалось свободным. Большая часть вольноопределенных на ночлег находили место в первом отсеке, тем более «вертолеты» именно туда и выгрузили. Отсюда и пошла растекаться по всему кораблю масса низкотехнологичных изделий.

Лежаки разложили в два яруса вдоль бортов — на балках устройства быстрого заряжания (УБЗ) торпед. В узком проходе между стеллажами едва могли разминуться два человека. Можно себе представить, что творилось на торпедной палубе нашего отсека, когда все места «отеля» были заняты: толкотня невообразимая, во время сна продохнуть нечем было, по-быстрому выскочить в галльон не получалось. Однако со временем, нам на радость, многие члены команды перетаскивали деревянные спальные места поближе к своим боевым постам (БП). И это оказалось весьма удобно хотя бы тем, что по боевой тревоге не надо было бежать из дальнего отсека, достаточно было открыть глаза, и человек оказывался на месте. Неважно, что в горизонтальном положении. Удобнее всего было во время длительных бдений по всяким тревогам, владелец спального места мог не перемещаться. Иногда удавалось от усталости «нечаянно» споткнуться, упасть на лежак и незаметно для всех покемарить часок-другой. С учетом того что на испытаниях мы действительно не досыпали, выгода очевидная. В первом (моем родном) отсеке со временем стало гораздо свободнее. Так как *здесь*

находилось много оборудования, о назначении которого я расскажу позже, то и гражданских специалистов, занимающихся наладкой, проверкой, регулировкой оставалось еще много.

На испытаниях проводилась проверка всех систем, механизмов, приборов, некоторые из них эксплуатировались на предельных режимах.

Посвящение в подводники

На прочность корпуса подводный атомоход испытывался на максимальной рабочей глубине в 320 метров, предельно допустимой являлась глубина в 400 метров (различие составляет 20 %). Проверка корпуса на прочность происходит лишь дважды, на испытаниях и когда (не дай Бог!) лодка тонет... Мероприятие обеспечивали надводные корабли, охраняя водную акваторию и осуществляя связь с подводной лодкой. Понятно, что в случае бедствия, они вряд ли окажут нам, находящимся на глубине, экстренную помощь. Разумнее всего было надеяться только на себя. Поэтому внимательность, своевременные команды и слаженные действия каждого члена экипажа по их выполнению были чрезвычайно важны.

В отличие от обычного, глубоководное погружение происходит поэтапно, и по времени оно более продолжительно. Лодка из надводного положения переходит в позиционное, когда из воды торчит лишь ограждение рубки, затем уходит на перископную глубину. Так начинается глубоководное погружение. Весь личный состав расставлен таким образом, чтобы ни один укромный закуток в трюме, ни одна шхера не оказались без присмотра. Все переборочные, каютные двери и люки находятся в открытом положении. Через каждые 50 метров производится доклад глубины, по громкоговорящей связи из главного командного пункта поступает команда: «Осмотреться в отсеках». Каждый осматривает порученный участок и докладывает. Операция длится не час и не два, так как в таком важном и ответственном деле торопливость и спешка излишни. Наконец достигается заданная глубина. По всей

лодке вырванных клапанов и сальников не отмечено, лишь в трюме одного из отсеков зарегистрирована незначительная фильтрация воды. Чтобы проверить работу главных механизмов, какое-то время лодка должна освоиться на максимальной глубине, заодно совершается архиважное дело... Вот какое.

Погружение на глубину 320 метров явилось первым не только для лодки, но и для большинства членов экипажа. А это в свою очередь связано с обязательным обрядом посвящения молодых моряков в подводники. Ритуал проходят все, он весьма специфичный и занятный, память о нем сохраняется на долгие годы. Когда стрелка глубиномера, размещенного у кормовой переборки первого отсека, над системой пожаротушения ВПЛ (воздушная пенная лодочная), останавливается на отметке «320», лодка прекращает погружение. Отсеки сотрясаются от восторженных восклицаний состоявшихся подводников. Появляется осознание, что над тобой — многометровая толща воды, в которой человек может выжить только под защитой высокопрочного металла. Через выпускной клапан глубиномера, сообщающегося с забортным отверстием, набирается морская вода в круглый плафон от лампы освещения. Для каждого кандидата в подводники набирается полная чаша.

Нас, новичков (гражданские не в счет), собралось пятеро: командир БЧ-3, он же командир первого отсека Виктор Степанович Николаев; старшина команды торпедистов, мичман Виктор Киданов; старшие торпедисты — я и старшина Петр Оверко; а также трюмный специалист, мичман Сергей Рассказов. Забортная вода в плафоне слегка пузырится, прямо как шампанское в бокале. И это понятно. Ведь на глубине она сжата тридцатью двумя атмосферами и, попадая в отсек, где давление обычное, чуть ли не пенится. Каждый должен выпить ритуальную чашу (наполненную Японским морем) до дна. Замечу — задача не простая. Выполнить можно только в возбужденном состоянии, вызванным осознанием погружения. Примеров невыполнения условий ритуала не знаю.

Затем Николай Степанович выдал граммов по пятьдесят спирта на каждого. Микрофлора моего желудка агрессивно встретила своих глубоководных собратьев, пришлось приложить максимум усилий, чтобы удержать получившуюся смесь внутри. И если бы не своевременная дезинфекция желудка, то не избежал бы я диарейных последствий. На этом испытания не заканчивались. Участники посвящения должны были поцеловать подвешенную к подволоку кувалду, смазанную ЦИАТИМом (в аббревиатуре ЦИАТИМ заключено название Центрального Института Авиационного Топлива и Масел, разработавшего смазки для наших приборов и механизмов). Нам еще повезло, некоторым пришлось целовать АМС (смазка АМС-3 предотвращает коррозию механизмов кораблей, подводных лодок, гидросамолетов; изготавливается из высоковязкого нефтяного масла, загущенного алюминиевым мылом стеариновой кислоты), темного цвета — более неприятное и противное техническое масло. Кувалда не просто висела, а раскачивалась, как маятник. Тут могло и не повезти, так как, плохо рассчитав угол упреждения, можно было в кровь разбить губы.

Вывод: Посвящение в подводники предусматривало приобщение моряка не только к морю и глубине через пенящуюся морскую воду, но и к постоянной качке. Церемониал напоминал о необходимости выработать особенную координацию движений, чтобы уклоняться от колышущихся предметов и не травмироваться о них.

Вилор — имя редкое

О более подробном арсенале подводничьих традиций довелось слышать от прекрасного человека, заслуженного подводника, редчайшего военспеца, капитана 1-го ранга Вилора Михайловича Головачева. В его богатой тридцатишестилетней флотской биографии интересно буквально все. Начиная с имени Вилор, представляющего собой аббревиатуру фразы: «Владимир Ильич

Ленин — организатор революции». Явление на свет человека — обычное событие, но не в случае с Вилором Михайловичем. Герой нашего повествования родился в Международный женский день — 8-го марта, и ему всю жизнь пришлось принимать поздравления вместе с женщинами. К тому же еще родился он на Озерецком винном заводе в Толочинском районе Витебской области. Родители будущего подводника проживали в служебной квартире, находившейся в заповедных владениях Бахуса. Необычное место рождения Вилора Михайловича создавало трудности при заполнении биографических анкет. Приходилось объяснять, почему обладатель такого звучного имени родился на винзаводе. Не зря доброжелатели советовали «потерять» компрометирующую метрику. В годы войны Вилору Михайловичу удалось избежать угона в Германию стараниями учительницы, которая ежемесячно меняла место учебы ребят. Отец войну провел в концентрационных лагерях Освенцима и Бухенвальда, к счастью выжил и в 1946 году вернулся домой.

Детскую мечту о море помог осуществить дядя, бывший моряк, посоветовав юноше поступить в Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе в Ленинграде. Пройдя в 1953 году огромный конкурс (сегодня даже трудно себе такой представить — 19 человек на место), он поступил. Исторический факт — с приходом к власти Н. С. Хрущева «под нож» пошли большие корабли, и над детской мечтой Вилора Михайловича нависла серьезная угроза. Он перевелся на третий курс Высшего военно-морского училища подводного плавания им. Ленинского комсомола. Но и здесь не обошлось без трудностей: на восемь свободных мест претендовало 38 минеров и штурманов из Фрунзенки. А у него, как на беду, обнаружился пониженный порог обоняния.

— Тогда я пошел к начальнику училища, Герою Советского Союза Н. П. Египко, тому самому, который воевал в Испании и вывез оттуда на своей подлодке председателя компартии Долорес Ибаррури. Он отнесся с пониманием и распорядился: «Если проблемы только с нюхом — пусть плавает!», — позднее вспоминал наш герой.

На Северный флот В. М. Головачев попал не случайно — как отличник учебы место службы выбрал сам. Служил командиром торпедной группы, командиром БЧ-3 дизельной подлодки «Б-91» 611-го проекта. «Плавали много (позднее вспоминал Головачев). В 1959 году наплаванность у меня составляла более 180 суток за год. Первое время на чемодане “зарубки” ставил, потом бросил».

На атомной подводной лодке «К-43» он выполнял хлопотную должность помощника командира. Заводские, государственные испытания и ввод в первую линию головного корпуса 670-го проекта затянулись надолго. Вилору Михайловичу не повезло, он на три года превысил тридцатитрехлетний рубеж для поступления в Военно-морскую академию. Поэтому в 1970 году, когда представилась возможность, он скорректировал флотскую стезю и перешел на судостроительный завод «Красное Сормово» в Горький (ныне Нижний Новгород). Тогда на предприятии работало около тридцати тысяч человек и в год выпускалось по две дизельные и атомные лодки. Начав с младшего военпреда, Вилор Михайлович дорос до заместителя уполномоченного Главного управления кораблестроения ВМФ СССР. Занимался испытаниями и принимал от промышленности торпедно-ракетные комплексы подводных лодок, атомных — в Белом море, дизельных — в Черном.

Там же, в Нижнем Новгороде, выпускались и проходили испытания глубоководные аппараты (батискафы) различного назначения, в том числе для научных исследований и спасательных целей. Для проверки функциональных возможностей батискафов привлекались военспецы. Вилор Михайлович вместе с научными сотрудниками погружался на глубину более километра. О первых погружениях печально известного атомохода «Комсомолец» на километровую глубину Головачев В. М. рассказывал с обыденной простотой. Мы же, заинтересованно-понимающие слушатели, с восторгом оценивали повседневную героику.

На флоте не существует должности «испытатель подводных кораблей», но Вилор Михайлович по сути являлся таковым. Он

совершил 28 глубоководных погружений, и не как мы — на максимальную рабочую глубину, а на предельно допустимую. Безусловно, он занимался более опасным, чрезвычайно сложным и ответственным делом, нужным для кораблестроения страны. Думаю, что людей, имеющих подобный опыт, на всем постсоветском пространстве, едва ли наберется больше чем пальцев на одной руке. К величайшей скорби, говорю об этом прекрасном человеке в прошлом времени, ибо в декабре 2007 года он ушел в вечное плавание.

Вывод: Легко не замечать героев, когда живешь рядом с ними. Они тебе кажутся обычными людьми, с обычными поступками. Но стоит отойти на расстояние в пространстве или во времени, как начинаешь ощущать их масштаб и понимать свое счастье, что общался с ними.

Надо людям научиться ценить друг друга при жизни.

От общения с ним мы получали радость. Великолепный рассказчик, он с доброй улыбкой и потрясающей мимикой живописал забавные флотские истории, которыми заслушивались даже и бывалые моряки. Пережил Вилор Михайлович их великое множество, и сейчас я сожалею, что недостаточно уделял внимания его бесценному опыту подводника. Вспоминается такой рассказ.

Прибывает из высшего военно-морского училища на подводную лодку молодой лейтенант, как положено звонко рапортует командиру:

— Товарищ капитан второго ранга, лейтенант (предположим Пупкин), представляюсь по случаю прибытия для дальнейшего прохождения службы!

Кэп — реальный морской волк, просоленный северными ветрами и битый жизненными невзгодами, оценивающе скользнул взглядом по лощенному мундиру свежее испеченного выпускника, механически зацепился за красивый значок:

— Это что за знак такой?

— Мастер спорта, товарищ командир, — горделиво отчеканил лейтенант.

— По какому виду?

— По бегу, товарищ командир!

Тот, удовлетворенно крякнув, приказывает:

— То, что надо! Через полчаса закрывается важный стратегический объект, находящийся в пяти километрах отсюда. Необходимо приобрести ценный продукт, проходящий под названием «Водка», — с этими словами протягивает лейтенанту денежную купюру. — Проверим твою подготовленность, а заодно и оперативность. Время пошло!

Таковыми оказались для офицера-салаги суровые флотские реалии, действительно отличающиеся от блистательной парадности Ленинграда.

На «ты» с торпедами

В БЧ-3 производились испытания торпедных аппаратов вхолостую, отстреливавшихся воздухом, минеры это называют «стрельбой пузырем». Система ГС-200 (калибр 533 миллиметра) отстреливалась на глубине 200 метров, а ГС-250 (калибр 400 мм) — на глубине 250 метров. При «стрельбе пузырем» из глубины на поверхность вырывается воздушная масса, которая демаскирует подводную лодку. Таких «пузырей» нами было выдано несколько, сжатого воздуха не жалели, поэтому настрелялись вволю. Находящимся в отсеке от шума стрельбы закладывало уши. Мы все до последней нитки промокли от водяной завесы, похожей на густой туман. Несмотря на кажущийся дискомфорт от возбуждения горели глаза, и товарищи подходили ко мне и просили допустить к рукоятке на стрельбовом щитке, чтобы собственноручно произвести выстрел. Торпедные системы стрельбы работали безотказно.

Технические возможности торпедных аппаратов со стеллажами позволяли вместо обычного боезапаса загружать мины в большом количестве — из расчета три мины типа РМ-2Г (реактивная мина 2-й модификации, глубинная) в единой сцепке вместо одной

53-сантиметровой торпеды. Это значит, что борт мог принять сорок восемь до поры до времени дремлющих реактивных «агрегатов смерти». В случае необходимости подводная лодка могла перекрыть для судоходства большую площадь. В мою бытность такое не практиковалось.

Замечу, что полностью идентичное торпедное вооружение находилось почти на всех лодках спроектированных, как носители стратегических ракет. Проблема их размещения на подводных лодках актуальна с момента появления первой субмарины. Данное обстоятельство подтверждается чередой следующих проектов: 667А, 667Б, 667БД, 667БДР, 667БДРМ. Их можно визуальнo различать по длине и высоте ракетной палубы в виде горба, размещенного за ограждением рубки. Современный, недавно построенный подводный стратегический крейсер «Юрий Долгорукий», проекта 955 «Борей», по своей архитектуре аналогичен проекту 667Б, способному нести на борту такое же количество вооружения. Ясное дело, современные ракеты качественно отличаются от стоявших на вооружении в наше время. Видимо, подобная схема размещения боезапаса себя оправдала.

В моем обслуживании находились торпедные аппараты под № 1 (калибром 40 сантиметров), №/№ 3, 5 (калибром 53 сантиметра); система гидравлики с блоком гидроманипуляторов для управления передними, задними крышками торпедных аппаратов и прочими механизмами. А также стеллажи для торпед, находящихся по правому борту верхней палубы первого отсека.

Система гидравлики на нашем корабле в качестве рабочего тела имела экспериментальную, подцвет моря, синюю жидкость, от которой (если долго не проворачивать), технические средства закисло, и, чтобы потом их повернуть, требовалось немало времени и усилий. Сколько было поломано гидроманипуляторов на нашем корабле, только Николаю Ивановичу Семенцу известно, богу от БЧ-5.

В моем заведовании находились два стрельбовых щитка с рукоятками. По команде «Пли!», что поступала из центрального

поста, мы нажимали на них, дублируя ее выполнение. В случае аварийной ситуации со щитков можно было осуществлять стрельбу.

Среди прочих в минно-торпедной части имеется одна очень интересная система, называемая «системой шлюзования». С ее помощью в случае затопления лодки можно спасти экипаж через нижние торпедные аппараты. Разумеется, личный состав должен быть одетым в индивидуальное снаряжение подводника.

Здесь находился выходной люк, за который отвечал трюмный специалист Сергей Рассказов. Для обеспечения выхода личного состава из аварийной лодки здесь же имелся клапан затопления отсека, который необходим для заполнения пространства водой до уровня выдвижного тубуса выходного люка. Спасаящийся, подныривая под край тубуса, попадает в шахту выходного люка, где отсечное давление сравнивается с забортным, тогда можно открыть верхнюю крышку и беспрепятственно покинуть лодку.

Позже, при вступлении корабля в первую линию, в больших нижних торпедных аппаратах постоянно находились две торпеды с ядерным боеприпасом (ЯБП). В этом случае при стрельбе система самонаведения не используется и торпеда в воде движется, как прямоидущая. При стрельбе обычным боеприпасом включается система самонаведения торпеды. Тогда она движется по так называемой «акустической змейке», вихляя из стороны в сторону, что увеличивает дистанцию и время прохождения. То есть торпеда сама слушает, сама наводится и поражает цель.

Тогда же испытывалась система «Ключ-667Б», которая автоматически производит перезарядку торпед, вводит в них параметры движения, а именно — угол выхода из трубы и задает траекторию дальнейшего движения.

Испытывали мы и аварийную систему продувания цистерн главного балласта (ЦГБ) в виде резервной колонки с клапанами, находящейся на нижней палубе первого отсека-убежища. Мало ли что может произойти с третьим отсеком, там, на главном командном пункте (ГКП), располагается основной пульт управления. Система

резервирования аварийных систем на подводной лодке очень продуманная, так как «расписана» жизнями людей. Именно поэтому в отсеках-убежищах предусмотрено дублирование и других важных систем управления кораблем. Ведь даже то, что почти на всех советских подводных лодках было два винта (в отличие от американских субмарин), диктовалось теми же соображениями.

На глубине пятьдесят метров продували цистерны главного балласта, и при всплытии лодка, резко наращивая скорость, вылетала на поверхность, как детская пластмассовая игрушка.

Испытаниям подверглась и система с красивым названием «Турмалин». Очень интересная и нужная, она по своему предназначению похожа на «автопилот», и выполняет весьма хитроумные маневры при аварийной обстановке (при поступлении воды система сама производит дифферентовку, чтобы сохранить устойчивость корабля); а также при уходе от атаки вражеской торпеды (т. е. система позволяет избежать попадания в винты торпеды противника). Действия «Турмалина» из-за резких изменений курса озаменовались «несанкционированным» битьем посуды на камбузе, из-за чего мы нарекли ее «Дурмалином».

Произвели мы и реверс. Это когда лодка, разогнавшись на полном ходу до двадцати шести узлов (на данных испытаниях «К-523» «выжала» максимальную скорость 26,7 узла), вдруг резко останавливается. В отличие от автомобиля, тормозящего колесами по асфальту, наша лодка производила остановку винтами, которые резко начинали вращаться в обратную сторону. Чтобы добиться полного обездвижения огромной стратегической субмарины, нужно не одну минуту взбивать коктейль из морской воды, как гигантским миксером из двух насадок (винтов). Кстати, оборот винта лодки государству обходился в пять рублей, а этих «насадок» две штуки. Если еще учесть скорость их вращения, выраженную в количестве оборотов в минуту, то получается поездка в очень дорогом такси. Кстати, тогда за один доллар по курсу Госбанка СССР давали всего около 70 копеек.

Вывод: Так что в советские годы «деревянным» был не рубль, а его зеленый конкурент — доллар. Не зря ходили слухи, что японские рыбаки скупают советские рубли с изображением В. И. Ульянова (Ленина) от десятирублевых купюр и выше, а в обмен предлагают пресловутую японскую бытовую и электронную технику.

Как уже упоминалось, в нашем отсеке находились гражданские специалисты по минно-торпедной части. Один из них по имени Владимир (неввысокий, юркий мужичонка лет тридцати) отвечал за монтаж и наладку торпедных аппаратов, а Петр (сорокалетний, выше среднего роста и очень полный) устанавливал систему «Ключ-667Б». Как-то я наблюдал такую картину. В «общаге № 1» нашего отсека лежал Петр на своем вертолете и отбивался от словесных нападков Володи, который критиковал его «самовар», так он называл систему «Ключ». Когда тема спора и все аргументы были исчерпаны, оба замолчали. Исход словесного поединка Владимира не удовлетворил. Ловко и бесшумно извиваясь, словно ящерица, он незаметно подполз к беспечно глядящему в подволок Петру и, размахнувшись, звонко врезал ладонью по его голому брюху. И так же шустро вернулся на место, притворившись, что ничего не было. Удар в прямом смысле прозвучал как пощечина. Ошарашенный и возмущенный Петр поднял голову, чтобы увидеть обидчика. Огромный живот загораживал обзор, осуществление его намерения оказалось невозможным. Тогда Петр стал суетливо вертеть головой, чтобы улучшить обзор. А Владимир лежал с невинным выражением лица, дескать: «А что случилось?». Но плутоватый вид выдал его. Мы просто корчились от смеха на своих самолетах, как в предсмертных судорогах. Петр, хоть и не поймал вора за руку, конечно же, догадался, чья это проделка, и долго дулся на Володю, не разговаривал с ним.

Грамотные гражданские специалисты научили нас правильно обращаться с техникой, различным премудростям и некоторым хитростям. Каждый из них досконально знал свою систему и

старался наиболее точно передать морякам бесценные навыки и привить максимальные умения. Нам же приходилось добросовестно вращать в свои головы знания узких специалистов по торпедным аппаратам, по системе «Ключ-667Б», по устройству быстрого заряджания, по торпедопогрузочному устройству (ТПУ).

Мы должны были в совершенстве владеть устройством первого отсека, уметь обслуживать приборы и механизмы даже с завязанными глазами — в условиях полной темноты. Якорно-шпилевое устройство (с якорем Холла, цепью, шпилем, жвакагалсом), системы пожаротушения ВПЛ (воздушно-пенная лодочная) и ЛОХ (лодочная, объемная, химическая) намертво укрепились в наших головах, а я даже спустя годы мог использовать их по назначению, не задумываясь ни на секунду. По трюмной части мы должны были свободно и непринужденно управляться с помпой и системой осушения отсека, фановым устройством гальюна...

Из спасательных средств в нашем отсеке-убежище находились система «Плот», радиостанции Р-105 и малогабаритная (по тем временам весьма даже миниатюрная, свободно помещающаяся на ладони), гидроакустическая станция МГС-29, спасательный буй. Наверное, проще перечислить, к чему торпедисты не имели доступа: к мощной гидроакустической системе (глазам и ушам корабля), к лагу «Мечта» по штурманской части (для определения глубины под килем подводной лодки), к компрессору для набивки баллонов воздухом высокого давления (ВВД).

Первый отсек — отсек-убежище, поэтому грамотная эксплуатация технических средств имеет большое значение. Особенно, когда люди оказываются отрезанными от внешнего мира. В практике однажды случилось такое. Подводники оказались запертыми в отсеке на время более трех недель. Лишь благодаря отличному знанию, строгой дисциплине и грамотным действиям командира отсека они оптимально расходовали аварийный запас пищи и воды и смогли выжить в непростых условиях. Вот что описывает в своей книге «Чрезвычайные происшествия на советском флоте» Н. А. Черкашин:

«24.02.1972 г. при возвращении с боевого патрулирования в Северной Атлантике на глубине 120 метров в девятом отсеке атомной подводной лодки «К-19» (известная как «Хиросима») возник объемный пожар. Погибло 28 человек. Двенадцать человек были отрезаны огнем в десятом отсеке, они находились в состоянии полной изоляции от внешнего мира с 24 февраля по 18 марта».

Находящиеся на борту подводной лодки гражданские лица, несмотря на свой высокий профессионализм, отлично разбирались лишь в конкретных системах корабля. Оказавшись в незнакомой обстановке, кое-кто из них попадал в неординарные ситуации. В первую очередь это касается пользования общими системами жизнеобеспечения. Об этом свидетельствует забавная история...

Для вхождения в суть дела поясню принцип работы фанового устройства. Подводная лодка постоянно сжата водой: чем глубже она погружается, тем сильнее давление. Отсюда возникает специфика работы очень нужного корабельного устройства — гальюна, сортира, предназначенного для удаления за борт отходов жизнедеятельности человека. Понятно, что чем больше глубина, тем больше усилий требуется для продувания содержимого баллона. Это продувание и обеспечивается фановой системой.

Начинается вытеснение содержимого баллона сжатым воздухом за борт. Чем глубже находится лодка, тем, понятное дело, дольше оно длится. Хотя все равно баллон очищается не до конца. Когда вытеснение заканчивается, фановая система приводится в исходное положение. В этом и заключается коварство подводнического унитаза. Так как остаточное давление через унитаз не позволяет заполнению баллона, то производится его вентиляция через специальный фильтр, очищающий воздух. Поэтому новичок, а в нашем случае гражданский специалист, не обращающий внимания на мелочи, покупается на простецкий вид устройства. Следует заметить, что пока давление в баллоне полностью не сравняется с отсечным, нижнюю захлопку унитаза

при помощи ножной педали открывать категорически не рекомендуется.

Однажды в тесную кабинку гальюна протиснулся здоровенный дядя с законным желанием справить нужду. И чтобы смыть следы своего пребывания там, сдуру нажал педаль. Хотя она и предупреждает своим сопротивлением о нежелательности открытия, но настойчивому посетителю иногда все же удается преодолеть его. Вот тут и наступает расплата. Нечистоты, не попавшие за борт, вырываются в свободное пространство кабинки, приводя ее в ужасающее состояние. Так случилось и в этот раз.

Военному человеку такое не может в голову прийти, а наш штатский товарищ, с ног до головы испачканный нечистотами, приперся на ГКП с криками:

— Воды мне! Воды-ы-ы!!!

Замечу, в подводном флоте подобного рода приключений и происшествий с гальюном множество. Подобную историю слышал я и от Михаил Михайловича Баграмяна. После чего один из гальюнов пятого отсека не функционировал две недели, никто не решался войти и помыть кабинку. Тогда командир 3-го дивизиона Б. А. Дудолодов в приказном порядке обеспечил надлежащую приборку силами виновника происшествия.

По тем временам гражданские специалисты получали за работу огромные деньги, особенно когда пребывали в таких командировках, как испытание корабля. Например, за один час нахождения под водой им выплачивали рубль, но не более двенадцати в сутки.

Для дальнейшего сопровождения кораблей использовались группы гарантийного надзора (ГГН) и технического обслуживания (ГТО). Среди них была женщина — специалист по ракетному оборудованию, она даже выходила с нами в море. Господа, верующие в приметы, были посрамлены — мы не утонули в подтверждение нелепых суеверий, и ни с кем из нас ничего странного не случилось.

Во время государственных испытаний в Большом Камне производились торпедные стрельбы, на которых я отличился отнюдь не в лучшую сторону. На стеллажи загрузили четыре

практические 53-сантиметровые торпеды. К ним вместо боевых зарядных отделений (БЗО) со взрывчатым веществом (ВВ) присоединили практические зарядные отделения (ПЗО), в которых размещаются регистрирующие приборы. Электрический двигатель торпеды работает от аккумуляторной батареи (АБ), электролит которой выделяет очень вредный хлор. Во избежание аварийной ситуации в положенное время вахтенный торпедист производил вентиляцию АБ.

Мы вышли в море, заняли позицию, произвели торпедный залп. В результате две торпеды, обслуживаемые мною на правом борту, выловить из воды не удалось. Гидроакустики сказали, что торпеды при выходе из трубы торпедного аппарата почти сразу перестали прослушиваться. В итоге официальную причину потери установить не удалось. Без моей вины, конечно же, не обошлось. За два часа до стрельбы минеры производят последние манипуляции по подготовке торпед, строго соответствующие инструкции, под контролем командира БЧ-3, старшего лейтенанта В. С. Николаева. Пошагово выполняя положения инструкции, я обратил внимание, что там не прописано одно важное действие — установка пробки вентиляции аккумуляторной батареи на место. Очень хотелось обратиться к командиру БЧ-3 с вопросом, что делать с пробкой. Однако я представил себе, как Николаев поднимает меня на смех, и передумал. Решил действовать точно по инструкции, хотя сомнения раздирали, и я не был уверен в правильности своего поступка. Надо было все-таки задать тот вопрос.

Оказывается, флагманский минер соединения, составивший инструкцию, расписал ее невнятно и пропустил важный пункт в действиях. Однако, как ни крути и не ищи виновных, наиглавнейшим из них остался бы я. Любое сомнение нужно разрешать вовремя. Бумажка стерпит все, в том числе и потерю двух утопленных торпед. При этом неудачная инструкция от стыда не покраснеет, а со временем лишь пожелтеет. Итогом ЧП явился соответствующий приказ по соединению и с торпедистов БЧ-3 обязаны были взysкать треть оклада в течение трех месяцев. Наш позор длился

недолго, так как через месяц экипаж перешел на постоянное место базирования в бухту Павловского и постепенно инцидент потерял актуальность.

Вывод: В сложной ситуации вспоминай инструкции, но проверяй их своими знаниями. Человеческий интеллект, вооруженный знаниями, надежнее любой предварительной подсказки.

Не бойся задавать вопросы для разрешения сомнений, даже если они кажутся глупыми. Боевой опыт старших товарищей всегда придет на выручку.

За время испытаний засолилась система воздуха высокого давления (ВВД), не исключено что по вине гражданских специалистов. Система ВВД довольно объемная, поэтому лечить ее пришлось ни много ни мало, но тремя автоцистернами спирта. Процесс устранения техноказуса заключается не в прикладывании гигантских спиртовых компрессов, а скорее напоминает операцию переливания крови. На пирсе у подводной лодки поочередно отметились три КрАЗа, исполнившие роль капельниц. Какое-то время лечебный раствор (спирт) усердно прогонялся по всей системе, а потом через кормовую перемышку расточительно сливался за борт.

Так что наша лодка оказалась не только энерго-, но и спиртоемкой. У ракетчиков БЧ-2, например, в качестве хладагента в холодильных машинах используется водно-спиртовая смесь под разговорным названием «Вермут». То есть туда заливается не энное количество бутылок известного вина с наклейкой «Вермут», а жидкость с содержанием восемнадцати процентов C_2H_5OH .

Как-то на госиспытаниях мы всплыли и на ограждении рубки увидели обрывки рыбацкой сети из нейлона. Заядлые рыбаки находку восприняли как манну небесную или как подарок Нептуна. В те годы нейлоновые сети, особенно японского производства, ценились очень высоко. А тут мы прошли сквозь сети, установленные японскими рыбодобытчиками.

За время заводских и государственных испытаний произошло много интересного, и у каждого члена экипажа, конечно же, остались свои незабываемые впечатления.

За успешную передачу стратегического атомного ракетносца от промышленности Военно-морскому флоту и ввод его в первую линию наш командир капитан 2-го ранга Олег Герасимович Чефонов в 1978 году получил орден Красного Знамени. Боевая награда вручалась в присутствии личного состава экипажа. Мне запомнились проникновенные слова командира, когда, подняв орден на уровне плеча, он торжественно и эмоционально произнес, обращаясь к нам:

— Это ваша награда!

В Советском Союзе подводные лодки не пеклись, как пончики на противне, а боевые ордена направо и налево не раздавались как, например, значок об окончании вуза. По тому времени наш корабль оснастили самой новой и совершенной техникой, даже по сравнению с предыдущими кораблями-новостройками того же проекта. По сути он представлял собой переходный образец между проектами 667Б и 667БД, как и дышавший нам в спину следующий, он же последний корпус нашего проекта «К-530» под командованием капитана 1-го ранга Андрея Ивановича Колодина. Поэтому испытание новейшей техники оказалось совсем не простым и не таким уж рядовым делом.

В скором времени Олега Герасимовича повысили, присвоив очередное воинское звание «капитан 1-го ранга». Тогда ему было всего тридцать девять лет.

Вот как сейчас вспоминает то время капитан 2-го ранга запаса Блынский С. И.

«Тот, кто участвовал в испытаниях атомной подлодки (АПЛ), не забудет этого никогда. Ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПК СН) — это большая атомная подводная лодка способная самостоятельно решать стратегические задачи.

РПК СН проекта 667Б «Мурена» «К-523», при закладке на заводе получивший номер заказа 227, был спущен на воду 3 мая 1977 года, а в состав Военно-морского флота СССР вошел 30 ноября 1977 года. Промежуток между этими событиями – напряженная работа по достройке, испытаниям и передаче корабля от промышленности флоту. Строился корабль на судостроительном заводе им. Ленинского комсомола в г. Комсомольске-на-Амуре, достраивался на заводе «Восток» в г. Большой Камень. А родным домом на долгие годы для него стала Военно-морская база (ВМБ) в бухте Павловского Шкотовского района, Приморского края, где наша лодка вошла в состав 21 дивизии 4 флотилии АПЛ Краснознаменного Тихоокеанского флота (КТОФ).

Испытания – это ответственная работа по подтверждению расчетов, определению возможностей всего разнообразия сложной техники, систем и механизмов, тактико-технических характеристик (ТТХ) и эксплуатационных качеств всего корабля в целом. В конечном счете испытания – это определение границ прочности, за которыми техника не выдерживает, и начинаются поломки и аварии. В этом сложном и трудном для экипажа периоде были и повседневная рутина, и напряженные моменты, и, конечно же, курьезные случаи.

На корабле, рассчитанном на экипаж в сто двадцать человек, во время испытаний присутствовало и работало до пятисот. Это были рабочие и наладчики, ответственные сдатчики и контрагенты, вахта из гражданских специалистов и военный экипаж, военпреды и представители флота, начальство как со стороны флота, так и заводское. И один специалист, выполняя свою работу, часто мешал другому. А ведь РПК СН – сооружение по своим размерам весьма солидное: длина – 139 м, ширина – 12 м, высота – 18 м. Однако свободного пространства мало, внутри прочный корпус прямо-таки набит сложнейшей техникой.

Испытаний много, они разные. Различают испытания швартовные, заводские ходовые и государственные. И все они проводятся в очень жестком режиме. На некоторых испытаниях получаешь столько адреналина, что можно запросто их назвать экстримом.

Например, взять испытание на максимальную скорость. Представьте себе АПЛ высотой с 5-этажный 4-подъездный дом, который мчится со скоростью 26,8 узла (около 50 км/час), а затем дается реверс, это когда винты резко начинают вращаться в обратную сторону. Из физики известно: масса – мера инертности тела. Так вот, масса РПК СН равна 11 220 тонн. И конечно же, такая махина сразу остановиться не может, а продолжает по инерции двигаться вперед, прежде чем полностью остановится и начнет движение задним ходом. И находиться внутри подводной лодки в этот момент не очень приятно: грохот, лодка трясется, некоторое отсечное имущество, недостаточно хорошо закрепленное по-штормовому, срывается со своих мест и летит в проходы. У нас один из насосов сорвало с фундамента. Несмотря на то что все были предупреждены о маневре, среди личного состава не обошлось без ушибов и травм.

А аварийное всплытие подводной лодки? Должен заметить, что разница между нормальным и аварийным всплытием существенна. В первом случае лодка за счет скорости и рулей всплывает на перископную глубину, затем воздухом среднего давления (ВСД) продувается сначала средняя группа цистерн главного балласта (ЦГБ), а затем концевые. Когда море спокойное, подобную процедуру можно было бы и не заметить, если бы не шум сжатого воздуха подаваемого в цистерны. Другое дело аварийное всплытие, когда продуваются воздухом не среднего, а уже высокого давления (ВВД) все группы балласта сразу. Корабль, всплывая, резко набирает вертикальную скорость, при этом воздух, расширяясь в ЦГБ, вырывается наружу. Видели, как пробка выскакивает из бутылки с

шампанским? Это похожий случай. Лодка вылетает из воды на поверхность почти полностью, а затем падает, как правило, с солидным наклоном в продольной (дифферентом) или поперечной (креном) плоскости. По телевизору это смотрится красиво и эффектно. Напрягите фантазию и подумайте, что творится внутри подводной лодки размерами с 5-этажный дом.

Одно из наиболее ответственных и опасных испытаний — это погружение на предельную глубину. Различают следующие погружения. Перископная глубина — подводное положение, при котором из ПЛ можно вести наблюдение за надводной обстановкой при помощи выдвигаемых устройств, в том числе перископа. Безопасная глубина — около 40 м, на которой ни одно надводное судно, даже супертанкер, не может протаранить лодку. Зато лодка, исследуя окружающую обстановку, может применять все виды оружия, при этом имеет возможность в любое время всплыть в надводное положение. Рабочая глубина — максимальная, на которую подлодка может многократно погружаться без подготовки и находиться неограниченное время без ущерба для прочного корпуса. Предельная глубина — та, на которой прочный корпус получает остаточную деформацию. Как говорят подводники: «Лодка погружается на предельную глубину дважды: на испытаниях и когда тонет». Расчетная глубина — глубина предполагаемого погружения, при которой прочный корпус ПЛ разрушается и лодка гибнет.

От гражданского судна корабль отличается тем, что последний проектируется, строится и эксплуатируется с условием, что он сам будет применять оружие и подвергаться атакам со стороны противника, поэтому одним из главных качеств корабля является живучесть. В какую цель труднее попасть? В неподвижную, двигающуюся равномерно и прямолинейно или хаотично? Очевидно последнее. Поэтому на нашем корабле имела система с красивым названием «Турмалин». Если по отношению к АПЛ противник

применит оружие, то помимо всевозможных помех, которые лодка ставит ему, ЭВМ системы «Турмалин» по команде оператора берет управление на себя, и лодка движется по очень сложной траектории, меняя курс, глубину, скорость, дифферент, снижая вероятность попадания вражеской торпеды до ничтожного процента. А на корабле опять — битая посуда, травмы, ушибы, все вверх тормашками. За что члены экипажа недолюбливали эту систему, называя ее «Дурмалином».

Почти все испытания в море проводятся по боевой тревоге. Весь личный состав находится на своих боевых постах. Бывало, что боевая тревога длилась большую часть суток. Ни поесть, ни поспать, ни сходить в галюн (туалет). Одни испытания сменяли другие и так каждый день.

Испытания проходили и у заводской стенки. Такие испытания называются швартовными. Проводятся они для определения основных характеристик боевых и технических средств. Ядерные реакторы испытываются на максимальную мощность и на все виды защит. Турбогенераторы, после определения ТТХ, испытываются на защиту от «разноса» (обороты не должны превышать максимально допустимых) и перегрузок. Холодильные машины и испарители — на максимальную производительность. Испытания проходят все механизмы без исключения.

Запомнились испытания парогенераторов. Парогенератор — это устройство, вырабатывающее пар для работы турбин. По трубкам из ядерного реактора течет вода первого контура, нагретая до трех с половиной сотен градусов, которая не закипает лишь потому, что находится под большим давлением. В межтрубное пространство поступает вода второго контура, которая закипает и превращается в пар. Пар в свою очередь перегревается до трехсот градусов и под давлением поступает на турбину, заставляя ротор вращаться. Каждый знает, как реагирует раскаленная сковорода

на холодную воду. Нечто подобное происходит при испытаниях парогенераторов. Клапан поступления воды второго контура на парогенератор перекрывают на 30 минут, оставляя открытым клапан по пару. Вода, оставшаяся в парогенераторе, в считанные секунды выкипает, а сам парогенератор начинает нагреваться до температуры первого контура. Затем открывают клапан по воде второго контура, и она поступает в разогретый парогенератор. Происходит страшной силы гидравлический удар. Возмущаясь подобному обращению, АПЛ подпрыгивает и трясется как велосипед, скачущий по ступенькам лестницы. Паропровод, подвешенный в турбинных отсеках на специальных амортизаторах, начинает двигаться как вырвавшийся из рук поливочный шланг. Находиться в это время в отсеке и созерцать, как полуметровая труба с паром «летает» над головой — занятие опасное, не для слабонервных. А в это время сверхточные приборы пытаются уловить малейшее повышение радиационной активности во втором контуре. Если это произойдет — значит, в парогенераторе имеются микротрещины, которые могут привести к серьезной аварии. Но никому не нужен еще один «Чернобыль», поэтому все 10 парогенераторов поочередно проходят эту процедуру.

Из курьезных случаев запомнились два. Первый, когда выполняя программу испытания штурманского оборудования, лодка как-то вдруг потеряла скорость и стала плохо слушаться рулей. Всплыв в надводное положение, мы обнаружили, что тянем за собой рыболовную сеть. Выяснилось, что сеть большого размера, японского производства и высокого качества. Тогда в СССР таких сетей не производили, и любой рыболовецкий колхоз оторвал бы с руками и ногами такую сеть за «бешеные» деньги. И сразу же возникла масса вопросов. Взять сеть с собой? Бросить? Ждать корабля обеспечения? Кто-то прикинул, что по стоимости сеть «тянет» не менее 50 легковых машин, а то

и все 150. А один час простоя нашего РПК СН с лихвой перекрывает стоимость сети. Пришлось пожертвовать сетью, расстреляв из автомата Калашникова ее стеклянные поплавки, которые держали сеть на плаву. Однако некоторые гражданские специалисты взяли фрагменты сети «на память».

Второй случай произошел на рейде г. Советская Гавань. Каких-то специалистов высаживали, каких-то принимали на борт, загружали спецаппаратуру. Командир Чефонов О. Г. что-то обсуждал с представителями промышленности и начальством из Главного управления кораблестроения, а свободные от вахты загорали на надстройке. Сначала пришел связист и доложил командиру, что получена телеграмма, в которой указывалось, что штаб Тихоокеанского флота выделил для совместной с нашей АПЛ работы большой противолодочный корабль (БПК), чтобы испытать аппаратуру звукопроводной связи. А через 15 минут явился мичман Сергей Милый – старшина команды гидроакустиков – и доложил, что из Владивостока в нашу сторону движется цель, которая по своим характеристикам классифицируется как БПК проекта 1134 «Маршал ...». А до Владивостока 540 миль (около 1 000 км), поэтому на таком расстоянии невозможно определить, а тем более классифицировать цель. Присутствующие тут же подняли на смех доклад мичмана и стали доставать его вопросами: «А какой бортовой номер БПК?»; «А в каком звании командир БПК?»; «Вертолетов на корме БПК один или два?». Но каково же было удивление шутников, когда через три дня к нам на точку randevу прибыл именно БПК и именно «Маршал ...». Думали мичмана Милого поощрить, однако передумали, так как через три дня после окончания работ для сверки показаний приборов, прослушав горизонт, мы всплыли в опасной близости от БПК, чуть не вспоров ему днище. Поэтому, не поощрив и не наказав мичмана Милого, можно сказать, что его помиловали. Вот такие взлеты и па-

дения бывают у гидроакустиков из-за непостоянства гидрологии моря.

Как и положено, закончились испытания ракетной стрельбой, и совпала она с днем рождения командира нашего корабля Чефонова Олега Герасимовича. После поздравлений и завтрака была объявлена боевая тревога. В штатном режиме был произведен двухракетный залп. А еще через 30 минут пришло сообщение, что, преодолев расстояние в 10 тысяч километров, оба макета боеголовок «поразили цели» на полигоне «Новая Земля», вписавшись в эллипс размером 75 на 150 метров.

В испытаниях РПК СН «К-523» вместе со мной принимали участие также мои земляки мичманы Баграмян М. М., Ловкачѳв А. М. В 1982 году судьба разбросала нас, однако в начале нынешнего столетия мы снова встретились в Минске и с тех пор не теряем связи.»

Сложная жизнь в Большом Камне

Морячки

Личная жизнь каждого из нас хоть эпизодически, но была. И даже не ключом, а неумным гейзером с обязательным подогревом.

Офицерский и мичманский состав, имеющий семьи, в первую очередь был озабочен получением жилья и размещением близких. Поначалу доводилось селиться где придется, так как получение квартиры было сложным делом. А если удавалось с ним справиться, то, как правило, квартира оказывалась с подселением. Особняком стояла проблема перевозки семьи и доставки имущества. Следует учитывать, что наш экипаж около года пробыл в Палдиски, затем в среднем по полгода в Комсомольске и Большом Камне. В конечном итоге, после двух лет постоянных переездов семьи обосновались в поселке Тихоокеанский. Сколько забот, хлопот, нервов и времени уходило на обустройство семьи на новом месте, что трудно представить. В Большом Камне ко всем прочим насущным проблемам добавлялась еще одна, весьма неприятная. Там в квартирах отсут-

становала питьевая вода, ее привозили в автоцистернах. Дефицит воды доставлял уйму хлопот хозяевам, ухаживающим за детьми и обеспечивающим тыл моряков. Служивому люду проще — ушел на лодку, семейные проблемы отошли на второй план. А жены крутились, как белки в колесе. Считаю, что повседневный подвиг верных жен моряков, свидетелем которого практически стал с первого дня службы, достоин уважения. В 2003 году Морской литературно-художественный фонд им. Виктора Конецкого учредил памятный знак «Жене моряка» с надписью на аверсе: «ЗА ВАШУ ВЕРУ НАДЕЖДУ ЛЮБОВЬ». Изящная и красивая медаль в день святых мучениц Веры, Надежды, Любви и их матери Софии 30-го сентября вручается женам моряков.

Памятный знак «Жене моряка-подводника» с надписью на аверсе «ВАША ЛЮБОВЬ И ВЕРА СОХРАНИЛИ НАС» учредил и Совет международной ассоциации общественных организаций ветеранов подводного флота и моряков-подводников ВМФ России. Обе награды для женщин очень похожи. Планка выполнена в виде банта, а кольцом к ней присоединена роза ветров с изображением внутри круга: в первом случае якоря, во втором — командирской подводной лодки. Дизайн знака хорошо продуман, поэтому на женской блузке он смотрится достойно и как украшение.

Вывод: Пусть это малая награда верным женам, отдавшим и продолжающим отдавать молодость, красоту, ум и лучшие годы мужьям, которые посвятили себя морю, но она есть, и это хорошо.

В подтверждение подвига женщин постсоветского пространства в Одессе установлен бронзовый памятник «Жене моряка». Это произошло второго сентября 2002 года, а двадцать четвертого августа 2010 года в городе морской славы Новороссийске открыли памятник «Ожидающая жена моряка», именуемый в народе «Морячка». Россия — крупная морская держава, где много портов и военно-морских баз. Планируется установка аналогичных памятников в Санкт-Петербурге и Мурманске.

Сам я в это время семейными узами обременен не был, однако с бытовым устройством офицерских семей в Большом Камне соприкоснулся вплотную. В процессе службы доводилось на автомашине доставлять с железнодорожной станции к месту жительства офицеров контейнеры с их мебелью и семейным имуществом. В одном из домов приходилось неоднократно проезжать под аркой. Перед въездом в проем мы обязательно останавливались и с матросом-водителем придирчиво вымеряли расстояния и габариты. Дело в том, что машина с тяжелым контейнером садится ниже и без проблем вписывается в арку, а после разгрузки облегченный контейнер поднимается и может не пройти в нее. Был случай, когда на обратном пути контейнер, зацепившись верхним краем за свод, опрокинулся. Моряки, находившиеся в кузове, пострадали, получив тяжелые травмы. Будучи старшим машины, я серьезно относился к обязанностям, так как нес ответственность не только за груз, но и за организацию перевозки и соблюдение правил безопасности.

Кстати, доставка груза морским транспортом на расстоянии более десяти тысяч километров, например из Эстонии (г. Палдиски) на Дальний Восток, стоила дешевле, чем перевозка машиной на сто километров.

Демография и страсти

Рабочий поселок Большой Камень располагается на юге Приморского края, в заповедной зоне залива Петра Великого. Здешнее население в сравнении с другими военными городками разительно отличалось большим количеством женщин. Это было исключением из правил. Интереснейшая и богатейшая история края своими корнями уходит глубоко в древние века. Однако не это является предметом повествования, а рассказ о своем опыте, который оставил неизгладимый отпечаток в душе и сформировал мое мировоззрение.

Прямо скажу, быт, нравы, обычаи, человеческое окружение, в которых пришлось побывать, мало соответствовали представлениям девушек, начитавшихся книжек о морской романтике. Розовые очки

молодых мечтательниц постепенно и незаметно превращались в серые, особенно если их человеческие качества не соответствовали стандартам зрелости. Как и везде, здесь жизнь имела простые и прозаичные формы, и ее героиня видна была только при взгляде вчуже.

Военные городки и поселки, как правило, были закрыты, из-за чего в них наблюдалась отличительная демографическая особенность — мужская часть тут преобладала. Ясное дело, их раздирали прямо-таки сумасшедшие внутренние противоречия. С одной стороны, вернувшиеся с моря мужчины, месяцами не испытывавшие женского внимания, с другой — женщины оказывались избалованными (даже развращенными) вниманием противоположного пола. Иной раз отношения завязывались в сложный и запутанный узел... Тогда кипели сумасшедшие страсти, достойные пера Шекспира. Безответная любовь, неожиданные измены, обиды обманутых мужей, склоки неверных жен — неотъемлемая часть, на первый взгляд, спокойного и сонного военного городка. Смеем предположить, что поживи какой-нибудь литературный гений с полгода в городке под названием Большой Камень или ему подобном в наше время, то мир пополнился бы гениальными трагедиями, комедиями, фарсами, водевилями.

В таких поселках происходят самые невероятные случаи. Некоторые из них становятся достоянием гласности, но большинство, как подводная часть айсберга, покрыты тайнами. Под влиянием личных переживаний некоторые офицеры и мичманы срывались с катушек, спивались, ломали свои судьбы и карьеру.

В Большом Камне обыватели с удовольствием посещали дом офицеров, дом культуры, библиотеку, ресторан. Именно в питейном заведении — средоточии возвышенных и низменных помыслов — зачастую и завязывались в узел невероятные страсти.

Ресторанная жизнь и меня однажды не слабо зацепила. Сход на берег в то время воспринимался, как подарок судьбы, суливший приятное времяпрепровождение с прекрасными нимфами. О закладке семейного фундамента думалось мало, как и о посещении

библиотеки, кинотеатра, кружка кройки и шитья в местном доме культуры. Культпоход в ресторан нашим братом осуществлялся каждый раз по индивидуальному плану, который, как ни странно, был стандартен, словно списан под кальку, и содержал одинаковые пункты.

Обо всем по порядку. Необходимо было заранее зарезервировать столик, так как с приходом экипажа с моря это превращалось в проблему. Если не удавалось — не беда, выручали друзья-товарищи, которые всегда приглашали в компанию. Очень важным пунктом являлась позиция за столиком, воспринимаемая, как засада на дичь, позволяющая выследить желанный трофей. Поистине — каждый охотник желает знать, где сидят фазаны.

В этот раз пили, закусывали, обменивались мнениями о впечатлениях, не забывая озираться по сторонам в поисках свободных и незанятых объектов. Всецело поглощенные действием, чтобы не упустить ни одной красивой и симпатичной посетительницы, наши перископы (головы) на выдвижных устройствах (шеях), поднятые на максимальную высоту для охвата наибольшей акватории ресторанного пространства крутились чуть ли не вокруг своей оси с частотой наружных радиолокационных антенн, подсвечивая все цели без разбору, особо маркируя конкурентов. В наши головы (боевые информационно-управляющие системы — БИУС) поступали такие важные параметры цели, как габариты (масса тела), линии и обводы корпуса (стройность фигуры), встроенные средства наблюдения и слежения (глаза) и основное оружие (красота) желанного противника. В БИУСе вся необходимая информация аккумулировалась и по мере накопления обрабатывалась путем анализа и синтеза с выдачей рекомендаций для боевого использования, то есть, как поступить с той или иной целью — поразить, познакомиться, пощадить, подружиться, проигнорировать, аккуратно разойтись бортами...

В ресторане экипаж уже не представляет сплоченную команду, а скорее напоминает ядерное топливо в состоянии полураспада. Здесь мы поневоле становились конкурентами, ибо у каждого

имелась «возвышенная» цель — создание временной (на ночь-две) «ячейки общества», которая после этого распадается на две составляющие. Насколько в момент «зарождения» ячейки желание подвыпивших мужчин и женщины аж выпирает, настолько по прошествии ночи-второй охладевает и сникает.

Скоро боевая информационно-управляющая система молодого мичмана, то есть моя, разогретая ста пятьюдесятью граммами коньяка, выделила из разномастной публики золотую рыбку в виде миловидного юного создания. Я, да и не только я, эту самую юную, самую симпатичную и привлекательную девушку определил в принцессы вечера, пользующейся невероятным успехом у мужчин. На великое счастье, мне чудом удалось несколько раз обнять ее в медленном танце. Юная дева, обладающая практической сметкой, понимала, что всем нравится, поэтому с изяществом золотой рыбки готова была попасться в сети только ей самой избранного волшебника. Тянул ли я на эту почетную роль? Не знаю, однако старался, так как было очевидным, что сие чудо может легко сделаться добычей настойчивого невода. А я был настойчив.

Окружающая действительность располагала к самозабвенному расслаблению. Каждый в зависимости от своих человеческих качеств имеет определенные представления о хорошем и плохом, наполнен нахлынувшими эмоциями и переживаниями, другими словами, каждый являет собой неповторимую планету. Подобных планет в зале и в танцевальном круге вертелось немало. То сходясь, то расходясь, они создавали галактики, эпицентром которых становились яркие звездочки или потускневшие звезды. Параллельные миры живут своей жизнью, не пересекаясь орбитами и сохраняя независимость. И каждый ждет белое солнце (принца или принцессу), способное пленить чарующим гравитационным полем. Интересно находиться в окружении себе подобных, наблюдать и постигать причины взаимного притяжения и отталкивания. Увлечшись яркой совершенно незнакомой «планеткой», я перестал замечать иные

миры, я ими уже не интересовался. И напрасно. Другая, отнюдь не малая масса, уже нацелилась мощной гравитационной силой на то, чтобы сделать из меня ночного спутника.

Мой сослуживец и сосед по столику, Николай Шиков, хорошо поддал, но сходить с дистанции не собирался, так как имел далеко идущие планы. Экипажный гидроакустик по прозвищу Дед цепко держал установленный контакт с целью, используя джентльменский набор ресторанного ловеласа. Оказывая постоянное внимание потенциальной добыче, водил ее на «крючке», как опытный рыбак. Дальнейшие события показали, что в жизни не всегда получается, как планируешь.

Сначала Дед проявил инициативу и из лучших побуждений попытался взять меня в напарники, чтобы познакомиться с двумя подружками, сидящими за соседним столиком. Действуя с военной простотой, прямолинейно, словно стволом снайперской винтовки, указывая на вождеденный объект охоты, он сказал:

— Эта — твоя, — затем, переведя указующий перст на соседку, будто отрезал: — А эта — моя!

Я машинально оценил предложенный вариант:

— Не пойдет, — и тут же переключился на объект собственного внимания.

Озабоченный претворением в жизнь оперативного замысла, Дед весь вечер уговаривал меня составить ему компанию. Речь его становилась все более изысканной и витиеватой, переходила от неприкрытой лести до откровенных угроз. Мало обращая внимания на его увещевания, я увлекся радужно-романтическими ухаживаниями за своей избранницей и не заметил, как время подошло к закрытию ресторана.

Решающим пунктом программы посещения увеселительного заведения являлся «развод». Не тот, конечно, когда командир согласно поставленным задачам по-военному приказывает разойтись для исполнения. При завершении работы ресторана процесс «развода» протекает несколько иначе, попросту превращаясь в

«увод». Некоторые пары предварительно скрепили временные узы, стартовали на первый этаж в гардероб за верхней одеждой. Дед понял, что его рыбонька прямо сейчас уплывет к другому берегу. Отчаявшись, он дернул меня за рукав:

— Слушай, Леха, прошу тебя, пошли с нами. Мне очень нравится эта девчонка, но она поставила условие, чтобы ты пошел с нами.

Стало очевидным, что на меня положила глаз подружка Дедовой избранницы. От столь наглого и циничного бабского шантажа я просто опешил. Стало обидно за товарища, которого использовали, чтобы склонить мою хмельную голову на грудь таинственной незнакомки. Я отреагировал зло и раздраженно:

— Слушай, Дед, где твое мужское самолюбие?

Однако игра гормонов, подогретая спиртным, требовала своего:

— Леха, ну мне очень надо!

— Но это же унижительно! — настаивал я.

Пары выпитого спиртного давили на мозжечок моего товарища и мешали ему трезво оценить ситуацию:

— Да бог с ним, не обращай внимания. Ты только пойдешь с нами, а там...

— Пошел ты к черту! Разбирайся со своими бабами без меня, — взбеленился я.

Дед не слышал. Функции мозжечка, распаляющего примитивное плотское желание, подавляли его здравый смысл. Мы что-то говорили, но друг друга не слышали, наконец, я раздраженно, уже в который раз, повторил:

— Никуда я с вами не пойду, — а чтобы пристыдить их добавил: — И вообще, Дед, ты мужик или как...?

Пока разговор искрил эмоциями, как неисправный электроци- ток, моя избранница затерялась среди суetyщейся публики. Шаря взглядом по сторонам, я спустился на первый этаж. У гардероба стояли посетители в нестройной очереди. Я прислонился спиной к резному багету огромного зеркала, украшающего раздевалку, не-

далеко от окошка, через которое выдавали одежду, стараясь найти светлый лик моей возжеленной обольстительницы.

Неожиданно панораму, которую охватывало «фоторужье» увлеченного воздыхателя, то есть мое, заслонила неясная тень. Сфокусировав взгляд на помехе, я различил неполную, крепкослаженную девицу с соседнего столика. Без многозначительных пауз и пустых предисловий она соблазнительно улыбнулась:

— Красавчик, пойдемте с нами! Не пожалеете...

От неожиданности и простовато-грубой откровенности я опешил, как институтка от предложения развязного гусара посетить номера. С другой стороны, на меня накатили противоречивые чувства, тешащие тщеславие и мужское самолюбие. В состоянии легкого шока, чувствуя крайне неудобное положение, я призвал на помощь остатки такта и вежливости. Не желая оскорбить девушку отказом, демонстрируя в голосе неуверенность и страх, я сказал:

— Извините, но у меня другие планы.

Напор энергичной девицы усилился. Неудовлетворенная львица сгребла лацканы моего пиджака в нежные ручонки, с изяществом опытной феи слегка приподняла мою кормовую часть и подсадила на планширь, то есть на перила. Придавив меня дополнительно мощным бюстом, придвинула свое лицо с горящими глазами и с интимной доверительностью добавила:

— Пошли... и ты действительно не пожалеешь.

Машинально я скользнул взглядом по залу, еще надеясь увидеть свою избранницу, будто она могла помочь в этой пикантной ситуации. Почувяв конкурентку и по праву сильного не желая делиться добычей, девица угрожающе поинтересовалась:

— А может ты нашел тут невесту? Смотри, мы с ней быстро разберемся!

Воображение начало лихорадочно рисовать картинки страшных разборок с моей красоткой, и я от страха за нее чуть не потерял способность соображать. Мысли, как пойманная в силки птица, тупо бились о черепную коробку, ища выхода! И кажется, он нашелся. Боковым зрением я увидел приближающегося офицера из

нашего экипажа и попытался переключить внимание настойчивой особы на него.

— Зачем тебе какой-то мичман? — сказал я и тут же обратился к сослуживцу: — Товарищ старший лейтенант, смотрите, какая симпатичная девушка желает с вами познакомиться!

Моя робкая попытка к успеху не привела, перевести стрелки на другого мне не удалось. Подвыпившая девица, не выпуская из рук лацканы моего пиджака, настаивала:

— Нам нужен ты, остальные — свободны!

Ситуация разрешилась естественным образом. Нас окликнула уже одетая в пальто подружка этой зверюги в женском облиции, возле которой галантно суетился Дед. Воспользовавшись замешательством, я выскочил на улицу глотнуть свежего воздуха, а заодно хоть прощальным взглядом проводить свою золотую рыбку. Ясное дело, она уже успела попасть в чужие сети, сделав выбор не в мою пользу. Но тут меня подхватила накатившая волна недавней собеседницы с гренадерскими ухватками и уволокла в свой омут.

Сцена ресторанный диалога с нею, мои красноречивые препирательства происходили на виду большого количества заинтересованных свидетелей, и в дальнейшем живо обсуждалась в экипаже. Любознательных товарищей интересовали подробности. Я отвечал уклончиво, никаких комментариев не давал. С полной уверенностью не могу утверждать, чем закончились ресторанные приключения Николая, смею лишь предположить, что его оперативный замысел удался не без моей косвенной помощи: товарищеская взаимовыручка — не последнее дело.

Таланты умудренной любовным опытом девицы Маргариты, действительно, оказались на высоте. О проведенной с нею ночи в рабочем общении я никогда не сожалел. Тем более что ее умопомрачительная сексуальность иногда уходила на второй план, уступая в ней место интереснейшему собеседнику. Подобный опыт общения меня многому научил.

Вывод: Где молодость – там любовные страсти.
Где любовные страсти – там вопросы демографии.
Но семейные узы следует сплести не со страсти, а
с родства душ.

Говоря о жизни в Большом Камне, не могу не вспомнить симпатичную медсестричку Фаину. С ней мы встречались несколько раз. Хитроватая и миловидная представительница медицинского сервиса водила неопытного юнца на коротком поводке. Как-то я оказался в веселой компании медперсонала местной больницы, где девушки отмечали чей-то день рождения. В этом чумовом девишнике я попал в неординарную обстановку, как кур в ощиц. Оказывается, милашки пили неразведенный медицинский спирт. Меня же о том не предупредили и долго потом смеялись над выпученными глазами задыхающегося кавалера. Неразведенный спирт — сильная штука. Однако именно из-за него был разорван непрочный поводок короткой романтической связи.

В волнах Японского моря

Северное побережье Японского моря по широте находится чуть южнее Крымского полуострова — известной здравницы Советского Союза. Его соленость составляет 33,7-34,3 грамма соли в литре воды, что в два раза выше поверхностных вод Черного моря, где в литре воды содержится лишь 17 грамм соли. Чтобы удостовериться в этом факте, я не стал тянуть резину.

Корабль впервые пришвартовался к заводскому пирсу в Большом Камне. Спал полуденный зной. Наступил вечер. Отцы-командиры разбрелись по поселку. Поднявшись наверх, я прогуливался по причалу. И тут мое внимание привлекли фигуры нескольких матросов в торце пирса, я направился к ним, но не успел подойти, как увидел, что рослый парень резко сбрасывает робу с клеймом «РБ», ядерной безопасности, и сходу плюхается в воду. Вынырнув, он завидо отфыркивался с убаженным выражением лица, излучающим сплошное удовольствие. Остальные тут же последовали его примеру.

Для оценки креативной идеи много времени мне не понадобилось, я мгновенно последовал вслед за полундрой. С головой уйдя под воду, всеми клеточками почувствовал благодатную прохладу. Когда моя голова вновь появилась на поверхности, я ощутил на губах натуральный вкус морской воды. И тут дошло: Боже мой, я впервые в жизни купаюсь в настоящем соленом море! До этого мне приходилось плавать исключительно в пресных водах. Название «Минское море» — скорее поэтическая дань тоске белорусов по настоящему морю. В летние каникулы я с каждым годом совершенствовал навыки плавания и вот хлебнул прелестей Японского моря.

Вывод: Думал ли я в детстве, что моя встреча с морем произойдет так далеко от дома и что море это будет столь экзотичным для сухопутного уроженца...

Поддавшись азарту, я даже не подумал об элементарной технике безопасности, о правилах, которые изучал, не озаботился тем, чтобы не нарушать их. Чувство первобытной стадности и влияние жаркого солнца притупили страх и я забыл о непляжной глубине. Нырять с пирса, конечно же, категорически запрещалось. Окажись рядом ответственный офицер, то веселое купание закончилось бы для меня отрезвляющей головомойкой. Надолго пришлось бы забыть о сходе на берег. Однажды мне пришлось уговаривать подвыпившего офицера, собравшегося прыгать с горизонтального стабилизатора глубины, расположенного на рубочном ограждении корпуса лодки, не делать этого. Большая высота, опасность падения на скрытый под водой обрешиненный бок субмарины отрезвили безрассудного смельчака.

Свободно купаться после службы мы могли только на городском пляже. Я мог часами находиться в воде, плавая под прикрытием пирса по спокойной воде и попадая под хорошую волну. Я плаваю неплохо, поэтому не боялся держаться против волны, даже если она накрывала меня с головой. Я приноравливался и вовремя подныривал под нее.

Как-то вечером наша компания с большим удовольствием прыгала с пирса в воду. Мысли были заняты праздными вопросами. Каждого мичмана, освободившегося от службы в мужском коллективе и оказавшегося на свободе, магнитом притягивал слабый пол. Об этом и думалось. Мы использовали малейшую возможность для знакомства с прелестной девушкой. Быстрее всех застенчивость преодолевал Николай Шиков. Словно оправдывая фамилию, он свободно устанавливал контакт с кем угодно. Правда, не всегда удачно. В этот раз Дед запал на миниатюрную купальщицу и принялся настойчиво обхаживать ее. Однако взаимной симпатии не вызвал. Отбиваясь от его назойливости, мокроволосая незнакомка попыталась найти защиту у меня:

— Ну, скажите ему, пожалуйста, чтобы он от меня отстал.

Обезоруженный такой доверчивостью, в то же время зная добродушный нрав Деда, я сказал:

— Да вы не бойтесь, он добрый, и ничего плохого не сделает.

Разгулявшийся Дед, вдохновленный лестной характеристикой, шалил дальше:

— А пусть она скажет, как ее зовут!

Было очевидным, что девушка игру не принимает, а только все больше расстраивается, на ее глазах появились слезы. Оценив ситуацию, я приструнил Деда, а девушку взял за руку и отвел к подружкам на другую сторону пирса.

Командир Четырбок и дальневосточные колориты

Дальневосточные пейзажи имеют свой колорит. Они поражали мое воображение, любопытство возбуждали древние легенды о кекурах. Кекур — это отколовшийся от высокого берега обломок скалы, «отдрейфовавший» в сторону моря. Меня, жителя равнинной Беларуси, приводил в восторг Дальний Восток своей уникальной природой. Если на корабле мы проходили мимо Пяти Пальцев, то взор магнетически притягивался к каменным монолитам.

Когда перепадали крохи неосязаемой наощупь субстанции под названием «свободное время», то в меру возможностей мы

расширяли и изучали пространство обитания. На берегу молодой экипаж новостроящейся лодки проекта 667Б разместили в общезжитии. Место общего проживания как жилье почти не воспринималось, а скорее как штаб, где планировались походы, достигавшие Владивостока и Находки. На первом году службы гражданской одеждой обзавестись мы еще не успели, поэтому похождения совершали в форме.

Однажды представился вагон личного времени, по гражданским понятиям — выходной. На берегу оказались Анатолий Голубков, Алексей Зырянов, Сергей Рассказов, Николай Шиков и я. Возникло предложение совершить ознакомительную вылазку во Владивосток. Благо, члены наспех сколоченной экскурсионной группы уже успели полюбить этот город, так как являлись первыми выпускниками Школы техников 51-го Учебного отряда подводного плавания. Здесь проходил подготовку наш мичманский и личный состав, предназначенный для Тихоокеанского флота. Школа размещалась на возвышенности между бухтой Золотой Рог и бухтой Улисс.

До Владивостока расстояние около сотни километров. Это даже по европейским меркам не очень далеко, а для Дальнего Востока с его широкими просторами, так и вовсе рядом. Сели в автобус марки «Икарус» (живой пример социалистической интеграции, ибо производили эти автобусы в городе Секешфехервар Венгерской Народной Республики), следовавший по маршруту Находка-Владивосток. Через пару часов были на месте.

В первую очередь направились в пенаты сотоварищей. По курсантской привычке нарушили контрольно-пропускной режим и перемахнули через забор. На правах первых выпускников и с видом морских волков вальяжно продефилировали по территории. Вдруг неожиданно-негаданно из-за угла появился высокий чин в звании капитана 1-го ранга, в сопровождении свиты. Придя в замешательство, мы чуть было не ретировались тем же путем. Однако бежать было поздно, да и звездочки на погонах не позволяли удирать. И мы продолжили сближение встречными курсами. И о чудо! Нас

ожидало не позорное выдворение из части, а крепкое рукопожатие начальника Школы Александра Ивановича Четырбока. Нам показалось, что Александр Иванович искренне обрадовался, увидев своих первых выпускников. Последовали заинтересованные вопросы: как нас приняли в экипаже, как мы сдали зачеты на управление боевым постом, справляемся ли с обязанностями, не жалеем ли о сделанном выборе. Подумалось, что и меня там приняли за своего выпускника, в чем, разумеется, я никого не разубеждал.

На обратном пути ребята рассказали историю, связанную с Александром Ивановичем, их бывшим командиром. Касалась она столкновения научно-исследовательского судна «Академик Берг» с подводной лодкой, которой командовал Четырбок, когда погибло двадцать семь человек, из них шестнадцать офицеров, пять мичманов, пять матросов, один гражданский специалист из Ленинграда. Трагедия произошла у мыса Поворотный. Вот как описывает ее Евгений Шолох в статье «Еще раз о трагедии К-56»:

В ночь под 14 июня 1973 г., в 01.00 часов, у мыса Поворотного научно-поисковое судно «Академик Берг» форштевнем таранило атомную подводную лодку «К-56» проекта 675, идущую в надводном положении со скоростью 12-14 узлов. На корабле кроме штатного капитана 2-го ранга А.И. Четырбока находился также экипаж однотипной лодки «К-23» капитана 2-го ранга Л.П. Хоменко, который командовал «К-56». Успешно выполнив ракетную стрельбу по мишеням совместно с крейсером «Владивосток» и большим ракетным кораблем «Упорный», подводная лодка возвращалась к месту базирования. После возвращения офицерам и мичманам предстоял отпуск – у некоторых уже имелись билеты на самолет. В результате столкновения лодка получила две пробоины: во втором отсеке размерами 5х1 м и в первом – 1х0,9 м. Погибли двадцать семь подводников, в основном офицеры, так как во втором отсеке находились офицерские каюты. Командовавший лодкой капитан 2-го

ранга Л.П. Хоменко, спасая людей и корабль, выбросил его на берег у мыса Гранитный. В противном случае жертв могло бы быть больше.

Впоследствии Л.П. Хоменко, оценивая действия своего старпома В. Петрова, показал, что последний, вместо того чтобы повернуть вправо и дать турбинами ход назад, в кризисный момент замешкался с выяснением обстановки, упустил драгоценное время и принял неверное решение. По имеющимся свидетельствам В. Петров сокрушался, что сам не может понять, как в той ситуации из нескольких возможных команд выбрал самую неприемлемую. В данной ситуации подводная лодка должна была пропустить судно. В свою очередь на «Академике Берге», видя, что этого не происходит и лодка продолжает опасно маневрировать, должны были застопорить ход и дать предупреждение световыми сигналами. Но этого тоже сделано не было. Попытка капитана судна оправдаться объяснением, что их радар подлодку не «видел» и они приняли ее за катер, не состоятельна, так как размеры подводной лодки и катера несоизмеримы. В общем, беспечность была обоюдной.

После увольнения в запас Александр Иванович Четырбок жил в городе Минске, умер вначале 90-х годов. Конечно же, на его преждевременный уход из жизни повлияло описанное трагическое происшествие.

Вывод: Морские катастрофы не лучшим образом отражаются на здоровье тех, кто их пережил, ибо они, как кекуры, отколовшиеся от высокого берега и «от дрейфовавшие» в сторону моря, навсегда остаются памятью в нем и в том мгновении, когда впервые подошли к черте жизни.

Подводная лодка — сложнейшее техническое сооружение, управляемое специалистами на боевых постах. Для обеспечения четкой и понятной взаимосвязи при прохождении и выполнении

управленческих команд предусмотрен особый порядок нумерации. Каждый мичман и моряк срочной службы имеет боевой номер, пришиваемый на левом нагрудном кармане куртки «РБ». Мой боевой номер «3-13-11». В нем первая цифра обозначает БЧ-3; второе число обозначает номер боевого поста 13, где первая цифра означает номер отсека; третье число 11 состоит также из двух цифр, первая обозначает номер боевой смены, вторая — порядковый номер в ней.

На корабле у каждого матроса и мичмана имелось своеобразное руководство по порядку и правилам действий (служебная инструкция) практически на все случаи жизни. Небольшая карманная книжница имела конкретный номер (как номер индивидуального оружия, закрепляемого за военнослужащим) и выдавалась каждому моряку лично для служебного пользования. При изменении должностных обязанностей менялся и боевой номер. Моряк получал новую личную книжку «Боевой номер». Неизменными оставались только слова титульного листа книжки-инструкции: «Нет аварийности оправданной и неизбежной. Аварии и условия для их возникновения создают люди своей неорганизованностью, безответственностью и безграмотностью». Эти слова Главкомандующего Военно-морского флота СССР С. Г. Горшкова мог без запинки повторить любой матрос, даже разбуженный ночью. Каждый понимал, что написаны они кровью и жизнями моряков.

В унисон сказанному звучит вывод Андрея Витальевича Платонова автора «Энциклопедии подводных лодок. 1941-1945»:

Специфика тяжелых происшествий с подводными лодками состоит в том, что в большинстве случаев мы о них ничего не знаем. Прежде всего, это связано с тем, что чаще всего они «несовместимы с жизнью» подлодки, а гибель подводного корабля, как правило, влечет гибель всего личного состава, то есть, свидетелей нет. По этой причине более или менее полные описания случаев тяжелых повреждений или ситуаций, ставивших подводную лодку и ее экипаж на грань гибели, всегда представляли большой ин-

терес как бесценный опыт для самих подводников, конструкторов, медиков и даже психологов.

Прежде всего, надо помнить, что в тяжелых происшествиях гибнут люди и что на каждом члене экипажа лежит неимоверная ответственность...

Мичманы на фоне командира Чефонова

Большая часть моей службы прошла под началом Олега Герасимовича Чефонова. Сегодня мой командир гордится тем, что на его корабле не погиб ни один член экипажа. Наивысшей ценностью для него была жизнь человека. Про его отношение к морякам здесь будет рассказано еще не раз.

Однажды мы все в том же нашем экскурсионном составе поехали в обратную сторону — в Находку. Отдохнув и нагулявшись, пришли на автобусную остановку, чтобы без опоздания явиться в часть. Однако по неизвестным причинам автобус подан не был, а так как этот рейс был последним, то пришлось нам заночевать в Находке. Естественно, в назначенный час на родной корабль мы не попали. Проведенная в Находке ночь запомнилась не только холодом, но пронизывающим сознание страхом и волнением по поводу опоздания, похожего на самовольную отлучку. Трепеща в ожидании расправы, поздним утром возвратились мы в Большой Камень.

Явились на пирс и... не увидели корабля! Подумалось, что лодка ушла, а нас позабыли на берегу. Последние надежды на лучший исход приключения напрочь улетучились — мы впали в панику.

К счастью, нашлась добрая душа, подарившая надежду:

— Да не переживайте, мужики! Вон ваша лодка стоит, на СБРе. А вон и катер отправляется туда, так что быстрее садитесь, пока он не отвалил!

Объясню: СБР — это служба безобмоточного размагничивания. Она служит для снятия электромагнитного поля с корпуса подводной лодки, чтобы понизить вероятность ее обнаружения противником по электромагнитному следу.

Обрадованные тем, что до лодки рукой подать и через пару минут можно оказаться на месте, мы позабыли о предстоящих неприятностях и со счастливыми лицами запрыгнули на катер. По дороге опять вспомнили, что на корабле нас ждет наказание за самоволку и снова скисли. Ведь яснее ясного, что незамеченными для бдительного ока командования мы на лодке не останемся.

Когда мы прибыли, командир Олег Герасимович Чефонов находился на командирском мостике. Он был раздет по пояс, и, беспечно посвистывая, загорал под нежным приморским солнышком. Увидев нас, он не зло, но с металлом в голосе отдал команду вниз по «Каштану»:

— Старпом, объявить по кораблю большую приборку.

Да фиг с ней! Мы все равно обрадовались, ибо готовы были шуршать ветошью по палубе, чистить лезвием толчок в гальюне и даже носовыми платками осушать трюм третьего отсека, лишь бы не получить наказание перед строем. Бог в лице Олега Герасимовича, видимо, услышал наши молитвы. Командир с легким благодушием съязвил:

— Что мичмана, хорошо погуляли?

И, переходя конкретно на мою скромную персону, с особенным металлом в голосе продолжил:

— А ты, Ловкачев, доложи, как получилось, что весь экипаж прибыл на корабль вовремя и, как положено, находится на службе, а отдельные мичманы во главе с будущим коммунистом соизволили опоздать!

От упоминания о партийности меня будто ушатом ледяной воды обдало. Оказывается, командир помнит, что мичман Ловкачев является кандидатом в члены партии. А с коммуниста спрос особый!

— Объясни, как ты — будущий коммунист — докатился до такой безответственности!

Получалось, что я организовал опоздание, да еще привлек к нему двух комсомольцев. Осознавая меру своего морального падения, я просто не находил слов. Упершись взглядом в палубу командирского мостика, я тупо молчал и лихорадочно пытался

подыскать какое-то вразумительное объяснение. Это было настоящее «Возвращение блудного сына», будто списанное с картины Рембрандта. Видя душевные муки и страдания «партийного предводителя», мои провинившиеся товарищи также изображали полное раскаяние. Олег Герасимович все же оказался не таким снисходительным, как герой притчи, описанной в Евангелии от святого Луки, не стал заниматься всепрощенчеством:

— В ближайшем будущем вам берега не видать. Ясно?!

Понимая, что фортуна и так к нам достаточно благосклонна, мы с готовностью отчеканили:

— Так точно! Ясно!

— Марш вниз! И чтобы через минуту каждый был на своем посту!

Помилованный самим командиром, я явился в отсек лучащимся от радости. И мне уже было глубоко до фонаря, что скажет командир БЧ-3 старший лейтенант Виктор Степанович Николаев. Я молча и беспрекословно выслушал дежурную нотацию своего «бычка».

Вывод: никогда не рассчитывайте на последний вариант, а продумывайте запасные версии.

Наши потери множатся

Пока лодка находилась в Большом Камне, Витя Киданов познакомился с местной девушкой, что жила в живописном и экзотическом месте — на острове Путятин. Витя был единственным в нашем экипаже, кто женился на «аборигенке». Свадьбу сыграли у нее на заповедном острове. К сожалению, мне не довелось на ней погулять, так как в БЧ-3 не доставало третьего минера и я должен был оставаться на месте.

Ответственным за безопасность свадьбы был назначен командир БЧ-3 незабвенный Виктор Степанович Николаев, так как виновником этого отнюдь не трезвого праздника явился именно его подчиненный. Ну и как обычно, мой начальник «завалил всю

посевную». На этом собрании мичманов был также командир БЧ-5 Николай Иванович Семенец, который в приватной беседе с девушкой «выдал» страшную тайну:

— Все мичмана, а я один офицер.

Девушка этой секретной информацией была поражена в самое сердце. Однако все оказалось не так просто. Мало того что Николай Иванович невольно, а главное незаслуженно причислил к «золотому фонду флота» моего отца-командира Николая Степановича, так он еще эту информацию расплескал, как брызги шампанского на уже окропленный водкой мундир Вити Радзана. Витя хоть и пьяный, но ухо свое к губе Николая Ивановича прилепил качественно, а потому командир БЧ-5 был услышан не только девушкой, на которую хотел произвести впечатление офицерскими регалиями. В общем Радзан возмутился таким противопоставлением себя со стороны Николая Ивановича всему мичманскому коллективу, а потому потребовал сатисфакции. Правда, не в виде дуэльной пикировки, а по-нашенски — по-рабочекрестьянски. Словом сцепились боцман и механик, оба главных на нашем корабле, как шестеренки анкерного механизма, и получилось у них это настолько надежно, что их еле-еле растащили в разные стороны.

По прибытии в экипаж я всецело окунулся в службу. Меня, молодого паренька, обязанности старшего торпедиста (минера) увлекли настолько, что я ни на секунду не задумывался о тяготах и лишениях, о которых был наслышан. Если я раньше знакомился с устройством торпедного аппарата только по чертежам и схемам, то сейчас исползал на пузе каждый сантиметр первого отсека. Реально познал и использовал на практике во время испытаний боевой клапан, систему беспузырной торпедной стрельбы (БТС), цистерну БТС, цистерну кольцевого зазора, торпедозаместительную цистерну, гидропривод открывания передней крышки и волнорезного щита, системы заполнения, осушения и вентиляции трубы торпедного аппарата, устройство быстрого заряжания.

Вывод: Пока другие женились, я изучал корабль. Практика оказалась настолько интересной, что я не заметил, как пролетело девять месяцев.

Заслуженный отпуск

Внимательный читатель помнит, что после окончания Школы техников я сразу же убыл на флот и одним из первых мичманов был зачислен в экипаж. Поэтому командование отправило меня в неиспользованный отпуск.

В то время к 30-ти суткам основного отпуска полагалось дополнение в двадцать четыре дня за ОУС («особые условия службы» — наличие на подлодке атомного реактора). Таким образом, полный мой отпуск составлял: 54 отпускных дня и четверо суток на дорогу туда и обратно. Ранее мичманы и офицеры получали не 30, а 45 суток, за отдаленность. В мою бытность на флоте отпуск колебался от 45-ти до 54-х суток. Продолжительность дополнительного отпуска за особые условия службы зависела от времени нахождения на корабле. Мое денежное довольствие (зарплата) составляло в среднем около 250 рублей. Получая зарплату за два месяца, я имел на руках приличную сумму.

В самом понятии Дальний Восток заключена интересная деталь. Возвращаясь в европейскую часть Советского Союза, преодолевая расстояние на самолете в десять тысяч километров. Тогда получается, что время является твоим «попутчиком», летит как бы вместе с тобой в одном направлении. Когда возвращаешься с запада на восток, то движешься навстречу времени (Солнцу), поэтому «теряешь» несколько часов. При перемещениях эту мелкую деталь надо постоянно учитывать.

В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия пассажирские перевозки по воздуху на просторах нашей Родины осуществляла одна авиапассажирская компания «Аэрофлот», управление (главный офис) которой находилось в Москве. Из Москвы в направлении Владивостока летал самолет «Ил-62», довольно большой и надежный лайнер. До Владивостока он не

долетал из-за неготовности посадочной полосы в аэропорту. Поэтому «Ил-62» в течение семи часов и двадцати минут летел до Хабаровска. Дальнейший маршрут обслуживали самолеты поменьше — «Ту-134», «Як-40», «Ан-24». В девяностых годах посадочную полосу во Владивостоке модернизировали, сделали способной принимать тяжелые самолеты. Но на прямые рейсы резко улучшенного маршрута простому мичману купить билет не всегда удавалось, и все равно приходилось совершать несколько пересадок.

Но тут хотелось бы сказать не об этом, а как ни странно, о работе замполитов и особистов. В том, что касалось ее официальной части, внутри коллектива и для видимого блага коллектива, у меня претензий нет. Но когда я ехал в отпуск и впервые столкнулся с многими опасными реалиями жизни, то подумал, что этим двум категориям работников не хватает расширения полномочий, чтобы влиять не только на жизнь служивого человека внутри коллектива и на его отношение к службе, а более широкого влияния на него как на личность и на его отношение к Родине.

Дальше, по ходу повествования, я буду возвращаться к этой теме, чтобы иллюстрировать ее конкретными жизненными коллизиями и эпизодами, где ощущался недостаток именно той работы, о которой говорю. Сейчас же только перечислю, в каких вопросах я ощущал недостаток наставнического внимания и заботы.

Читателям понятно, что почти все мы, курсанты и юные выпускники морских училищ, принадлежали совсем юной генерации граждан, впервые отторгнутых от семей, родительского надзора и влияния. Конечно, и командиры и другие воспитатели и преподаватели об этом помнили и обращались с нами соответственно. Но восполняли они этим, скорее, функции школы, чем семьи. Они готовили нас для профессиональной деятельности, службы на флоте, но не к жизни в военной форме среди штатского населения. А ведь и этому надо было учить, причем еще более тщательно, ибо тут-то из-за оторванности от этой среды нам и не хватало естественного опыта.

Отпуская нас, допустим, в очередные отпуска, когда у нас появились первые большие деньги, буквально кружившие головы

при полном неумении с ними обращаться, крайне желательно было проводить с нами беседы и учить правильному пониманию того, как могут относиться к нам гражданские лица, какие там есть для нас опасности и как нам на них реагировать.

Без таких напутствий наша молодость, характеризующаяся повышенной любознательностью и доверчивостью, часто подводила нас, что способствовало попаданию в неприятные ситуации. О них тут будет написано.

Ведь ясно же было, что мы вели несколько оранжерейный образ жизни, не позволяющий знать повадки взрослого гражданского общества, из которого мы ушли детьми и в котором тогда к нам было отношение как к детям. Теперь же, наездами возвращаясь в него людьми элитарной судьбы, мы встречали совсем иное отношение со стороны разных слоев населения, о котором не имели представления, и подвергались риску стать жертвой конфликтов.

Разве бы мать, отправляя сына на первый самостоятельный отдых, не подсказала бы, как себя вести, как обращаться с большими деньгами, какие опасности могут его подстергать? Конечно, обо всем этом она поговорила бы, вот и замполит должен был поговорить, предупредить.

И особист должен был рассказать о негативных тенденциях в обществе, о которых мы не знали. Чего скрывать, ведь наша работа в секретной зоне привлекала внимание лиц, заинтересованных в компрометации моряка и военнослужащего или в использовании его в корыстных целях, зачастую направленных на вред советской стране и советскому народу.

Что такая работа среди наших людей ведется некими силами, мы и тогда чувствовали. Каждый сопротивлялся ей как мог. Или не сопротивлялся, множа ряды негодяев и подлецов. Я и об этом тут расскажу. Но не все умели правильно разглядеть, оценить и отойти от человека, идущего к тебе на контакт с опасными речами. И на большинство из нас, кто был с обывательским мировоззрением, такие люди действовали разлагающе. Это проявлялось в пустяках: в невзыскательности к своему образу жизни, в склонности к дур-

ным привычкам и демонстрации дурного примера окружающим, в небрежном отношении к государственной собственности, в завышенной самооценке и требовании повышенного внимания к своей персоне, в гонке за материальными благами. Но это были только кажущиеся пустяки, последствия же их грозили большими неприятностями, что в итоге и произошло. За пределами гарнизонов и дивизий на нас охотились, в нас старались убить духовность, а особисты закрывали на это глаза. Не информировали нас о яде паразитических мнений, не инструктировали, не советовали противоядий.

Вывод: Если бы сейчас меня попросили оценить работу замполитов и особистов, работающих в армии и на флоте, то я бы поставил им тройку. Мне кажется, что прохладным отношением к своим обязанностям они не просто не выполняли того, что возлагали на них народ, партия и государство, но наоборот — вызвали обратный эффект.

Подтверждение этим мыслям не замедлило объявиться.

Приключение с оброненным кошельком

В долгой дороге встречаются люди хорошие и плохие, объединяет их одно — массовость. А как известно, места большого скопления путешествующих привлекают мошенников. На моем пути они встречались не единожды. О неприятных воспоминаниях и своеобразном опыте общения с обманщиками повествуется ниже.

На одной из пересадок я вышел на крыльцо аэропорта — оглядеться. Рядом оказался коренастый мужичонка лет тридцати. Подлаживаясь под попутчика, он ненавязчиво предложил:

— Может, прогуляемся к тому павильончику? Там, наверняка, можно пивка попить.

Не видя в предложении ничего предосудительного, я согласился, решил таким образом скоротать время. И мы направились по тропинке через редколесье из вековых сосен. Мимо, тяжело сопя, пробежал полноватый мужчина среднего возраста, словно спешил опередить нас и первым добраться до пива. Поравнявшись,

он неловко споткнулся о торчащий из земли корень, но тут же выровнял бег и скрылся из виду. Тем временем мой «попутчик» как-то испуганно прянул от него в сторону, а потом глянул под ноги, наклонился, что-то подобрал, и в его руках оказалось портмоне. Заглянув туда, он воскликнул:

— О, здесь приличная сумма! Сейчас мы ее разделим.

Мне показалось, что произошло следующее: мой спутник на подходе к пивному ларьку готовился к покупке и вынул из кармана кошелек, а бегущий человек, споткнувшись и задев его боком, выбил деньги из рук. Но так как я не видел всех деталей события, то промолчал, не вникая в проблему. Известно, что молчание не только золото, но и знак согласия. Поэтому отсутствие реакции с моей стороны «попутчика» вполне удовлетворило, он решил, что уговорил меня. Конечно, до меня бы дошел смысл озвученных намерений, но события разворачивались быстрее, чем я соображал. Через пару шагов появился споткнувшийся дядька и, почему-то обращаясь ко мне, вежливо сказал:

— Пробегаю мимо вас, я обронил портмоне. А потом увидел, как вы его подобрали.

От такого откровенного навета я просто онемел, не знал, что ответить. Во-первых, дядька бежал и споткнулся со стороны попутчика, а не с моей. Во-вторых, к земле я не наклонялся. В сознание начали заползать сомнения и подозрения. С уверенным нажимом на свою правоту я ответил:

— Вообще-то, я никаких кошельков не подбирал. И пошли вы оба...

Избавиться от назойливого «попутчика» оказалось не просто. Мои утверждения, что я не видел никаких денег, игнорировались. С нарастающей наглостью дядька требовал:

— Я свои деньги, что были в кошельке, помню. Покажите свои, чтобы я мог убедиться, что вы их не подобрали.

С этого момента все стало понятно. Передо мной стояли сговорившиеся мошенники, и их основная задача состояла в том, чтобы увидеть мои деньги. А дальше дело техники — выхватят из

рук, и догоняй ветра в поле... Весь спектакль и сводился к предъявлению им моих денег.

Поняв это, я внутренне приготовился к сопротивлению и даже к драке. Подобный сценарий мошенников не удовлетворял, не устраивать же им потасовку с каждой возможной жертвой. В их планы не входило привлечение к себе внимания:

— Не поднимал, так не поднимал, — сказал этот дядька и отвалил.

Я развернулся и пошел в здание аэропорта. Какое-то время мой несостоявшийся «попутчик», отираясь рядом, проверял, пойдут ли я в милицию. Но я не успевал этого сделать, ибо из-за разборки мог опоздать на самолет.

Вывод: Любое предложение, поступившее в дороге от неизвестного человека, должно проходить самую строгую внутреннюю проверку на предмет вашей безопасности.

Приключение с азартными играми

Еще одна подобная история произошла в Ленинграде, где группа мошенников действовала по другому сценарию. Более изощренная и организованная операция по отъему денег рассчитывалась на низменные стороны человеческой природы — азарт, жадность, пьянство — и осуществлялась с привлечением техники. Судя по тому, насколько были отработаны стратегия, тактика и приемы мошенников, можно предположить, что тогда я столкнулся со сложившейся криминальной структурой. Этот случай я подробнейшим образом описал в отделении милиции на Большом проспекте Васильевского острова.

Дело было так. Самолет приземлился в Пулково, и я вышел в зал аэропорта. Но не успел восстановиться после полета и хлопот по получению багажа, оглядеться, как тут же ко мне подошел пронирыливый мужик с предложением довезти на такси до города. Стоимость — три рубля. Пока дошли до стоянки, сумма оплаты за проезд увеличилась втрое. Потом уже было понятно, что таким

образом мошенники пропускали потенциальную жертву через фильтр, выясняя платежеспособность. Если не жалеешь на себя денег, значит их клиент.

Я подошел к машине, заглянул в салон. На переднем сидении уже был один словоохотливый пассажир. Не обращая на него внимания, я забросил ручную кладь в багажник и уселся сзади. По пути нам встретилось сломавшееся такси. Водитель с извиняющейся интонацией в голосе попросил:

— Мой коллега сломался, надо бы забрать его пассажира. Не возражаете?

Мы не возражали. Таким образом, в машине кроме меня «случайно» оказалось еще два пассажира. По дороге от «нечаянных» пассажиров поступило предложение перебраться в картишки. Не подозревая подвоха и желая скоротать время поездки, я согласился, хотя в карточных играх разбираюсь, как свинья в апельсинах. Но дуракам везет, и я сначала оказывался в выигрыше. Картежники меня подзадоривали, нахваливали, «сокрушались» по поводу своего проигрыша. Пройдя несколько кругов, я понял, что сумма ставки в игре растет и уже значительно превышает мои карманные деньги. В этот момент сработали мои тормоза.

— Я пас! — сказал я и поднял руки.

Куда там! Дружная компания, даже «нейтральный» таксист, набросились с уговорами продолжить игру. По привычке борцовольника я любое давление и принуждение воспринимаю в штыки:

— Я сказал пас, значит, пас!

Надеясь, что не все еще потеряно, и чтобы заполнить паузу, так как надо же было добраться до Ленинграда, а молчание никого кроме меня не устраивало, карточные шулеры продолжили уговоры. При этом использовали отработанную практику — зывали к моему мужскому самолюбию, стыду, трусости. Они продолжали влиять на меня даже на выходе из такси, а наиболее активный из них со слабо скрываемой досадой продолжал укорять меня за отказ от игры.

Память об этом происшествии, о разочаровании и злости, об осознании себя полным идиотом, которого можно с легкостью

обвести вокруг пальца, оставила в душе глубокую зарубку. После этого урока я критически и более осторожно отношусь к беседам с незнакомыми людьми. Понимаю, что первое впечатление о человеке в таких случаях чаще всего обманчиво. С этих пор наивные представления о том, что «все люди братья», помаленьку начали рассеиваться. Вместо того пришло понимание, что доверять надо только холодному рассудку и не терять бдительность, наблюдательность. Тогда же я узнал от однокашника Славы Черепанова, что два наших одноклассника, оказавшись в подобной ситуации, проигрались в пух и прах.

Вывод: Выиграть у мошенника честному человеку невозможно. Ты выиграешь только в том случае, если не сядешь за карты.

В продолжение темы об азартных играх вспоминаю рассказ Анатолия Кржачковского. Надеюсь, читатель помнит Анатолия по Школе техников, помнит, что он обладал потрясающей способностью попадать в смешные ситуации. Я от души хохотал, когда Толя в лицах рассказывал о приключениях в городе Северодвинске Мурманской области. События происходили в канун празднования Нового года. Анатолий Кржачковский вместе с сослуживцем Сергеем Шевцовым возвращался с лодки в холодное жилище гостиницы «Полярные зори». Их путь пролегал мимо гастронома. По холостяцкому обыкновению они запаслись в нем провиантом на ближайшее время. Отоварились почти на все деньги, что нашлись в карманах. Попутно обратили внимание на миловидную блондинку, продающую мгновенную лотерею «Спринт». Многие еще помнят ее принцип. После покупки билета надо было монеткой снять защитный слой, скрывающий информацию. Чаще всего в открывшемся окошке золотыми буквами прочитывалось: «Без выигрыша».

Молодые ребята с увлечением флиртовали с девушкой, торгующей удачей. И она предложила им попытать счастья — купить последние три билетика. Толя так и сделал, не задумываясь. Тут и проявилась комичность ситуации — оказывается, на последние

деньги Сергей купил две бутылки пива. Встал вопрос: возвращать пиво или лотерейные билеты? Как настоящие мужики, наши герои решили вернуть лотерейные билеты. Ведь предновогоднее настроение без пива никуда не годится, тем более водка без пива — потерянные деньги.

К счастью готовой расстроиться блондинки, к ним присоединился молодой папаша, который, поддавшись на уговоры десятилетнего сынишки, перекупил билеты и тут же принялся их скрести. Через мгновение вся честная компания испытала настоящий шок. Вместо пресловутого «Без выигрыша» в одном лотерейном билете значилось: «Выигрыш. Автомобиль ЗАЗ».

Разочарованию незадачливых ловеласов не было предела. Настроение как-то само собой испортилось. Торговка удачей теперь не казалась такой уж красивой. Неоновая вывеска гостиницы вдруг стала светить тускло и блекло. В дружеские отношения вкрался холодок укоризны:

— Мудак! На выигранные деньги мы месяц гуляли бы.

Как видим, играть в азартные игры как с мошенниками, так и с государством одинаково невыгодно. С государством, однако, веселее и менее опасно для жизни.

Агенты по промывке мозгов

В одном из путешествий как-то получилось, что билет на Минск я купил с вылетом из аэропорта «Ржевка», хотя обычно вылетал из «Пулково». О своей любви к Ленинграду (Санкт-Петербургу) я уже говорил и еще не раз расскажу. Сейчас же речь о том, что тогда вволю нагулявшись по городу, я приехал в аэропорт, по привычке — в Пулково. И тут мне потребовалось время, чтобы разобраться... Я почувствовал себя полным идиотом, испытал панический ужас, когда взглянул на табло расписания, где соответствующая строчка зигзагом молнии пронзила мозг: «...отлет из аэропорта Ржевка».

Как нерасторопная колхозная баба, охваченная паникой, я подхватился и выскочил на улицу, лихорадочно схватил частника,

подрабатывающего извозом. Водитель попался соображающий, он с пониманием придавил педаль акселератора новенькой «Лады». Ехали мы быстро, нарушая правила и не следуя указателям. Ну конечно! Ведь тогда на дорогах был идеальный порядок, не то, что теперь. На одном из поворотов нас настигла расплата: машину остановили гаишники, водителю пришлось заплатить штраф.

И тут «скромного советского инженера», каким он мне показался вначале, прорвало. Его возмущение переполняло небольшой объем легковушки. Дескать, гаишники специально установили временный знак «только прямо», чтобы собирать тут дань с тех, кто по привычке поворачивает направо. Водитель оказался потрясающе многознающим и словоохотливым, все больше распалялся и клеймил позором представителей правопорядка. После первых его эмоциональных фраз я понял, что передо мной зажавшийся жучок — обыватель, охамевший от легких заработков, сеющий вредоносные измышления о нашей действительности. Да, уклад нашей жизни был во многом сформирован доверием к советским людям, к их законопослушанию, сознательному отношению к государству, к своим обязанностям. Наше законодательство не отличалось большой строгостью к незначительным прегрешениям. А везущий меня фрукт, паразитирующий на этом, злостно марал все дегтем. Короче, это был прожженный агент влияния. Безусловно, ему поручалось сеять недоверие народа к своей стране за вознаграждение, — подумал я, слушая плохо пахнущие тирады, — тогда он сейчас пойдет дальше. И моя догадка не замедлила подтвердиться — скоро говорун переключился на глобальную критику советской несправедливости, злоупотреблений властью и продажности чиновников.

Его фантазиям не было предела. Окинув мою морскую форму профессиональным взглядом провокатора, он тут же поведал, что должность военного коменданта аэропорта согласно теневому прейскуранту тоже имеет вполне конкретную цену. Давший взятку чиновник, мол, быстро «отбивает» понесенные затраты. За счет чего? Ха! Да за счет дембелей, зачастую перевозящих что-то

запрещенное, за счет допустивших нарушение формы одежды военнослужащих... Мало ли... — все они готовы были заплатить любые деньги, чтобы откупиться от нечистого на руку коменданта.

Обиженный водитель открыл мне страшную военную тайну. Оказывается, в нашей стране не перевелись «корейки» — подпольные миллионеры. Будто бы он часто возит одного цеховика с мешком денег. И до сих пор не ограбил его, ибо сам-то он честный человек. В общем, за неполный час пути я наслушался такого, чего от замполита на политинформации не услышишь. Я слушал и не верил в реальность происходящего, не знал, как относиться к этому опасному явлению, к распространению измышлений, гипертрофированному словестному злодейству, к враждебной информации. Да, и преступный секс у нас был, и проституция нет-нет да и расцветала цветами зла, и организованная преступность распускала щупальца. Коррупция, взяточничество, казнокрадство — тоже имели место. Только все это в зачатках пресекалось, пропалывалось острой сапой, как сорняки на огороде, и из этой работы не делали ни шоу, ни предмет для праздной болтовни.

Вот только зафрахтованные трехкопеечные трепачи добавляли в наш мед деготь, а в наши мысли подпускали яд... А в другом месте заборы разрисовывали нецензурщиной, подъезды изгаживали сажей и царапинами, лифты портили... По мелочам, по незаметным пустичкам отравляли наше впечатление о действительности, затеняли и подменяли прекрасную суть вещей этими поверхностными шероховатостями... С дураками это выгорало. А нормальные люди понимали, что суть-то всегда лежит чуть глубже обзорного взгляда, как чистая вода в океане находится под пеной и рябью волн.

О том, как работала американская разведка, как тупо порой вели себя наши моряки и как наши враги пользовались этим, я прекрасно помнил из поучительного рассказа Михаила Михайловича Баграмяна.

Дело происходило под Новый год. Атомная подводная лодка проекта 667А, базировавшаяся на Камчатке, должна была выполнять ракетные стрельбы. Михаил Михайловичу Баграмяну,

находящемуся на плавбазе «Иван Кучеренко», которая сопровождала лодку, доверили фотоаппарат и обязали визуально задокументировать факт ракетной стрельбы. И вот он видит, как над плавбазой пролетел американский разведывательный самолет «Орион», который точным попаданием сбросил им на вертолетную площадку контейнер на парашюте.

И только через десять лет Михаил Михайлович узнал продолжение этой истории. В контейнере оказались новогодние подарки для всех членов экипажа подводной лодки, вышедшей в новогодние праздники на ракетные стрельбы. Вот так! Однако наши спецслужбы были поставлены в тупик не самими подарками, о таких фокусах они уже слышали, а одним штрихом — подарков оказалось на один больше количества личного состава на атомном ракетноносце.

И это озадачивало, ибо они точно знали, что американцы ничего зря не делают. Поэтому по приходу подводной лодки в базу на берегу несколько раз выстраивали экипаж и пересчитывали личный состав. Искали-искали, однако того матроса, которому американцы сбросили лишний подарок, найти не могли.

В конце концов, конечно, докопались до истины. Все оказалось элементарно просто и возмутительно преступно, вероломно. А дело было так. На пирсе стояли два атомохода. Перед выходом в море на причале встретились два знакомых матроса с разных подводных лодок. Один другому и говорит:

— Слушай, мы сейчас уходим на ракетные стрельбы, если хочешь, пошли с нами.

Другой морячок — прямо как в детстве, когда один пацан приглашает другого поиграть в интересную игру, которую ему папа недавно купил, — взял да и согласился. А потому в свободной и раскованной форме ответил:

— А-а, пошли!

Сказано — сделано. Взял морячок и пошел на чужом корабле — с чужим экипажем — на чужие ракетные стрельбы! И нашли его после всех разборок, чумазого и зачуханного, в трюме.

Кто надоумил, воодушевил? Чем подкупил этих придурков? Кто прикрывал их сверху? Через кого американцы узнали о наличии лишнего человека на борту секретной субмарины?

Вывод: Мы не знали, кто проникал на наши атомные ракетноносцы, а американская разведка знала! Чудеса, думаете? Нет, это результаты нашей глупой беспечности, потери бдительности, а порой и продажности. Вот так мы лишили своих детей и внуков их законной Родины.

Знал я также и о случаях просто смешной дезинформации, которая съедала наше время, силы и ресурсы. Например, случай из практики гонки вооружений. Американцы работали над одной интересной, заманчивой идеей — пытались кардинально увеличить скорость торпеды. Проблема в том, что плотность воды выше, чем воздуха, значит, и сопротивление движению в воде больше по значению. И вот они покопались в этой проблеме, и пришли к выводу о бесперспективности поисков в этом направлении. Сами-то они прекратили исследования, а нашим впарили дезу, что якобы что-то там накопили.

Самое смешное, что наши продолжили работу и в итоге разработали быстроходную торпеду. Американцы локти кусали! Но ведь могли и впустую потратить денежки!

А уже после распада СССР американцы попытались заполучить секрет этого нашего изобретения, был даже шпионский скандал. Но и здесь у них не выгорело дело. Наши спецслужбы сработали вовремя. Секрет оказался в том, что торпеда при движении создает каверну с разреженной средой, где сопротивление значительно меньше, и в ней движется.

Но я отвлекся от основного рассказа. На самолет в Ленинграде я, к счастью, не опоздал. Во-первых, быстро приехали, а во-вторых, рейс задержали. Летел я и всю дорогу думал о той страшной войне, что набирает обороты вокруг нас — о войне, ведущейся словом, измышлением, негативной информацией. Я

задавался вопросом: «Как же ее можно остановить?» — и не находил ответа. Хотя и понял, что начинать надо с себя, и ругал себя за то, что безучастно слушал провокатора, не дал отпор доморощенному изобличителю-«правдолюбцу». Успокоился лишь тогда, когда понял, что должен делать свое дело, ответственное и почетное. А контрпропагандой пусть занимаются те, кому положено.

Эх... наша непростительная, простодушная любовь к подленькой подпольной правде... Знать бы тогда, к чему она приведет.

Альфред Ретель, «Немезида»

И все же добрые, отзывчивые, красивые люди встречались мне чаще. Во время долгих перелетов встречи с ними, задушевные беседы на различные темы, самые неожиданные, являлись подарком. Приятные, интересные знакомства хорошо запоминались, давали пищу мыслям и расширяли мой кругозор.

Жизнь так сложилась, что мне пришлось побывать во многих городах нашей Родины — красивейших, уникальных. Уже упоминалось, что Ленинград увлек меня с первых же дней знакомства. Я любил гулять по Невскому проспекту, улицам старого города, бродить по залам Эрмитажа в Зимнем дворце. Еще, будучи курсантом, увидел картину «Немезида» Альфреда Ретеля, немецкого живописца. При каждом посещении испытывал острое желание снова увидеть это полотно и всегда находил к нему дорогу, чтобы поразмышлять возле него.

Картина привлекает необычным сюжетом. На переднем плане в темных тонах изображен убегающий преступник с ножом в правой руке, видимо, это убийца. К груди он прижимает добычу, отобранную у жертвы. А на заднем плане, паря над ним, в светлых красках изображена Немезида — богиня возмездия, олицетворяющая неотвратимость наказания за нарушение общественных и моральных норм. Она тоже с карающим мечом, но меч ее опущен, ибо он символичен. Главное — поднятые в руке песочные часы. Всему свое время!

А вокруг — ночь. Ночь, покрывающая и преступление, и возмездие за него, ибо только свет солнца достоин любования

человека, его радости. Свет вдохновляет к жизни, добавляет сил, рождает надежду. Свет — это жизнь, его-то и надо нести людям.

Вывод: Возвращаясь к вопросу о роли особиста и замполита, подчеркну еще раз, что прорехи в работе этих двух составляющих воспитания личности советского человека, особенно людей служивых, тех, кто являлся частью государственной машины, привели к серьезным упущениям. Сейчас много говорят о политических и экономических причинах падения Великого Государства, но мало или почти не упоминают другое. Социалистическая система воспитания упустила наиболее важное звено, а значит, и всю цепь — советского человека. Мы все потеряли бдительность, погрязли в стяжательстве, недооценили угрозу, исходящую от государств, желающих порвать на куски Советский Союз, и отнюдь не из идеологических соображений. Многим и давно не нравится сильная Россия — Советский Союз — Россия. Не нравится ее культура, не нравится ее сила духовная, не нравится ее необыкновенный самобытный народ, менталитет которого не укладывается в культурные и логические рамки запада, не нравится ее огромная территория, не нравятся ее богатейшие недра, не нравятся ее выходы к морям и океанам.

Прямые атаки в виде войн на российскую государственность не привели к желаемым результатам. В итоге объектом «оперативной разработки» стал советский человек. Западные идеологи выбрали правильное направление, отравляя наше сознание, растлевая наши умы и души. Вражьи радиоголоса, литература... Наибольший вред стране нанесли агенты влияния. Эта раковая опухоль, будто метастазами поразили главные органы и члены тела советского государства. И мне пришлось столкнуться с ее некоторыми гнилыми болячками.

К сожалению особисты и замполиты не всегда были заняты выполнением прямых обязанностей. И в их среде находились не

бдительные и идейно невыверенные бойцы. Из-за этих слабых звеньев при распределении таких благ, как квартиры, машины, допускались перекосы и злоупотребления, что немедленно попадало на вооружение идеологических противников и служило козырем против нашей системы в информационной войне. Конечно, я не обобщаю, а говорю об отдельных случаях, но ведь они сходили с рук корыстным людям, поставляющим Западу материал, чтобы делать у нас в стране «нелетную погоду».

Как-то в начале нынешнего века я с удивлением прочитал информацию о том, что несколько бывших замполитов перековались в батюшек. В таких случаях поражает та легкость, с которой человек меняет свои убеждения на прямо противоположные — вчера идейный коммунист и воинствующий атеист, а сегодня — богобоязненный служитель церкви! Некоторые по-обывательски рассуждают: ну что здесь такого — профессионал везде будет востребован. Эта мысль требует завершения — так можно послужить и врагу.

Из-за подрывной работы агентов влияния и недосмотра тех, кто должен был корчевать это зло, ветер перемен подул не в наш парус, зато раздул пиратские флаги англо-саксонских дрейков и киддов, бжезинских и рейганов.

Кто бы что ни делал, ни думал, ни творил, но в мире существует баланс добра и зла. Глуп тот, кто этого не понимает. За рано или поздно придет расплата, а за добро — награда. Не стоит упоминать Германию, которая неоднократно посягала на Россию и СССР и каждый раз неудачно. Соединенные Штаты приложили свою алчущую и злобную руку к развалу СССР. Уверен, что и этой заокеанской бестии скоро не поздоровится. Стоит лишь посмотреть, что уже творится там — непогодь, как климатическая, так и духовная, миллионы голодающих, брошенные города. И это в некогда самой богатой стране.

Да, не помешало бы им приехать к нам и посмотреть в Эрмитаже картину Ретеля «Немезида», да поразмышлять возле нее. Глядишь, и прозрели бы.

Отец моего друга

В этот раз я летел на самолете Ту-134. По трансляции объявили, что командиром экипажа является Антон Никитович Базаря. Это был отец Олега — моего друга детства, коренастого крепыша, с которым мы занимались вольной борьбой у тренера Ефима Давыдовича Кузнеця. Я с тех давних пор помнил Антона Никитовича высоким мужчиной в форме летчика гражданской авиации.

Ах, как забилось мое сердце, когда я услышал в динамике знакомую фамилию! И не удержался — решил уточнить у стюардессы данное обстоятельство. Через некоторое время милостивая девушка передала приглашение командира лайнера пройти в его кабину. С трепетом и большим интересом я зашел к пилотам. Наличие на приборной доске большого количества приборов, датчиков, стрелок, разноцветных лампочек особого впечатления не произвели. Такого добра и на нашей лодке хватало. Но взгляд прикипел к лобовому стеклу, на которое набегали облака. Промелькнула ассоциация с подводной лодкой 613-го проекта, где четко можно видеть сужение отсека в носовой части, как в пилотской кабине воздушного судна. Отец Олега вежливо поинтересовался, откуда я знаю его сына. Я сказал, что бывал у них в доме, даже знаком с его дочерью Оксаной, а из сына выдавил не один литр пота на борцовском ковре.

— А здесь какими судьбами? — поинтересовался Антон Никитич.

— Лечу в отпуск с Дальнего Востока. Служу там на атомной подводной лодке, — отец Олега перевел на меня взгляд, в котором читалось уважение.

В свою очередь я поинтересовался делами Олега. Порадовался его успехам, узнав, что он учится на летчика гражданской авиации. Впоследствии мой друг, продолжая дело отца, не одну тысячу часов налетал на самолетах Ан-2, Ан-24, Ту-154 и Боингах.

Вид из пилотской кабины был завораживающий, такого обостренного чувства пространства я не испытывал никогда в жизни. Конечно, сказалось то, что я только что вылез из ограниченности и тесноты корпуса лодки, а здесь перед глазами распростерлось без-

граничное небо. Я недолго пробыл в кабине самолета, а впечатлений от увиденного мне хватило надолго.

Лыжница

Однажды я попал в самолет Як-40, пассажирский салон которого гудел, как кущи в райском саду — особый шарм полету придавал приятный девичий щебет. Как экзотические птицы перелетают с цветка на цветок, так и девушки витали в своих фантазиях. Когда самолет попадал в воздушную яму и внезапно проваливался вниз, то барабанные перепонки чуть не лопались от их визга. Всякий раз падения повергали пассажиров в такой шок, что они еще долго приходили в себя. Ну, и я вместе с ними.

Тогда же я познакомился со спортсменкой-лыжницей, много рассказавшей о слаломном спуске с гор, о падениях и травмах спортсменов. В частности у нее тоже был случай падения и получения серьезной травмы на соревнованиях в Альпах. Сейчас она летела из-за рубежа, с очередных соревнований. Кажется, я также произвел на девушку приятное впечатление. Она впервые видела живого представителя отважной профессии подводников, была наивно заинтригована и лучилась восторгом от моих рассказов. По прилету в Минск ее встретил на машине тренер — увы. Парочка слаломистов предложила подвезти меня домой, но я отказался.

Эхо детства

С первых дней пребывания в родном городе я попал в такой водоворот увеселительных ресторано-кафешных посиделок, шашлыков на природе, шумных танцевальных вечеров, куда меня вовлекли друзья детства, что отпуск пролетел, как один день. Я был героем дня — весть о моем приезде распространилась с быстротой телефонного сигнала.

Как-то вечером я возвращался из кафе «Красный мак», куда забрел с Петром Калининим. На балконе второго этажа стояла соседка и подруга детства Татьяна Ключкова в окружении молодых людей. Увидев меня, она радостно прокричала:

— Привет, Алексей! У меня сегодня день рождения. Заходи!

До армии мы с ней поддерживали товарищеские отношения. Хотя ни для кого не являлось секретом, что Татьяна была увлечена мною. Я же относился к ней по-дружески. Бывает же и такое. Поэтому сейчас встречаться с нею не хотелось.

— Привет! Поздравляю! Всех тебе благ, — прокричал я в ответ, направляясь, тем не менее, домой.

Но не успел я снять тужурку, как раздался звонок в дверь. Пришел отец именинницы, а ему я отказать не посмел. Он с почтением доставил меня на второй этаж под аккомпанемент все еще робко звучащих моих отнекиваний. Татьяна превратилась в восемнадцатилетнюю красавицу — как я раньше этого не замечал? — и выглядела великолепно! От этого поразительного открытия я просто впал в ступор и смущался неимоверно. Однако о роли свежеспеченного подводника не забывал ни на мгновение. Конечно, мне как вновь прибывшему предоставили слово для поздравления. Проникнувшись торжественностью момента, я и ляпнул невпопад:

— Ну... За тех, кто в море!

Среди присутствующих воцарилась немая пауза. Гости растерянно примолкли, устремив взгляды на виновницу торжества. А та, не замечая недоуменного вида друзей и родственников, смотрела на некультурного балбеса почти восторженно. Даже с радостью и гордостью обвела гостей взглядом, чтобы убедиться, что здесь появился принц на белом коне. Я же как бывалый подводник смачно хрюкнул рюмку водки и с чувством выполненного долга уселся за стол. Придвинул тарелку и безжалостно начал уничтожать деликатесы, о которых на лодке можно лишь мечтать. Ни один кок не приготовит бульбяные клецки, как мама Тани. Оставаясь в состоянии эйфории от прекрасного дня рождения и от оригинального тоста, именинница незаметно подкидывала в мою тарелку домашние вкусности.

Почему мне запомнился этот вечер? Во-первых, своей искренностью — подвыпившие гости с неприкрытым интересом расспрашивали о службе. Такого внимания со стороны взрослых людей

я к себе не ожидал, и мне было лестно. Надо было, действительно, держать марку. Во-вторых, приходило понимание, что моя генерация вырастет, мои друзья и я постепенно из юношей и девушек превращаемся в мужчин и женщин. Ведь не зря дядя именинницы разговаривал со мной на равных.

Официантка и розетка за шторой

Больше всего времени я проводил с другом детства Петром Калининым. Перед призывом на флот я около года работал брошюровщиком в типографии треста «Оргдорстрой». Начал получать зарплату и, конечно же, почувствовал себя взрослым. По обыкновению первая зарплата должна быть обмыта. Но я почти все деньги отдал маме, а в кармане оставил четвертной (25 рублей). С ними мы и направились в кафе «Мядуха», что напротив стадиона «Динамо». Погуляли так, что не рассчитали финансов и остались должны. Пришлось уговаривать официантку поверить нам на слово, что завтра мы принесем недостающие деньги. Она поверила, и мы свое слово сдержали. Сегодня такое вряд ли возможно. На следующий день мы совсем обнаглели. Долг-то отдали, да не совсем точно истолковали доброту этой женщины, начали глупо приставать к ней с ухаживаниями. Но она оказалась умницей, и на наш вопрос о ее имени дала исчерпывающий ответ:

— Меня зовут Ка-Пэ-Зэ, мальчики.

Кстати, КПЗ — это камера предварительного заключения, ныне ИВС — изолятор временного содержания. От такой недвусмысленной шутки наш пыл значительно поугас.

После того поучительного опыта прошло более двух с половиной лет. И воспоминания о нем окутывались юмором и легкой усмешкой. Но теперь я был мичманом Краснознаменного Тихоокеанского флота, а Петр Калинин — выпускником Художественного училища, женатым человеком. Он женился на медсестре и жил в просторной новостройке, раскинувшейся на месте бывшей деревни Шабаны.

Посещение Петиного жилища запомнилось комичным казусом. Обязанности художника-оформителя дворца культуры

Минского автомобильного завода, куда он был направлен на работу, мой друг исполнял со всей ответственностью и осознанием долга. Зато его творческая хулиганско-юморная и озорная сторона натуры ничем не сковывалась в бытовой обстановке. Дома, на стене гостиной, Петр нарисовал женскую фигуру в полный рост. Увидел я ее не сразу, и дал ему меня разыграть.

Мы пригубили ликер с поэтическим названием «Абрикосовый водар» из высоченных фужеров чешского стекла и решили послушать записи, сделанные на бобинном магнитофоне:

— Есть Высоцкий. Хочешь послушать? — спросил Петр.

— С удовольствием!

— Вон вилка от шнура, — он махнул рукой куда-то в сторону окна. — Воткни в розетку.

— Не вижу розетки... — бубнел я, шаря глазами по стене.

— Отдерни штору — увидишь, — и по лицу хозяина, приготовившего сюрприз гостю, скользнула хитроватая улыбка.

Со шнуром в руках я повернулся к окну, отдернул штору и оторопел. Видимо, не зря Петр посещал уроки профессионального мастерства и рисовал женские тела с натурщиц. На меня бесстыдно уставилась нагая искусительница.

Так, где же розетка? Я опустил взгляд, и вдруг моя рука непроизвольно дернулась за спину. Там, где возвышался мохнатый холмик, прикрывающий детородный орган, и была талантливо оформлена художником злосчастная розетка.

Розыгрыш удался на славу. Мои конвульсивные движения вызвали у Петра гомерический хохот. За эту шутку я на него нисколько не обиделся, она была в духе нашего возраста. Наоборот, веселое настроение тогда не покидало меня весь день. Да и сегодня, вспоминая этот случай, не могу удержаться от улыбки.

И мама

Повествование получится неполным и несправедливым, если я не скажу о маме. Дело в том, что она вырастила меня одна. По молодости и детскому недоумию я не мог оценить этот женский

подвиг. Из-за глупого эгоизма иногда обижал ее. Человеческая сущность, однако, на подсознательном уровне держала пуповинную связь «мать — сын». И в этот отпуск, видя, как светятся гордостью мамины глаза, с какой тревогой она расспрашивает о службе, спокойно и уверенно отвечал на расспросы. С сыновней покорностью соглашался на то, чтобы лишний раз вместе с мамой выйти в город. Сам старался дольше побыть с нею дома.

Когда удавалось выехать за город, я всегда старался брать с собой маму. Мы любили побродить по холмам и пригоркам осенних полей, любили поднять в лесу красноголовый подосиновик, очистить от песка зеленку или подзеленку, присесть на пенек, срезать рыженькие опята, поклониться белому грибу. Белорусская природа мягкая, уютная, спокойная, как наша душа. Я это особенно остро чувствовал, приехав с Дальнего Востока с его морскими просторами, объемными сопками, непроходимой тайгой. Такие сравнения невольно приводили к мыслям о Родине. Сейчас с уверенностью могу сказать моя Родина — Советский Союз.

СЛУЖБА В БУХТЕ ПАВЛОВСКОГО

«В море — дома, на берегу — в гостях»

Вице-адмирал С. О. Макаров

Пришли в Павловск

«01.01.1978 г. — в составе экипажа подводного крейсера «К-523» убыл в 26-ю дивизию подводных лодок ТОФ. Убыл из отдаленной местности Приморского края Шкотовского района пос. Большой Камень.

Приказ командира 72-й обсрпл ТОФ № 01 от 01.01.1978 г.»

Напомню, что обсрпл — это отдельная бригада строящихся и ремонтирующихся подводных лодок. Именно так у нас писалась эта аббревиатура. А на следующий день появилась очередная запись:

«02.01.1978 г. — прибыл в составе экипажа подводного крейсера ПЛ «К-523» в 21-ю дивизию подво-

дных лодок ТОФ. Прибыл в отдаленную местность Приморского края Шкотовского района.

Приказ командира ДипЛ № 02 от 02.01.1978 г.

В соответствии с директивой Генштаба ВМФ № 750 /1/00754 от 30.08.1977 и приказом Командующего ТОФ № 003 от 04.01.1978 г. подводный крейсер «К-523» передан в состав 21-й ДипЛ ТОФ.»

После возвращения из очередного отпуска я снова влился в состав экипажа подводного ракетоносца 667Б проекта. История жизни экипажа теснейшим образом связана с историей развития атомного флота Советского Союза на Дальнем Востоке (Тихоокеанского флота). О стратегических задачах укрепления восточных рубежей страны обычный мичман, конечно же, не расскажет. Я не флотоводец и не адмирал, а простой мичман, и рассказываю лишь о том, что понимал на своем уровне, о том, что пережил сам.

Завершился ряд этапов: строительство лодки, спуск в доке по Амуру, прохождение на атомных реакторах через Татарский пролив в Японское море, заводские и государственные испытания в Большом Камне. И вот для ввода в первую линию боевой готовности наш подводный крейсер прибыл в бухту Павловского. Реально мы пришли 31-го декабря, то есть буквально за несколько часов до Нового, 1978-го, года. В этот день было уже поздно решать вопрос получения офицерами и мичманами пропусков для схода на берег. А семейным товарищам очень хотелось попасть домой. Оперативная обстановка позволяла, и старший помощник командира Алексей Алексеевич Ротач, войдя в положение подчиненных, организовал выход свободной смены экипажа через КПП № 1. Для того чтобы без пропусков покинуть режимный объект, пришлось проявить чудеса военной смекалки. Интендант, мичман Михаил Михайлович Баграмян, как консервную банку вскрыл контрольный пост. Вооружившись значками «специалист 3-го класса», подкупил «неумолимых» матросов-срочников, и наши товарищи смогли навестить родных.

21-я дивизия ракетных подводных крейсеров стратегического назначения, как и 4-я флотилия подводных лодок, была создана на базе 26-й дивизии, которая имеет свою историю создания. Об исторических фактах образования хозяйства 26-й дивизии, об ее командирах рассказывает вице-адмирал Александр Васильевич Конев, председатель Совета Союза моряков-подводников ТОФ:

Новое десятилетие (70-х годов) было ознаменовано качественно новым прорывом в подводном кораблестроении. В январе 1970 г. в 26-ю дивизию прибывает первая атомная подводная лодка 667А проекта «К-399» под командованием капитана 2-го ранга Андрея Павловича Катышева, впоследствии Героя Советского Союза. Начинается новый этап в истории 26-й дивизии, этап освоения ракетных подводных крейсеров стратегического назначения. Хотя и был он недолгим в своих временных рамках, подводные лодки стали в дальнейшем передавать в 8-ю дивизию на Камчатку, но заложил основы подготовки в будущем следующей серии РПК СН 667Б проекта.

История дивизии продолжалась. Находясь в географически удобном месте базирования, в подбрюшье Приморья, рядом заводы, штаб флота, которому она подчинялась, дивизия, наряду с выполнением своих основных задач, становится основным пунктом окончательной подготовки и передачи на Камчатку строящихся подводных лодок. Достаточно сказать, что через нее прошли практически все атомные подводные лодки, строившиеся в Комсомольске-на-Амуре. В дальнейшем уже с Камчатки начали прибывать подводные лодки на ремонт в Приморье и многие из них не миновали Павловска. Нагрузка на штаб дивизии на его офицеров, этих скромных тружеников моря, была очень большой и они с честью несли ее на своих плечах.

С момента своего создания 26-я дивизия живет напряженной боевой жизнью, бурное развития атомного флота в полной мере испытала на себе.

Достаточно вспомнить противостояние группировки из пяти наших подводных лодок против сил 7-го флота США в Южно-Китайском море в мае 1972 г., куда по тревоге ушли четыре лодки дивизии «К-7», «К-45», «К-57» и «К-184» а также «К-189» из 10-й дивизии. Тогда мы впервые показали, что на Тихоокеанском флоте создана группировка атомных подводных лодок, способная в короткие сроки развернуться в любой район Тихого океана для отстаивания интересов своей страны.

Если вспомнить историю противостояния против США, то 10 лет до этого, в период Карибского кризиса в 1962 г. четыре дизельные лодки СФ 641-го проекта были фактически брошены в Саргассовом море на расправу противолодочным силам США. Атомные же подводные лодки СФ в составе также пяти единиц вышли в Атлантику только через 15 лет после 26-й дивизии подводных лодок, произошло это в 1987 г. в ходе проведения учения «Атрина», в котором участвовало пять лодок 33-й ДиПЛ из Гаджиева.

Впереди было еще долгих 40 лет (в августе 2000 г. переформирована в бригаду подводных лодок) служения Родине, противостояния военно-морским силам вероятного противника на Тихом океане. За период существования дивизии экипажами ПЛА были успешно выполнены более 320 боевых дежурств и боевых служб.

Славная 26-я дивизия воспитала целое поколение подводников, замечательных людей, преданных своей Отчизне, мужественно исполнявших свой воинский долг. Более 600 моряков подводников соединения были удостоены высоких правительственных наград за мужество и воинскую доблесть при выполнении задач по защите Отечества. Всех просто невозможно перечислить, но о тех, кто командовал дивизией, вспомним:

1. Капитан 1-го ранга Николай Петрович Прыгунов — командуя дивизионом, в дальнейшем бригадой

подводных лодок, заложил фундамент в создаваемую дивизию, был ее первым начальником штаба.

2. Вице-адмирал Юрий Васильевич Иванов – будущий главный разведчик военно-морского флота, руководил непосредственно первой боевой службой на борту подводной лодки «К-59».

3. Контр-адмирал Владимир Яковлевич Корбан – впоследствии заместитель командующего Тихоокеанским флотом – начальник управления боевой подготовки, трагически погиб 7 февраля 1981 г. в авиакатастрофе.

4. Контр-адмирал Игорь Иванович Вереникин, находясь в отставке, умер 25 мая 2001 г., собираясь на последний звонок в среднюю школу № 86 города Ульяновска, где его ждали, не выдержало сердце.

5. Контр-адмирал Андрей Павлович Катышев – впоследствии руководил акванавтами, стал Героем Советского Союза. Проживает в Москве, и как настоящий подводник родился 19 марта 1930 г.

6. Адмирал Геннадий Александрович Хватов – ставший командующим Тихоокеанским флотом.

7. Контр-адмирал Рэмир Иванович Пирожков – трагически погиб в авиакатастрофе 7 февраля 1981 г.

8. Вице-адмирал Юрий Иванович Шуманин – командуя Камчатской флотилией разнородных сил, трагически погиб в авткатастрофе 7 мая 1993 г.

9. Капитан 1-го ранга Юрий Алексеевич Самойлов – командовал дивизией в 1981 г.

10. Контр-адмирал Алексей Арсентьевич Белоусов – в дальнейшем стал начальником ТОВВМУ им С. О. Макарова, в настоящее время проректор ДВГТУ.

11. Вице-адмирал Валерий Александрович Кожевников – командовал 4-й флотилией подводных лодок ТОФ, руководил ТОВВМУ им. С.О. Макарова, продолжает обучать курсантов тактике морского боя.

12. Контр-адмирал Николай Никитович Германов – проживает во Владивостоке.

13. Контр-адмирал Александр Иванович Поля-

ков — безвременно ушел из жизни, не выдержало нагрузок сердце.

14. Вице-адмирал Василий Георгиевич Кондаков — в настоящее время заместитель командующего Черноморским флотом.

15. Контр-адмирал Юрий Станиславович Ребенко — при его командовании дивизия была расформирована, в настоящее время командует Учебным центром подводников в городе Обнинске.

Первоначально в Павловске базировалась 26-я дивизия, в которой находились атомные лодки 675-го проекта, вооруженные восемью крылатыми ракетами, так называемые «раскладушки», и чисто торпедные — 659-го типа. Формировалась 21-я дивизия из подводных лодок 667Б проекта, вооруженных 12-ю баллистическими ракетами. А 30 ноября 1978 года обе дивизии образовали 4-ю флотилию атомных подводных лодок, которая сформирована решением правительства по предложению Главнокомандующего ВМФ С. Г. Горшкова. Командующими флотилии являлись:

с 10.1979 по 02.1981 — Виктор Григорьевич Белашев, вице-адмирал (погиб в авиакатастрофе 07.02.1981);

с 24.02.1981 по 12.12.1989 — Виктор Михайлович Храмов, вице-адмирал;

с 12.12.1989 по 08.1994 — Валерий Александрович Кожевников, вице-адмирал.

Начальники штаба:

с 10.1979 по 02.1981 — Рэмир Иванович Пирожков, контр-адмирал (погиб в авиакатастрофе — 07.02.1981);

с 02.1981 по 1987 — Иван Николаевич Паргамон, контр-адмирал;

с 11.1987 по 08.1993 — Евгений Николаевич Лапшин, контр-адмирал;

с 08.1993 по 08.1994 — Владимир Прокофьевич Валуев, контр-адмирал.

Выше я писал: «Пришли в Павловск». Павловск — это общее понятие, в первую очередь, связанное с военной жизнью моряков.

Бухта Павловского находится в южной части Японского моря. С 30 декабря 1959 года здесь расположилась и ведет свою летопись 26-я дивизия, впоследствии разросшаяся до флотилии. Вот в исторических событиях становления 21-й дивизии 4 флотилии Краснознаменного Тихоокеанского флота и принимал участие скромный минер в моем лице. Флотилия располагалась на территории Шкотовского района Приморского края. Шкотово — районный центр, в мою бытность он выглядел как большая деревня, расположенная на автомобильной трассе Владивосток-Находка. В Шкотовском районе запомнились населенные пункты с необычными названиями «Крым», «Дунай», «Ливадия», «Анна», «Разбойник», «Тихоокеанский». Ввиду важности поселок Тихоокеанский имел статус закрытого военного городка и назывался — Шкотово-17. Если бы в то время отправитель на конверте написал «пос. Тихоокеанский», то неизвестно, дошло ли бы письмо до адресата, а то, что им заинтересовались бы компетентные органы — весьма вероятно.

Не знаю, сколько в этом поселке было прописано людей, статистика эта не всегда соответствовала фактическому количеству населения. Специфика закрытого военного городка состояла в том, что, во-первых, подавляющая часть мужчин находилась в море, на службе в базах или уезжала в отпуск. Во-вторых, другая половина поселка, состоящая преимущественно из будущих, настоящих, бывших жен, также не сидела на месте. Многие из них на время нахождения своих мужей в море просто разъезжались по родительским домам, а кому повезло, то вместе с мужем убывали в отпуск. Некоторые даже не выписывались со старых мест, но проживали здесь, по месту службы мужей, менявших его с калейдоскопической частотой.

Поселок Тихоокеанский имел еще и третье имя, данное местным населением, — «Тихас». Не удовлетворившись этим количеством названий — «Промысловка», «Тихоокеанский», «Тихас», — со временем поселок переименовался в город Фокино.

Рекогносцировка на местности

В Павловске, или в Шкотово-17, располагались казармы, штабы двух дивизий и флотилии, гостиница, военторговский магазин, тыл флотилии с гаражом и складскими помещениями, два камбуза, учебный центр, подсобное хозяйство, матросский клуб, территория гидробата и полигона, здание службы радиационной безопасности (СРБ), три пирса с контрольно-дозиметрическими постами (КДП). Все это укрывалось живописными сопками. В четырех километрах от этого комплекса располагалась минно-торпедная часть (МТЧ), со временем переименованная в торпедно-техническую базу (ТТБ).

Чтобы можно было покинуть Павловск и снова туда попасть, офицерам и мичманам выдавались пропуска с фотографией владельца. Они также служили основанием для прохода на корабль, в казарму, а при наличии дополнительной отметки — в соответствующий штаб. Однако такой пропуск не давал беспрепятственного права выхода из Павловска в служебное время до 18.00 часов. Пропуска проверялись на КПП № 1. От нехитрого строения с широкими металлическими воротами, украшенными неизменными якорями, в обе стороны расходился бетонный забор, через пару десятков метров прекращавший чертить свою «демаркационную линию». Создавалось впечатление, что у строителей чего-то не хватило: терпения или стройматериалов. Но, если бы забор поставили по всему периметру, то тянулся бы он не один десяток километров.

На другой сопке, которая являлась как бы продолжением первой, «по-голливудски» были начертаны два слова: «Помни войну». Это предупреждение выдающегося российского флотоводца Степана Осиповича Макарова сопровождало меня на протяжении всей службы: от первых практических занятий торпедиста на заводе в Кронштадте (Якорная площадь) до ухода в запас опытным минером. Крылатые слова вызывали ассоциации с известным выражением римского историка Корнелия Непода (94-24 годы до н.э.): «*Si vis pacem, para bellum*» — «Хочешь мира, готовься к войне». Кстати, часть этой фразы использовал австриец Георг

Люгер, когда в 1900 г. изобрел пистолет, получивший название «Парабеллум» («Готовься к войне»).

Новый уклад со старыми байками

Сначала наш и другие экипажи разместили в казармах 26-й дивизии, так как своих помещений соединение еще не имело.

В мичманском кубрике старой казармы обнаружили старые ветхие двухъярусные кровати. Чтобы они окончательно не развалились, мы их укрепили веревками, а для устойчивости связали между собой. Старые и разошедшиеся оконные рамы тоже требовали ремонта — плохо держали тепло. От пронзительных и отовсюду проникающих дальневосточных ветров в казармах зимой гуляла сквозняки. Вообще излишеств тут не было. Казарма состояла из общего помещения для матросов срочной службы и отдельных кубриков для офицеров и мичманов. Обязательным атрибутом являлась комната отдыха с агитационной наглядной документацией, телевизором, центральной прессой — подшивками газет «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Боевая вахта». Называлась комната отдыха обычно Ленинской. Замполиты регулярно обновляли «Боевой листок» — нашу стенную газету. Печатный орган подразделения писался от руки и отражал повседневную жизнь экипажа. Иногда выпускающий морячок вкладывал душу и подходил к материалу творчески, с юмором. Тогда стенгазета поистине становилось событием, ее любили читать.

В армии к военнослужащим со званием «прапорщик» пристало обидное прозвище — «кусок», а на флоте к мичманам — «сундук». К нам это слово проникло давно, со времен царского флота. Известно, что с первых дней его существования к морякам всех категорий, от адмирала до матроса, относились с большим «респектом и уважухой», то есть обеспечивали их лучшим обмундированием. Даже матросская роба шилась из прочной парусины, которую порвать было не просто. Тогда матросы призывались в основном из крепостных крестьян, служили долго — двадцать пять лет. А когда срок службы подходил к концу, то все свое об-

мундирование и прочие сопутствующие вещи служивый собирал по принципу «все в хозяйстве сгодится». Да и товарищи, которым было еще служить как «медным котелкам», делились с дембелем обмундированием, отдавая свое, исходя из того что в конце службы и к ним отнесутся участливо. Постаревший матрос собирал свой небогатый скарб в сундучке из дубовых досок, изнутри обклеенный картинками с изображениями кораблей, выдающихся адмиралов. И тот сундучок становился предметом его гордости, как становится предметом гордости дембельский альбом современного годка.

При «перековке» царского флота в советский многие традиции сохранились. Хоть и ушел в небытие многолетний срок службы, но звание мичмана в морском табеле о рангах осталось. Только из слова, обозначающего офицерский чин, перешло в слово, обозначающее старшинское звание. С чьей-то подачи за мичманами закрепилось и слово «сундук» — как память о старых дембельских сундуках, с которыми служивые моряки возвращались домой.

Почему «сундук» вышел из матросского кубрика и перекочевал в мичманский? Ведь среди мичманов большая часть ни дня не служила матросами. Более того — мичманы никогда не были крестьянами, так как призывались из городов. Это есть тайна времени... каких много.

Объекты военного назначения, находящиеся в бухте Павловского, в первую очередь использовались для обеспечения жизнедеятельности боевого организма. Здесь был свой строго расписанный военными уставами распорядок жизни, подчиненной приказам командиров и старших начальников. На первый взгляд могло показаться, что люди снуют туда-сюда без видимой цели. Смело могу сказать, что каждое движение, каждая минута использовались максимально по назначению — на совершенствование боевой выучки. Мы не имели ни одной свободной минуты, все делали бегом, хотя свои дела должны были делать качественно, чтобы позже не переделывать.

Даже такая простая процедура, как прием пищи, осуществлялась по своим писаным законам. Казармы, камбузы, пирсы с лодками находились в отдалении друг от друга. Пища готовилась на камбузах и доставлялась дежурно-вахтенной службе, остающейся на лодках,

в специальных термосах. На территории базы имелось два камбуза: «верхний» и «нижний». Нижний камбуз был размерами меньше верхнего и более ухоженным, уютным. Там питался личный состав трех штабов (21-й, 26-й дивизий, 4-й флотилии) и тыла. Мне он запомнился тем, что на входных дверях частенько вывешивались объявления с информацией общего пользования, например, о «горящих» путевках в санатории и дома отдыха Министерства обороны.

Каждый раз, натываясь взглядом на них, я не уставал удивляться бесконечности списка санаториев и домов отдыха, в том числе и расположенных на дефицитном Черноморском побережье. В этой связи расскажу, как нескучно проходил отдых в санаториях системы Минобороны СССР у некоторых подводников.

Эти две истории мне поведал бывший командир БЧ-5 атомного ракетноносца проекта 670М Северного флота, капитан 2-го ранга в отставке Юрий Васильевич Кожечкин. В пору, когда он был молодым и бравым капитан-лейтенантом, ему случайно выпала горящая путевка в один из таких санаториев. Вызов судьбы он воспринял всерьез, близко к сердцу, поэтому спрятал путевку в левом нагрудном кармане и отправился в город Сочи.

В санатории будни проводил хоть и насыщенно, но как-то пресно и скучно, в лечебных процедурах, денно и ночью поправляющих его слегка пошатнувшееся здоровье. Даже все прочие виды отдыха подчинил спасению от скрытых болезней и профилактике подкрадывающихся хворей, во всем подражая многоопытному старшему товарищу, соседу по палате, которому было около пятидесяти лет. А сосед и рад стараться: завел порядок систематически ходить на терренкуры — прогуливаться по «тропе здоровья». Она же — «тропа войны» с болезнями.

Оба друга вступили на нее решительно и основательно, неспешно и со значением прогуливались исключительно для усиления и закрепления эффективности лечения. В качестве помощников и ориентиров им служили торговые точки, понатыканные тут в достаточном количестве, чтобы неопытные отдыхающие не проходили мимо. Дело в том что, кроме благородных намерений

усиления санаторного эффекта, эти ориентиры служили также приобщению гостей побережья к дарам его природы.

Тут продавали не какие-то лечебные коктейли, минеральные воды или спортивный инвентарь, а замечательное южное вино. Игнорировать этот факт было невозможно, и наши пациенты наливались дарами Бахуса, будто две греческие амфоры. Так что при возвращении на базу их лица имели цвет красного вина и полыхали здоровым румянцем. Юрий Васильевич убежденный приверженец более крепкого, прозрачного и бесцветного продукта как-то попытался возроптать, чтобы найти кристально концентрированный родник здоровья, однако вынужденно подчинился дружескому диктату своего старшего товарища, так как реальных предложений произвести не мог.

Вот так оба топтали путь-дорожку от одного стакана к другому и лечились впрок. В столь неспешной гонке за здоровьем, без фанатизма и лихачества, в умеренном скоростном режиме дружья не забывали про пляж, регулярно посещали его, так как и к морю бежали затейливые ленты терренкуров, пронизанных сетью точек, торгующих южным вином.

В одной из винных палаток находилась замечательная и выдающаяся достопримечательность — пристрастившийся к вину ворон. Он стал здесь закадычным клиентом и всем остальным собратьям по питию щедро являл свой интересный, даже разнузданный нрав. Шальная птица имела уж больно пернатый гонор и немалое достоинство, заведя такой порядок: покупающий вино посетитель должен был «отмечаться» у него со своим стаканом. Выглядело это просто: человек подходил к ворону, а эта привередливая скотина, простите птица, опускала в него клюв и делала несколько глотков. К обеду ворон умудрялся так наклюкаться, что валялся на своей скамейке как последний забулдыга, кверху лапами. И пребывал в пьяном угаре (или космическом астрале) до тех пор, пока не прочухивался естественным образом. Тогда становился на свое пьяное крыло и улетал по своим пернатым делам. И кто только этого алкоголика допускал к полетам? Зная

распорядок работы избранного им павильона, ворон вновь и вновь являлся к его открытию большим на голову, на ковыляющем крыле, чтобы опохмелиться и ободриться.

Впервые приведя Юрия Васильевича на точку, старший товарищ на правах завсегдатая продемонстрировал знание оперативной обстановки на местности и особенностей поведения пернатой достопримечательности всего одним словом:

— Смотри.

Купив вина, он сделал глоток из стакана и подошел к завсегдатаю «кабака на пленере». Наглый ворон тронутый чужими губами стакан проигнорировал, даже не покосился на него. Юрий Васильевич только и молвил:

— Гордый.

Но под конец дня, увидев в очередной раз надравшегося «на халяву» ворона валяющимся с задранными кверху лапами, Юрий Васильевич поинтересовался:

— Как его еще коты не сожрали?

— Да кому он нужен, провонявшийся вином?!

Юрий Васильевич тут же экстраполировал эту ситуацию на своего собеседника — с учетом того, что за день тот выпивал вина не меньше ворона, даже с учетом разницы в весовых категориях. Правда, вслух ничего не сказал.

А вот я подумал, если вороны живут почти в четыре раза дольше человека, то как долго этот пернатый террорист развлекал отдыхающих, иначе говоря, на какое количество годков хватило его трехсотлетнего здоровья.

Вывод: Не стоит смеяться с глупой птицы, ведь у нас в обществе таких пернатых друзей хватает в избытке.

Другая история произошла с Юрием Васильевичем в том же сочинском санатории.

Решил бывалый подводник со своим соседом по палате — другом, обретенным в санатории, — посетить ресторан. Дело это

в те времена было хлопотным в части его организации. Вообще в 70-е годы прошлого века в виду более аскетичного образа жизни рядового советского гражданина, когда посещение развлекательных заведений считалось неприличным, кафе и ресторанов было не так много. В сезон, да еще в курортной зоне свободные места в них были дефицитом.

Вывод: Дефицит – понятие интересное. Это не то, когда какого-то товара совсем нет. Наоборот, он есть ровно в требуемом количестве. Но если вокруг него создать хоть маленький ажиотаж, то процентов 20-25 его общей массы можно толкнуть с наценкой. Вот это и есть дефицит.

Поэтому табличка с надписью «Мест нет», например, для гостиниц и ресторанов не столько извещала клиентов об истинном положении дел, сколько служила опознавательным знаком, что здесь нужно попросить об одолжении и переплатить за него. Вот как раз для этого клиенту и требовались выдумка, увертливость и талант.

Наши отдыхающие друзья, кое-как проявив эти качества, с превеликим усилием прорвали кордон в виде швейцара и вошли в ресторан. Администратор подсадил их на свободные места к столику, где на широкую ногу гуляла одна уже подвыпившая компания.

Скоро расположенного к гульбе Юрия Васильевича присмотрела сидящая неподалеку весьма миловидная женщина, немногим старше его. Как позже выяснилось, она являлась заместителем директора ялтинского порта, что само по себе было серьезным начальственным калибром, который неслабым залпом бил по любому мужскому самолюбию. Ее компания состояла из товарищей по работе, зафрахтовавших одно изрядненькое судно, совсем даже не прогулочного свойства, для непродолжительного круиза по советским черноморским портам. Неслабое замышление.

Юрий Васильевич к миловидной искусительнице взаимно проникся симпатией, и после закрытия они вместе покинули

ресторан, чтобы логически завершить превосходно начавшийся вечер. Дальше этот вечер незаметно перетек в утро со всеми вытекающими постельными и похмельными следствиями. А так как завершающая стадия предыдущего праздника оказалась слегка затуманенной в сознании, то некоторые его детали из памяти выпали.

Утром Юрий Васильевич очнулся на великолепном пароходном ложе, однако с подозрением отнесся к одному на первый взгляд незаметному обстоятельству. Кровать, на которой он почивал, как-то подозрительно покачивалась. Тогда про кровати с водяным матрасом известно не было, поэтому наш герой, несмотря на инженерное образование, об их существовании тоже не догадывался. Когда он подошел к иллюминатору и выглянул наружу, то наихудшие подозрения подтвердились: непрогулочное судно находилось в отвязанном состоянии — в открытом море.

В голове Юрия Васильевича тут же зароились мысли, разные по степени страшности. Одна была даже связана с английским словом «киднеппинг». Содрогнувшись при этой мысли, Юрий Васильевич, однако, успокоился. Только не подумайте, что морской волк испугался за себя, нет, ведь он был уже далеко не мальчиком. Просто он с сожалением подумал о пропущенных процедурах. На всякий случай проинвентаризировал себя, совершив обряд осмотра всех органов и членов. Все, слава Богу, оказалось на штатном месте и даже в исправном состоянии. Чего нельзя было сказать о рубашке. На ней виднелось великое множество посаженных в художественном беспорядке отметин в виде «стильных» сердечек из губной помады. Вот тут Юрий Васильевич запаниковал по-настоящему, испугавшись за свою свободу. А его начальственная спутница тем временем подтвердила факт их нахождения в море и добавила, что пункт прибытия судна — Ялта. Она, как добрый доктор, порекомендовала Юрию Васильевичу успокоить нервы и не беспокоиться, так как по прибытии в порт его весьма ценным оправлением в целостности и сохранности доставят на то место, откуда он был изъят.

Однако Юрию Васильевичу не понравилось насилие над своей личностью. Едва судно коснулось бортом стенки причала в порту Севастополя, как он крупной тенью тихо, но шустро метнулся на берег, спасая свободу и суверенитет субъекта, выражаемого местоимением «Я».

Куда бежать в непотребном виде? Решил податься в старые пенаты. И он объявился в родном Севастопольском высшем военно-морском инженерном училище. Там бывшего курсанта встретила старая работница и была поражена случившимся, его состоянием и видом. Особенно ее впечатлило количество замечательных рисунков на рубашке, сделанных под влиянием шаловливого купидона. Конечно, она оказала ему посильную помощь. В общем, наш доблестно совращенный герой в чисто постиранной рубашке, но с измятой душой вернулся в санаторий и как вор незаметно прокрался на штатное спальное место. Самоутвердившись в первоначальной ипостаси скромного и незаметного санаторного отдыхающего, Юрий Васильевич с удовлетворением осознал, что никто не заметил его похищения. Однако, полежав на койке с упертым в потолок взглядом, осмыслил произошедшее с ним, и вдруг разобиделся и затосковал. Ведь пропал был человек! А никто не кинулся, никому не было до него дела. И он подумал: «Вот смоеет волна повседневности тебя из этой жизни, и никто не вспомнит и не подумает о таком хорошем и замечательном зайчике. А ведь обидно!»

Да... бывают в жизни приключения.

Личный состав проходил мимо облагороженного нижнего камбуза и по широкой бетонной лестнице, вдоль которой разместились плакаты с наглядной агитацией, подымался к верхнему, удобно расположенному на террасе сопки. С площадки террасы открывалась панорама военного поселка с потрясающим видом на море.

Так как на верхнем камбузе питались экипажи субмарин, то и в наряд по столовой заступали подводники. Об одном неписаном правиле моряцкой жизни, бытовавшем в то время, рассказывал

Михаил Баграмян. К тому времени он отдал морю более десяти лет и как представитель интендантской касты знал все тонкости.

В описываемом случае дежурным по камбузу впервые заступал капитан-лейтенант из штурманской БЧ Виктор Коростелев. Инструктируя его, боевого офицера, бывалый мичман напомнил о деликатной ситуации. Мол, после получения на складе суточной нормы продуктов он попадает в сферу интересов определенной прослойки служивых, которые, обладая некоторой властью, привыкли извлекать из нее выгоды. На камбуз потянутся просители. И попробуй им не отстегнуть. Тогда «инспектирующие лица» за ночь так измочалят тебя проверками, что замучаешься оправдываться. Опытный хозяйственник инструктировал на этот случай так:

— Имейте в виду, что всем угодить невозможно. Это, во-первых. Во-вторых, можно и самому не заметить, как превратишься в мелкого воришку. В-третьих, и это самое главное: помните, что вы стоите на страже интересов рядового матроса.

СПЕЦИФИКА ВОЕННОЙ ПРОФЕССИИ

Параметры неустроенности

Все у меня было молодым и новым: я сам и моя служба, проходящая в молодом экипаже, на новой лодке, во вновь сформированной дивизии. И самое главное — ракетносец надлежало ввести в первую линию боевой готовности, вывести на рабочие режимы, как судьба выводила на них меня. Ясное дело, что нас постоянно преследовала некоторая неустроенность и неорганизованность, ставшая спецификой нашей жизни. Особенно болезненно это ощущалось при следовании на службу.

Расстояние от Тихоокеанского (Шкотово-17) до Павловска — двадцать километров. Первые тринадцать из них мы ехали по трассе Владивосток-Находка, устремляясь на восток. А у деревушки Тин-Кан, расположенной на берегу речки, больше похожей на ручей, с трассы поворачивали направо.

Кстати, Тин-Кан в переводе с языка аборигенов означает не то «Золотая долина», не то «Золотая речка», говорят, там когда-то мыли золото.

С этого поворота наша дорога резко меняла направление и шла по ухабам и рытвинам, где езда замедлялась. Так что на всю поездку порой уходило час времени. Драгоценного. Эх, нам бы его использовать на сон...

На службу нас возили на новеньких автобусах марки ЛАЗ, добротных машинах, производимых в городе Львове, что на Украине. Тыл получил их по случаю образования 21-й дивизии и 4-й флотилии. А до этого использовались крытые тентом КамАЗы. Эти машины у нас назывались «коломбинами». Для обслуживания наших перемещений дежурным по части в гараже флотилии заказывался автобус. Если по какой-то причине заявка не поступала или опаздывала, то экипаж вынужден был добираться домой самостоятельно. Это при том, что свободная минута очень дорого ценилась, и всем хотелось быстрее оказаться в семье. Перспектива остаться в части не грела даже холостяков.

В этом случае начиналась настоящая нервотрепка, которой не мог избежать каждый, не имевший личного транспорта. Действовать можно было по двум сценариям: втиснуться в чужой автобус или добираться пешком. Это была сущая прелесть! Благо, случалась она не часто, ибо дежурный по части, виновный в необеспечении нас транспортом, — очень рисковал нарваться на всеобщую горячую благодарность!

Я застал бухту Павловского, когда она активно строилась, расширялись ее технические возможности. Нам же в связи с этим приходилось преодолевать определенные организационные сложности. И не мудрено, так как новая 21-я дивизия в течение нескольких лет пополнилась семью РПК СН большого водоизмещения. Для стоянки такому кораблю необходим специально оборудованный причал. Промышленники рвали пуп, чтобы обеспечить военных пирсами. Но не поспевали за бурным строительством субмарин. Тому или иному крейсеру из нашей дивизии частенько приходи-

лось простаивать в отдалении от берега, на якоре, со всем личным составом на борту. Делать было нечего, и командиры по полной использовали это время для обучения и тренировок личного состава.

Бывало и так, что лодка стоит у третьего пирса, служба в этот день обещает закончиться вовремя, автобус для выезда в Техас уже заказан, все в радужном ожидании. Вдруг перед убытием домой поступает команда перешвартовать корабль к другому причалу. Пока экипаж занимается этим делом, автобус преспокойно отвозит в поселок кого угодно только не нас, несчастных. Утром поступает новая вводная, и экипаж занимает старое место. Короче, на колу мочало начинай сначала. Благо, подобные маневры нашим командиром осуществлялись точно и быстро. Командиры же других кораблей перешвартовку производили более медленно и грубо. Их команды выдерживали большую психологическую нагрузку. В мою бытность в Павловске материально-техническая составляющая базы постоянно росла, велось активное строительство. При мне построено пятиэтажное здание казармы, где на первом этаже разместился штаб 21-й дивизии, особый отдел, политотдел. Остальные этажи заняли экипажи. Ясное дело, условия жизни личного состава в новых кубриках значительно улучшились. Постоянно велись работы по благоустройству военного городка, продолжалось строительство новых причалов.

Я долго думал, стоит ли выделять рассказ о трудностях военной судьбы в отдельную главу, ведь по сути любое повествование о жизни, как и сама жизнь, — это преодоление трудностей.

Праздник человек свободно идет по битой дороге, никуда не спешит, смотрит по сторонам, любит миром. Тут ему случился камешек, и он о него споткнулся. Вот незадача — ударил палец, теперь стало неудобно идти, больно. Путешественник хромает, вынужден мало того что шагать медленнее, но и предпочесть что-то одно: по-прежнему изучать окрестности, опять рискуя споткнуться и получить ушиб, или смотреть под ноги и обходить препятствия. Выбор! По необходимости.

А если ему надо будет этой же дорогой возвращаться обратно, допустим в темное время, когда камней не видно, то во избежание новых травм придется убирать камни с дороги. Наклоняться, подбирать их и отбрасывать в сторону! По необходимости.

Любое действие выполняется по необходимости — даже незанятым человеком, ничем не связанным, независимым. И любое действие — умственное, как выбор, или физическое, как очистка дороги от камней, — это работа.

Значит, работа — это досадная помеха делать то, что хочется, и противная необходимость делать то, что нужно. Работа — это ограничение в свободе, подавление побуждений души, принуждение к труду, насилие над волей. Хотя рядом никого нет — нет субъективного диктата! Но есть диктат объективный — сама жизнь.

Вот и замкнулся круг: жизнь — это вынужденная и постоянная борьба с трудностями.

И все же у военного человека, как и у любого другого, есть трудности, связанные с его профессией, с его неповторимым занятием, определенным ему судьбой. И коли выбирать судьбу защитника Отечества, то к этим трудностям надо быть готовым.

Эх, кибитка кочевая...

Наш пресловутый быт, все тот же неизбежный быт... Конечно, если смотреть на него со стороны, то это просто студенческое житье-бытье, без имущества, когда каждый год ты получаешь в общежитии место в новой комнате, с новыми жильцами. Да и общежитие не всегда благоустроенное, и расположено оно далеко от места работы, куда добраться не просто — стоит труда и времени.

Главное другое. Чаще всего военный человек находится на секретном объекте, в запретной зоне, где в целях сохранения своего режимного статуса просто не может быть, не должно быть желаемых сервисов в виде дорог или особенного снабжения, выпадающего из общего фона. Было бы смешно, если бы к каждому пирсу, где стоит атомная подводная лодка, вели шоссе и дороги. Нет уж, наши секретные объекты должны были вписываться в пейзаж, в

жизнь края, должны камуфлироваться, маскироваться, сливаться с окружением, и не бросаться в глаза. Это одно из непрременных условий! Вот это надо всегда понимать и помнить. И не сетовать на неудобства, а готовиться к ним и с их учетом строить свою жизнь и деятельность.

Однако для этого требуются пронизательный ум, практическая сметка, определенное воспитание и сила воли. К сожалению, это все приходит с возрастом. И блажен тот, кто умеет прислушиваться или присматриваться к старшим с тем, чтобы воспользоваться их опытом за неимением своего.

Приведу несколько примеров из моих наблюдений за судьбами товарищей и из услышанных от них рассказов.

К Севке Горовому, знакомому мичману, в свое время воспитанному провинцией, настоящему статному красавцу, но простаку, приехала невеста. Это была Тамара, девушка, с которой он познакомился в Ленинграде, когда учился там своей военной профессии. Девушка более чем скромной внешности, неказистенькая. Была она что называется из хорошей семьи, с традициями, сама с образованием, но уже с предысторией, то есть хлебнувшая горя. Может, это ее и угнетало, делало незаметной. Такие разные, они, тем не менее, поженились.

Ну что мог ей предложить неустроенный по обывательским меркам муж, находящийся на высылках, где нет увеселительных заведений, нет работы и нормального жилья? Даже не жилья, а уклада — какой-то стабильности хотя бы в привычках, в расписании семейных событий! Все это находилось в подвешенном состоянии, все было зыбко, временно, туманно. Все, кроме их желания быть вместе, объединить миры своих душ в одно целое. Сравнивая сельского парня Севку и до последней капли городскую Тамару, никто не думал, что из их брака выйдет толк.

К тому же Севкина избранница, по-моему, имела довольно редкую специальность, была полиграфистом. Ясное дело, работы нет, муж на работе, дома неуютно, заняться нечем — конец счастью. Но молодая женщина не стала маяться скукой или дурью,

она нашла себя. Банально, но это оказалось рукоделие. Сначала она вышила крестиком Севкин портрет, потом заразила примером подружек, далее организовала при Доме офицеров курсы художественной вышивки, за этим пошли конкурсы, выставки, возникли настоящие произведения искусства.

К Тамаре на обучение начали приходить девочки-школьницы, через них она познакомилась со многими семьями местных жителей. Ее общение стало обширным и интересным. У нее просто не осталось проблем, потому что любая из них решалась при безотказной помощи знакомых, любые неурядицы улаживались с участием благожелательных людей. Севка обожал приезжать домой и купаться в Тамариных рассказах, в ее размышлениях о своих занятиях. Дело даже не в том, что она поила-кормила его, нет, — она создавала для него атмосферу полноценной жизни, наполненной не жаждой жратвы и шмоток, а духом природы, силой человеческих качеств, чего-то неуловимо светлого.

Заочно она поступила в институт на факультет искусствоведения, начала писать статьи, публиковаться.

Не знаю, что было бы дальше на этой ее стезе, но через пару лет у них с Севкой родился ребенок. Да, тут потребовалась помощь, как мы говорили, Большой Земли. И Тамара на год уехала к родителям, чтобы поднять малыша. Год — не вечность, всего двенадцать месяцев, истек быстро. Молодожены с честью выдержали испытание разлукой и снова были вместе. Но теперь уже сцементированные заботами о новой жизни, в которых ни скуки, ни отпусков не бывает. Роль родителей — вечная.

И таких семей у нас было много. Только ведь человек привыкает видеть хорошее, оно перестает им замечаться, и порой со стороны представляется кислым прозябанием.

Зато я вспоминаю двух подружек, Катю и Зину. Катя — с шикарными темными волосами до пояса, пышными, вьющимися. Личиком приятная, правда, слегка косила взглядом, но почти не заметно, ей это лишь добавляло очарования. Фигурка точенная, по-кошачьи гибкая, талия тоненькая. Картинка! А Зина другая, более

сдержанная, скромная. Черты лица у нее были более правильные, но какие-то мелкие и бесцветные, непоказные — как и вся она. Волосенки жиденькие, светлые. Она их заплетала в неказистые косички, словно подчеркивала, что даже и ухаживать за ними не стремится. Так и ходила с двумя хвостиками, на кончиках которых болтались пластмассовые прищепки для волос. Фигурой она была выше и плотнее подружки, но тоже славная.

Не знаю, как они появились в Техасе, но были не местные. Кажется, приехали по направлению после окончания техникума то ли медицинского, то ли технологического по приготовлению пищи, а может, кто-то из офицеров или мичманов посоветовал приехать или даже привез. Обе такие яркие, заводные, смешливые, хорошо танцевали. Прямо явно читалось по ним, что они хотят замуж. Не заметить их было нельзя. На них многие поглядывали, несмотря на обилие других девушек, между претендентами даже случались конфликты. Конечно, девушки своего добились. И парни им хорошие попались, степенные, спокойные. Я их хорошо знал. На Катерине женился Сергей Иванников, мичман, огонь, а не парень. Только и того, что ростом низковат, но смотрелись в паре Катя и Сергей хорошо. А на Зине — Алешка Жданов, скромняга из башковитых интеллектуалов, хотя красивый парень, высокий, стройный, гидроакустик из соседнего экипажа.

Вот тут казалось, что пары подобрались что надо — не разлить их водой. Свадьбы гуляли в один день.

И что? Опять не угадала людская молва. Катерина через полгода загуляла, завертелась так, что Сергей впал в панику, не знал, что с ней делать. Ему бычок (командир БЧ) по-доброму советовал мягко приструнить ее и ждать, мол, она остепенится. Ну, ладно. Проходит время, появляется у них девочка — хорошенькая, манюсенькая, как игрушка... Да только не от Сергея. Ну как жить парню с такой ношей и с позором? Все знают, что ребенок нагулянный, знают с кем... Развелся с ней Сергей.

А Зина начала в сопки ходить. Да. Так просто — ходить в сопки, чтобы слиться с природой. Разговаривала с деревьями,

русалок на них искала, слушала шелест листвы, птиц, внимала их пению. И подпевала им. Потом купила гитару, самоучитель по игре на ней... Увлеклась музыкой и бросила нашего Алешку, поехала домой, хоть он ей и не мешал. Но и удерживать не стал, не приведи Бог, она бы тут рассудок потеряла!

Я не напрасно сказал о мире души, ибо плотское вожделение, которое чаще всего вспыхивает первым и притягивает людей друг к другу, со временем проходит. И кто этого не понимал, тот сторал и травмировал себя и своего избранника. Жизнь, построенная на слепой влюбленности, недолговечна. Зато взаимопонимание и дружба, служение высшим смыслам сплачивают людей навсегда.

Вывод: Не женитесь по первому побуждению, по страсти. Старайтесь найти общие ценности и на них выстроить духовное родство. Оно крепче кровных уз.

Да дороги дальние...

Отдельно надо сказать о транспорте в виду того, что мы, пахари моря, были крепко зависимы от него. Дело тут не в плохих условиях, а в объективных обстоятельствах: где-то на безопасной суше было наше жилье, а за десятки километров от него — субмарины. Свои машины были далеко не у всех и как правило не у экипажных товарищей. И вот когда наш служебный транспорт подводил, проблема возникала серьезная, я уже упоминал о ней вскользь.

Эту тему я не сразу решился затронуть, обсуждал ее со своей знакомой, советовался. Говорю ей, мол, в транспорте заключалась изматывающая проблема. А она смеется.

— Надо было купить велосипед, — отвечает. — Подумаешь, проехать тринадцать километров по отличному шоссе — это чих кошачий, а семь километров бездорожья — для разминки.

А мы с зонтиками стеснялись ходить! У нас были свои представления о достоинстве моряка, офицера, вообще военного. Да ни за что бы мы в форме не сели на велосипед! Не знаю, может она шутила, моя знакомая.

Ну вот нет нашего автобуса, и что делать? Мы пытались сесть в автобус чужого экипажа. Каждая такая посадка напоминала картину В. И. Сурикова «Взятие снежной крепости», изображающую старинную масленичную забаву — штурм построенной из снега крепости. Так вот при штурме автобуса каждый думал только о себе и не всегда пропускал вперед старшего по званию, должности и возрасту товарища. Напор желающих иногда был столь велик, что создавалась влекущая сила, заталкивающая в автобус всех подряд без разбору. Сегодня может показаться, что я сгущаю краски, как показалось это моей смешливой знакомой. Нет, не сгущаю. Прошло более тридцати лет, а я помню те баталии и свои тогдашние эмоции. Хотя, глядя с дистанции времени, сам удивляюсь: велосипеда стыдились, а создавать давку при посадке в автобус — нет. Да уж, латинское крылатое выражение «O tempora! O mores!» — по-нашему «O времена! O нравы!» — является непреходящей истиной.

Задача чужака закрепиться не в своем автобусе не всегда была по силам. И не потому что там физически не хватало мест, а по более прозаичным причинам. В Вооруженных Силах существовало непреложное правило — транспортное средство, перевозящее людей, сопровождалось ответственным лицом. А это ответственное лицо, офицер или мичман, придирчиво осматривало пассажиров и следило за тем, чтобы в салоне не было посторонних. Незаконно присутствующие там в момент осмотра лазутчики пригибали головы, отворачивались, почесывали лицо, прикрывались, однако маленькие хитрости не всегда помогали. Если не хватало сидячих мест для законных членов экипажа, дежурный в нелицеприятной форме предлагал чужаку покинуть автобус. На страдальческом лице лазутчика можно было прочесть злость, разочарование, обиду за несбывшиеся надежды. С неуютным чувством он выходил из автобуса.

В подобную ситуацию не раз попадал и я. После позорного выдворения у меня возникало такое чувство досады и обиды на весь белый свет, что хотелось тупо выпить. Некоторые так и делали, более того, назавтра не являлись на службу, и тогда у них возникали проблемы другого порядка.

Ради справедливости следует заметить, что подобные случаи, когда нам не подавали свой автобус, были все же исключением, а не правилом. И потом — строгости в отношении стоящих пассажиров не были излишними, а наоборот, диктовались самой жизнью. Дорога пролегла по сопкам, имела крутые повороты, и соблюдение правил безопасности выходило на первое место. Был случай, когда автобус потерпел аварию, и большая часть пассажиров, не имевших под собой опоры, получила переломы конечностей. Гаражные службы к безопасности пассажиров относились ответственно и строго инструктировали своих водителей. Случалось, когда старшим машины назначался добренький, понимающий офицер и салон автобуса забивался толпой. Тогда матрос-водитель покидал кабину и отказывался ехать пока лишние не выйдут.

Обычно со службы офицеры и мичманы ехали в веселом и оптимистичном настроении в предвкушении домашнего уюта и женской ласки. Утром же, при возвращении в часть, в автобусе царил строгая сосредоточенность, моряки выглядели бодрыми, строгими, суровыми — их ждала служба.

Иногда мы предлагали друг другу пройти пешком семь километров, до трассы Владивосток-Находка, а там тормознуть рейсовый автобус или попутку. Что сделать не всегда было просто. Ведь стоило тебе двинуться с места, как за тобой увязывался хвост, и желающих поймать попутку оказывалось более десятка. Правда, моя память не сохранила ни одного случая, чтобы кто-то, дойдя до развилки, повернул обратно. Всегда находилась добрая душа, которая подвозила нас до поселка.

В качестве примера пеших прогулок приведу два случая. Экипаж капитана 3-го ранга Николая Ивановича Лазарева вернулся из автономки. По какой причине не был заказан автобус для перевозки в поселок свободной от вахты смены, не скажу. Может, произошло внезапное изменение планов, например, первоначально, перед возвращением с моря, экипаж должен был сдавать задачу, а затем поступила другая вводная команда. Пока входили в бухту, пока швартовались, время подачи заявки вышло. А тут командир

разрешил сход на берег. Для молодых, здоровых моряков расстояние в двадцать километров не явилось препятствием. Желание встретиться с родными и близкими переполняло души подводников. Замечу, что полное автономное плавание составляет семьдесят восемь суток. И все это время люди находятся в стесненных условиях лодки, что приводит к их низкой подвижности и как следствие к ослаблению мышц. К тому же воздух в отсеках насыщен вредными примесями, что дополнительно ослабляло их физическое состояние.

Через полчаса быстрой ходьбы и усиленного дыхания свежий лесной воздух переполнил легкие, отчего у путешественников слегка закружились головы. Не зря у нас говорили: «Советский моряк — самый выносливый моряк в мире!». Без сомнения, данную аксиому подтверждаю, так как сам слышал рассказ знакомого мичмана из этого экипажа, что люди до полуночи уже были дома. И утром, после бурной ночи с любимыми женами, бодро и весело исполняли команды старпома.

В другой пешей прогулке участвовал я сам. Дело было летом. Получив сход на берег, я отправился в поселок. По дороге зашел на почту, послал маме почтовым переводом деньги. Походил по магазинам, купил сладостей, с удовольствием погулял по рядам книжной лавки, посмотрел в кинотеатре «Спутник» новый фильм, а на вечер забурился в ресторан «Дельфин». По принципу «третьим будешь?» познакомился с еще двумя себе подобными. Хорошо посидели. С разводом не повезло, и снять безотказных девиц не удалось.

На ночлег не устроились, так как своего жилья у убежденных холостяков в поселке не имелось. Хотя на лодки мы могли вернуться только утром, но делать было нечего — отправились в Павловск на ночь глядя. Из-за позднего времени попуток не оказалось. Все двадцать километров наш путь освещала только луна. А вот с собутыльниками мне не повезло, так как Василий П. еле держался на ногах. Приходилось прилагать немало усилий, чтобы не оставить его в беде. Когда мы свернули с трассы в направлении Павловска, водочка, выпитая Василием, вошла в явное противоречие с его желудком, и он периодически отлучался на обочину.

Потом добавились новые проблемы — попросив подождать, Вася углубился в чащу. Ждать мне пришлось недолго, скоро из лесу послышалось грозное рычание. Говорят, у страха глаза велики, так вот это правда. Не знаю, кто это был, уссурийский тигр или медведь, которому не понравился запах Василия, знаю точно, — мой друг выскочил из чащи со спущенными штанами и выпученными глазами. Куда и хмель подевался! Да и я, признаюсь, давно не бегал с такой скоростью. Очень не хотелось объясняться с лесным обитателем по поводу наших ресторанных походов. Что бы мы ему сказали, если были неправы, ведь можно было покинуть ресторан и до отъезда последней машины? В общем, мы попали на базу хорошо отдохнувшими и почти трезвыми, а главное — удовлетворенными своими высокими показателями в беге. Это увольнение на берег запомнилось на всю жизнь.

Повествование будет не полным, если я не скажу несколько слов о зимних поездках. Зимой коэффициент сложности нашей дороги от поселка до места службы значительно возрастал. Когда выпадал снег, ее заметало так, что дорожным службам на расчистку приходилось тратить несколько часов. Но еще до этого из-за больших уклонов машины укатывали трассу так, что ее поверхность превращалась в каток. Песок подвозился с опозданием. А без абразива машины заносило, и водителям удерживать их было сложно. Следуя в колонне на базу, часто можно было видеть лежащие в кювете автомобили. Если у нас было хоть несколько свободных минут, то по принципу морского братства мы оказывали им помощь.

Вывод: Помни о мере вещей: нельзя на отдыхе расслабляться так, чтобы забывать о необходимости вовремя и в хорошей форме возвращаться на службу.

Главный фактор

Но самая главная трудность состояла в другом — в коренном противоречии между службой на новейшей субмарине и примитивным бытом в богом забытых дырах. Состыковать это никак не

удавалось, откуда и появлялось неудовлетворение своим местом в жизни. Кто-то винил себя, а другой брюзжал на государство. Кто-то держался, а иные запивали или шли на сделки с совестью... Наверное, только человек, очень подготовленный психологически к такой жизни, смог бы мгновенно перестраиваться так, чтобы на работе чувствовать себя повелителем стихий, а вне ее — жителем девственно неустроенного мира.

В самом деле, Родина дала нам новейшие знания, навыки управления самыми передовыми в мире военными машинами, она сделала нас профессионалами, каких в мире было не так уж много. Мы понимали и ощущали свою исключительность. Наша страна определила нас на ответственную службу, где мы влияли на судьбы народов. Это все необыкновенно поднимало нас в собственных глазах. Мы ощущали себя если не наперсниками богов, то героями.

В нас необыкновенно высокими были те человеческие качества, которые касались выполнения своих обязанностей. Ученые давно заняты вопросами оптимального подбора людей в обычный трудовой коллектив. Но еще большая озабоченность существует вокруг психологической совместимости сотрудников, соратников, находящихся в закрытом пространстве. Здесь должны служить люди особого склада: кроме того что крепкие физически, но и психологически устойчивые, эмоционально уравновешенные, с высоким чувством ответственности. Чем сложнее техника и чем более разрушительно оружие, тем выше ответственность, а значит, и морально-психологические нагрузки на обслуживающих их людей. В таком коллективе имеет важное значение, кто находится рядом и насколько надежно чувство локтя.

Для доказательства того, что монолитность экипажа — это неперемное объективное условие, выливающееся в элитную этику, расскажу о таком. В Вооруженных Силах существует непреложное правило «зачет по последнему». В этом случае в расчет берется не лучший показатель, а наоборот — самый худший, по нему и выставляется оценка всему подразделению. Для иллюстрации характерен такой пример, когда какое-то подразделение, выполняя

боевую задачу совершает марш-бросок и преодолевает расстояние, то боевая задача считается выполненной только тогда, когда условную черту финиша пересечет последний боец. Чтобы уложиться в норматив более крепкие бойцы берут у слабого оружие, вещмешок, а если потребуется, то и на руках донесут. Это военнослужащих воспитывает в духе коллективизма и взаимовыручки. Один не уложился хоть в последнюю секунду, все подразделение считается не выполнившим боевую задачу.

И флот не исключение, здесь сама специфика диктует оказание помощи в трудную минуту, взаимовыручку в крайнем положении, самопожертвование, когда по-другому нельзя. Здесь должна соблюдаться психологическая совместимость подводников в самой высокой ее концентрации. Это и есть та уравнивающая всех планка, хотя до какого-то момента тебе кто-то может чем-то не нравиться по душевным или иным качествам. Это у моряков достигается каждодневными тренировками по борьбе за живучесть подводной лодки. Когда тебе кто-нибудь нечаянно в запарке двинет деревянным брусом в живот или на ногу поставит металлический раздвижной упор. В ответ также доброжелательно отзовешься по матушке и пошлешь своего товарища не очень далеко. Но именно так достигается совместимость и не только психологическая. Но и физическая, чтобы в реальной обстановке действовать правильно и слаженно.

Вот такой жизнью мы жили, заряженной интеллектом и высочайшей требовательностью к нравственным качествам друг друга.

А потом сходили на берег и окунались в банальную неустроенность ...

Так вот быт и окружение не соответствовали нашему статусу, каким мы его в себе невольно чувствовали от своей избранности, от играемой роли в сохранении мира на земле, от подводничьего предназначения.

Об окружении я уже писал. Да... Увы, нам часто приходилось жениться второпях, на случайно подвернувшихся претендентках, глупых и не понимающих своего счастья... Ибо выбор наш был

невелик: унылые одноклассницы да девчонки с городских танцулек и рабочих общежитий — сплошь туповатые, вовремя не поступившие в вуз или вообще не мечтающие об этом ввиду своего низкого развития, да еще с вульгарными представлениями о прекрасном. Специально об этой стороне нашей жизни никто не заботился, а сами мы не имели возможности ходить по музеям, выставкам и спектаклям, чтобы найти себе человека по душе, по масштабу личности, с мало-мальски развитыми духовными запросами. Военный человек себе не хозяин, так как принадлежит государству по велению избранного ремесла. Бытие военных людей похоже на жизнь крепостных крестьян, «приписанных» к войсковой части.

Сейчас мне даже странно, что официальные идеологические работники так много упустили в том, что касалось влияния на нас нашего домашнего окружения. И страшно, когда вспоминаю, какими мужскими умами, какими крупными военными руководителями порой руководили сущие курицы с мещанской психологией.

Вывод: В каждом из нас все должно быть равно-масштабно: профессия, культура, спутница жизни, быт — тем более что главный фактор тут указать трудно. Если что-то одно не дотягивает до остального, то появляется дисбаланс качеств, уродующий суть человека, снижающий градус его значения. И чаще всего это отражается на мировоззрении, низводя его до низменных приоритетов.

Реквием укрытию для субмарин

Отдельно расскажу о создании уникального объекта — гавани-укрытия для подводных лодок. Это была грандиозная стройка, каких во всем флоте велось мало. Строительство, о котором речь, началось в 60-е годы, когда в одной из прилегающих к бухте скал развернулась работа, весьма долго набирающая обороты. Еще и при мне она тут кипела круглосуточно. Возглавляли ее строители Министерства специальных монтажных работ из Москвы. Под наблюдением мастеров-метростроителей военные строители пахали

на совесть, к сожалению, чаще чем хотелось бы используя метод «три солдата заменяют экскаватор» в местах, где без ручного труда обойтись не удавалось. Собственно, этим и объяснялись медленные темпы реализации этого плана.

Территория, огражденная колючей проволокой, являлась режимной зоной, и мы ее называли полигоном, строителей — гидробатовцами. Военнослужащие гидробатальона, были по сути те же стройбатовцы, ибо служили два года, как обычные солдаты. По окончании службы, перед дембелем (увольнением в запас), некоторые из них покупали в военторговском магазине морскую форму и в ней возвращались домой. Как это делают настоящие моряки, они подгонять форму по фигуре не умели, и она сидела на них, как «на корове седло», выдавая самозванцев. Видя таких матросов, годки посмеивались. Но это мне вспомнилось просто попутно.

По техническим характеристикам противоатомный тоннель — это сложнейшее гидротехническое сооружение. Для его возведения необходимо было проделать огромную сквозную дыру в скалистой сопке.

Скорее всего, полной тайны сохранить не удалось, и в матросском фольклоре вдруг начали циркулировать недоброжелательные измышления о несчастье, с которого все началось и которое якобы стало символом тщетности наших стараний. Говорили такое: однажды во время взрывных работ большим камнем прибило солдата-стройбатовца, сидящего в деревянном нужнике, мол, как хотите, но это судьба, хотя, для родителей, отправивших сына в армию, это невосполнимая утрата. И дополняли еще более циничным выводом, что казенное выражение «погиб при исполнении воинского долга» — не пустые слова, а гуманное отношение к простому человеку.

Явно сварганенные полными невеждами по принципу «пипл схавает» и запущенные из-за океана, эти бредни не предполагали даже приблизительного сходства с истиной того, как выполняются подобные работы. Обидно, что наши люди любят много смеяться и мало думать, иначе они бы не передавали из уст в уста аналогичные глупости, прекрасно зная, что такого случая просто произойти не

могло. Ведь за сутки до производства взрывных работ с площадки определенного радиуса по всем правилам техники безопасности убрали всех людей, проверяя их по спискам. Почему мы так беспечны?

Я так понимаю, что выявлением и предупреждением внутреннего нездоровья нашего советского общества занимались замполиты, а обеспечением внешнего благоприятного климата — особысты. Но почему они все вместе пропускали такие мячи в наши ворота?

Вывод: Низкое зубоскальство, бездумное отношение к морали, высмеивание не себя, а своей безопасности... ничем нельзя оправдать, ибо любое поражение начинается с потери духа, с подмены человеческой подтянутости и бодрости расслабленным ржанием. Армия и флот постепенно теряли бойцовскую заряженность солдат и матросов, все больше наполняясь любителями балаганов, а наши идеологи делали вид, что ничего не замечают.

Остается только еще раз вздохнуть и добавить сетования по поводу воспитания наших офицеров, особенно обстановки в их семьях, создаваемых женами. Очень жаль, что многие из командиров всех рангов там напивались совсем не тем содержанием и настроением, которое нужно было для качественного выполнения воинского долга, для демонстрации своим подчиненным человеческой состоятельности и безупречности.

Тем не менее к строительству укрытия высшая власть относилась очень серьезно. Сам за себя говорит тот факт, что в разные годы на секретном объекте побывали Главком ВМФ СССР С. Г. Горшков, Министр обороны А. А. Гречко, а затем и его преемник Д. Ф. Устинов.

В этом укромном местечке предусматривалось место для размещения четырех современных ракетноосцев у причальной линии и пяти экипажей в казармах. Отводилось много места для оборудования по обслуживанию лодок, складских помещений. Высота ангара составляла около 25 метров, общая площадь подземной гавани — примерно 4 тысячи квадратных метров. Лодка, оставаясь неуязвимой, могла производить пуски ракет по целям через вертикальную

шахту шесть-восемь метров шириной, закрывавшуюся подвижной крышкой. Внутри ангара даже летом, в жару, температура стояла невысокая — восемь градусов. Лодка в туннель должна была входить в подводном положении, а для точности вхождения — ориентироваться по специальному кабелю с электромагнитным излучением.

Сам я внутри не был, о характеристиках объекта слышал от товарищей по службе. Уже после нас, в 80-е годы, строительство начало терять темпы и объект не достроили, хотя оставалось соорудить бетонные гидрозатворы, провести некоторые внутренние работы. А в 1991 году стройка вообще остановилась, так как был подписан первый Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (согласно ему СССР и США должны были в течение семи лет сократить свои ядерные арсеналы). Советская сторона в числе прочих договоренностей обязалась прекратить строительство подземных сооружений в Павловске, чтобы не допустить в них плавучие средства любого водоизмещения. Эффективный контроль над этим обеспечивался и обеспечивается до сих пор с помощью национальных технических средств. Секретный объект законсервировали, выставили охрану. В таком недостроенном состоянии он находится по сей день.

Как горько писать об этом! Ведь жизнь народа начинается с обеспечения его безопасности, продолжается ею и ею же благословляется в будущее. И в условиях, когда нас раздробили, загнали по своим углам и поставили на колени, самое главное — перестать веселиться и вернуть себе идеологическое здоровье.

Бесполезно задним числом проповедовать о вреде разоружения, повторять о том, что разоружение начинается не со сдачи в металлолом военной техники, а гораздо раньше — с повреждения людей в уме, с опасной иронии, с пораженческих убеждений, с неправильного понимания слов «враг» и «победитель». Некоторые считают их политической риторикой, ничего общего не имеющей с реальной жизнью маленьких людей, и призывают к толерантности к захватчикам. Им не лишне вспомнить парижское выступление Дорлорес Ибаррури, которая в 1936 году, перефразировав афоризм Та-

цита «Достойная смерть лучше постыдной жизни», сказала умную и справедливую фразу, более конкретную: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Так вот разоружение начинается тогда, когда люди надеются, что им позволят жить на коленях, причем весело и сытно.

Чтобы понять, что сейчас об этом речь уже не идет, что напрасно на это надеются те, кто предает наши общие интересы, достаточно посмотреть на происходящее в странах третьего мира, куда мировой агрессор на крыльях ракет несет свою лживую демократию. Там властвуют обнищание, болезни, смерть и методы гуманного геноцида: сексуальные извращения, губительные пристрастия, культ плотских наслаждений — все, что способствует прекращению воспроизводства народов. И откровенные убийства детей и стариков в упаковке якобы добровольной эвтаназии.

Соглашаться так жить — это и есть разоружение.

На флаг и гюйс смирно!

Служба в экипажах на подводных лодках, находящихся в первой линии, сумасшедшая — все делалось быстро и бегом, в экстраординарном порядке и бешеном темпе. Создавалось впечатление, что если что-то сегодня не сделаем, то все будет перечеркнуто войной, которая начнется сию секунду или через час. Сказанное подтверждают слова историка флота Николая Андреевича Черкашина, опубликованные в книге «Чрезвычайные происшествия на советском флоте»:

«Атомный и дизельный подводный флот страны был самым крупным в мире по числу кораблей и, пожалуй, самым напряженным по коэффициенту эксплуатации, по длительности и дальности океанских походов».

Этот ритм «бил ключом по голове» каждого члена экипажа, и наполнял наш ратный день большим количеством событий и неотложных дел. Далек не каждый из мичманов выдерживал его. Морская служба вообще оказывалась не каждому по плечу. И не всегда отданные ей силы превращались в дела, остающиеся жить после нас. Довольно часто наши усилия сливалось за борт

флотской жизни, мы увольнялись на гражданку и от всей нашей суеты оставались лишь воспоминания. Да, такие мысли настроения порой бродили в мыслях от усталости и однообразия.

И я, конечно, неправ. Я раздавлен тем, что не стало нашей страны, которой мы служили. Отсюда и рефлексии, что все было зря. Но мы поддерживали боеготовность Флота и этим утверждали мир на земле, в этом и состояла наша главная задача. При нас не было и не могло быть кровавых событий в Югославии, Ираке, Ливии, Египте, Сирии... Вот что натворил развал СССР.

Но вернемся к тем далеким дням. Распорядок дня был расписан по минутам. Автобусы первой очереди выходили из поселка Тихоокеанский в 06.30. После часа езды, служивые шагали в казарму, а оттуда в столовую на завтрак. Затем весь экипаж строем шел на службу радиационной безопасности (СРБ), где переодевался в спецодежду, называемую «эРБе». На куртке (на нагрудном кармане), на брюках (на правом колене) были нанесены буквы РБ — радиационная безопасность, на обуви и головном уборе — белые треугольники. Эта форма не должна была покидать пределов атомной подлодки и территории, огражденной службой радиационной безопасности. Отсюда направлялись на пирс. Если опаздывали, то бежали. Там в 07.45 строились в две шеренги лицом к кораблю. После короткого инструктажа, ровно в 08.00 дежурный по кораблю, командовал экипажу:

— На флаг и гюйс смирно!

Более торжественного момента представить себе нельзя! Иногда в момент этой команды мурашки пробегали по телу, так как на всех кораблях одновременно поднимался Военно-морской флаг и гюйс — морской флаг особой расцветки, поднимаемый на носу военных кораблей первого и второго ранга, когда они стоят на якоре. За все время моей службы не было случая, чтобы по какой-то причине произошла задержка этого очень важного для флота, обязательного, как восход солнца, ритуала.

Подъем флага — это и точка отсчета жизни корабля и каждого члена экипажа, обслуживающего его весь день, и деталь, подчер-

квивающая важность нашего дела. Вечером флаг и гюйс спускались. Солдаты срочной службы после увольнения из Советской Армии еще долго помнят команду «Рота подъем!». Для матросов ВМФ (даже не очень примерных) подъема флага имел большее морально-нравственное и воспитательное значение. Нет ни одного моряка, который бы служил на боевом корабле и не сохранил в памяти этот ритуал, пережитый с ним трепет души, этой традиции, свидетельствующей о принадлежности к общности, называемой Военно-Морской Флот СССР. Именно эта церемония заставляла нас каждый день являться на службу без опозданий и была серьезным посылом к конкретным действиям согласно служебным обязанностям.

В свою холостую пору, не имея жилья в Техасе, я из увольнений возвращался на корабль вечером или ночью, не откладывая возвращение на утро. Смысл заключался в том, что утром не опоздаешь на службу, тебя наверняка разбудят и поднимут, невзирая на твое вялое состояние после вечернего бражничества.

После подъема флага и гюйса, мы по одному проходили по сходам и поворачивали головы в сторону Военно-морского флага, прикладывали руку к головному убору, отдавая ему честь. И только после этого спускались внутрь прочного корпуса атомохода.

Начинался осмотр и проворачивание оружия и технических средств корабля вручную, электричеством, гидравликой. Каждое действие производилось по команде из главного командного пункта (ГКП), репетуется и контролируется в отсеках командирами всех степеней. Затем начинались учения по борьбе за живучесть при пожаре или поступлении воды в отсек. Проводились планово-предупредительные осмотры (ППО) и планово-предупредительные ремонты (ППР). Все это завершала большая или малая каждодневная приборка — на флоте приборки олицетворяют начало и конец практически любого мероприятия, а то и просто являются фоном корабельной жизни. Несколько приборок в день, которые кажутся бесконечными по своей продолжительности, изматывают личный состав больше морально, чем физически. Частенько ими просто заполняют образовавшуюся брешь между

другими мероприятиями или вдруг случившимся организационным вакуумом. В таких случаях к приборке личный состав относился формально, и просто шхерился по закуткам и щелям. А командиры среднего звена (не удержусь от крамолы) в равной степени со своими подчиненными утомленные однообразием, равнодушно взирали на игнорирование ими обязанностей по приборке и сами мечтали о том, чтобы превратиться в простого моряка лишь затем, чтобы где-нибудь в выгородке или укромном месте безответственно покемарить часок-другой.

Кстати, на нашей лодке согласно штатному расписанию большую часть должностей занимали офицеры и мичманы, и лишь незначительная часть экипажа укомплектовывалась моряками срочной службы. Поэтому, когда занимались приборкой, то все наводили порядок на своих боевых постах и даже офицеры брали в руки тряпку и веник. Что уж говорить о мичманах, некоторым приходилось убирать даже гальюны.

После моциона, устроенного кораблю, экипаж также строем, обязательно через СРБ, с обязательным передеванием, двигался на обед, после которого наступал знаменитый «адмиральский час». Затем экипаж отправлялся или на корабль, или в учебный центр, где проводились занятия по специальности. Занятия по вторникам и пятницам проводились под руководством командира боевой части или начальника службы в специально оборудованных кабинетах.

Например, мы, минеры, штудировали схемы устройства торпед, закрепляли навыки пользования системами пожаротушения. А командир лодки, старпом, помощник и вахтенные офицеры (командиры БЧ-1, 2, 3) тренировались в составе корабельного боевого расчета (КБР) по выходу в торпедную или ракетную атаку. Первая боевая смена, заступающая на вахту в 18.00, готовилась к наряду, а в казарме оставалась вторая боевая смена. После этого офицеры и мичманы третьей смены могли убыть в поселок.

Вдобавок к сказанному хочу покаяться и выразить свое негативное отношение к сослуживцам, имитировавшим активную

деятельность в присутствии командиров. Двойные стандарты мне были попросту противны. Может быть, потому что в детстве я сам этим грешил. Например, прогуляю после уроков весь день на улице, а с приходом мамы с работы изображаю дома усталость от выполнения домашних заданий. Как результат — невысокие оценки в аттестате зрелости. Став взрослым, я поумнел, и мне претило, когда я видел, что морячок ни хрена не делает, а при появлении офицера изображает жужжащую пчелку, которая уже не один час долго и утомительно трудится, наводя блеск и чистоту.

Из-за своей прямолинейности я часто попадал в конфликтные ситуации. К сожалению, иногда доходило до рукоприкладства.

Наряды

Выше рассказывалось о секретном объекте, который мы между собой называли «Полигон». Для того чтобы обеспечить режим секретности, порядок при доставке грузов и стройматериалов, от экипажей подводных лодок выставлялись наряды на КПП № 2. Мне довелось не единожды, вооружившись пистолетом, нести вахту в карауле или быть дежурным пропускного пункта. Наряд состоял из двух мичманов и трех матросов. На время суточного дежурства мы получали сухой паек и на костре варили обед. Помню, как в обычном котелке матрос Рамазан Мухаматдеев из куска баранины, картофеля, моркови, лука с добавлением пряностей и зелени за-бабахал на вид непритязательный бульон.

Вывод: Я впервые с большим удовольствием пробовал татарское национальное блюдо под названием шурпа, его аромат приятно дразнил обоняние, разжигал аппетит. А кусок мяса с дымком от костра и черным хлебом казался пищей богов. Ну, правда, это было вкусно при тех продуктах, натуральных. Не при нынешних, которые без запаха и вкуса...

После дежурств на КПП № 2 Сергея Мальцева и Вани Дурнева наш лексикон пополнился смешливым (прикольным) словом

«шлангбаум». Чаще всего оно употреблялось, когда кто-то «не догонял», точнее — медленно соображал.

Входил в нашу службу и еще один необычный наряд. Когда мы еще жили в казармах 26-й дивизии, нас (молодых мичманов) выставляли в караул. На первый взгляд, кажется абсурдным, что мичман выступает простым часовым. Но дальше будет видно, что в этом нет ничего абсурдного. Просто в бухте на нашей базе периодически проводились учения по ведению борьбы с диверсантами. В роли диверсантов выступали бойцы спецназа. Командование к этим учениям относилось очень серьезно. У противоборствующей стороны, «диверсантов»-спецназовцев, стояла задача проникнуть и «уничтожить» объект (часового). У командиров лодок, командиров и начальников спецобъектов (штабов, складов, гаража) стояла задача не допустить проникновения «врага». В подобных учениях в течение службы мне довелось участвовать в разных ипостасях. Часовым пришлось охранять трансформаторную будку (очень важный объект инфраструктуры). Единственное, чему учили при инструктаже перед заступлением в наряд, — кричать: «Караул!!!» А если без шуток — своевременно подать сигнал о нападении, вплоть до выстрелов в воздух.

Уверен, что каждый, кто хоть раз побывал часовым, испытывал страх, оставшись один на один с ночными подозрительными шорохами, когда каждая кочка представляется крадущимся лазутчиком. Сказать, что я трусил или, наоборот, ничего не боялся, будет неверно. Как и мои товарищи, я опасался, что профессионально подготовленные ребята могут помять мои давно не тренированные бока. С другой стороны, после подачи сигнала, сдаваться на милость «врага» не собирался и при нападении планировал оказать сопротивление. Из тактических соображений я выбрал укромное место в тени кустов, чтобы не светиться на фоне свежесмытой стены. Мышцы невольно находились в постоянном напряжении, а в голове прокручивались приемы из вольной борьбы (мой стаж тренировок составлял 4 года).

Любовь к спортивным единоборствам сопровождает меня всю жизнь. В свои нынешние годы, на шестом десятке лет, я с удовольствием переодеваюсь в кимоно. Выше изложено о некоторых моих похождениях во время отпуска. Так вот тогда я с большим удовольствием посещал спортивный зал, где проводил тренировки по каратэ мой друг Петя Калинин. Этот вид спорта только-только входил в моду и даже находился под запретом. А Петр уже знал и показал несколько приемов, на тренировках мы постигали первые азы восточной спортивной философии. Более того, он снабдил меня очень редкой литературой, доступной единицам. При любой мало-мальской возможности я заглядывал в эти самиздатовские брошюры.

Так вот, оставшись на посту в ожидании спецназовского грома-лы, я в мозгу прокручивал прием «мае гери» — прямой удар ногой в коленную чашечку. Но диверсанты в этот раз не появились, мои ночные страхи оказались напрасными, а по результатам учений мы показали удовлетворительные результаты, и начальство осталось довольным.

И смех, и грех

Жизнь в режимном военном формировании своеобразна. Замкнутость и удаленность от цивилизации больших городов создают особый мир, где на первом месте стоит работа, а на работе — передовая военная техника, самые совершенные изобретения человечества. Вспоминаются слова популярной песни «Перелетные птицы» из кинофильма «Небесный тихоход»: «Первым делом, первым делом — самолеты...» — которую прочувствованно исполнял Николай Крючков. А бытовые мелочи, личные особенности людей отходят на задний план. К тому же каждый офицер, мичман, матрос — это не умудренные опытом старики, а молодые энергичные люди со своими амбициями, ибо «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом».

Вывод: Рядом с нашей молодостью уместились веселье и грусть, смешное и трагичное, умное и глуп-

пое. И все это существовало и пульсировало в условиях исключительной природы и избранности людей, на фоне девственной чистоты, в удалении от толпы и шума, потребительской суеты и развлекательности. Идеальные условия для воспитания настоящей подводничкой элиты! Но этим наши идеологи в высших эшелонах власти не воспользовались, увы. Смешно сказать — сэкономили на быте, не позволили, чтобы подводник, используемый страной на новейших подводных крейсерах, чувствовал себя на том же уровне и дома. Заложили между его службой и бытом такое противоречие, при котором он чувствовал себя униженным перед своей семьей, перед людьми того же масштаба, но проживающими в цивилизованных условиях. И потеряли эту лучшую часть преданного, просвещенного общества.

Осенью и зимой среди нас гулял вирус странной болезни, очаг которой находился на верхнем камбузе. Выше уже говорилось о том, что там питались экипажи всех подводных лодок, базирующихся в бухте. В комплект зимней формы одежды входят кашне и перчатки. Вот они-то и являлись переносчиками заразы. Принадлежности офицерско-мичманского сословия имели подленькую особенность теряться. Каждый потерявший свои вещи шел по пути наименьшего сопротивления — заимствовал у соседа. Пресекая поползновения к таким экспроприациям, мы указанные предметы больше не засовывали в карманы и рукава шинели, оставляемой в вестибюле на вешалке, а аккуратно складывали в шапку и забирали с собой. Смешно было наблюдать моряков, усердно улетающих за обе щеки парующие щи и справляющихся с ускользающей с колен шапкой, из которой вываливались злосчастные кашне и перчатки. И смех и грех.

В более неприятную историю попал Сергей Юдин. Кто-то над ним пошутил: забрал с вешалки шинель и припрятал ее. Оправдывая прозвище «Сеня», Сергей долго и безуспешно искал свою одежду, и, не найдя ее, встал в строй не по форме. В однообразном ряду

одинаково выглядевших моряков он казался голой овцой. Старпом искренне не понимал, что происходит. С возмущением он прогремел:

— Юдин! Почему без шинели!?

— Укра-а-а-али!

— Что значит украли?!

— На ка-а-а-амбузе...

— Иди ищи, бестолочь!

И пошел понурый мичман «Сеня» искать свою кольчужку в ущерб боевой и политической подготовке. На выручку пришел незаменимый Михаил Баграмян. Как у настоящего интенданта, в его закромах нашлась новенькая шинелька.

До нашего прихода и до реорганизации 26-й дивизии ее возглавляли офицеры с красноречивыми фамилиями:

— командир дивизии — контр-адмирал А. П. Катышев;

— начальник штаба — капитан 1-го ранга Г. А. Хватов;

— заместитель командира дивизии — капитан 1-го ранга Н.

Д. Удовиченко.

По этому поводу моряки шутили: «Если уж Хватов ухватил, то Удовиченко додавит, а Катышев откатит — так что неси службу образцово». О легендарном комдиве Катышеве Андрее Павловиче в нашей среде вообще ходили байки.

За верхним камбузом находился своеобразный объект особой важности. Его существование диктовалось, во-первых, жизненной необходимостью, во-вторых, руководящими документами как Генштаба МО, так и Главного штаба ВМФ. Специфика этого объекта заключалась в том, что все вопросы там решались по-свински. Для наведения порядка, урегулирования и устранения недостатков туда с инспекционными целями отправился командир дивизии, будущий Герой Советского Союза Катышев А. П. Инспекция не сложная — обыкновенное рутинное мероприятие. Командир дивизии вызвал начальника береговой базы с соответствующими документами. Выяснилось, что на проверяемом объекте проживает сто двадцать животных и на их кормежку отводится N-ое количество продуктов, в чем комдив решил удостовериться лично.

Через некоторое время он появился на крыльце черного входа в камбуз. Там же в боевом положении находилась подвода с большой металлической бочкой. Рядом — взмыленный кок опорожнял котлы от неиспользованного варева, переливая переболтаные остатки в бочку. Стратегическое сырье в виде пищевых отходов издавало зловонный запах. Зажимая нос, Андрей Павлович спросил у кока:

— Где ваш главный «подводник»?

— Старший подводы зашел на камбуз воды напиться.

Через некоторое время на глазах у изумленного командира гривастая низкорослая лошадка сама развернулась и не спеша направилась в гору, потянув нагруженную подводу. И тогда комдив решил самолично довести до конца начатую проверку, для чего последовал за возком на почтительном расстоянии. Начальник береговой базы в нехорошем предчувствии уныло плелся следом.

— Так сколько у вас на ферме свиней? — спросил проверяющий.

— Сто двадцать точно есть.

После получасовой прогулки путники оказались у распахнутых ворот живописного здания.

Служба тыла Павловска имела на своем балансе подсобное хозяйство. Работало там пять-шесть моряков срочной службы из простых деревенских ребят. Они ухаживали за животными, обеспечивали убой, разделку и хранение мяса, которое затем поступало на камбуз. Служащие свинофермы редко появлялись в казарме и жили по особому распорядку.

Лошадь самостоятельно привела проверяющих на ферму, где их никто не ждал. Грозный адмирал сходу огорошил выбежавшего навстречу старшину второй статьи:

— Кто у вас тут главный «подводник»?

— Я, товарищ... — старшина оказался в явном замешательстве, так как не знал, как обратиться к офицеру, таких высоких чинов он здесь не видел.

— Почему же ваша лошадь ходит без присмотра?

— А зачем ей присмотр, она и сама дорогу знает. Ей в бочку отходов накидают, спину кнутомогреют, и она без сопровождения идет домой.

«O sancta simplicitas» — «О, святая простота!» Восклицание Яна Гуса эхом отозвалось в голове адмирала. Теперь уже он оказался в явном замешательстве. Не обращая внимания на внешний вид матроса-свинара, комдив по-отечески уточнил:

— Так сколько в твоём хозяйстве свиней?

Ответ вверх проверяющих почти в полный ступор.

— А кто их считал? Штук двести-триста будет.

В душе начальника береговой базы закипел котел противоречивых эмоций. Ему казалось, что, с одной стороны, он на героя похож, а с другой — скорее, выглядел полным профаном. Командир дивизии также оказался в непростой ситуации: с одной стороны, люди добросовестно работают, и их не за что наказывать. С другой стороны, ведь нельзя попустительствовать вопиющему разброду и шатанию. Командир дивизии дал команду все привести в соответствие с документами.

Легко сказать, да трудно сделать. Вся загогулина заключалась в том, что свинушки, вскормленные и возвращенные на спецобъекте, нагло и несанкционированно выходили за охраняемую территорию. По-флотски говоря, ходили в самоход. В самоволке имущество береговой базы элементарно радовалось жизни, плодилось и размножалось. Так что на спецобъекте имелось уже не одно поколение свинух, и все они получились в результате скрещивания культурных особей с дикими соплеменниками, которые тоже свободно то заживали на свиноферму, то бродили вокруг нее.

Указание командира дивизии приняли к исполнению. Для этого территорию свинофермы огородили плотным забором, отстреляли всех прирученных диких животных, тем самым пополнив складские запасы мяса. Через небольшой промежуток времени поголовье животных на ферме соответствовало отчетной документации. А по поводу адмиральской инспекторской проверки моряки еще не один год шутили, посещая камбузы в бухте Павловского.

К этому следует добавить еще один штрих. Главный свиляр, старшина 1-й статьи, завел в поселке Анна гражданскую жену и ребенка. Пользуясь свободой, он, моряк срочной службы, обеспечивал мясом не только их, но и жителей всего поселка, невольно подтверждая плакатный лозунг: «Народ и армия — едины». Кстати сказать, этот главный свиновод, демобилизовавшись, остался у своей благодарной гражданской жены, а заодно и на сверхсрочную службу.

В наше время на этом спецобъекте служил матросом Мишка. Служила там и лошадь с таким же именем. Парадоксально, но человек и лошадь были не только похожи внешне — маленькие и неопрятные, но и по характеру — спокойные, неприметные, безотказные. Что скажут, то и будут делать. Видимо, конь и получил кличку по имени хозяина — рабочего паренька с небогатыми и ограниченными способностями. Мишка запомнился мне в длинной матросской шинели, которая сидела на нем, как на колу, почему-то с обязательным вещевым мешком защитного цвета за спиной, аккуратно подвязанный поясом.

Мишку чаще всего видели у черного входа на камбуз, где он получал продукты для хозяйства. Однообразные будни матросской жизни так втянули его в работу, что он потерял чувство времени. Однажды его вызвали в строевую часть, находящуюся в управлении тыла, где надо было ознакомиться с приказом о предоставлении ему поощрительного отпуска. Мишка, не понимая, что происходит, явился за получением отпускного билета с вещмешком на спине. Дело в том, что нахождение за пределами свинофермы он и воспринимал как отпуск. О гражданской жизни он попросту забыл. На береговой базе выпиской документов занимался мичман Бобиков, который внимательно просмотрев записи, сделал открытие и изумился:

— Дорогой, да твой призыв уже полгода как на гражданке!

Ситуация курьезна по своей сути. Каждый матрос считает дни перед увольнением, а наш трудяга просто тянул свою ляжку, не думая ни о чем. Конфликт раздувать не стали. Уважая добросовестного человека, выдали ему новенькую форму. Старослужащие

помогли ее подогнать, пришли на нее лычку старшего матроса и с грамотой за безупречную службу отправили домой.

От сослуживцев часто приходилось слышать необычное название «Аннушка». Ребята говорили, что этот поселок находится в четырех километрах от базы и там есть сельповский магазин. Мы с друзьями решили навеститься, разузнать. Вечером после службы собралось нас человек пять желающих, и мы отправились на прогулку. Шли лесной живописной тропинкой. На середине дороги кто-то из ребят обнаружил на себе клещи. Проверившись, каждый снял с формы штук по пятнадцать опасных насекомых. Пришли в поселок, но ничего интересного кроме закрытого магазина не обнаружили. Вернувшись в кубрик, узнали, что от энцефалитного клеща несколько лет назад умер командир 26-й дивизии. Мы были в шоке!

В другой раз во время адмиральского часа в Аннушку отправился я один. Магазин был закрыт на обед, однако местный народец подтянулся к двери и ждал открытия. Я последовал их примеру, прислонившись к штабелю досок. И вдруг обратил внимание, что меня пристально рассматривает местный рыбак лет сорока — эдакий грозный подвыпивший дяденька. Через некоторое время он подошел с вопросом:

— Тебя не Олегом ли зовут?

— Нет, я Алексей — сказал я.

Ответ, по-видимому, его не удовлетворил. Чтобы прояснить ситуацию или поймать меня на лжи, он задал наводящий вопрос:

— А ты не с катера будешь?

— Нет, с атомного крейсера, — ответил я с чувством гордости и даже превосходства. — А что такое?

— Да, в общем-то, ничего. Просто к моей дочери ходил один... очень похожий на тебя. Сейчас пропал, а она ждет.

Почему-то почувствовал вину за собрата по погоням, я с сочувствием ответил:

— К сожалению, я никого не знаю среди катерников.

После открытия магазина я мешкать не стал, купил, что надо было, и быстренько убрался восвояси. Подумалось, что в форме мы

все кажемся одинаковыми или очень похожими, но не хватало мне радости отдуваться за грехи любвеобильного незнакомого мичмана.

Океанская фауна

Врезался в память случай, когда я впервые увидел осьминога. Тогда мы стояли у пирса — носом к суше, в метрах пяти от берега. Дежурство по кораблю нес командир группы автоматик и телемеханики Сергей Иванович Блынский. В том же наряде находился командир группы дистанционного управления Валерий Григорьевич Жалдак. Перед заступлением на вахту (около 17.30) вдруг раздался его истошный вопль:

— Мужики! Идите сюда! Посмотрите!

Сбежались, смотрим. У самого среза воды, на глубине примерно одного метра, сидит здоровенный осьминог: щупальца толщиной с руку взрослого человека, а глаза огромные и круглые. К тому же они скользили по нас осмысленным взглядом.

Подходить к нему ближе казалось опасным, поэтому мы рассматривали жителя морских глубин с расстояния. А еще не хотели напугать его и прогнать назад в пучину вод. Что-то же ему здесь понадобилось. Однако наши опасения оказались напрасными. Осьминог явно забавлялся ситуацией, глубоко не обращая внимания на публику и окружающую суету. Так казалось по его равнодушию.

После долгого изучения друг друга мы осмелели первыми, и кто-то бросил в осьминога камешком, дескать, давай общаться. Тот, не особо напрягаясь, как человек, лениво прикрывающийся рукой от палящего солнца, подставил под брошенный камень одну из конечностей, показал нам пупырчатые присоски и отвел камень в сторону.

Эксперименты продолжились. Кто-то начал водить около неожиданного пришельца длинным металлическим прутом. Осьминог принял условия игры, ухватился за конец гостеприимно протянутой проволоки и удерживал ее. Матрос приложил немалое усилие и с изумлением констатировал:

— Какой сильный! Не отпускает.

А народ прибывал, появились моряки с других кораблей, возникла целая толпа. Всем было интересно посмотреть на морского обитателя, который собственной персоной соизволил пожаловать в гости на базу атомных подводных лодок.

Незаметно истекло полчаса, мы еще не налюбовались осьминогом, как подоспела команда:

— Заступить на вахту!

Вахтенные с сожалением расходились по местам. Хотелось понаблюдать и понять повадки жителя той среды, в которую мы проникали на своей лодке, оставаясь под защитой ее корпуса. С другой стороны, неизвестно, кто кого изучал и кто для кого являлся старшим или младшим братом по разуму.

А в другой раз в Павловске поймали краба необычного окраса — альбиноса, причем немалых размеров. Нашелся экспериментатор, который предложил исследовать представителя морских глубин с применением современных технологий:

— Давайте затащим его на СРБ и там проверим на радиоактивность, — предложил он.

Идея понравилась многим. Еще больше исследователи удивились поведению прибора, который затрещал как сумасшедший, а стрелка зашкалила. Ребята оказались в затруднительном положении. Что с ним делать? На камбуз не отнесешь. Сошлись на том, чтобы отпустить восвояси. На протяжении срока службы крабов мне приходилось видеть не один раз, но особо запомнился этот, белый.

Вывод: Залив Петра Великого в бассейне, которого находилась бухта Павловского, являлся природоохранным заповедником. Там вообще было много диковинного, редкого. Некоторые представители его флоры и фауны внесены в Красную книгу.

Туда попали, например, десять видов морских беспозвоночных, около шестидесяти видов птиц. Из сухопутных млекопитающих — дальневосточный леопард, амурский тигр, пятнистый олень, летучая

мышь. А из морских — малая касатка, морская свинья, сейвал (ивасевый кит). К другим значимым видам, которые охранялись специальными мерами, относились: дальневосточный трепанг, гигантский осьминог, камчатский краб, несколько видов гребешков, тюлени ларга, колонии морских птиц. Особо охраняемыми считались даже шестьдесят два вида тамошних растений.

В свободное от службы время многие ребята любили посто- ять на пирсе или посидеть на камне скалистого берега с удочкой. Ловили камбалу, бычков, руками ловили чилимов (креветок), мидий, трепанг, морских огурцов. Однажды старпом капитан 3-го ранга Алексей Алексеевич Ротач сыграл злую шутку с рыбаками своего экипажа. Построил личный состав на пирсе, таинственно и загадочно улыбнувшись, спросил:

— Рыболовы и прочие любители морской живности в строю имеются?

Все тут же загалдели в предвкушении радужной перспективы.

— Рыбакам выйти из строя!

Двенадцать человек во главе со старшим лейтенантом Вла- димиром Митраковым со счастливыми улыбками повиновались.

Алексей Алексеевич, удовлетворенно окинул взглядом осталь- ной строй:

— Митраков, завести концы электропитания на корабль. Через двадцать минут доложить об исполнении. Вопросы есть? Экипажу действовать по плану!

Из бокового ящика на пирсе извлекаются по количеству фаз тока три тяжелых негнущихся кабеля длиной около двадцати метров. Одним концом кабель подключается к клеммам в шкафу на пирсе. Другой конец сначала подтягивается к лодке в районе отсека, а затем перекидывается на корпус, где открывается лючок и производится подключение. И такая операция повторяется трижды по количеству кабелей.

Эта обычная работа выполняется после каждой швартовки. Она требует больших физических усилий, и уметь выполнять ее дол- жен каждый член экипажа. Сегодня старпом отобрал исполнителей

таким оригинальным способом. Любители природы укоряли себя в опрометчивости, так как могли бы и избежать тяжелой работы. А тут еще подоспели подначки товарищей, таких же рыбаков-любителей, которые не спешили в этом признаваться.

Почти у тропика

Летняя погода Приморья похожа на субтропическую. Приближенность к северному тропику, тропику Рака, делает его климат особенным, сочетающим жару с высокой влажностью. В Павловске после обеда все стремились попасть на пляж, разбитый в обособленной бухточке. Место это если и было оборудовано специально для купания, то самым минимальным образом — к нему вели деревянные ступеньки. В ясные погожие дни, когда наши кремовые рубашки прилипали к телу, пляж заполнялся служивым людом.

Иногда в центре бухты появлялся водолазный катер. Кстати, несчастных случаев я не припоминаю, так как поведение моряков досконально регулировала внутренняя самодисциплина.

Слева на пляже, у камней, почти каждый солнечный день загорала и купалась гражданская специалистка. В какой службе она работала, затрудняюсь сказать. Однако выглядела среди нас белой вороной. Ей было уже за сорок, и наше тогдашнее сознание воспринимало ее дремучей старухой. Загорала женщина по-особенному — прислонившись к большому нагретому солнцем камню, чтобы по максимуму «поглощать» ультрафиолет. Мы настолько привыкли к ней, что удивлялись, когда обнаруживали камень пустым, так как наша уютная купальная бухточка невольно сиротела.

В Тихоокеанск молодых мичманов отпускали крайне редко. Бывало, спросишь у командира БЧ-3 разрешения сойти на берег, а он в ответ:

— Ты что, Ловкачев, не знаешь, что нельзя? Иди и спрашивай у старпома.

Идешь к старпому, а он тебе вопрос:

— Слушай, Ловкачев, а не тебя ли я совсем недавно видел в поселке?

Хоть и понимаешь к чему вопрос, тем не менее, кисло отвечаешь:

— Так это ж было давно — два месяца тому назад.

И тебя тут же, ловят за руку:

— Вот видишь, был же в поселке! И чего тебе там делать? Жены у тебя нет. Ты что, хочешь залететь? Поэтому лучше иди, дружок, изучай матчасть.

Как будто я не имел права бывать в поселке каждый день. Для отцов-командиров гораздо спокойнее и надежнее было, когда молодняк находился в казарме или на лодке. Для убедительности командир напоминал об особых условиях службы.

Для нас каждое посещение поселка было все равно, что для верующего отпущение грехов и причащение.

Перед ужином экипаж собирался на общее построение. Офицеры и мичманы, отпущенные домой, в этот момент очень нервничали, так как из-за затянувшегося инструктажа рисковали опоздать на заказанный автобус, отправлявшийся точно в 18.00. Первым слово перед экипажем держал командир Чефонов, затем — старпом Ротач, а помощнику Баранченко по заведенке доставалось мало времени. Командир мог закончить свое выступление и за пять минут до «вечерней лошади» с напоминанием:

— Не держи людей!

Или:

— Не томи! А то люди опоздают на автобус.

Старпом в таких случаях укладывался в две-три минуты, а увлекшись, исчерпывал лимит времени. Помощнику только и оставалось, что растеряно развести руками:

— А мне что говорить...

Или только пожелать счастливого пути. Подобная дискриминация обижала Геннадия Ивановича.

Вывод: Военно-морской флаг и гюйс в базе опускались с заходом солнца. Этот ритуал был чуть менее торжественным утреннего лишь из-за отсутствия экипажа, который занимался делами на базе.

Дежурный по кораблю по календарю уточняет время захода солнца, затем громогласно командует из ограждения рубки:

— На флаг и гюйс смирно-о-о!

Все, находящиеся в это время на пирсе и на корпусе лодки, замирают.

— Флаг и гюйс спустить!

Вахтенные на носу и в корме выполняют команду. Все отдают честь.

Странная черствость

Общая обстановка в соединении была чрезвычайно насыщенной, очень напряженной. Более-менее размеренную работу в море сменяла суматошливая жизнь на базе, где все приходилось делать в темпе, бегом-бегом, где многих офицеров и мичманов нервировала личная неустроенность, где их встречали вечно недовольные жены... И вместо отдыха от долгого пребывания под водой они получали стрессы, порой изменяющие в их воображении картину мира, переставляющие местами приоритеты, перекашивающие моральные ценности. И мы сетовали — на командиров и своих близких, на погоду и времена года, на страну и правительство. Ну и, святое дело, на береговую базу, на работу тыла. Нам казалось так: коль они работают ради нас и благодаря нам, то все у них должно быть выверено и сделано с тем же качеством и гарантией, какие соблюдаются у нас на корабле, все — на том же уровне требовательности и исполнительности. И это были правильные представления, я теперь еще четче это понимаю. А тогда получалась дисгармония — от нас требовалась безупречная работа на военных рубежах мирового уровня значимости, с полной самоотдачей и глобальной ответственностью, а с нами поступали небрежно, ради нас не напрягались те, кто обеспечивал наше пребывание дома, на суше. Нам поручили охрану государства с секретным оружием в руках, а всучивали некачественное обслуживание в вопросах быта.

Конфликты между экипажами кораблей и тыловиками — дело известное. От этого черствели сердца. С непониманием и долей

стыда вспоминаю сейчас случай, который произошел с завгаром, несчастным капитаном второго ранга...

Однажды начальник гаража флотилии, который был в звании капитана 2-го ранга, попал под колеса задней пары сдающего назад КамАЗа. Молодой матрос-водитель растерялся и вместо того чтобы скоренько поддомкратить машину, повторно, только уже в обратном направлении, переехал своего начальника. Капитан скончался на месте происшествия.

И вот похороны. Поступила команда идти в клуб, где был выставлен гроб, и прощаться с погибшим. Но никто из подводников туда не явился. Такого раньше никогда не было, и это было возмутительно. Тогда обиженное руководство тыла заявило, что автобусы в поселок не поедут до тех пор, пока личный состав флотилии не попросится с трагически ушедшим из жизни начальником гаража. Длинные и прерывистые ручейки офицеров, мичманов в торопливо-суетливой устремленности «потекли» в сторону клуба, там быстренько крутанулись у гроба и потекли назад, чтобы занять место в автобусе. Неискренней выглядела печаль толпы подводников. Казалось, им были глубоко безразличными судьба начальника гаража и его заслуги перед Родиной.

Так кто виноват в том, что с тылом всегда разговор получался нервным и изматывающим? Мы, в отчаянии демонстрируя, как выглядит принцип взаимности, безобразно отнеслись к погибшему товарищу и тем лишь подлили масла в огонь противоречий с тылом. По сути, протестуя против косности и бездушия обслуживающей нашу деятельность системы, мы остались безучастными к чужой беде и фактически не отдали последнюю дань человеку, старавшемуся улучшить организацию наших пассажирских перевозок.

Тяжелый авианесущий крейсер «Минск»

В водах Уссурийского залива мы довольно часто наблюдали стоящий на якоре тяжелый авианесущий крейсер (ТАКр) «Минск».

Это был флагман Тихоокеанского флота, гордость нашей

страны. Он был спущен на воду 30 сентября 1975 года и через три года, после достройки и испытаний, вступил в строй. В ноябре 1978 года его включили в состав Тихоокеанского флота. В феврале-июле 1979 года корабль совершил дальний переход из Севастополя вокруг Африки во Владивосток с деловыми заходами в Луанду (Ангола), Мапуту (Мозамбик) и Порт-Луи (о. Маврикий).

Мне, уроженцу Минска, было приятно видеть умную гору железа, которую обслуживало более тысячи человек, осознавать величие этой грозной машины, на борту которой крупными буквами обозначалось имя моей столицы. Находясь за десять тысяч километров от нее, я испытывал сопричастную гордость, чувствовал себя защищенным именем родного края.

Говорили, что из-за большого количества народу моряки даже не всех членов команды знали в лицо. Очень хотелось попасть на борт плавучего острова. Но мне там побывать не удалось. Когда крейсер находился в доке, то видно было носовую бульбу, обычно находящуюся под водой. Ее огромные размеры поражали воображение. Странно, что этот красивый корабль посещали экскурсии передовиков производства и прочие делегации, а нам, военным морякам, доступ туда был заказан. Видимо, надо было тоже заказывать отдельную экскурсию и идти строем.

Помню, познакомился с парой офицеров-летчиков и мичманом с «Минска», и мы отлично посидели в ресторане. Я слышал, что позже на «Минске» произошел пожар. К счастью никто не пострадал, так как его вовремя потушили.

Лазание по легкому корпусу

Но и своим кораблем я гордился. И любил не за грозность и мощь, а за интеллект и надежность.

То, что мы, излазив его вдоль и поперек, а в особенности свой отсек, знали все досконально, это факт. Я даже как-то на своей родной подводной лодке «К-523» пролезал из носа в корму в пространстве между прочным и легким корпусом. Кстати, когда мы держали другой корабль, этот трюк у меня не получился. И не

потому, что, может быть, я вдруг нечаянно набрал вес и мои габариты резко увеличились, нет, — просто тем самым в очередной раз подтвердилась прописная истина, что каждый корабль имеет свою неповторимую индивидуальность. Как нет совершенно одинаковых женщин, пусть даже они близнецы, так не найдешь и идентичных кораблей одного проекта.

Хотя с лазаниями случались казусы.

Мой непосредственный начальник Виктор Степанович Николаев был для меня какой-то малоизученной планетой, смотрящейся издалека приветливо и гостеприимно. Но вблизи она представляла собой сплошные кратеры и вулканы, из которых извергались желчь и раздражение. Говорили, что мой командир жил в одной квартире с Ещенко, нашим начмедом, который хотел проучить его за «добро-ту» и «душевное» отношение чисто по-мужски.

Как-то Виктор Степанович подвергся со стороны его соседа бомбардировке пустым ведром, не специально. Думаю, что Ещенко нечаянно уронил ведро, а в шахте рубочного люка как раз оказался Виктор Степанович. Хотя не скрою, тешил я себя надеждой, что это было сделано умышленно. Не смешно, но именно так думали если не все, то большая часть экипажа. Во всяком случае, многих это рядовое происшествие развлекало и порадовало. Потом мой боевой командир какое-то время с видом уставшего от войны бойца ходил с перевязанной головой.

Наш корабль частенько проверяли офицеры штаба 21-й дивизии. Одним из таких проверяющих был флагманский минер, капитан 3-го ранга Виктор Григорьевич Перфильев. Это тот самый офицер, который был командиром БЧ-3 «камчадальской» лодки 667А проекта, где я проходил курсантскую стажировку и на которой хотел остаться служить.

Как-то в нашем первом отсеке Виктор Григорьевич присел на раскладной стул, взял обычный пенный огнетушитель и задал нам вопрос на засыпку:

— Сейчас я поверну рукоятку с эксцентриком на сто восемьдесят градусов. Как думаете, из огнетушителя пойдет пена или нет?

Устройство этого примитивного огнетушителя нам было известно, поэтому я понимал: чтобы из него пошла пена, надо выполнить еще одну манипуляцию — перевернуть его вверх дном. Но так как мы подобных экспериментов не производили, то опаска ошибиться все-таки существовала. На сей счет сомнения развеял флагманский минер, который на наших глазах повернул рукоятку эксцентрика, предварительно направив на нас огнетушитель. Мы, конечно же, не испугались, но глаза на всякий случай зажмурили.

Вывод: Даже такой мужчина, как Чингачгук (Большой Змей), когда впервые стрелял из ружья, тоже моргнул. Ну, а мы были мужчинами не хуже его.

Изучение уставов

Иногда думаешь, за что мне судьба посылала в начальники таких «замечательных инженеров душ человеческих»? За какие грехи? А тут еще недавно, услышав в свой адрес от одной своенравной особы слово «эгоист», посмотрел на себя критически и подумал: «А если, наоборот? Может, это я, такой «замечательный» человек, являлся для них наградой, которая нашла и напала на героя?»

Виктор Степанович как педагог и руководитель был чрезвычайно и возмутительно не гибким, зато упрямым в достижении своей цели. Особенно невозможным он становился в отношениях с подчиненными. Их индивидуальных особенностей не знал, ибо не находил нужным с ними считаться.

Пример. Этот невезучий мичман Ловкачев однажды сделал замечание старшине Оверко, что тот пришел на завтрак в нечищенных прогарах. Нечаянным свидетелем этого инцидента оказался командир БЧ-3 Николаев, и взревновал. Разозленный тем, что я сделал замечание, якобы перехватывая на себя власть, а сам допустил нарушение устава, — не застегнул крючки у подбородка кителя — он приказал мне выучить произвольные статьи из устава «от сих и до сих».

Ну не за что было меня наказывать и воспитывать! Виктор Степанович делал это не ради изменения меня в лучшую сторону,

а исключительно из упрямства, необъяснимой тупой мести. Я же, если сказать откровенно, зубрежки не терпел с детства. Да и обидно стало.

Моя первая читательница этой книги, вредная девчонка, не поверила этому.

— А как же вы учились в школе? — спросила она.

— Вот так и учился, ни одного стихотворения наизусть не выучил, ни одной формулы не запомнил, ни одной теоремы не доказал, поэтому получал двойки. Мог бы многое об этом рассказать, да не буду.

Поэтому если за десять школьных лет меня не смогли научить зубрежке, то вряд ли это удалось бы такому выдающемуся военному воспитателю и педагогу, как мой упрямый начальник.

И вот стемнело, личный состав отбил на сон грядущий, и я с мичманами — тоже. У нас был кубрик, где стояло несколько двухъярусных коек, одну из которых занимал я. Да, не выучив из своей настольной книги «от сих и до сих», я самым наглым и безответственным образом завалился спать.

Только не надо очень хорошо думать о моем заботливом командире. Это случилось в кульминационный момент сна моего товарища, мичмана Милого, разместившегося надо мной, на верхней койке. Вдруг широко распахнулась дверь, и в кубрик ворвался неугомонный и настойчивый Николаев — в приступе неотвратимой решимости. Ну не спалось ему, озабоченному знанием уставов его нерадивыми мичманами. Заботливый отец-командир зашел не для того, чтобы проверить глубину сна своих подопечных и заодно поправить на них сползшие одеяла. Нет, он твердой поступью направился к моей койке, словно хотел превратить ее в смертный одр. Без предисловий и даже не справившись ни о моем здоровье, ни о здоровье жены и детей, не поинтересовавшись моим настроением, огорошил вопросом:

— Товарищ мичман, вы устав выучили?

Когда тебе преподносят прямой вопрос, как утренний кофе в постель, то язык никак не поворачивается соврать. Поэтому я,

блокированный в кровати, как в ловушке, понимая, что от прямого вопроса никуда не деться, с большой неохотой и с еще большим неудовольствием поставил его перед фактом неисполнительности:

— Нет, не выучил.

Удовлетворенный вполне ожидаемым ответом, без тени сомнения на сей счет, мой командир с видом Александра Македонского, отдающего приказ своей фаланге, злорадно закричал:

— Ах, так! Тогда я вам приказываю: марш учить уставы!

От такого наглого наскока, от столь неудержимого напора «выдающегося» полководца я чуть было не потерял дар речи, однако, овладев собой, кое-как собрал знакомые слова в кучку и ответил:

— Да не буду я никаких уставов учить, тем более ночью.

Этот тупой, абсолютно ничем не аргументированный, грубый отказ поразил моего заботливого и уставолюбивого начальника в самое сердце. Проявленная мною жестокость тут же породила неадекватную ответную реакцию, я бы сказал — с перебором. В глазах озабоченного командира сверкнул огонек, послуживший для меня сигналом — будь готов к худшему. И тут я увидел, что у Николаева, как у драчливого петуха, стала поджиматься нога. Понятно — для удара. «Ага, — подумал я, — командир решил учинить надо мной образцово-показательную физическую расправу и отнюдь не по закону. Ну что ж предупрежден, значит вооружен.»

Как я уже упоминал, некоторые элементы каратэ мне были известны от друга моего детства Петра Калинина. Владая ими в достаточной мере, чтобы обеспечить личную безопасность, в сложившейся ситуации я без труда отклонился назад и подленько ушел от праведного и изящного удара ногой мне в лицо, что наперевалялся проделать мой драчливый начальник. Нога этого примерного и талантливое командира, просвистев мимо, как пуля у виска, как-то сама собой воткнулась в естественную преграду — в тазобедренный сустав Александра Милого. Скажу без утайки, злобный начальник саданул беднягу ногой в ягодицы. Я тогда обрадовался, что он спал на спине, на моем месте любой бы побеспокоился о его способности стать в будущем отцом.

Милый вскочил и превратился в злюку, напрочь перестал соответствовать своей фамилии. Ведь в отличие от меня он с большой любовью относился к воинским уставам, поэтому имел право на заслуженный отдых. Разбуженный нашей разборкой и незаслуженно простимулированный пинком в кормовую часть, он с полным основанием сделал устное замечание, произнесенное фальцетом, зато в вежливой и понятной форме:

— Мать-перемать!

Понятно, что это я, испорченный человек, написал некультурную фразу, а фактически сей идиоматический изыск имел весьма даже приличный вид.

— Слушайте вы, придурки (перевод — дорогие товарищи)! Да вы всех уже за... (перевод — замучили) этими долбанными (перевод — надоевшими) уставами! Идите отсюда на... (перевод — в другое место, например в ленкомнату) и там друг другу коцкайте мозги (перевод — читайте нравоучения)!

И много еще хорошего и доброго было сказано Александром в адрес двух мужиков, странно и непонятно развлекающихся ночью, с привлечением к этим играм его частей тела.

Пока мичман Милый мило разъяснял нам нашу неправоту и свое право на заслуженный отдых, я успел озаботиться другим. Так как инерция, над которой никто не властен, уложила очень любимого Виктора Степановича в мои объятия, то я принял его, как и подобает, со всевозможным радушием, на какое был способен.

Скрывать не буду, правой рукой с большим удовлетворением ухватив его за кадык, я сполна отыгрался на этом бычке за все хорошее, что от него видел. И так эффектно это получилось, что зачинщик драки в моей руке сначала покраснел, затем побагровел, а потом начал синеть. Он уже хрипел, а его лицо продолжало играть цветами, будто радуга, умытая струей озорного подростка. Вот тогда я убедился в правоте классиков и не классиков, утверждающих, что нет ничего слаще мести. Не зря русский народ придумал сказку, в которой Иван-дурак держал в руке яйцо Кошья Бессмертного. Удерживая Виктора Степановича, своего начальника-сатрапа, за

«яйцо Кошечя», я испытал такое же чувство удовлетворения сатисфакцией. Затем оттолкнул его от себя с досадой и брезгливостью.

Покидал Николаев ристалище, как Наполеон, уносящий ноги с Березины.

Не успела за ним захлопнуться дверь, как я почувствовал удушье... Зачем я так? За что? Ведь мое знание устава он себе в карман не положит. Значит, он старается ради меня! Боже, что я натворил...

И дальше подумал: «Что же будет?». Казалось, сейчас за мной придут, наденут наручники и сошлют... Не в Сибирь, конечно, я ведь и так находился там, где Макар телят не пас, а куда-нибудь поближе — на гауптвахту.

Стою жду, когда отряженный на мою поимку конвой, загромыкает подкованными сапогами по коридору, поигрывая браслетами.

Сижу жду, когда же меня взащей вытолкают из нагретой постели.

Лежу жду, а вдруг дежурный по соединению придет и поставит меня «в угол».

Засыпаю жду, а может, дежурный по экипажу хоть поругает меня.

Сплю жду, как бы чего не вышло.

Как ни странно, назавтра ничего из ожидаемого мною не произошло. Ни даже походов к командованию, ни жалоб, ни чтений морали или изучений уставов, ничего подобного не было.

Ситуация была отдана мне на откуп. И я не выдержал прятать глаза и уводить их в сторону. При случае я попросил прощения у Виктора Степановича. Кажется, он урок воспринял правильно.

Умный и любимый командир

Как-то после практических (учебных) стрельб с неполным боезапасом наша лодка «К-523» возвращалась в базу в подводном положении. По инициативе командира БЧ-3, старшего лейтенанта Виктора Степановича Николаева мы с Витей Кидановым открыли задние крышки торпедных аппаратов и залезли внутрь. Там чистили

направляющие дорожки, готовя торпедные аппараты к пополнению боезапаса.

Вообще-то сама работа была не опасной, другой вопрос, что это делалось на глубине и при нахождении подводной лодки в движении. Ведь на глубине ста метров давление воды составляет десять атмосфер или десять килограммов на сантиметр квадратный. В чем был риск? Лодка волнорезным щитом торпедного аппарата могла наткнуться на препятствие, пусть даже небольшое, тогда бы ее передняя крышка приоткрылась. А это повлекло бы за собой практически мгновенное заполнение торпедных аппаратов, в которых мы находились. Именно данное обстоятельство делало эту ситуацию опасной не только для нас, но и для экипажа вместе с «железом» стоимостью в сто три миллиона (вместо 99,8 млн запланированных) рублей, не считая двенадцати баллистических ракет и двадцати торпед, которые по стоимости превышали стоимость носителя.

Правда, опасность дела нас тогда не смущала. Ну а наш командир Виктор Степанович Николаев, устроившись, как белый надсмотрщик на плантациях американского юга, на направляющей балке торпедопогрузочного устройства, у задней крышки торпедного аппарата № 5, где я исполнял роль негра, учил меня уму-разуму. Хорошо, хоть не плеткой. Я же к воспитательному процессу относился, попросту говоря, несерьезно, а потому на каждую его сентенцию находил две, причем — с юмором и смехом. Правда, я высказывался мысленно, но пронизательный командир успешно читал мои мысли. Это сильно нервировало его, ибо он понимал, что получается не воспитание, а насмешка над его личностью. И он, доведенный своим же поведением до раздражительности, после очередного своего нравоучения выпалил:

— Ну и идите, товарищ мичман, на... — далее последовало популярное в наших кругах слово из трех букв.

Озадаченный насколько культурным, настолько и лестным предложением, я готов был исполнить его, потому что в условиях субмарины это звучало как приказ. У меня аж коленки зачесались, чтобы быстренько уползти в указанном направлении. Правда,

было одно «но» — я и так там был. В самом деле, находясь в трубе торпедного аппарата первого отсека, мы с Витей Кидановым были своего рода авангардом. То есть в определенной точке нашего курса (маршрута) сначала оказывались мы, а потом уже командир Виктор Степанович и весь экипаж. Поэтому мне только и оставалось сказать:

— Куда уж дальше идти, товарищ старший лейтенант! Дальше передней крышки, извините, ну никак не получится, хоть при всей моей радости. Если только вы не соизволите открыть переднюю крышку торпедного аппарата, тогда я поплыву туда, куда вы меня пешком послали.

Как-то, оказавшись с экипажем на берегу, мы с мичманами пошли на обед. Не успели добраться до своего стола, как правым бортом меня зацепил командир БЧ-3 Виктор Степанович Николаев и, взявши на абордаж, начал отчитывать по некоторым служебным вопросам. А я ведь шел на обед, и от запахов накрытых столов у меня слюна побежала. Командир же, знающий свое дело туго, продолжал учить меня жизни. Попутно не забывал снабжать какими-то распоряжениями, которые я обязан был выполнить. Наконец утомился. Я присел за обеденный стол, а кто-то из моих товарищей, кто был свидетелем полученной выволочки, решил поддержать моего командира и присоединиться к обучению меня жизни:

— Слушай, Алексей, что за дела? Обед — это твое законное время. Ты имеешь право использовать его по прямому назначению, а не слушать всякие там бредни (перевод — указания) и чушь (перевод — нравоучения) своего придурка-командира (перевод — умного и любимого). — Я уплетал обед и согласно кивал, целиком и полностью соглашаясь со сказанным. Товарищ, удовлетворенный моим согласием с его мнением, продолжил: — Лично я своего командира во время обеда и слушать бы не стал. Поэтому на твоём месте послал бы этого Николаева куда подальше, пожелал бы себе приятного аппетита и сел бы обедать. И сказал бы, мол, что со всеми служебными вопросами, товарищ командир, подходи ко мне исключительно после обеда.

Выкладки моего товарища мичмана могли показаться правильными, ибо в принципе отражали мое настроение, если бы не были провокационными, поэтому я ответил ему:

— Вообще-то Николаев не испортил мне аппетит, да и по времени не вышел за рамки допустимого, и лично меня не расстроил. А вот тебе спасибо за доброжелательные поучения и что мою пайку сохранил — не съел.

Меня опять спутали с другими

Меня часто принимали за кого-то другого, особенно когда я служил и носил форму, во многом способствующую этому. Люди в форме многими воспринимаются похожими друг на друга, как китайцы. Как-то при поездке в очередной отпуск я находился в аэропорту города Артем, что под Владивостоком. Там сел на самолет, идущий рейсом на Ленинград. Рядом со мной в кресло плюхнулась женщина лет тридцати пяти.

— Здорово! — вдруг запанибратски говорит она мне.

— Привет! — с недоумением, но в том же духе ответил я.

— С корабля? — как ни в чем не бывало, продолжила странная попутчица.

Так как мы нашу подводную лодку называли в том числе и кораблем, то я соответственно и ответил:

— С корабля.

Я уже понял, что меня принимают не за того. Но не знал причины, почему это происходит. И это насторожило — по ошибке или умышленно. Ведь если верно второе, то, возможно, я столкнулся с мошенницей. Тем не менее я решил подыграть. Женщина задала еще несколько стандартных вопросов, так что наш диалог имел примерно такое содержание:

— Как дела?

— Нормально.

— Домой?

— Домой.

И так далее, пока она не спросила такое, чему я не смог подыграть, на что не мог ответить без обмана.

— Извините, вы меня не за того принимаете, — сказал я.

Она вытаращила глаза и только тут решила уточнить:

— Как это «не за того»? Ведь ты же Леня?

— Можно и так сказать, — усмехнулся я, — хотя меня Лене́й не называют, а больше Лешей.

— Радист с нашего корабля? — уже не так уверенно продолжила она.

— Во-первых, не радист, а торпедист, во-вторых, я все-таки не Леонид, а Алексей и, в-третьих, я не работаю на гражданском судне, а служу на военной подлодке.

Глаза у попутчицы округлились, а челюсть почти отвалилась. Ее состоянием и продолжительной паузой, заполненной изумлением, я наслаждался долго. Слегка оправившись от шока, она сказала тоном укора:

— Ты же вылитый наш радист Леня, с которым я только что рассталась на судне.

— Ну... — только и ответил я.

Всю дорогу бедная женщина находилась в прямом и переносном смысле в подвешенном состоянии, между небом и землей. К тому же сомневалась в ответе и с подозрением посматривала на меня. Видно, теперь она прикидывала, уж не мошенник ли я сам, или того хуже — не какой-нибудь шпион империалистического государства. В Ленинграде она попрощалась со мной с некоторой осторожностью и даже опаской, и мы расстались навсегда.

А вот другой случай, следовавший почти сразу за первым. Тогда же в Ленинграде я вышел из здания аэропорта, доехал до центра, а там прошел на остановку трамвая и уже более расслаблено принялся ждать. Чуть поодаль стоял мужчина средних лет и, как мне казалось, подозрительно посматривал на меня. В конце концов, он подошел и в очень деликатной форме, с извинениями за причиненное беспокойство, спросил:

— Вы случайно не такой-то? — и назвал имя, которое я по прошествии лет не помню. Я ответил отрицательно, однако его сомнений не развеял. Он решил прокачать свою версию до конца, задав наводящие вопросы: — А может, вы работаете в милиции? — С милицией я ничего общего не имел, а был там только раз, в шестнадцать лет, и то по случаю получения паспорта. — А может у вас есть брат?

— Ни братьев, ни сестер не имею и вообще я не местный, а родом из Минска.

Он принялся извиняться и просить прощения за свою настойчивость, объяснив, что я очень похож на работника милиции, который ему сильно помог в важном деле, поэтому он был бы рад лишний раз его поблагодарить.

Несбывшееся желание

Как-то зимой мы грузили торпедный боезапас, и мою бедную пустую голову надуло ветром. Появились боли в лобной части, да такие сильные, что я просто не находил себе места. Ни до, ни после не обремененная мыслями голова не доставляла мне столько хлопот. Однако вредный командир БЧ-3, старший лейтенант Виктор Степанович Николаев в поликлинику, находящуюся в Техасе, меня не отпускал, ввиду невозможности обойтись без меня.

Задержка длилась не долго. К врачу меня все-таки отпустили, было это двадцатого марта 1978 года. А на следующий день рентген выдал смертельный диагноз — фронтит. На его лечение у меня даже времени не нашлось. На молодом организме рано или поздно все заживает, подумал я, значит, заживет и у меня. А двенадцатого мая я снова был направлен на рентген — для медицинского освидетельствования главной военно-врачебной комиссией (ГВВК) на предмет годности к поступлению в Севастопольское высшее морское училище. Через месяц — точнее, седьмого июня — рентген уже никакого фронтита не показал. Чему я и обрадовался. Тем не менее на сдачу экзаменов для поступления в военно-морское училище направлен не был, ибо опоздал с подачей документов. Да и прочие события затмили эту важную для меня тогда тему.

Тогда же в очередной раз я удостоился вердикта: «Годен к службе на подводных лодках. Годен к работе с радиоактивными веществами (РВ), источниками ионизирующих излучений (ИИИ), компонентами ракетного топлива или генераторами сверхвысоких частот (СВЧ)».

Кстати о выводах комиссии...

Минеров иногда использовали хоть и по специальности, но не совсем по прямому назначению. Когда другая лодка выполняла стрельбы, требовались специалисты, способные отключить приборы и механизмы выловленной из воды торпеды. Для этой цели нас с Витей Кидановым как-то посадили на торпедолов. Торпедолов — это небольшой катер, который никакого вооружения не имеет, и единственное его отличие от других плавсредств состоит в наличии в корме дыры (а не пробоины), через которую лебедкой втаскивают торпеду. Конечно, ее сначала надо было найти в море, затем аккуратно подойти... А сколько было случаев, когда торпеда, на волне ударившись о борт катера, совершала лебединый нырок и успешно уходила на дно, прощально махнув хвостушкой! Затем на выдвижные кнехты накидывался стальной трос, и аккуратно, на малом ходу катера, через кормовой транец (доска, образующая корму) — торпеда втаскивалась на палубу.

Не помню, по какой причине, но мы находились на борту этого утлого суденышка, которое мотало на волне, как Тузик тряпку, в течение нескольких часов. И нас укачало. Первым скис Витя Киданов, правда, он поступил мудро — завалился на койку и довольно продолжительное время хрючил. Я же, демонстрируя свою стойкость, сидел за столом, пока от болтанки мне совсем не стало дурно. Хоть мне и не пришлось кормить чаек, но удовольствие я получил на все сто процентов. Кстати, в моей пятилетней службе на флоте и двухлетней учебы в Подплаве это был единственный случай, когда от качки я действительно сильно страдал.

Молодые мичманы

Еще пару слов о мичманах, только о молодых, которые были к нам в 1978 году. Их было несколько, к сожалению, не всех запомнил. Тем не менее некоторые оставили в моей памяти след, словно судьба преподнесла подарок. Из этой когорты первым появился мой коллега Шура Хомченко, за ним стали подтягиваться остальные.

Александр Иванович Хомченко на пару лет моложе меня, тоже окончил Школу техников в Ленинграде, пришел на смену старшине 1-й статьи Петру Оверко, обслуживал материальную часть БЧ-3 по левому борту. По характеру добрый и непосредственный, милый и восторженный мальчишка. Объединенные противостоянием с командованием нашей боевой части, мы с ним поддерживали товарищеские отношения, которые могли бы перерасти в дружеские, если бы Саша был серьезней. Впоследствии он женился на зрелой женщине с двумя детьми, которых полюбил. Но, как мне стало известно впоследствии, потом с ней разошелся. Собственно, что от такого брака и следовало ожидать.

Примерно в то же время или чуть раньше к нам в экипаж на должность интенданта прибыл мичман Феликс Павлович Пинкевич, года на три старше меня, невысокого роста, плотного телосложения, родом с Украины. Компанейский парень. До этого служил на надводных кораблях.

Как-то он нам рассказал забавный случай о пьяном мичмане, которого домогался любвеобильный и очень темпераментный бык. Мичман был невменяемо пьян и валялся в копне сена, а бык был очень настойчив в своем праве воспользоваться случаем. При этом мичман продолжал спать, делая вялые попытки отмахнуться от странных ухаживаний. Однако быку было все равно, и он продолжал свое черное дело, да так, что у свидетелей этой сцены пиджаки заворачивались. Мичмана спасли брюки, иначе бы предложение быка он не смог отклонить.

Николай Булычев — родом из сибирской глубинки, выше среднего роста, довольно крепкого телосложения, с повадками

эстетствующего барина, был слегка манерен, но как товарищ нормальный, хотя в экипаже нравился не всем. Как и Толя Голубков, — из штурманов. У меня с ним сложились приятельские отношения. Помню, однажды я поделился с ним какими-то житейскими горестями, и он с пониманием и сочувствием их выслушал.

Сергей Плотников — из числа турбинистов, хороший специалист и неплохой парень, отличался веселым нравом, любил пошутить и поприкалываться. Мне он нравился, однако взаимной дружбы у нас не получилось, так как по сути он был человеком потребительской психологии. И не переносил во мне идеализма и идейности. На эту тему у нас произошло несколько стычек, и хоть он воспринимал их с улыбкой, но было видно, что ему сильно не нравилась моя гражданская позиция. Поэтому я не проявил желания с ним подружиться. В 1990 году я побывал на Дальнем Востоке, так вот он оказался единственным мичманом из нашего экипажа в Тихоокеанском, с которым у меня не возникло желания встретиться.

Геннадий Александрович Фомин — низенького роста, крепыш, на гражданке занимался боксом, родом из Калининграда, оттуда же «выписал» и свою подругу Свету, подружившуюся с моей женой Леной. Гена, как и некоторые другие коллеги, не выдержав гнета службы, раньше срока уволился из флота по пункту «ж» статьи 46 — за дискредитацию воинского звания «мичман».

Юрий Уласкин — высокий и худой, с угловатыми чертами и вытянутым лицом, моложе нас на пару лет, был призван из Риги. На Дальний Восток прибыл с женой. Не выдержав тягот и лишений флотской службы в БЧ-5, очень скоро был уволен.

Валерий Ожиганов — выше среднего роста, стройного телосложения, широкий в кости, скуластый. Служил в дивизионе движения (I-й) БЧ-5. Симпатичный и хороший парень вместе с Михаилом Михайловичем Баграмяном и командой выезжал на сельскохозяйственные работы в военный совхоз «Речицкий». Кстати, не надо путать с Речицей в Гомельской области, так как означенный совхоз находился в Приморском крае.

Сергей (или Евгений) Сушков — родом из Барнаула, пришел в БЧ-5 экипажа до нашей первой автономки, а после второго дальнего похода ушел дослуживать срок пятилетней подписки на базу.

Будучи материально-ответственным лицом, Сушков за время службы во втором дивизионе успел толкнуть налево энное число, а если быть более точным, то большое количество, водолазных свитеров, очень дефицитных по тем временам. Из-за пьянства или по какой-то другой причине это было сделано, мне неизвестно, но говорят, что он потом ходил с фонарем под глазом. Есть основание полагать, что его настигла справедливая кара за растрату. Исчезнувшие водолазные свитера были возмещены экипажу конкретным физическим воздействием — разрисовкой физиономии виновного, с целью наглядности. Для объяснения перед товарищами своего неприглядного вида расхититель социалистической собственности выдвинул универсальную причину — ударился об клапан.

Вступление в партию

В пору обучения в Школе техников в 506-м Учебном Краснознаменном отряде подводного плавания я стал кандидатом в члены КПСС. Это произошло на втором курсе в 1976 году по предложению командования роты, ввиду того что я хорошо учился и по дисциплине отличий в худшую сторону не имел. Кандидатский стаж составлял один год, после чего кандидата принимали в члены партии. При распределении на службу по окончании Школы техников меня для этого снабдили двумя рекомендациями, но пока я добирался до основного места службы и пока первичная партийная организация созревала до принятия в отношении меня своего решения, их годичный срок истек. И в новом коллективе мне пришлось заново проходить кандидатский стаж, чтобы я проявил себя в условиях службы и чтобы меня могли рекомендовать к поступлению новые товарищи. В общем, из-за перемены места службы я проходил в кандидатах почти два с половиной года, что было исключительным случаем.

Рекомендации в партию мне дали замполит капитан 3-го ранга Владимир Васильевич Малмалаев и старший помощник командира

по боевому управлению, капитан 1-го ранга Константин Михайлович Иконников. И в мае 1978 г. меня приняли в члены партии, а 15 июня вручили партбилет. Таким образом, я получил право быть первым в труде и в ратном деле, на которое меня призывает Родина.

Трагедия на Сенявине. Горшков

Выйдя из автобуса по приезде в поселок Тихоокеанский, я не успел сделать пару десятков шагов и остановился. Мое продвижение вперед блокировала молодая встревоженная женщина с детской коляской. Она вперила взгляд мне прямо в глаза:

— Простите, вы не с Нового пирса?

— Нет, — ответил я и тогда же мимоходом подумал, что что-то случилось.

В части мне стало известно, что крейсер «Адмирал Сенявин» постигла трагедия, причем погибли люди. В затопленном отсеке из-за пожара и высокой температуры оказались сваренные человеческие тела. Эта трагедия детально описана в книге В. В. Костриченко и Б. А. Айзенберга «Аварии и катастрофы. Часть III» (прил. к Военно-Морскому Историческому обозрению спец. выпуск № 3 Харьков — 1998. с. 5).

Там в частности отмечается, что крейсер «Адмирал Сенявин» (проект 68-У2, модернизирован в 1972 г.) выполнял практические артиллерийские стрельбы главным калибром в Японском море. После успешного их проведения решено было сразу же начать выполнение и зачетных. Кораблем командовал капитан 2-го ранга В. Плахов, замполит — капитан 3-го ранга И. Спицын. На крейсере находился также командир соединения — контр-адмирал В. Варганов. На девятом залпе в носовой башне произошел взрыв и пожар. В огне погибли 37 человек: расчет боевого и перегрузочного отделений башни вместе с корреспондентом газеты «Красная Звезда», капитаном 2-го ранга Л. Климченко. Расследование показало, что при подаче электросигнала на производство девятого залпа, правое орудие башни № 1 не выстрелило. В заряженное орудие ошибочно дослали очередной снаряд, в результате чего там произошло воспламенение.

Вылетевшая струя газов воспламенила приготовленные к стрельбе заряды, и в башне возник пожар, мгновенно перекинувшийся на верхнее перегрузочное отделение. Причина этого тяжелого происшествия — ошибка личного состава правого орудия башни, его невнимательность, недостаточная натренированность и растерянность.

А ведь этот крейсер недавно посещал Генеральный Секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. У нас в Павловске был даже небольшой переполох из-за этого. Здесь, на волейбольной площадке, Леонид Ильич и сопровождавший его Главнокомандующий Военно-морским флотом Сергей Георгиевич Горшков садились на вертолет, который должен был доставить их на наш флагман — ТАКР «Минск». Высоких гостей окружала куча народу — охрана и сопровождающие лица, представители встречающей стороны. Нам поступила команда: все выдвижные на подводной лодке опустить и никому из ограждения рубки носа не высовывать.

Летом 1978 года мы благополучно передали другому экипажу наш РПК СН «К-523» и став «безлошадными» разъехали в отпуска.

Знакомство с будущей женой

В Минске я снова встретился с другом детства Петром Калининным. И недолго думая мы на пару отправились на Рижское взморье — в Юрмалу, где неделю-две гуляли по пляжам, хотя погода была не совсем в масть, прохладная и пасмурная.

По возвращении в Минск мы узнали, что Петина сестра Наташа собралась лететь в Крым, причем с детьми, чтобы их там оздоровить. Там уже находилась Елена Смирнова, сестра Петининой жены, с подружкой. Мне как свободному и ничем не обремененному молодому человеку было предложено помочь Наташе добраться до места, а заодно составить компанию отдыхающим землячкам. Я согласился.

Через пару дней мы с Наташей и ее детьми летели в Крым. Приземлились в Симферополе, пересели на троллейбус и довольно долго ехали, наблюдая в окно горные пейзажи. В Алуште пересели

на катер, идущий до Рыбачьего. Здесь пришлось немало походить, пока нашли квартиру для женщины с двумя детьми и не то с мужем, не то еще с кем в моем лице.

Кстати, у хозяйки, приютившей нас, был сын, хороший парень. Он окончил среднюю школу и, узнав, что я подводник, расспрашивал, как я им стал, и очень хотел попасть в Школу техников 506-го УКОПП. Уж не знаю, попал он туда или нет, но желание он высказывал огромное.

В первый же вечер я вышел на пляж, чтобы встретить Лену Смирнову. Увидел ее сразу и, хотя она любезничала с молодыми парнями, все равно подошел. Показалось, что она искренне обрадовалась, распрощалась с пляжными любезниками и повела меня знакомить со своей подружкой, которую тоже звали Леной. Лена Гончарова. Подружка оказалась милой и симпатичной блондинкой, обладательницей фамилии, имеющей отношение в Пушкину. Пустяк, а он придавал знакомству некую весомость, одухотворял его.

Яркое солнце, расслабляющая жара, комнатная температура морской воды — что еще надо для полноценного отдыха? Ах, ну, конечно же, женщины с двумя детишками помогли мне скрасить досуг. Были там еще две девчонки из Беларуси, с которыми мы поддерживали приятельские отношения, вместе купались и загорали. С Наташей и ее детьми мы с утра уходили на пляж, иногда там к нам присоединялся Дима Иосифов, интересный малыш, который к тому времени уже снялся в главной роли популярного фильма «Буратино». Кстати, очень приятно, что теперь это не только отличный актер, на счету которого девять ролей, но и режиссер, снявший четыре сериала — «Бегущая строка», «Лето волков», «Суженный-ряженный» и «Убойная сила — 6». А также совершенно замечательный, глубокий, с офигенным зарядом энергии человек. Наташины чада меня называли «Усатый нянь» — был в то время такой известный киногогерой и одноименный фильм. С одной из прекрасных Елен у меня завязался роман — с Еленой Гончаровой.

За время того крымского отдыха случилось много значительного и волнующего. А запомнилось вот, что.

Как-то при посещении бухты Любви нам пришлось преодолеть довольно высокую и относительно крутую гору, идя по узенькой тропинке. Я первым взобрался на вершину и, как тренер на финише, только без секундомера, поджидал, когда понравившаяся мне Елена попадет в мои объятия. В один из моментов девушка оступилась, и я испугался, что она кубарем покатится вниз. От одной мысли, что с ней может произойти несчастье, что она может разбиться, мне стало не по себе. Но все обошлось. Затем и Лена Смирнова, Лена-чернавка, деловито, без душещипательных сцен одолела подъем.

— А что ты почувствовал, когда я оступилась? — с лукавой улыбкой спросила Елена-блондинка.

— Испуг, — сказал я.

Удовлетворенно хмыкнув с ноткой излишней самоуверенности, тогда не замеченной мною, она уточнила:

— Ты, конечно же, испугался за меня? — интонационное ударение было сделано на словах «за меня».

Здесь я также откровенно, прямо как на допросе в гестапо, признался:

— Не за тебя, а за последствия. Если бы ты свалилась с горы, я просто не знал бы, что делать. Особенно при последующих разборках.

Девушка разочарованно и «вежливо» меня пожурела:

— Ах, так вот ты какой... Ну и сволочь же!

Беззаботная жизнь под палящим солнцем, легкие и необременительные отношения уже зажгли в наших с Еленой душах искорки огня.

Как-то после очередного восхождения на гору мы устроили пикничок, на котором незаметно для себя оказались в слегка хмельном состоянии. Так как нам хотелось продолжения полета и банкета, мы решили искупаться в море, чтобы охолонуться в ласковой воде.

Окунулись раз. Окунулись два. Окунулись три. В общем, окунались, окунались, пока прекрасную блондинку не потянуло на

спортивные подвиги с установлением личного, а может, и мирового рекорда. Она развернулась в противоположную от берега сторону и, демонстрируя чудесную технику плавания, со скоростью океанского лайнера устремилась в открытое море для совершения как минимум черноморского круиза. Мы с Леной Смирновой начали ее звать назад, чтобы она немедленно изменила свой курс на обратный. Однако однофамилица Пушкинской жены, уже набрав полный ход, нас не слышала. Она продолжала утюжить водную гладь в сторону отнюдь не дружественной нам Турции. Понимая, что с пьяной женщиной спорить бесполезно, я вылез из воды и начал демонстративно одеваться, а Елена Смирнова бегала в куриной панике по берегу и звала подругу. Понимая, что без зрителей рекордного заплыва или незаконного перехода границы упрямая блондинка одумается, я сказал:

— Пошли отсюда. На хр-рен!

Лена Смирнова с недоумением и тенью подозрения в моем подломе и коварном предательстве пыталась протестовать. Тогда я раздраженно сказал:

— Ты что не понимаешь, если мы не прекратим на нее глазеть, то она будет плыть, пока не коснется противоположного берега?

Когда до девушки дошло сказанное, она покорно пошла следом за мной. А наша пловчиха, обнаружив со стороны «массовки» отсутствие к себе интереса и осознав напрасность своего подвига, резко изменила планы, а равно и направление заплыва. Она вернулась на берег в полном здравии. Тогда я понял, что нет ничего хуже самодурства пьяной женщины, охваченной идеей фикс.

Вывод: Не позволяйте женщинам пить спиртное.

Не трафьте их желаниям, когда они находятся в возбужденном состоянии.

Оказавшись меж двух тезок, я под конец крымского отдыха загадал заветное желание. И примета не подвела — сбылась мечта влюбленного идиота. Две недели пролетели так быстро, что незаметно настало время собираться в обратную дорогу. До-

мой ехали поездом в том же составе, плюс две Елены. В Минске каждодневные встречи с Еленой Гончаровой продолжились, и из искры возгорелось пламя. Но тут, к моему сожалению, незаметно подошел к концу отпуск.

Улетая на отдых, я был приверженцем марша Василия Агапкина «Прощание славянки», но не Мендельсона. Однако по возвращении на Дальний Восток колорит моего настроения резко изменил приоритеты, и созвучия марша Мендельсона уже казались желанной музыкой. Я только и думал, что о распрекрасной Елене. Сразу по моему возвращению на службу у нас завязалась интенсивная переписка. Впрочем, длилась она недолго. Написав Лене первое письмо, я загадал — если получу от нее ответ, то тут же пошлю телеграмму с вызовом на Дальний Восток. Как загадал, так и вышло. Получив от нее первую весточку, я тут же отбил коротко срубленную, но красноречивую телеграмму: «ЛЕНА ЗПТ ПРИЕЗЖАЙ ТЧК ЛЮБЛЮ ТЧК ЦЕЛУЮ ТЧК ТВОЙ АЛЕКСЕЙ ТЧК».

Елена летела ко мне в погранзону, куда въезд был только по спецпропускам, без оного. Поэтому конечной целью поездки назвала какую-то там Сафоновку или еще что-то в этом роде, расположенную в незакрытой зоне. Я встречал ее в Тихоокеанском без оркестра, и это понятно, ведь прибыла она контрабандой. В деревеньке под названием Промысловка, что лежала недалеко от Техаса, мы сняли комнату в частном секторе.

Пока не приехала Лена, я при каждом удобном случае купался в Японском море, и мой загар только укреплялся. В итоге на моем теле запечатлелись солнечные зайчики четырех регионов нашей необъятной страны — Юрмалы, Черного моря, Минска и Дальнего Востока. Увидев меня таким, Лена воскликнула: — Ну, ты и загорел. Аж, черный! — в ее голосе звенела зависть.

Письма-дневники

Эти письма были написаны любимому человеку в период с 29 октября 1978 по 5 марта 1979 года. Мы оба имели под рукой

тетради, куда во время разлуки писали друг другу наши немые обращения, похожие на письма. Так получилось, что этих писем мною написано больше, чем Еленой. Мои записи производились в прочном корпусе атомной подводной лодки, поэтому дороги мне как память. В них изложены мысли, чаяния, а также личные переживания, которые имели место на фоне службы и связанных с нею событий и фактов. При этом наиболее сокровенная и большая часть личной информации опущена.

После тех далеких событий я впервые заглянул в дневниковые записи через тридцать с лишком лет — 26 апреля 2009 года. Поэтому отдельные факты, забывшиеся мною, были словно открыты заново. Снова ожили люди, не виденные более четверти века, задышали, задвигались — и давнишние перипетии повторно разыграли спектакль моей юности, виртуально. Есть такое слово «ностальгия», вот им можно обозначить душевное состояние, очерчивающее берега дневниковых записей и воспоминаний. Этот коктейль и был положен на бумагу, правильней — выведен на экран монитора. И «порвал» я свой дневник на цитаты.

Вывод: Небольшой отрезок времени вобрал в себя эмоции и переживания, которые до сих пор дают о себе знать. Личная жизнь оказалась переплетенной со службой на подлодке, и рассказывая об одном, невозможно обойти другое. При катастрофической нехватке времени на нее неперегоревшие страсти заковывались в рамки служебной деятельности и в прочный корпус подводной лодки, заставляли нас вариться в себе. Эмоции, подстрекаемые молодостью и максимализмом, выливались из нас неудержимым потоком и своим высоким градусом ошпаривали всех, кто попадал в их орбиту. Они и сейчас пробиваются между строк, изменяя сдержанности повествования.

Беря в руки дневник, я надеялся почерпнуть из него много информации тех лет и подсказок для нынешних воспоминаний. Однако я не учел, что дневник писался в условиях соблюдения

государственной тайны и военных секретов, и это не позволяло упоминать в нем многие события и отдельные факты. Тем не менее благодаря ему события, успевшие пропахнуть нафталином, были вытащены из памяти, дополнены и прокомментированы с позиций того и нынешнего времени, что, надеюсь, позволит передать дух, быт и жизнь подводников. Здесь также имеются вкрапления, на первый взгляд не соответствующие теме, однако хронологически укладывающиеся в описываемый период времени.

Чтобы не запутаться в хитросплетениях тех и нынешних мыслей, я выделю цитаты из дневников и писем другим шрифтом.

«29.10.1978 г., 13⁰⁰.

Бухта Конюшкова.

Очень жаль, что не удалось увидаться с тобой перед нашим уходом, а ведь мы могли бы прожить вместе еще один вечер и целую ночь. Поясняю. Помнишь, когда ты меня днем проводила на службу, а сама ушла к Зыряновым? Вот в тот день я заступил на вахту. На следующий день у нас производились работы, в результате которых произошла некоторая «заминка» с матчастью, и кэп лично запретил всей боевой части сход не то что домой, а даже на берег. А на следующий день утром — мы были таковы.

Да, тогда к нам на лодку пришел с проверкой флагманский минер дивизии Виктор Григорьевич Перфильев. Он сказал, что завтра мы должны погрузить на корабль практические торпеды и выйти в море на учебные стрельбы. Спросил, исправна ли наша техника и матчасть. Наш командир БЧ-3 Виктор Степанович Николаев, «погорячившись» самоуверенно доложил, что все в порядке. Однако флагманский минер, не доверяя словам нашего командира, решил сам все проверить. В результате выяснилось, что клапан вентиляции торпедозаместительной цистерны ДУ-200 позорно и безнадежно закис — из-за экспериментальной гидравлики, ввиду того что долгое время не проворачивался. А он хоть и находился по левому борту, но был в моем заведовании. Значит, мне было и отвечать.

Флагманский минер разносов учинять не стал, а просто объявил:

— Делайте что хотите, но чтобы к утру техника находилась в исправном состоянии.

Поставив перед нами задачу и известив командира корабля, он развернулся и ушел заниматься минерскими делами соединения. А мы остались что та старуха у разбитого корыта, не зная, что с этим «помывочным» сосудом делать.

Вообще-то ситуация оказалась довольно интересной, так как виноватой в неисправности оказалась вся боевая часть, кроме молодого мичмана Александра Хомченко. Начиная с меня, самого крайнего, ибо клапан ДУ-200 находился в моем заведовании, далее по служебной вертикали шел мой прямой и непосредственный начальник, старшина команды торпедистов Витя Киданов, а на самой вершине пирамиды ответственности восседал командир БЧ старший лейтенант Виктор Степанович Николаев. Говорить о том, что мы, молодые мичманы, не знали, а командир не доглядел, не имело смысла, а тем более молодому мичману Саше Хомченко, который пришел к нам на корабль через год после нас.

Правда, в этой ситуации было непонятно, почему Виктор Степанович самоустранился, а Витя Киданов уступил дорогу мне, словно я был старшим. Лично меня больше всего напрягало, что на устранение неисправности нам может не хватить ночи. Кроме того, я отдавал себе отчет, что оба командира должны были проявить себя как начальствующий состав, чтобы организовать и возглавить устранение неисправности. Однако по непонятной причине этого не произошло, поэтому инициативу я взял на себя. Я понимал, что по моей вине и по вине моих командиров наша БЧ-3, а также весь экипаж мог опозориться перед дивизией атомных ракетноносцев. И только исправная матчасть могла повлиять на отпущение моего греха и дать право на выход в море для торпедной стрельбы.

Здесь я действовал если не как командир БЧ-3, то как заправский старшина команды торпедистов. Удерживая инициативу, я раздавал указания направо и налево. Прежде всего, Витя Киданов из ЗИПа достал техническую документацию. Расстелив прямо на

пайолах чертежи злополучного клапана и став на четвереньки, я ползал по палубе и генерировал идеи. Виктор Степанович, успешно обозначив свое присутствие и «организовав» личный состав, по-английски ретировался, и только иногда появлялся в отсеке для контроля. Витя Киданов, понимая свою интеллектуальную бесполезность, все-таки оказывал посильную помощь. Саша Хомченко со щенячьим восторгом и мальчишеской готовностью исполнял поступающие команды и вводные, ретиво из аута подавал мячи взрослым футболистам.

Нам предстояло клапан разобрать, почистить, смазать и в исправном состоянии установить на место. Но как раз в том-то и заключалась заковыка, что снять клапан мы не могли, так как благодаря «замечательной» гидравлике он очень плотно закис на своем месте. Поэтому, ползая по схеме и вникая в детали несложного устройства, я думал, как сорвать клапан с места. Первая примитивная атака заключалась в том, чтобы сделать это с помощью различных усилителей. Но она захлебнулась, наткнувшись на железный сплав гидравлики и стали.

Снова попытка: а что если воспользоваться для этого таями — и тоже с отрицательным результатом. Новое ползание по схеме, и еще одно решение проблемы, как оказалось, — успешное. Здесь имелась дополнительная сложность: часть клапана находилась с внутренней стороны стенки, и было опасение, что при снятии ДУ-200 может упасть на дно торпедозаместительной цистерны. Тогда бы наша задача многократно усложнилась. Пришлось бы вскрывать цистерну, чего мы до этого ни разу не делали, залезать в нее и искать обрonnenное, а это лишняя трата дефицитного времени.

Идея была проста: открутить гайки, но оставить в «наживленном состоянии», то есть не полностью открученной, и дать давление гидравлики в рабочую полость клапана, чтобы последний отлепился от фланца «своими силами». И упертому клапану это, наконец, удалось. В конце концов, он, напившись нашей кровушки и гадкой гидравлики, отвалился, в смысле был сорван с места. Мы

его разобрали, промыли соляжкой, почистили, смазали и установили на место. Проверили работу — все нормально. Саша Хомченко от избытка чувств, явно завышая мои способности, сказал:

— Ну, Алексей Михайлович, ты гений!

Удовлетворенный, что своими мозгами решил трудную задачу, к восторгу я отнесся с пониманием, отметил, что еще осталось время и для сна.

С тех пор и клапан ДУ-200, и его «младший брат» ДУ-80 работали как часы, потому что мы всегда их проворачивали и на негодную гидравлику больше не надеялись. А экспериментальная гидравлика действительно оказалась гадкой и противной. Если где-нибудь была протечка, которая не убиралась, то на этом месте вырастали наросты. Впоследствии эту гидравлику модернизировали.

И еще я тебе забыл сказать: пожалуйста, больше не появляйся у Грызиных и удерживай от этого же Иру — это не прихоть, а всего лишь предупреждение!

Предубеждение к мичману Грызину оказалось пророческим, так как через некоторое время этот человек, назанимав кучу денег у своих товарищей, скрылся, в связи с чем находился в розыске.

Сегодня мне удалось качественно поспать только около 2-х часов, поэтому, пока стоял на ночной вахте, кемарил. Короче, целые сутки необходимо разделить на двоих, на каждого выходит по 12 часов. Собственно, такое мы уже испытывали, и не единожды. Просто каждый раз приходится заново привыкать.

Суточная вахта в море обычно разбивается на трех человек по два дежурства, а в данном случае из-за некомплекта она разбивалась на двоих.

А знаешь, меня такое зло разобрало, когда кэп запретил сход на берег. Вертимся через день, а он еще такую лажу устроил, воистину получается: ко рабль — мой дом.

Единственное что меня волновало, это естественный голод, а так как отсутствовала художе-

ственная литература, то еще и интеллектуальный. Да, действительно, это не жизнь, а монотонная рутина.

Одними книжками боевой номер (подобие сборника инструкций, где расписаны обязанности матроса, мичмана по различным тревогам и положениям корабля), а также боевыми и эксплуатационными инструкциями сыт не будешь. Поэтому почти каждый член экипажа старался обеспечить себе в море безбедное интеллектуальное существование. И для нас в то время настоящим подарком была книга.

29.10.1978 г., 21²⁰.

Бухта Конюшкова.

Кстати, ходят слухи, что завтра мы отсюда уйдем. Конечно, это было бы очень здорово!

...чтобы вечером, ложась спать, не думал о том, чтобы не проспять... ты от меня далеко, хотя, если пойти пешком, к утру я бы тебя уже увидел.

Скорей бы дожить до завтра, чтобы прояснились наши планы.

Из Конюшкова обычно домой не отпускали, поэтому нахождение здесь или в море с точки зрения разлуки с семьей принципиальной разницы не имело. В голове не укладывалось, что, находясь недалеко друг от друга, невозможно было встретиться.

Михаил Михайлович Баграмян рассказывал, что в шестидесятых годах прошлого века, когда полным ходом началось развитие атомного флота с постройкой большого количества подводных лодок, не хватало офицерских кадров по линии механиков, штурманов и даже замполитов. Поэтому кадры, которым уже было под тридцать лет, а то и больше призывали на флот после окончания тех гражданских вузов, где имелись военные кафедры и где выпускникам присваивалось воинское звание «лейтенант». Призывали их на три года, причем после двух лет службы присваивали очередное звание — «старший лейтенант». После окончания срочной службы такой офицер мог перейти в кадровые военные и продолжить свою карьеру на флоте.

Кстати на флоте были младшие лейтенанты, которые получали это звание, не имея высшего образования, но оказавшиеся на офицерской должности. Правда, на подводных лодках такие офицеры лично мне не встречались.

30.10.1978 г., 21²⁰.

Все те же Конюшки.

Очень хочется работать. Работать с бумагами, что-нибудь писать, конспектировать. Особенно остро это чувствуется сейчас. Подумаешь, сколько времени я теряю зря, и просто жутко становится! Уму непостижимо. Здесь, на боевом посту, я соорудил себе рабочее место для занятий, а соответствующей работы нет. Вот только это письмо!

После катастрофической нехватки времени во время учебы в Ленинграде было жалко его «убивать» вахтой, хотя я и старался использовать ее с максимальной пользой.

Кстати, знаешь, что мне сказал мой (как ты говоришь) «напарник» насчет моего рапорта (я имею в виду – уйти служить на базу, к флагману)? Так вот, он сказал, что это возможно лишь после автономки и при наличии достойной замены. Это слова кэпа.

И судя по тем событиям, Витя Киданов мне не льстил. Флагманский минер 21-й дивизии Виктор Григорьевич Перфильев, посещая наш корабль с проверкой, однажды обратился ко мне с вопросом:

— Алексей Михайлович, а как ты относишься к работе с бумагами, документами?

Я неопределенно пожал плечами, так как считал себя больше технарем, нежели штабным писарем и, не подозревая подвоха, ответил:

— Так себе. Если надо, то, конечно же, и это сделаем.

Тогда Виктор Григорьевич, загадочно улыбнувшись, обратился ко мне с предложением:

— В общем, Алексей Михайлович, есть у меня в штабе одна свободная должность — старший инструктор БЧ-3. В зарплате ты почти не потеряешь, и служба идет год за два, а главное — каждый день будешь ночевать дома. Я тебя знаю еще курсантом по Камчатке, ты мне подходишь. Кроме того, ты член партии — это тоже важно. Как ты смотришь, чтобы перейти служить в штаб дивизии?

Предложение было почетным и ответственным. Конечно, налицо был факт, что я прошел часть «большого круга»: заводские и государственные испытания. Но у меня не было за плечами дальнего похода. Кроме того, я отслужил на подводной лодке около полутора лет, а в минно-торпедных боевых частях нашей дивизии были товарищи и постарше. Любой из них мог поставить меня на место, а то и загнать в угол вопросом, с последующим логическим выводом:

— А ты был в автономке? Нет? Так чему ты можешь меня научить?

Я поделился с ним своими сомнениями. И все же Виктор Григорьевич настоял, чтобы я написал рапорт, что и было сделано. Однако против моего ухода из экипажа выступил командир нашего корабля, капитан 1-го ранга Олег Герасимович Чефонов. Только позже я узнал, что дело было не во мне, а в выполнении главной задачи: чтобы только что построенный корабль вывести в первую линию и испытать боевой службой в автономном плавании. И это правильно, потому что мыслилось по-государственному.

Сейчас стою на вахте с 09.00 до 15.00. Уже половина третьего.

Это мы с Кидановым продолжаем нести две вахты по шесть часов, то есть по двенадцать часов в сутки.

Вслед за нашим бортом «К-523», практически наступая на пятки, из Комсомольска-на-Амуре шел следующий корпус РПК СН № 228, имевший тактический номер «К-530». Этим бортом командовал капитан 1-го ранга Андрей Иванович Колодин, и там же служил наш с Кидановым одноклассник из 46-й группы по 506-му УКОППу Леонид Дмитриевич Антипов.

Как-то после прихода «К-530» с ракетных стрельб Андрей Иванович остался переночевать на лодке, а утром его обнаружили в своей каюте умершим — не выдержало сердце. Наши лодки тогда стояли по обе стороны третьего пирса. Говорят, что незадолго до кончины Андрей Иванович кого-то позвал, сказав, что ему плохо. Корабельный врач пытался спасти его, сделал укол в сердце. Однако все попытки были тщетны. Утром грузное тело усопшего выносили через торпедопогрузочный люк.

Похоронили командира, умершего на боевом посту, достойно.

Потом произошла непонятная история. По чьему-то предложению экипаж каждый месяц сбрасывался по энной сумме для семьи командира. Через некоторое время кто-то начал роптать и в экипаже произошел скандал. На мой взгляд, кто-то из командования экипажа потерял чувство меры и реальности. Как бы то ни было, но эта затея тихо умерла.

31.10.1978 г., 17⁴⁵.

Бухта Павловского.

Вот и снова пришли мы в Павловск. Там, в Конюшках, ничего не делали и вернулись. Но и это еще ничего. Самое любопытное, говорят, и видимо, обоснованно, что завтра утром мы снова уходим в Конюшки. Это значит, что сегодня я опять не смогу тебя увидеть, мой милый свет. Жаль, очень обидно. Эта флотская организация поражает. Так хочется выругаться, что мочи нет. Еще, как назло, мой «напарник» уехал в Большой Камень. Когда приедет, черт его знает. Правда, обещал к шести, а сейчас уже 17.50. Командир БЧ тоже отпущен до завтрашнего дня, то есть я остался один в своем подразделении.

Только что один товарищ сказал, что все незанятые женатики собрались домой. Вот досада! А напарника-то нет. Все, не могу писать, моя милая, — взвинчен, хочется поскорее удрать с этой чертовой калоши!

Мой напарник Витя Киданов, со свойственной ему настойчивостью в подобных ситуациях, сильно запоздал.

— Почему опоздал? — спросил я.

Он хлопал глазами, как непонимающий ребенок, с невинным видом и удивленно-вытянутым выражением лица что-то плел, ссылаясь на катастрофическое невезение с транспортом.

На автобус, который повез наших женатиков в поселок, я опоздал, и, не скрывая раздражения и обиды на Киданова, кляня всех на белом свете, добирался домой «на перекладных».

Витюша, увы, был не очень надежным и обязательным товарищем. Вспомнился еще один случай, когда я стоял на вахте. Мы тогда находились в море. Пришла пора сменяться. Я заскочил в каюту второго отсека, где спал Киданов, и разбудил его. Однако вот уже по кораблю разнеслась команда «Второй смене на вахту заступить», а своего напарника на боевом посту я так и не увидел. Сначала подумал, что его задержали после развода на центральном посту. Потом решил проверить каюту. Каково же было мое удивление и негодование, когда я нашел его безмятежно спящим на «штатном месте» — на шконке второго яруса. Меня обуяло такое чувство «благодарности и признательности» к нему, что я не только словами, но и пинками рьяно простимулировал его к пробуждению. После этого он подскочил как ужаленный, явился на боевой пост все еще заспанным и вялым.

Меня тогда удивило, что при разводе второй боевой смены вахты не была обнаружена недостача вахтенного первого отсека — «отряд не заметил потери бойца». Ведь на построении вахтенный первого отсека находится на краю левого фланга, и не увидеть его нельзя. Тем более с учетом высокого роста Киданова. Или самому вахтенному офицеру надо было быть таким же заспанным и заторможенным? Впрочем, может, Витя зашел в свою каюту после развода, чтобы что-то забрать, и вновь без сил упал на койку, где в мгновение ока заснул. Вообще-то с кем не бывает.

Морякам знакомо состояние, когда после «собачьей вахты» надеешься добраться до своей постели и забыться блаженным сном. Но когда этот миг по чьей-то вине отодвигается на неопределенное время, тогда в сердце поселяется дикая безнадега...

«Эка невидаль, недоспал полчаса! Недосып можно с лихвой компенсировать, поспав в другое время лишние два-три часа», — скажет или подумает кто-то, не зная специфики службы на субмарине.

И будет неправ, потому что, сменившись далеко за восемь часов, на завтрак, даже последней очереди, я пришел к шапочному разбору, когда уже со стола убирались остатки. Чем «хороша» собачья вахта? Во-первых, она несется с четырех до восьми часов — это самое сносшибательное время, когда засыпают даже страдающие бессонницей. Во-вторых, сменившись и позавтракав, ты подключаешься к полноценной жизни только что проснувшегося экипажа, и долгожданный отдых воистину превращается в долго ожидаемый.

Мои надежды подремать на своей шконке хоть четверть часа перед тем как на корабле закипит жизнь, растаяли как дым. В 09.00 начиналась обычная жизнедеятельность корабля — проворачивание оружия и техсредств, учения по борьбе за живучесть и прочее, прочее, прочее. А во всех мероприятиях участвуют все, кроме... нет, не отдыхающей смены, а несущей вахту. Вплоть до обеда, после чего начинаются занятия по специальности, от которых освобождается смена, заступающая на вахту. Поэтому, перефразируя Александра Блока, покой нам только снится.

Вот такой замечательный букет чувств и, разумеется, таких же пожеланий в адрес моего незабвенного «друга и товарища» я испытывал. Хотя справедливо и у меня поинтересоваться: «А вдруг ты сам такой же необязательный?». Бить себя в грудь не буду, но с моей стороны подобного не случалось. Скорее наоборот.

В канун Нового 1977 года, мы совершили переход из Большого Камня в бухту Павловского. И командир решил сделать подарок — отпустить на берег офицеров и мичманов, не занятых службой. Мне повезло — я оказался в числе счастливых в богом и командиром избранной свободной от вахты смене. Тогда я был холостым, поэтому встречу наступающего Нового года решил посвятить своему однокашнику и боевому товарищу Вите Киданову. Что и было сделано. Кто-то, наверное, скажет: «Подумаешь,

отдал кому-то один Новый год и хвастается. В следующем году наверстаешь».

И снова будет неправ. На флот меня призвали третьего ноября 1974 года. И с тех пор лет двенадцать-тринадцать подряд Новый год я встречал где угодно: в казарме, плавказарме, на подводной лодке, на службе — в общем, где попало, но только не дома. В связи с моими пролетами мимо этого праздника я даже придумал себе заморочку. Когда у меня с одной девушкой не получилось встретить Новый год, я ей предложил:

— А давай встретим Новый год не 31 декабря, как все, а в ту ночь, когда я буду свободен от службы.

— Давай. Это даже интересно.

Сказано, сделано. Просто из этого я не делал трагедии и не думал, что в связи с этим моя жизнь проходит мимо.

Вывод. Не отвлекайся на второстепенное или незначительное. Умей произвести правильную расстановку приоритетов для себя и своего будущего. Концентрируйся на самом важном, что может повлиять на судьбу. Думай о главной цели своей жизни и подчини этому менее важное и второстепенное.

02.11.1978 г., 04¹³.

Бухта Конюшкова.

Сегодня уже ровно неделя, как мы с тобой не виделись. Скучаю по тебе. Очень. Хочется тебя видеть. Очень.

Кстати, завтра 3 ноября, а для меня это дата. Завтра будет ровно четыре года, как я служу в Военно-Морском Флоте (именно, и не где-нибудь там в СА).

На днях мне приснился странный сон, а до этого я уже и не помню, когда у меня были сны.

Снилось, будто к пирсу подплывает лодка, в ней открывается крышка люка. И вдруг этот люк начинает заливать водой. Крышка захлопывается, потом опять открывается, и ее снова захлестывает волной. И так несколько раз. Чем закончился сон, не помню.

И когда я вчера не смог приехать к тебе, у меня появилось чувство, будто я что-то безвозвратно потерял.

Об этом сне, прочитанном сейчас в дневнике, я как будто узнал впервые, так прочно его забыл. Зато запомнился другой страшно интересный сон на эту же тему, который приснился, когда я уже служил в штабе дивизии.

Будто нахожусь я в первом отсеке подводной лодки «К-523» или другой, но по устройству — такой же. Все как бы нормально, за исключением одного обстоятельства — мы тонем. И что удивительно, приснившаяся картина оказалась настолько реалистичной, что потом я подумал, что некоторые детали не смог бы придумать даже в трезвом рассудке.

Итак, во сне лодка вдруг стала принимать угрожающий деферент на нос, и все имущество стало катиться в сторону торпедных аппаратов. Деферент нарастал и стал настолько крутым, что все уже не катилось, а просто сыпалось вниз, как в колодезь. Уж не знаю, как во сне я смог удержаться в кормовой части отсека и сам не ссыпался в пространство между торпедными аппаратами. И при этом еще даже каким-то непостижимым образом переместился на «нижнюю» палубу. А там бросил взгляд на глубиномер и в ужасе не мог от него оторваться. Стрелка глубиномера, как провозвестник смерти, зачаровала и совсем загнипотизировала меня своим сумасшедшим танцем. Дойдя до предельной отметки без задержек, совершила второй круг, а затем пошла на третий. Лодка уже не тонула, она обреченно падала в глубину страшной бездны. Прочный ее корпус, сжатый диким давлением огромного столба воды в несколько сотен метров, находился на пределе своих физических характеристик. В некоторых местах фланцы трубопроводов, связанных с забортными отверстиями, начали вылетать со своих мест, при этом они, как пули, пробивали встречающиеся на пути вещи и предметы.

Вдруг я увидел как термоизоляция, покрывающая корпус изнутри отсека, начала крошиться и отваливаться кусками разных размеров.

Интересно, что некоторые подробности, возникшие во сне, в качестве шутки кто-то когда-то высказывал, однако другие при-
снились сами. Именно этим обстоятельством я был больше всего поражен, когда проснулся.

Утонуть на подводной лодке я не боялся, и не потому, что был дураком или геройствующим парнем, а из-за уверенности в надежности техники и профессионализме товарищей. Хотя, когда под килем впадина глубиной в тысячи метров, то кто его знает. А если подумать, то какая разница, если твоя субмарина не может погрузиться на глубину более 400 метров. Тут уж километр туда или сюда, особой роли не играет. В подтверждение тому случай с «Курском», который погиб на глубине «всего-то» ста метров с небольшим.

Как-то в приватной беседе с одним врачом я рассказал про свой сон-катастрофу. На что врач сказал:

— Это следствие психологических переживаний и накопления эмоций, замешанных на страхах.

Я возразил, что в принципе служил на подводной лодке без боязни. Ответ был таковым:

— Значит, у вас страх был подсознательным, вы его туда загнали силой воли.

Иногда, возвращаясь в мыслях к этому сну, думаю, может, он был чьим-то переживанием или воспоминанием. Или по воле всевышнего мне было позволено пережить во сне чью-то реальную гибель. Если так, то может, мое чувственное сопереживание оказалось для кого-то важным и необходимым. Особенно если оно, хоть и во сне, достучалось до моего сознания.

Слышал от Алексея, что ты уже купила кольца.

Знаю, милая, что у тебя кончились деньги, хочется, очень хочется тебе помочь...

10.11.1978 г., 23²⁵.

Японское море.

Прошел слушок, что мы после автономки подадимся в Эстонию, в Палдиски. Два часа езды на элек-

тричке от Палдиски до Таллина. А мысль о службе после трех лет не дает покоя, и сейчас я подумал, а не попробовать ли мне остаться там.

Уже почил в бозе романтика службы на подводных лодках. Одновременно хочется это прокомментировать. Прошло всего-то пару лет, как мы расстались с Учебным центром города Палдиски, а нас вновь собираются отправить туда же. Вот так флотская организация регулировала вопросы повышения квалификации моряков. Хотя правильной и логичней было бы послать на учебу тот экипаж, который наиболее давно сидел за партой.

Говорят, что мы придем (вернемся в базу) 14 (ноября), очень хочется верить, что с тобой ничего не случится.

Вот же невезение. Болит зуб. Представляешь, залечил я его с таким трудом, даже на кэпа выходил. Дошло до того, что он мне запретил идти в санчасть (по боевой тревоге), а через минуту дал «добро». В первый раз врач мне поставила временную пломбу. Я попал к ней после обеда, когда у нее прием окончился, но все-таки она меня приняла и поставила пломбу. Отнеслась ко мне с участием, а этот чертов зуб не унимается, потихоньку ноет.

Уж не помню, с этим или с другим зубом приключилась такая же беда. Разболелся он у меня в море. Сколько времени мы находились на выходе в море, столько же он, зараза, болел и ровно столько же я маялся, пока не пришли в базу, где боль тут же отступила. Тогда уже, счастливый, я о стоматологе не помышлял. Через некоторое время мы снова ушли в море, и зуб, поганка подлая, снова заболел. По возвращении в базу он снова перестал болеть, и так повторялось не единожды. Каждый раз, находясь в море, я проклинал себя за проявленную нерешительность на берегу, что не лечил зуб, а оказавшись на суше, успешно «забывал» про нудящую боль. Вот вам, пожалуйста, тоже специфика подводной службы. Видно, на большой нерв влияли перепады давления, которые практически всегда имеют место на субмарине.

Сейчас стою на вахте, 23.25, ты, видимо, спишь глубоким сном. Мне стоять до 03.00. Интересно, а что это дед надумал нас выселять?

Мы все еще жили на квартире в Промысловке — деревеньке, что примыкает к Техасу при въезде со стороны Владивостока. По какой причине хозяин, то бишь дед, вдруг решил нас выселить, уже не помню. Однако данным обстоятельством мы были весьма озадачены, так как это подвешенное состояние длилось не одну неделю.

Как-то мы находились в море, где отрабатывали задачу по совместному плаванию с надводным кораблем. В пределах визуальной видимости надводного корабля мы погрузились под воду. Разошлись в разные стороны и давай не то взаимодействовать, не то в кошки-мышки играть. Как говорится, гладко на бумаге да забыли про ухабы.

Надводники пытаются нас нащупать. Однако не получается. Тогда мы включили МГС-29 (морская гидроакустическая станция), которая предназначена для определения места положения аварийной или затонувшей подводной лодки. Снова не получается, нас не обнаруживают. Тогда мы снова включили МГС-29. И снова надводники не могут нас нащупать.

И так и сяк мы пытались играть в поддавки со своими спасателями. Ну не получается у них ничего! Прямо как юноша, который впервые пытается овладеть скромной и неопытной девушкой: от бесплодных усилий оба намаются, уже мокрые и обессиленные, а толку никакого. А так хочется лодочку подводную нащупать. В конце концов, намучавшись, мы всплыли. Обе стороны, разочарованные и неудовлетворенные, разошлись как в море корабли — по базам — несолено хлебавши.

11.11.1978 г., 13⁴⁰.

Японское море.

...на корабле нас кормят претовратно.

На нашей лодке коки попадались не ахти, неискусные, а приготовление пищи было не на уровне, поэтому даже при гиподинамии,

какая была на подводной лодке, я оставался довольно стройным и подтянутым. На обед и ужин мог и не ходить, так как там почти ничего не ел, зато завтрак не пропускал. Потом уже в экипаже Николая Никитовича Германова, я узнал, что значит хороший кок. Тогда в обед съел все, что было подано, и даже готов был просить добавки, да постеснялся, а то подумали бы, что я обжора.

В связи с этим не могу не поделиться некоторыми соображениями о питании на подводной лодке. До сих пор не могу забыть вкус белого хлеба, который пекли нам к завтраку, когда мы были в автономке. Бывало, берешь ломоть хлеба, а он еще теплый или даже горячий, и на нем застывшее масло просто тает — и не от моей радости, а от своего соединения со свежим мучным изделием. Я никогда не испытывал такого удовольствия от поедания обычного хлеба. И даже если выпечка не очень удавалась, то все равно вкус и запах свежееиспеченного белого хлеба невозможно с чем-либо сравнить. А когда пропитаешь хлеб вареньем из лепестков розы... аромат этого бутерброда просто не передать словами! Некоторые моряки на свой ломоть хлеба клали все, что подавали к завтраку. Сюда шло порезанное вареное яйцо, крошенное печенье или галеты, кто-то клал еще что-то, затем это сооружение накрывалось вторым ломтем хлеба.

Лично мне доставляло неопишное удовольствие наблюдать, как такое четырех-пятипалубное сооружение, называемое на флоте смачным словом **птюха**, иной моряк пытался запихнуть в рот. И дерзкая акция, полная таинства, сокровенного общения со съедобным продуктом, всегда заканчивалась успешно. Это зрелище больше напоминало завтрак тигра, нежели обычный прием пищи homo sapiens-podwodnicus. Представьте себе толщину бутерброда, превосходящую самый широкий рот самого большого человека планеты. Однако для молодого моряка нет ничего невозможного. Наши подводники решали подобные задачи ну просто одним махом, или, точнее, одним смыканием челюстей. В первую очередь едоком выполняется фиксация птюхи верхними зубами, но это самая легкая часть задачи. Следующим шагом является попытка (ну почему же

попытка?) натянуть нижнюю челюсть на нижний край птужи, чтобы произвести первое надкусывание. Усердие, старание и ухищрение, проявленные при этом, отдаленно напоминали попытку надкусить яблоко, подвешенное на нитке. При этом сие таинство чревоугодия производилось с таким самозабвением и погружением в процесс, что перед глазами возникал образ голодной собаки, которая по счастливому случаю надыбала берцовую кость мамонта-гиганта. Великолепно-огромную лоснящуюся жиром кость, которая размерами превышала кусательный аппарат собаки. Однако ее аппетит, разыгравшийся в ходе сражения за насыщение, остановить мог только внезапный инфаркт по случаю невозможности грызнуть вожделенную кость.

В советское время часто можно было слышать, что человек сам является кузнецом своего счастья. Тогда так оно и было, и внешние условия способствовали этому. И каждый моряк ежеутренне успешно подтверждал истинность этой аксиомы, с улыбкой поглощая штатный завтрак подводника.

А все-таки вахта в море лучше, чем стоянка у пирса. Во-первых, меньше кантуют различными общими мероприятиями, а во-вторых, качка на меня действует убажжающее, во время качки мне уютно... Кстати, ко мне пришел Алексей Зырянов, я поговорю с ним, а потом продолжу.

Время 15⁰⁰. Леха ушел.

Бывает, что при 23° Цельсия холодно — в ватник кутаешься. Но сейчас 18,5°, а я сию в тоненьком РБ. Столько холодного железа вокруг — и ничего. Сейчас мы на глубине 60 метров.

Для обеспечения контроля состояния торпед у нас, в первом отсеке, были различные приборы, в том числе барометр, термометр и гигрометр (прибор для определения влажности в атмосфере).

12.11.1978 г., 00⁵⁵₂

Японское море.

...появление командира соединения...

Время сейчас 00.55. Короче, торчу на вахте. Этот самый тип вошел в отсек, прошел в галюн. Возвращаясь обратно, снизу, обратил внимание на то, что вахтенный (то бишь я), видите ли, сидит (собственно, а почему бы ему и не сидеть, ведь не спит же) на верхней палубе. Он обратился ко мне:

– Почему сидите?

– Изучаю книжку «Боевой номер».

– Изучайте стоя.

Ну, я как военный человек лапу к уху и:

– Есть изучать стоя!

Тоже мне нелепость. Когда он скрылся, я в сердцах швырнул эту самую книжку, «Боевой номер», о палубу и пнул ногой ни в чем не повинную торпеду. Разумеется, его нисколько не заботит (так хочется выругаться, да нельзя), что на каждого из нас двоих приходится стоять на ногах чистого времени по 12 часов в сутки, не считая боевых тревог и прочих мероприятий, да и многого другого.

Ну конечно, когда он ушел, я тут же бухнулся задним местом в прежнее углубление и естественно он уж больше ко мне не возвращался.

Просто командир 21-й дивизии атомных подводных ракетоносцев, капитан 1-го ранга (в последующем контр-адмирал) Эдуард Николаевич Парамонов, который был старшим на выходе, решил сходить в командирский «кабинет», то есть в галюн. И то, что я стал этому свидетелем, послужило поводом его раздражения. Бывает. Вот так одно раздражение потянуло за собой другое, а в результате пострадала важная документация, коей была книжка «Боевой номер», и боевая торпеда САЭТ-60М (самонаводящаяся акустическая электрическая торпеда образца 1960 года, модернизированная), или СЭТ-65 (самонаводящаяся торпеда образца 1965 года), незаслуженно обиженная мной.

12.11.1978 г., 14⁰⁵.

Японское море.

...хочется взять тебя за руку и подвести к морю,

чтобы ты сама увидела, какое оно красивое, увидела величественные берега, да-да, именно величественные. Своими размерами и очертаниями они утверждают свою монолитность и завершенность. На юге только красота, а здесь, на краю света, чувствуется какой-то великий простор, и даже неважно, что Японское море меньше Черного.

Да, красоты Дальнего Востока меня впечатляли, до сих пор не могу забыть виды залива Петра Великого, неповторимые краски закатов и рассветов. Вспомнил, и снова захотелось увидеть замечательную ту природу.

...ходят слухи, что мы придем в базу 13-го числа, впрочем, я сомневаюсь.

Уже три часа, пора будить Киданова на вахту.

13.11.1978 г.

Японское море.

Сегодня тринадцатое число (кстати сказать, оно для меня — счастливое). Но возможно, поэтому случилась пара досадностей.

Сказкин сказал, что это произошло потому, что я, видите ли, обул тапочки вместо сапог. Событие тем более примечательное, что я по прибытии из отпуска ни разу не надевал тапочки.

А дело вот в чем. У акустиков полетел какой-то трансформатор, казалось, ну и черт с ним. Но он еще и задымил. Ну а в наших условиях... это уже опасно. Что самое интересное — я в это время спал и об этом узнал лишь тогда, когда старпом нам всем дал копоты. Да, еще и у Сказкина поломка. Сегодня носился.

Здесь, пожалуй, необходимо кое-что добавить. Главным преимуществом подводных лодок является скрытность плавания. Режим тишины для подводника был в прямом и переносном смысле предпочтительнее громкой славы, поэтому являлся предметом заботы и главным делом командира и гидроакустиков, да и всех членов экипажа. Поэтому мое хождение по первому отсеку в тяже-

лых сапогах раздражало акустиков, занимающихся «прослушкой» окружающей водной среды.

Сейчас в надводном, готовимся к погружению. Стою на вахте.

Вот только что со мной случилось нечто невероятное, именно за этот отрезок времени, который определяется написанием одной строчки в письме. А ведь такого никогда не было, впрочем, нет, с Сеней Юдиным случалось подобное. Или нервы сдают, а может, мозг работает совершенно слитно с чувствами и командует ими. В общем, какая-то чертовщина!

В отсеке неизвестно откуда появились протечки воды – слабые. Разобравшись, я понял, что это вина Сказкина. А тут и он появился, да и бычок мой. Бычок сказал ему – убрать. Сказкин что-то вякнул в ответ. Бычок вышел и я принялся за Сказкина, настаивал, чтобы он убрал... В общем, долго объяснять, что я ему доказывал, только он пытался спихнуть дело на меня как на вахтенного. В итоге я трахнул ногой по двери, за которой он сидел. Он же не реагировал, по крайней мере, внешне. Тогда я начал на него орать, даже не кричать, а именно орать. И голос мой стал каким-то не своим, с хрипотцой, да и не сильный. Наверное, я больше мямлил. Сказкин упорствовал. И тут я схватил его за грудки (вот уж воистину – дошел), хотя он так твердо, основательно стоял, что сдвинуть его нельзя было. Это меня еще больше вывело из себя, и я поддел его коленкой, отчего он, как перышко, начал перемещаться назад. Одним словом я совсем сдурел.

Ну что тут скажешь? Тянет как минимум на неуставные взаимоотношения, а максимум — воинское преступление, влекущее за собой срок, в зависимости от последствий. Да, хорош гусь. Хотя, если разобраться, наша жизнь порой превращалась в ее подобие, в примитивное существование. Тем более важно было поступать по уставу.

Уже погрузились.

Характерна реакция молодого матроса при его первом погружении под воду: голова невольно втягивается в плечи, корпус сжимается и в состоянии напряженного ожидания — потонем или не потонем — взгляд устремляется к подволоку. После того как шумовое сопровождение погружения прекращается, голова молодого «карася» как бы выныривает из плеч, взгляд переводится на подвернувшегося члена экипажа и становится счастливым-счастливым. Весь его обескураженно-радостный вид представляет душу нараспашку.

А Сказкина я больше не трогал — он сделал то, о чем я его попросил. Конечно, глупо получилось.

Кстати, сегодняшние злоключения начались с того, что Баграмян дал на завтрак тухлые яйца, и никто не стал есть. Затем чуть ли не все море слили нам в трюм. Еще одного моряка так трахнуло переборкой, что бедняга улетел в другой отсек. Затем еще кое-где были нелады с гидравликой. А самый свежий момент: при погружении где-то пошла вода, видимо, из-за этого пришлось подвсплывать. Короче, может быть, все это — из-за того, что сегодня 13 число, да еще понедельник (если честно, то я не помню, какой сегодня день; знаю только число).

...Больше не мучай меня разговорами об отъезде домой.

Иногда случается, что вдруг по всем направлениям на тебя сыплются все напасти. Тут — то же самое, только неудачи сыпались на нашу несчастную скорлупку — подводную лодку. Слава богу, происшествия на боеготовность корабля в принципе не повлияли. А Михаил Михайлович Баграмян, «виновный» во всех этих безобразиях, находился в отдыхающей смене, а перед этим коку-матросу Саше Петренко согласно меню выдал яичный порошок и сухое молоко для приготовления омлета. Однако кок срочной службы пошел по пути наименьшего сопротивления, взял да и сварил для

экипажа несвежих яиц. Вот как это событие прокомментировал сам Михаил Михайлович:

Петренко подтвердил истинно украинскую поговорку «Нэхай кращэ утроба луснэ...». Он, мерзавец, сварил яйца, которые, по сути были приготовлены для дуковского мешка, выстреленного за борт. Если бы это сделал я, то командир съел бы меня со всеми потрохами. Так что по этому поводу был разбор у командира в каюте, после чего он сказал:

— Наказать старшего матроса Петренко, а ты иди отдыхай. После отдыха присутствуй при приготовлении пищи.

В данном случае экипаж, как и матрос-кок, пошел все по тому же пути наименьшего сопротивления, сделав вывод: «Баграмян дал на завтрак тухлые яйца». Вот и весь сказ про историю о тухлых яйцах.

А вот как появилась присказка про Михаила Михайловича «Самый хитрый из армян — это мичман Баграмян», этого я не знаю. Хотя должен заметить, что это говорилось лишь по причине складного звучания, в рифму, а на деле Михаил Михайлович — порядочный человек.

Этот случай как ремейк фильма «Броненосец Потемкин» так и просится на перо особисту, сочиняющему рапорт для начальства. Поданные к завтраку тухлые яйца послужили бы аналогом испорченного мяса, а вместо восставших матросов можно было бы представить взбунтовавшуюся технику, которую обслуживали матросы с больными животами.

Моряка шарахнуло переборочной дверью, видимо, из-за вентиляционного наддува отсека или снятия давления в нем, ведь многие приборы и механизмы, работающие на сжатом воздухе, стравливают его именно в отсек. Немаленькая масса переборочной двери отбросила человека так же легко, как младенец выплевывает соску. Когда я вернулся домой после описанных событий, Лена встретила меня словами:

— Что у вас на лодке происходит? То вы горите, то тонете.

Сей факт лишний раз доказывает, что сарафанное радио в поселке работало ничуть не хуже израильского «Моссада» или американского ЦРУ. Обычно о планах командования относительно корабля вместе с экипажем наши жены были информированы гораздо лучше нас. Поэтому, чего греха таить, когда я бывал дома, самым достоверным источником информации иногда являлась жена.

Однажды, то ли в 1970, или в 1971 году, Михаил Михайлович Баграмян, служивший на Камчатке, находился в гостях у старшего помощника командира Корнея Петровича. Жена командира, озабоченная тем, что муж должен скоро уйти в дальний поход, спрашивает:

— Дорогой, когда ты уходишь в море?

— Не знаю. Когда поступит приказ, тогда и уйду.

Корней Петрович, охраняя военную тайну, не посмел сказать, когда он с экипажем уходит на боевую службу. Михаил Михайлович, понимая ситуацию, также помалкивал, не вмешиваясь в семейную беседу. Однако жена, неудовлетворенная ответом, попыталась надавить на часть мозга мужа, ответственную за логические процессы.

— Но мне это надо знать, чтобы собрать тебя в море: купить сигарет, подготовить чистую смену белья и прочее.

Муж отмахнулся от нее. Наконец она собралась и пошла за покупками. Вернувшись, с укором выложила перед мужем строго оберегаемую им военную тайну. Не будучи ни опером, ни особистом, постояв в очереди, она от других жен, оказавшихся «надежным» источником информации, узнала достаточно: дату, время выхода лодки в море и даже фамилии прикомандированных флагманов. В дальнейшем полученная ею информация подтвердилась вплоть до часа выхода подводной лодки в автономное плавание и лиц туда же откомандированных.

Не всякий муж оказывается надежным хранителем военной тайны — непонятно, почему это радио называют «сарафанным».

Для жен источником информации является сильная половина че-

ловечества, которая, как правило, не в состоянии отказать слабой половине. Впрочем, об этом много и хорошо написано в романах Бальзака, знатока человеческой психологии. Еще раз подчеркнут мысль о том, что пускать на самотек процесс формирования офицерских семей, даже не пытаясь хоть чуть-чуть корректировать его в правильном направлении, было главной ошибкой советских идеологов.

Возвращаясь к изложенной ситуации, в качестве комментария можно добавить, что в море — да не только, и на суше тоже — взаимоотношения иногда входили в довольно жесткий тонус. Особенно когда некоторые служебные вопросы являлись яблоком раздора из-за чьего-то неправильного их понимания или когда одни обязанности перехлестывались другими. Тогда бывало сложно разобраться, кто должен исполнить спорную обязанность. Это происходило из-за размытости формулировок в инструкциях или отсутствия данного положения в руководящем документе, или из-за неверной трактовки тезиса заинтересованным лицом.

В описанной выше ситуации, в которой участвовал и я, командир БЧ-3, он же командир 1-го отсека, старший лейтенант Николаев должен был отдать конкретный приказ Сергею Расказову, произнести его в категорической форме, а не мямлить в виде гипотез и пожеланий. Инцидент был бы исчерпан, точнее сказать он бы просто не родился. Хотя может быть, командир понадеялся на мою напористость и нахрапистость.

Кроме того, череда указанных неисправностей, мелких поломок и аварий лишний раз доказывает, что подводная лодка, напичканная большим количеством простой и сложной техники, требует неусыпного надзора. Именно подобная канва аварий и поломок — но только более опасная для жизнедеятельности человека, техники или таких агрегатов, которые влияют на движение лодки, — может создать фатальный сценарий. Подобного рода случаев в литературе про Подводный флот описано достаточно.

15.11.1978 г.

Японское море.

Идем домой. Немного качает. Говорят, что сегодня же уходим обратно в море. Обидно! Быть совсем рядом и снова не увидеться.

Если раньше я сомневался, стоит ли уходить с флота, то сейчас это переросло в твердое решение — надо покинуть флотскую организацию, по крайней мере, тихоокеанскую.

Что если мы сегодня придем в базу и уйти обратно в море не сможем? Я-то, естественно, буду сидеть здесь, на корабле, а вот Леха Зырянов может сойти. По крайней мере, я от него буду знать, как у тебя дела, настроение и что у тебя нового...

Здесь такую паршивую беллетристику приходится читать, что даже жалко времени, в конце концов, своего ума на эти низкопробные вещи... Естественно, приличных вещей здесь не найти. Хочется осилить «Тихий Дон».

Снялись с якоря, вышли в море, сейчас покачивается, а мне нравится, качает плавно, с силой.

Погружаемся.

Время 23⁰⁰...

А сейчас 23²¹.

Вот так и пишу тебе письма...

Кстати, говорят, что мы сегодня с 19.00 часов «стоим» в дежурстве.

А все-таки мы сегодня в базу так и не вернулись. Говорят, что придем через пару суток. Никто с корабля не сошел, если не считать Юру Бессонова. Он сам ко мне обратился — не отправить ли мои письма.

Противоречивые по своей сути слухи только бередят душу, не принося ей, растревоженной, успокоения. Спокойствие обреталось нами только дома, и то ненадолго.

Сидит как-то старпом Алексей Алексеевич Ротач на главном контрольном пункте (ГКП) за пультом — опустил голову, чем-то занят. Входит Игорь Садыков, молодой офицер, в приподнято-

возбужденном настроении, и вдруг со всего маху как ударит ладонью по столу, будто муху прихлопнул:

— Как дела, Мотя?

Мотя — это старший лейтенант из третьего дивизиона БЧ-5. Он — человек полного телосложения, спокойный и нерешительный, с некоторым комплексом неуверенности в себе, поэтому подобное отношение стерпел бы. А вот наш старпом телосложением с Мотей хоть и схож, но не характером и не чином. Старпом Алексей Алексеевич Ротач — капитан 3-го ранга, второй после командира человек на корабле! Он отвечал за организацию и протекание всех служебных процессов на подводной лодке. Это суровый товарищ крепкого телосложения, а не рыхлого, как Мотя. Ко всему прочему он еще и строгий начальник.

Словно потревоженный в берлоге медведь, он медленно и осторожно, опасаясь рецидива, обернул к Садыкову суровое и совсем не приветливое лицо. Его озадаченно-перекошенная маска выражала крайнее недовольство и не обещала ничего хорошего. Садыков, увидев перед собой «добрейшей» души старпома, поняв, как он ошибся, только и смог выдавить:

— Т-товарищ к-капитан т-третьего ранга... Извините меня, пожалуйста. Я больше не буду.

Старпом медленно, как по заклинанию не то доброго, не то злого чародея, из обиженного медведя превращаясь в царственного льва, приобрел соответствующую его рангу осанку, недовольно и как бы с прицелом на будущее спросил:

— Так ты что, собирался еще и повторить?

Настроение Садыкова из радужно-безмятежного поменялось на тревожно-виноватое:

— Не-ет! Что вы! Да я просто ошибся. Думал, что это Мотя тут расселся.

— Ах, так я, по-твоему, еще и расселся?

— Ой, ну что вы, что вы...

Повезло Садыкову, что он нарвался на Алексея Алексеевича, который имел хорошее чувство юмора, не был злопамятным, и, в общем-то, понял, что шутка предназначалась другому.

18.11.1978 г.

пос. Тихоокеанский.

Письмо Елены

Добрый вечер, добрый вечер, мой хороший.

Вот, кажется, прожит еще один день – день без ТЕБЯ, любимый! На улице дождь, нудный осенний, в доме прохладно, и мне вместе с желанием укутаться, согреться вдруг захотелось сказать тебе много-много самых добрых слов, навеянных минутами одиночества. До чего горько сознавать, что я с тобой и без тебя! Понимаешь! Как хочется в этот холодный осенний вечер почувствовать рядом тепло, исходящее от всего твоего любящего естества! Милый, ты так умеешь согреть своим присутствием, своими самыми простыми и в то же время самыми необычными словами. Где ты сейчас, что с тобой? Пусть моя любовь поможет тебе и оградит от всего дурного, пусть она станет верным талисманом везде, во всем.

Что сегодня делала? Была у Ирины, посплетничали, я выкупалась, забрала у нее на день котенка и вот пишу тебе. Боже, до чего дико, пишу любимому человеку, который где-то недалеко, но не может быть рядом со мной.

Вот надумал это письмо Лены привести полностью. Красной нитью в наших письмах проходит разлука и тоска по любимому человеку. Где-то рядом угадывается его присутствие, однако его нет, и когда он появится, не знает никто. Постоянное ожидание всегда действует негативно, оно изматывает душу, угнетает физическое состояние. Такое положение напоминает донную мину, которая находится в режиме ожидания, чтобы подкараулить неприятельское судно. К сожалению, иногда на такую мину напарывается не вражеский, а свой корабль и им оказывается любимый человек.

25.11.1978 г.

Сейчас сию на вахте...

Кстати, насчет квартиры. Жинков пока не хочет отдавать свою квартиру никому. Он ждет жену. И во-

обще у него такие туманные планы, что мне на него полагаться не стоит, тем более он хочет получить ордер на свою квартиру.

Сергей Жинков молодой, но уже женатый мичман приехал на службу один, и ему сразу предоставили квартиру в расчете на то, что скоро он привезет семью. Кстати, этот молодой мичман прослужил недолго, и был уволен по пресловутой статье 46, пункт «ж» — за проступки, дискредитирующие звание военнослужащего.

Однако заместитель сказал, что поговорит с командиром, тем более что есть двухкомнатная квартира, в которой живет один наш офицер с женой и без детей.

Прошу тебя, милая, молю — осторожней ходи по дороге.

Сегодня уже четыре месяца и один день как мы живем и знаем друг друга.

Действительно, многие мои товарищи с участием отнеслись к нам. Даже некоторые моряки прямо спрашивают, как у меня дела. Как я понял, весь экипаж уже знает, что стряслось с тобой. И я буду спокоен, когда буду знать, что с тобой действительно все хорошо.

Буквально за несколько дней до описываемых событий, скорее всего, 19-го ноября с моей невестой произошла история, которая могла закончиться гораздо хуже.

Лодка тогда стояла у пирса. 20-го ноября я, находясь на вахте, был вызван к командиру. Вошел в каюту, присел по его приглашению, ничего не подозревая, тем не менее насторожившись, ведь для разноса обычно выбирались места традиционные: в отсеке, на «месте преступления» или «на выездном судебном заседании тройки» — на главном командном пункте. А тут я был приглашен в каюту командира! Что-то тут не так. Может, меня позвали для вручения награды за какой-нибудь незаметно совершенный подвиг? Командир начал издали:

— Ну, Алексей, как у тебя дела?

— Спасибо. Все хорошо.

— Как у тебя отношения с командиром БЧ-3 Николаевым?

— Тоже ничего.

Закончив вступительную часть, Олег Герасимович сделал небольшую паузу, затем спросил:

— Алексей, у тебя в поселке жена или невеста?

— Невеста, будущая жена, — сказал я.

Командир помедлил, подбирая нужные слова, продолжил:

— Ты только не волнуйся, но твою девушку сбита машина.

Посмотрев на меня как анестезиолог на пациента, оценив мою реакцию и убедившись, что я в порядке, продолжил:

— Звонила подружка твоей девушки. Подробности мне не известны. В общем, я тебя отпускаю в поселок, иди разберись, что произошло, но и сам будь осторожен.

Взволнованный и ошарашенный неожиданной новостью, почти ничего не соображая, я кинулся на СРБ, где личный состав передевался в спецодежду и проходил соответствующую проверку и в случае необходимости обработку. Там мигом переоделся, кратчайшим путем пошел в гору на КПП. Моряки меня пропустили без задержек. Понимая, что днем, в разгар боевой подготовки, в сторону поселка никакой попутки не ожидается, я без промедления двинулся пешком до развилки, где на трассе поймал автобус.

Ворвавшись в дом, я увидел сцену более радостную ожидаемой. Лена, присев на корточки, спокойно, безмятежно и со скучающим видом топила печку. Только пристально взглядевшись можно было обнаружить помятость ее вида. На радостях, что с ней все в порядке и от подаренной судьбой встречи мы обнялись. Затем Лена поведала, что же произошло. Она возвращалась из Техаса в Промысловку по дороге, ведущей во Владивосток, причем шла по правой обочине, то есть не навстречу, а по ходу движения транспорта. На вершине небольшой покатой сопки, где с правой стороны

находилось кладбище, а с левой невысокая стена, обозначающая въезд в Тихоокеанский, Лена услышала сзади сигнал автомашины. Не оглядываясь, взяла вправо и продолжила путь. Однако сигнал повторился. Она, все так же не оборачиваясь, сошла на самый край дорожной насыпи, а через мгновение почувствовала сильный удар в спину. Отлетев в сторону кладбища на несколько метров, потеряла сознание. Когда пришла в себя, то увидела испуганного армейского офицера, совсем молоденького, который в панике хлопотал над ней, не зная, что делать.

Первая мысль, посетившая Елену, была, наверное, как у всякой женщины — цела ли шуба. И хвала этой заморской шубе из Англии, которая смягчила удар высокого бампера военной машины, видимо «Урала». Благодаря ей не было тяжелых последствий. Лену тут же доставили в госпиталь, где ее осмотрел военный доктор и не нашел оснований для больших волнений. Не зря он в дальнейшем пытался отследить состояние ее здоровья, особенно в мое отсутствие.

Однако это дорожно-транспортное происшествие имело свое продолжение, помогло раскрутить ситуацию в нужном русле. Ирина, жена Алексея Зырянова и настырная подружка Лены, тут же предложила использовать шанс, чтобы вызвать меня домой. По закрытому каналу служебной связи она вышла на командира РПК СН «К-523» Олега Герасимовича Чефонова и, нисколько не разбавляя, а скорее наоборот, сгущая краски, описала событие, которое произошло с будущей женой мичмана Ловкачева Алексея Михайловича. Пробивная настойчивость Ирины Зыряновой, конечно же, возымела воздействие на флотскую систему.

В результате я оторвался что называется по полной программе. Кроме того что на правах жениха, у которого невеста попала под машину, в течение трех дней как бы помогал ей поправить здоровье, так еще 24 ноября 1978 года женился — официально зарегистрировал брак. И свидетелями у нас были, конечно же,

Зыряновы — Ирина и Алексей. Так называемую свадьбу мы сыграли в местном ресторане «Дельфин» при небольшом количестве друзей-товарищей.

К сожалению, не обошлось без драки, в которой поучаствовали чуть не все приглашенные, а жених с невестой так прямо как в фигурном катании исполнили «обязательную программу».

Какой-то бывший десантник, отдыхающий за соседним столиком, цеплялся ко всем подряд. Ну а докопаться до невесты с женихом, в том числе и к их гостям, просто нашел неукоснительным долгом. Он также счел святой обязанностью выразить восхищение невестой и ее платьем, что носило не совсем джентльменский характер.

При мне этот герой-десантник для затравки затеял драку с Генной Фоминым. Меня это, конечно же, «взяло за живое», особенно вид двух дерущихся: этот хулиган, верзила около метр девяносто или даже выше, и Гена — низенького росточку, что-то около метр шестьдесят. Отстранив Гену, я занял его место. Если честно, то как истинный джентльмен я сначала пытался дотянуться до наглой морды возмутителя спокойствия и под видом бокса просто насиничить ее власть, нарисовать на ней круги под глазами. Однако его длинные клешни помешали осуществлению моих невинных джентльменских устремлений.

Бесплодные попытки меня озадачили. И тут пришло озарение, что никакой я не джентльмен, а простой советский каратист. Черт возьми! И тогда совсем уж неприличным ударом ноги «мае гери» я выстрелил ему куда-то в середину туловища, сложив тем самым его пополам, как лист бумаги. Другим таким же простым ударом «маваши гери» я свалил его на пол, как грибник сшибает ботинком мухомор. Моим глазам открылся жалкий вид растянувшейся пьяной десантуры. Меня порадовала нарисовавшаяся картина, и я посчитал сей эпизод законченным. Разумеется, лежачего никто из нас добивать не стал, и напрасно. Но десантник, видимо, захотел получить автограф такого мастера, как я, на своем фейсе. Собственно, я с

самого начала этого хотел... В итоге он совершил еще один «подход к снаряду». И тогда уж не выдержала невеста, прекрасная Елена. Она опередила меня и показала, что при необходимости может превратиться в фурию.

Ну, кому-то, может, и нравится, как дерутся бабы. Мне же нет, не нравилось. Но после увиденного я стал любителем сцен, когда баба лупит мужика за дело. Моя суженая вцепилась в бесстыжие, залитые спиртным глаза уморы-десантника. И только тогда мы обрели покой. Как ни странно, но самой эффективной атакой оказалась та, что последовала со стороны невесты. После этого чудодесантника как ветром сдуло. Так что поле брани осталось за нами, за подводниками, и за нашими отнюдь не слабыми половинками.

И погуляли мы на славу. Остальные посетители ресторана оказались приличными людьми. С одним я даже успел подружиться. Знакомство продолжили на улице, когда мы направлялись домой. Отойдя на приличное расстояние, превышающее дальность броска гранаты, я, сложив руки рупором, интеллигентно кричал в его удаляющуюся спину, словно мы были в лесу:

— Юра-а-а! Тебя как зову-у-у-т?!!!!

Лена, возмущенная моим озорным ором на всю улицу, со смехом выговаривала:

— Это ж надо так по-детски веселиться на своей свадьбе!

Пошли домой! Муж.

При этом подзагулявший мичман, то есть я, уже через день-другой после выдачи увольнительной стал вызывать тревогу у командования корабля, и ко мне нарочным выслали Славу Егорова, чтобы поинтересоваться, а не соскучился ли я по службе. Но ведь у нас была свадьба! Остатки моей совести разбужены не были, так как официальное оформление брака было спланировано на следующий день.

И лишь после свадьбы и первой брачной ночи я рано утром ушел от молодой жены к другой суженой — службе, чтобы вернуться домой не скоро. Ведь Витюша Киданов был брошен мною на вахте без присмотра и в гордом одиночестве. И пришлось мне после

этого отдавать долги. Зато в качестве свадебного путешествия было хождение по Японскому и Охотскому морям. Был я там без своей половинки, увы. Вместо белого свадебного парохода путешествовал на черной боевой суперсовременной подводной лодке. Бороздил моря и океаны в течение семидесяти восьми суток, два с половиной отнюдь не медовых месяца. А-а-а, чтобы служба медом не казалась!

Ну а 25 ноября, скорее всего уже вечером, заступив после 18 часов на вахту в состоянии тоски по жене, я сел за написание докладной записки в ее адрес о проделанной работе моей души.

26.11.1978 г., 16⁰⁰.

Бухта Павловского.

Только что видел Зырянова, он собирается домой, а мне, видно, не суждено сегодня тебя увидеть. Это расплата за четыре беспечных дня ничегонеделания. Поэтому решил передать тебе, моя милая жена, это письмо через Алексея.

Киданов сегодня вряд ли явится на службу, поэтому, собственно, я и пишу это письмо.

Остаточное явление после моей гулянки: Витя Киданов законным и естественным образом продолжал компенсировать свои сверхнормативные вахты, возникшие из-за моей женитьбы.

26.11.1978 г.

Бухта Павловского.

...Поразило известие о том, что мы переехали в 33-ю квартиру. Сам факт еще ничего, но то, с каким боем вы ее брали...

Помню, что рассказ Лены о том, как она с подружкой брала эту квартиру приступом, вызвал у меня шок и большое сожаление, что меня не было рядом.

В последнее время нередко приходит мысль, что не обязательно жить в городе, чтобы попадать в стрессовые ситуации. Наверное, для этого достаточно жениться. А впрочем, может, в этом повинен сумасшедший XX век.

Так уж получается, что события опережают наши письма. И ты будешь читать это письмо тогда, когда уже другие проблемы (кто знает, быть может, более волнующие) будут беспокоить наши умы и души.

Сегодня заступил на вторые сутки. Киданов приехал и снова уехал – все в порядке вещей.

Все же жаль Славку, он пришел сегодня на корабль обиженный. Когда я его увидел и поздоровался с ним, он мне сказал, что у него ко мне дело. И с таким мрачным видом это сказал, что я даже испугался опять услышать что-нибудь страшное. А услышал о каком-то скандале.

Милая, родная Лена, прошу тебя, больше ни у кого не иди на поводу. Понимаю, обстоятельства зажимают, но и торопиться не надо. Я знаю, что говорю то, чего не следует.

Любимая моя, я тебя люблю и хочу тебя увидеть, чтобы рассеять все эти нелепости. Сейчас мне очень трудно без тебя... Очень хочется быть с тобой, чтобы никакие дразги не мешали мирно жить. Хочется задать вопрос неизвестно кому: почему нам хорошо наедине, когда ничто не мешает, но стоит выбраться на люди, как мы испытываем на себе влияние какого-то злого рока...

Одно время Лена снимала угол у моего товарища Славы Егорова, точнее сказать, у его жены Фаины, очень трудного человека, с которым отношения не сложились. К сожалению, наши с Леной взаимоотношения иногда омрачались данным обстоятельством.

После 26.11.1978 г.

Бухта Павловского.

Сегодня утром, когда я вышел из дому, на улице дул такой пронизывающий ветер, что лицо сковывал невыносимый холод. Осадков почти не было, лишь на асфальте, возле самой бровки, лежал снежок. Зато в Павловске был уже довольно приличный его слой, который даже пришлось убирать. И ветра здесь не

было. Из-за этого снежка машины, автобусы с большим трудом преодолевали горку, на которой первая очередь транспорта сделала каток. Сейчас здесь тоже поднялся ветер, в казарме чувствуешь себя неуютно, на улице с величайшей радостью думаешь, что тебя ждет теплый отсек. Все-таки я к нему привык, и мне кажется, здесь уютно.

На службу экипажи практически всегда возвращались на автобусах первой очередью в 06.30. Когда по какой-то причине из Техаса не удавалось уехать на службу служебным автобусом, то мы выходили на развилку, находящуюся на сопке, прозванную «На семи ветрах» — по одному названию можно судить, какой там гулял ветер. Там, напротив дома, где жил наш механик Николай Иванович Семенец, «ловили» попутный транспорт, на котором по трассе «Владивосток-Находка» добирались до развилки у небольшой деревеньки Тин-Кан. И оставшиеся семь километров по сопкам преодолевали пешком. На службу при этом мы практически не опаздывали, потому что до подъема флага оставалось достаточно времени, правда, на завтрак успевали не всегда.

Кстати, за два с половиной года, проведенных на «К-523», я в первом отсеке все равно не чувствовал такого уюта и обжитого вида как на камчатской «азухе» — название проекта ПЛ 667А по букве «Аз».

29.12(11), 1978 г.
пос. Тихоокеанский.

Письмо Елены

Сегодня хотелось тебя увидеть как никогда. Бегали с Ирккой встречать вас, но увы... Печально думать, что завтра вы уходите неизвестно на сколько, и я тебя не увижу, а так хочется.

У меня все нормально, с Файкой тоже, вроде бы, лады. Скорей бы найти свой угол, а лучше бы — домой. Ирка собирается домой на Новый год.

Я все-таки, верно, тоже уеду, как трудно станет без тебя, дома-то легче. А вообще ничего еще неиз-

вестно, ведь у меня все зависит от настроения.

Что еще? Возвращайся скорей, я тебя очень,
очень жду. Жду и люблю.

Легкого вам погружения и удачного всплытия.

До встречи, любимый!

Возвращайся скорей!

Я.

Судя по логике событий Лена, напутала с месяцем, скорее всего, это был ноябрь, а не декабрь, потому что 29 декабря мы находились в автономном плавании. И до встречи было так далеко, как, наверное, до луны.

Это недлинное письмо Лены я воспроизвел целиком. В нем чувствуется грусть предстоящей разлуки, груз которой настолько тяжел, что Лена его страшилась. Ей казалось, что дома, в Минске, будет гораздо легче перенести разлуку. Легче — согласен, но не намного, ведь от себя и своих мыслей не убежишь. Тревога за близкого человека везде достанет. Словно ржавчина, она разъедает душу, насылая безысходность, застает в четырех стенах любой скорлупки-квартиры.

Подружка Лены — Ирина, жена Алексея Зырянова, родом из Комсомольска-на-Амуре, собиралась на время нашей автономки ехать домой. Ей, чтобы оказаться дома, необходимо было преодолеть самолетом около тысячи километров, а Лене — в десять раз больше. Но и десять тысяч километров не спасали — душа все равно будет рваться обратно.

***

А мы, закапсюлированные в своем наutilusе, ушли в Мировой океан.

Кстати, о психологической совместимости на подводных лодках. На эту тему на флоте больше говорили, чем что-то делали в практической плоскости для решения этой проблемы. Ведь при нахождении в экстремальных условиях психологическая несовместимость может всему экипажу оказать очень даже плохую услугу.

Для иллюстрации того, как несовместимость может возникнуть почти на ровном месте, и даже не на подводной лодке, а на берегу, предлагаю историю, рассказанную бывшим однокашником по ленинградской Школе техников Анатолием Арнольдовичем Кржачковским.

Действие проходило в гостиничном номере Учебного центра в эстонском городе Палдиски, где северный экипаж ракетного подводного крейсера стратегического назначения проекта 667БД «К-421» проходил подготовку.

Действующие лица — два мичмана. Вячеслав Калашников — старшина команды электриков, «ростом метр двадцать», однако «мал золотник да дорог», так как он был охарактеризован как умнейший мужик. И Николай Казаков — старший электрик, старшина 2-го отсека, родом из старинной Кинешмы, красивого города.

Находясь в нормальном состоянии, наши герои поддерживали чудные товарищеские отношения. Но стоило им в свободное от службы время выпить, как их в отношениях возникали некоторые трения и наэлектризовывали ситуацию так, что без диэлектрических рукавиц и резиновых галош к ним лучше не подходи.

В очередной раз, когда весна переходила в лето, не то в конце мая, не то в начале июня, друзья не в меру «наэлектризовались». У меломана Казакова был бобинный магнитофон «Комета», и он слушал записи что называется в запой. Но вот Калашников, явившись с вахты уставшим и голодным, поставил на плиту разогревать чайник и заявил, что очень хочет поспать, в связи с чем желает тишины, не желает слушать магнитофон. На мой взгляд, это вполне уважительная причина, чтобы вежливо попросить товарища:

— Выключи магнитофон.

Казаков, находясь в состоянии мечтательной эйфории, эгоистично и равнодушно отмахнулся от просьбы друга:

— Не мешай, — и замкнулся сам на себя — сделался глух и нем. Сколько еще раз страждущий покоя Калашников обращался к «глухонемому» Казакову с одной и той же просьбой, история

до нас эту информацию не донесла. Однако точно известно, что, сколько он ни просил о тишине, в ответ звучало равнодушное и безучастное к товарищу отношение:

— Не мешай.

Точка кипения Калашникова и его чайника совпали одновременно и по времени и по градусу. Так как этот милый разговор, как в лондонском бомонде, происходил без внешних всплесков и эмоций, то так же спокойно насилуемый звуками Слава подошел к Колиному магнитофону и обеими руками вывел его «на орбиту» через открытое окно. Магнитофон, как старый бабушкин ридикюль, смешно шлепнулся на асфальтовое покрытие эстонской улицы Таам Сааре и вывалил на него часть своих внутренностей.

Но ведь всем известно, что любое действие, пусть и в защиту себя от террориста с магнитофоном, вызывает противодействие. Поэтому аналогичным жестом, только уже противной стороны, на ту же «орбиту» Николай попытался вывести Славин фотоувеличитель. Этот предмет, разложенный за компанию с ванночками с проявителем, закрепителем и прочими принадлежностями в условиях тесной общаги постоянно мешал Казакову. В точности повторив траекторию магнитофона, он попал все на тот же твердый асфальт красивой эстонской улицы Таам Сааре.

На всем протяжении светской беседы милых друзей в окно вылетали прочие другие личные вещи действующих лиц.

Вот так два товарища, морально уставшие друг от друга, подчистили свой гостиничный номер от «лишних» вещей, оставив только те, которые несли на себе инвентарный номер, тем самым подтверждая государственный статус и неприкосновенность. По понятной причине они к морально-имущественному спору двух наэлектризованных электриков отношения не имели.

01.12.1978 г.

Бухта Конюшкова.

...так захотелось тебя увидеть, и все же я решил Киданова отпустить. Он этого даже не ждал — с радостью подхватился. Сделал так, чтобы никому и

ничем не быть обязанным. Кто знает, может быть, мы перед автономкой отдохнем.

Имеется в виду предавтономный отдых в поселке, который «светил» как звезда последней надежды, что мы какое-то время побудем с любимыми.

А у нас, как всегда, все распорядки ломаются, и все вертится каруселью. Перед выходом в море экипаж позавтракал в положенное время, зато обед был в 17.00 часов, а ужин... – вот умора! – аж в 05.00 часов утра. Это при том, что в море мы уже в 04.00 утра завтракаем. И смех и слезы!

Также выдаю какие-то нелепые концерты. Суди сама: явился в отсек по тревоге ну и давай махать ногами. А какой-то моряк начал вякать. Собственно, для меня было неважно, что он сказал, главное, что он выступил. Я, недолго думая, сконцентрировал свои физические усилия не на нем, а в его непосредственной близости. Это больше походило на феерию, однако в его глазах я увидел слезы. Остановившись, я сказал ему несколько слов о его фамильярности. Бедняга позорно бежал из отсека.

Увлечение каратэ, как я уже говорил, в то время было моим хобби, поэтому, оставаясь в отсеке один, я отрабатывал некоторые его элементы. Не всем это нравилось, пусть даже случайным свидетелям. Поэтому иногда в мой адрес раздавались замечания или насмешки. Последние, правда, раздавались редко, с учетом специфики моего увлечения. Думаю, их было бы больше, если бы я занимался шитьем или вязанием. В любом случае насмешек я терпеть не собирался. Вопрос свободы делать то, что не запрещено законом, тогда стоял острее, чем в нынешнее время. Тем не менее даже сейчас считается долгом или даже почетной обязанностью наступить на горло другому и лишь его возможности заниматься своим делом, если это не отвечает чьим-то интересам или вкусам. А тем более с учетом старшинства, да и еще на торпедной палубе, где вахтенный является «ночным директором» всего первого отсека.

Вывод: Будь терпим к увлечениям другого, разумеется, если он поступает в рамках закона и не ущемляет твоих прав.

К офицерской военно-морской форме полагалось снаряжение для пистолета, которое носили при заступлении на дежурно-вахтенную службу. На первый взгляд, снаряжение как снаряжение, однако, если сравнить его с армейской кобурой, то кроме черного цвета имелось еще одно отличие — оно крепилась не к ремню, а болталось на ремешках длиной около 20-25 сантиметров, как и кортик. Как-то офицеры на «К-523» получили другое снаряжение, которым пользуются морские пехотинцы, — черного цвета. Но без дополнительных ремешков, то есть по своему «устройству» — армейское.

На нашем корабле «К-523» было проверено практикой, что каждый офицер, носивший морпеховское снаряжение для пистолета, был в большей или меньшей степени травмирован. Травмы получали при переходах из одного отсека в другой, в движении, когда офицер поднимался или спускался в рубочный люк в тесных условиях подводной лодки. Так что военно-морская кобура, щегольски болтающаяся на боку, это не дань флотскому шику или какое-нибудь пижонство, а необходимость, продиктованная интересами здоровья и личной безопасности моряка.

02.12.1978 г., 08²⁰.

Бухта Конюшкова.

Стою на вахте. Ночью была сыграна «боевая тревога». На сильном ветру порвалось три швартовых конца, и мы вынуждено отошли от пирса. Пока отходили, сильный ветер чуть не забросил к нам на палубу (имеется в виду палуба верхней надстройки ракетного крейсера) буксир, который помогал отшвартоваться от пирса. А сейчас стоим на якоре, только слышно завывание ветра да за бортом чувствуется приличное волнение.

Когда рвутся канаты и тросы, не дай бог оказаться на пути движения их обрывков — человека запросто может рассечь надвое.

А если сильный ветер чуть не забрасывает буксир на палубу атомохода, да еще в укрытой бухте, можно представить что творилось в открытом море.

...пока служу здесь, страшно опустил физически. Кстати, ведь в Техасе есть группа каратэ, правда, я не видел ни их тренировок, ни самих ребят. Говорят, есть один старлей (Крюзович), который тренирует эту группу. Коля Булычев хотел меня туда затащить, но не нашлось времени, и я так и не выбрался.

К сожалению, из-за хронической нехватки времени мне так и не удалось посетить в поселке секцию каратэ.

Кстати, насчет квартиры. Зам пока однозначно говорит, что мы должны въехать на место Милого, поэтому ты будь в контакте с Милой. Но еще и такое слышал, что командование решило разобраться с квартирами перед автономкой, поэтому пока тоже не торопись. А вообще, все эти тяжбы мичманских семей, как по квартирным вопросам, так и по личным (бытовым), уже набивают оскомину, прямо наваждение.

Как и по всему Союзу, в Тихоокеанском квартирный вопрос стоял остро. Наш корабль являлся боевой единицей только что созданной дивизии атомных подводных лодок — носителей стратегического оружия, поэтому офицеры и мичманы все-таки получали квартиры. В другом экипаже мой годок, будучи женатым, в течение пяти лет службы квартиру так и не получил, поэтому его жена нахдилась в городе Искитиме Новосибирской области.

Вчера вечером Киданов съехал домой на Путятин (остров Путятина располагался в непосредственной близости и визуально просматривался и от Павловска, и от Техаса. Откуда была родом жена Вити Киданова), сегодня должен вернуться, быть может, что-нибудь привезет на утеху мичманам.

На острове Путятина был заповедник, где разводили морских котиков, песцов, оленей и прочую живность. Там также находилось

какое-то рыболовецкое хозяйство, и Витюша действительно иногда привозил оттуда разные вкусности: сушеные-вяленые и прочие потрошенные-непотрошенные рыбные деликатесы.

Черт возьми! И все-таки это уже решено (мне так кажется, по крайней мере) бесповоротно. Еще три года отдаю Родине, нашим Вооруженным Силам, доблестному Военно-Морскому Флоту и нафиг из этого «чудного» Павловского, Чилимского края — на гражданку, поближе к цивилизации, где, быть может, хоть изредка буду сталкиваться со спортом (подбежать на троллейбус, потолкаться в толчее и т.д.).

Да, в те годы, когда я был молод и подтянут, меня сильно раздражало отсутствие возможностей для спорта. Да что там! — не хватало времени не только на физкультуру, но и на личную жизнь. Хотя на службе, наверное, можно было бы приобщиться к физкультуре и спорту. Но опять же — не было времени. Да и условий для такой экзотики, как каратэ или йога. Потому что для подобного рода занятий уединиться практически было невозможно.

На субмарине имеется рубочный люк, по сути, он является главным, я бы даже сказал «парадным» входом на подводную лодку. Люк в сечении круглый, имеет в диаметре шестьдесят пять сантиметров, и человек с нормальным телосложением в него проходит достаточно свободно. Люди тучные тоже втискиваются, правда, наиболее выдающиеся из них иногда впритирку. Я же тогда был если не субтилен, то строен, поэтому в люк проходил не как нарезная пуля в ствол, а как дробица малого калибра в охотничьем ружье — с приличным зазором. От верхнего зеркала комингса рубочного люка до верхней палубы третьего отсека я, как и все подводники, по трапу спускался чуть не в свободном падении, с быстротой низвергаемой Перуном молнии, только без раскатов грома. Правда, однажды, вот так сливаясь, я правой ногой точнехонько припечатал погон какого-то страшно старшего лейтенанта. По сию пору помню этот черный погон с желтым просветом и тремя золото-алюминиевыми звездочками, попранный моим не очень опрятным башмаком. Благо,

офицер оказался крепким, да и я не слишком тяжелым. Он устоял на ногах, хотя качнуло его не слабо. После тяжелого испытания весом в пять с половиной пудов он, жалобно крикнув, только и молвил:

— Осторожней...!

И видимо, хотел еще что-то прибавить от души, однако как истинный джентльмен-подводник стойко промолчал. Я же, приближая себя по рейтингу к профессионалам-подводникам и понимая, что старший лейтенант сам подставился, хоть и с чувством вины, но все-таки не смолчал:

— Так ведь под люком не стоят.

— Так и я не стоял, а проходил.

То есть меня как бы обвинили в том, что я как бы специально подловил офицера, чтобы нарочно потоптаться на чужих погонах.

— Ну-у, извините...

Я тогда еще подумал, повезло ему. Ведь на моем месте мог оказаться и старпом, который имеет около центнера живого веса и считай такой же массы непререкаемого авторитета, против которого не только не попрешь, а даже и не вякнешь.

После 02.12.1978 г.

Бухта Конюшкова.

Прости, родная, что не смог сегодня вырваться из «пекла». Уже был в катере, когда кэп обратил внимание на мою персону и сказал:

— Ловкачев! Марш на корабль. Недисциплинированным военнослужащим с партбилетом в кармане здесь делать нечего!

Такое было впечатление, что мне душу наизнанку вывернули. И такая злоба появилась на всех, да и на себя тоже, что не смог как следует отойти в тень на катере. Какая-то пара шагов и я в... попе.

Говорят, что в воскресенье мы уходим в автономку».

К сожалению, чем моложе мичман, собственно, как и любой военнослужащий, тем он бесправнее и тем меньше может рассчитывать на какие-либо блага. Что и пришлось мне испытать в очередной раз.

Помощник командира Геннадий Иванович Баранченко, как материально-ответственное лицо по обслуживанию матчасти нашей славной «К-523», получал идеологически коварный, но жизненно необходимый продукт — технический спирт. Затем он или старпом этот спирт выдавал командирам боевых частей и начальникам служб, при этом главный уставовед корабля применял «военную» хитрость. Правда, эта военная хитрость по уголовно-правовым меркам квалифицируется как мошенничество, а суть ее заключалась в том, что Геннадием Ивановичем спирт выдавался не килограммами, а литрами. Я хоть и не дружил с химией со школьной скамьи, тем не менее разницу между литром и килограммом, как ни странно, улавливал. А про офицеров с высшим образованием и речи нет. Что в свою очередь говорит о шитье белыми нитками «военной» хитрости Геннадия Ивановича.

Только не подумайте, что я подвожу нашего глубокоуважаемого Геннадий Ивановича под уголовную статью. Всем известно, что по роду своей деятельности ему приходится решать огромное количество разных служебных вопросов, для чего спирт необходим, как воздух. Перед уходом во вторую автономку Геннадий Иванович обнаглел еще больше, он по совету старпома стал цинично недоливать по сто граммов. Прямо как по пресловутой статье всеми почитаемого, но далеко не всеми соблюдаемого уголовного кодекса об обмане покупателя, когда нам недоливали, например пива или чего-то покрепче. Возмущению офицеров не было предела, и они в категорической форме возроптали и потребовали выдавать им вожделенный технический продукт как положено — исключительно в килограммах. Первым насчет спирта, как любитель и почитатель сего продукта, стал возмущаться Константин Георгиевич Роговенко. Хотя инициатива пошла снизу от подчиненного ему молодого лейтенанта. Эта ситуация усугублялась тем, что спирт, получаемый на базе, по всей вероятности, крался на всем этапе прохождения, а потому разбавлялся. Ведь в то время для определения качества этой жидкости спиртометров ни у кого не было, а если и были, то об обладателе этого прибора ходили чуть ли не легенды. Поэтому

настоящую силу (градус) получаемого концентрата (спирта), по сути, не знал никто. Вот и пронизывал обман сверху донизу сначала береговую базу, а затем все экипажи, и наш заодно.

16.12.1978 г., 12³⁰₂

Уже в Павловске.

Швартуемся. Только что пришли из Конюхов.

...Да, и еще обязательно сообщи мне о своих планах. Уедешь или нет, и когда вернешься, решай это мгновенно и сообщи мне. Хочется, чтобы ты меня ждала здесь, почему-то думаю, что там (в Минске) будет труднее, ведь расстояние-то увеличится.

Получил денег 1000 рублей, около этого. 20 рублей отдал Володе, с партией еще не рассчитался, поэтому прочую мелочь оставляю у себя, а тебе передаю 900, думаю, хватит.

То, что мы получили в зарплату большие деньги, говорит, что вопрос с дальним походом решен окончательно и уже известна дата нашего выхода в море. Кстати, не такие уж это были и большие деньги, мы их просто получили наперед, как аванс за время нашего нахождения в море, чтобы нашим семьям было на что жить в наше отсутствие. Вообще-то в советское время я не помню других случаев выдачи денег авансом, кроме командировок. Ясен перец, выход в море тоже считался командировкой! В море ушел, и из этой командировки (автономки) до конца срока ты уж точно никуда не денешься. Даже твои останки в какой-нибудь провизионке, если что, доставят обратно в базу. Поэтому считай, что оплачено по факту использования. По возвращении из автономки мы дополучали морские и боны — чеки. По сути, это тоже денежка, но такая, которую можно было освоить лишь в магазинах «Торгмортранса» портовых городов под названием «Альбатрос».

Кстати, передаю тебе также свое удостоверение личности вместе со справкой. Попробуй пробить комнату, а то, как видишь, мне это не удастся. Жаль, что всем ворочаешь ты, а не я, даже обидно...

Перечитав этот текст, поймал себя на мысли, что слова в дневнике звучат как удовлетворение от того, что уйду в море, оставив решение мужских проблем своей жене.

Главное, чтобы ты устроилась на работу (кстати, может, дед уже помог?) и получила квартиру... Обязательно, напиши мамам, папе и своей сестре от меня теплый предавтономный привет...

А с работой в Тихоокеанском были сложности. В то время как во всем Союзе был дефицит рабочих рук, здесь, наоборот, не хватало работы для жен моряков. Лене, как абсолютному большинству наших жен, устроиться на работу не удалось. Вот бы где мог получить развитие бизнес, как по линии легкой промышленности, так и кустарного производства.

17.12.1978 г., 10³⁵.

Еще в Павловске.

Пишу последние строки перед уходом (в автономку).

Подумал и решил, что, в общем-то, ты можешь сделать как тебе будет угодно — можешь остаться или уехать домой — решай сама...

P.S. Только что говорил с замом (заместителем командира по политчасти Владимиром Васильевичем Малмалаевым), даю адрес квартиры, в которую въедем, ул. Комсомольская, д. 19, кв. 119. Документы будут в МИСе где-то в среду. Сегодня посмотри квартиру. Зам записал наши с тобой анкетные данные, чтобы направить документы в МИС.

С адресом полученной квартиры что-то переиграли потому, что впоследствии он оказался несколько иным — ул. Комсомольская, д. 19, кв. 116, рядом с домом, где располагался поселковый совет. В этом поссовете мы с Леной расписались, официально став мужем и женой.

Вот с таким настроением и с такими мыслями я отправлялся в длительное плавание, называемое дальним походом, или боевой службой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

УЧЕБНЫЙ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ОТРЯД ПОДВОДНОГО ПЛАВАНИЯ (УКОПП, КУОПП) ИМ. С.М. КИРОВА¹

Спустя несколько дней после создания в России подводных сил, что произошло 6 марта (19-го по н. ст.) 1906 года, в Либаве (ныне Лиепая) на базе порта императора Александра III создается первый Учебный отряд подводного плавания. Основанием для его создания послужил приказ № 88 от 17 (29) апреля 1906 года, подписанный Морским Министром вице-адмиралом А. А. Бирилевым. В приказе говорилось: «Государь Император, в 27 день марта 1906 г., Высочайше утвердить соизволил 1) последовавшее в Государственном Совете мнение об учреждении учебного отряда подводного плавания и 2) штат учебного отряда подводного плавания...».

29 мая 1906 года Николаем II утверждено, а 3 июня по Морскому ведомству проведено приказом «Положение об Учебном отряде подводного плавания».

Первым руководителем Отряда считается контр-адмирал (на момент создания отряда был капитаном 1-го ранга) Эдуард Николаевич Щенснович. К тому времени Россия имела 19 субмарин, и для каждой из них нужны были знающие свое дело моряки. По докладу контр-адмирала Э. Н. Щенсновича была создана комиссия, вывод которой имел следующий вид: «Ни одна часть морской специальности не требует от личного состава таких знаний, как подводная лодка; здесь каждый должен знать, что ему надо сделать при различных обстоятельствах, ошибки не допускаются, а потому все служащие на подводных лодках должны пройти самым основательным образом соответствующий курс в школе и выдержать отлично экзамен по установленной программе» (Курганский Ю. Н., Сирый С. П. «Подводные силы России в дореволюционный период»).

Осенью 1907 года в Учебный отряд подводного плавания отобрали первые 200 человек, из призванных на военную службу. Выбирали тех, кто «на гражданке» имел профессию слесаря, машиниста, заводского рабочего. Из них готовили мотористов, электриков, минных машинистов, рулевых для подводных лодок. Параллельно с рядовыми специалистами в учебном отряде проходили подготовку унтер-офицеры и офицеры, отобранные для службы на подводном флоте. Учебному отряду были приданы подводные лодки «Белуга», «Сиг» и «Минога». Об интенсивности подготовки личного состава свидетельствует тот факт, что только за 1907-1909 годы Отряд подготовил 103 офицера и 525 специалистов.

Первая мировая война заставила перевести часть Отряда в Петербург, а другую часть вместе с подводными лодками — в Ревель (Таллинн).

В октябре 1917 года в России была совершена социалистическая революция, которая коренным образом изменила государственное устройство, и в период времени с 1917 по 1918 год подразделение называлось Учебным отрядом подводного плавания Главного управления по делам личного состава флота. Тогда же после Октябрьской революции в 1918 году окончательно Учебный отряд подводного плавания переехал в Петроград. К этому времени в состав Отряда кроме командования и преподавателей входили 56 слушателей. 22 марта 1919 года был объявлен новый штат отряда на 125 курсантов и начали готовить подводников для Рабоче-крестьянского Красного флота. Однако уже осенью курсантов срочно бросили на фронт...

С 1918 по 1921 год Учебный отряд подводного плавания был переподчинен Управлению военно-морскими учебными заведениями.

А с 1921 по 1931 год подразделение называлось Школой подводного плавания.

С 1922 по 1931 год Школа подводного плавания находилась в составе Учебного отряда Морских сил Балтийского моря.

В 1925 году Школа подводного плавания была переведена в здание — Новоморские (Дерябинские) казармы на Большом проспекте Васильевского острова. Школа подводного плавания подвергалась реформам, переименовывалась и переподчинялась разным ведомствам. Создавались учебные классы и лаборатории, одновременно с подводным флотом совершенствовалась система обучения.

В 1931 году Школа преобразовывается в Учебный отряд подводного плавания Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии и в таком виде просуществовала до 1935 года.

13 января 1935 года Отряду присваивается имя Сергея Мироновича Кирова и называется Учебный отряд подводного плавания им. С. М. Кирова.

А 10 июля 1939 года за боевые заслуги в годы гражданской войны и успехи в подготовке командных кадров Военно-морского флота Учебный отряд подводного плавания награжден орденом Красного Знамени. С этого времени на неопределенный период имеет название Краснознаменный учебный отряд подводного плавания им. С. М. Кирова.

До 1939 года Учебный отряд являлся единственным заведением в нашей стране готовившим квалифицированные кадры моряков-подводников. К началу Второй мировой войны отсюда вышли 14 тысяч офицеров, старшин и краснофлотцев.

С началом Великой Отечественной войны 17 августа 1941 года Отряд перебазировался в Махачкалу, где через 3 месяца были возобновлены занятия, а в августе 1944-го возвращается в Ленинград. За время войны сотни воспитанников отряда удостоены боевых наград за подвиги, а 28 стали Героями Советского Союза.

В 1946 году организован музей УКОПП, где представлены модели первых подводных лодок «Дельфина», «Стерляди», «Акулы», времен обеих мировых войн, знаменитых «Щук» и современных подводных ракетных крейсеров с ядерными энергетическими установками, а также множество фотографий, документов.

В 1951 году УКОПП им. С. М. Кирова вошел в состав Ленинградской военно-морской базы.

В 1964 году в УКОПП имени С. М. Кирова открылась Школа старшин-техников.

Ввиду введения в Вооруженных Силах СССР института прапорщиков, мичманов в 1972 году Школа старшин-техников преобразуется в Школу техников ВМФ, которая ежегодно выпускала высококвалифицированных специалистов-подводников.

В декабре 1994 года в состав Учебного отряда вошла 114-я школа мичманов и прапорщиков ВМФ.

1 апреля 2006 года УКОПП им. С. М. Кирова переформирован в 34-ю Военно-морскую школу младших специалистов, войсковая часть 70023.

В декабре 2010 года Школа преобразована во 2-ю Школу младших специалистов 433-го Учебного отряда ВМФ Российской Федерации.

¹ — Справка составлена на основании сведений, предоставленных М.Х. Галеевым.

Приложение 2

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹, ГЕРОИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА И ГЕРОИ ТРУДА 506-го УЧЕБНОГО КРАСНОЗНАМЕННОГО ОТРЯДА ПОДВОДНОГО ПЛАВАНИЯ им. С.М. КИРОВА²

Здесь указываются: ФИО, годы жизни, нахождение в УКОПП — период и подразделение, а также Звание Героя, когда и за что присвоено:

1. АББАСОВ Абдулихат Умарович (30.09.1929-11.08.1996); 1947, Класс радиометристов Школы юнг. Золотая Звезда, ГСС № 11463 от 16.12.1981: за большой вклад в освоение и испытание головной АПЛ нового проекта, проявленные при этом личное мужество и отвагу.

2. АЛЕКСЕЕВ Борис Андреевич (16.01.1909-25.01.1972); 12.1932-12.1933 — Специальные курсы командного состава подводного плавания; 12.1935-03.1936 — Отдел подготовки кадров командного состава. Золотая Звезда ГСС № 3812 от 22.07.1944: за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

3. БАХТИН Александр Николаевич (04.06.1894-15.06.1931); 30.12.1915-24.03.1916 — Слушатель кратких офицерских курсов Подводного Плавания; 09.10.1923-1924 — Заведующий Подводным классом СКУКФ; 01.04.1925-13.10.1925 — Заведующий Подводным классом СКУКФ. «Герой Труда» от 13.05.1922: за труды по созиданию и возрождению Красного Балтийского флота³.

4. БЕРЕЗОВСКИЙ Вадим Леонидович (21.03.1929); 10.1952-01.1953 — Краткосрочные курсы Высших специальных курсов офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны и ПЛО. Золотая Звезда ГСС № 10724 (30.03.1970) — за успешное выполнение заданий командования по освоению новой военной техники и проявленные при этом мужество и отвагу.

5. БОГОРАД Самуил Нахманович (17.08.1907-23.04.1996); 09.1940-06.1941 — Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 3294 от 08.07.1945: за образцовое выполнение боевых заданий командования, личное мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

6. БУРМИСТРОВ Иван Алексеевич (27.06.1903-28.08.1962); 11.1935-06.1936 — Отдел подготовки кадров командного состава. Золотая Звезда ГСС № 108 от 14.11.1938: за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания командования.

7. ВЕРШИНИН Федор Григорьевич (23.04.1905-29.02.1976); 12.1927-06.1929 — Школа подводного плавания; 10.1931-10.1935 — Старшина рулевых, инструктор рулевого и сигнального дела, преподаватель специальных предметов; 10.1935-04.1937 — Командный отдел; 01.1946-03.1946 — Командир Учебного дивизиона подводных лодок. Золотая Звезда ГСС № 279 от 07.02.1940: за образцовое выполнение боевых заданий командования, личное мужество и героизм.

8. ГАДЖИЕВ Магомет Имадутдинович (20.10.1907-12.05.1942); 12.1931-05.1932 — Подводный класс. Золотая Звезда ГСС №... от 23.10.1942 посмертно: за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

9. ГРЕШИЛОВ Михаил Васильевич (15.11.1912-08.03.2004); 12.1939-06.1940 — Высшие специальные курсы командного состава. Золотая Звезда ГСС № 2912 от 16.05.1944: за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте

борьбы с фашистскими захватчиками по освобождению Крыма и проявленное при этом геройство.

10. ГУЛЯЕВ Иван Иванович (28.05.1922-27.03.1998); 01.1950-10.1950 — Высшие специальные классы офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГСС № 11248 от 02.03.1966: за образцовое выполнение задания командования и проявленные при этом мужество и отвагу.

11. ГУРИН Антон Иосифович (28.09.1910-22.10.1962); 9-09.1935 — Курсы командного состава. Золотая Звезда ГСС № 7595 от 08.07.1945: за успешное выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и геройство.

12. ДУБЯГА Иван Романович (16.01.1929-22.02.1999); 08.1970-11.1973 — Заместитель командира — начальник учебного отдела; 11.1973-11.1974 — Командир. Золотая Звезда ГСС № 11181 от 18.02.1964: за образцовое выполнение задания командования и проявленные при этом личное мужество и отвагу.

13. ЕГИПКО Николай Павлович (09.11.1903-06.07.1985); 11.1931-05.1932 — Командный класс. Золотая Звезда ГСС № 117 от 22.02.1939: за мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского и интернационального долга.

14. ЕГОРОВ Георгий Михайлович (30.10.1918-09.02.2008); 01.1944-08.1944 — Курсы офицерского состава. Золотая Звезда ГСС № 11304 от 27.10.1978: за личное мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, большой вклад в строительство ВМФ и освоение сложной боевой техники в послевоенные годы.

15. ЖИЛЬЦОВ Лев Михайлович (02.02.1928-27.02.1996); 12.1951-09.1952 — Высшие специальные офицерские классы подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГСС № 11122 от 20.07.1962: за успешное выполнение специального задания.

16. ИГНАТОВ Николай Константинович (09.05.1925-15.06.1978); 01.1949-11.1949 — Класс торпедистов-подводников;

12.1951-09.1952 — Отделение командиров подводных лодок Высших специальных классов офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГСС № 10711 от 25.11.1966: за успешное выполнение специального задания командования и проявленные при этом мужество и героизм.

17. ИОССЕЛИАНИ Ярослав Константинович (23.02.1912-23.03.1978); 11.1939-11.1940 — Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 3895 от 16.05.1944: за успешное командование подводной лодкой и героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

18. КАЛИНИН Михаил Степанович (23.02.1918-04.07.1978); 04.1943-07.1943 — Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 5087 от 06.03.1945: за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество.

19. КАСАТОНОВ Владимир Афанасьевич (21.07.1910-09.06.1989); 12.1931-06.1932... Золотая Звезда ГСС № 10710 от 25.11.1966: за большой вклад в повышение боевой готовности ВМФ, испытания новых кораблей и проявленные при этом мужество и героизм.

20. КЕСАЕВ Астан Николаевич (11.09.1914-16.01.1977); 12.1939-10.1940 — Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 3810 от 31.05.1944: за умелое командование подводной лодкой, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество.

21. КОЛЫШКИН Иван Александрович (21.08.1902-18.09.1970); 11.1934-06.1935 — Командирский курс. Золотая Звезда ГСС № 655 от 17.01.1942: за успешное командование вверенным дивизионом подводных лодок и проявленные мужество и героизм.

22. КОНОВАЛОВ Владимир Константинович (05.12.1911-29.11.1967); 12.1939-10.1940 — Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 3295 от 08.07.1945: за образцовое выполнение боевых заданий командований.

23. КОНЯЕВ Анатолий Михайлович (30.03.1909-13.05.1992); 11.1935-11.1936 — Командирский класс. Золотая Звезда ГСС № 377 от 21.04.1940: за образцовое выполнение боевых заданий командования, личное мужество и героизм.

24. КОРОБОВ Вадим Константинович (15.02.1927-14.04.1998); 11.1952-09.1953 — Высшие специальные офицерские классы подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГСС № 11416 от 25.05.1976: за успешное выполнение специального задания командования и проявленные при этом мужество и отвагу.

25. ЛЕОНОВ Виктор Николаевич (21.11.1916-07.10.2003); 1937... Золотая Звезда ГСС № 5058 от 05.11.1944: за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу врага и проявленные при этом мужество и героизм.

26. ЛИСИН Сергей Прокопьевич (13.07.1909-05.01.1992); 11.1937-05.1938 — Командный отдел; 04.1948-10.1953 — Преподаватель, старший преподаватель Высших специальных офицерских классов подводного плавания и противолодочной обороны Золотая Звезда ГСС № 80 от 14.09.1945 за успешное выполнение боевого задания.

27. ЛУНИН Николай Александрович (21.08.1907-17.11.1970); 10.1935-04.1937 — Командный отдел. Золотая Звезда ГСС № 656 от 03.04.1942: за успешное командование подводной лодкой и героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

28. МАЛЫШЕВ Николай Иванович (25.11.1911-13.10.1973); 11.1938-07.1939 — Специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС №... от 16.05.1944:

за образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками по освобождению Крыма и проявленные при этом мужество и героизм. Указом Президиума Верховного Совета СССР 06.05.1952 за проступки, порочащие звание орденосца, лишен звания ГСС и всех наград.

29. МАРИНЕСКО Александр Иванович (15.01.1913-25.11.1963); 11.1937-11.1938 — Специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 11617 от 05.05.1990 посмертно: за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

30. МАТИЯСЕВИЧ Алексей Михайлович (30.09.1905-28.01.1995); 12.1940-07.1941 — Высшие специальные офицерские классы подводного плавания; 10.1950-10.1953 — Старший преподаватель Высших специальных офицерских классов подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГРФ №... от 29.11.1995 посмертно: за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

31. МИХАЙЛОВСКИЙ Аркадий Петрович (22.06.1925-17.05.2011); 12.1951-09.1952 — Высшие специальные классы офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны ВМС. Золотая Звезда № 11182 ГСС от 18.02.1964: за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга.

32. МОРУХОВ Александр Сергеевич (23.03.1919-19.10.2001); 11.1939-08.1940... Золотая Звезда ГСС № 5360 от 22.07.1944: за образцовое выполнение служебных обязанностей, мужество, стойкость и самоотверженность.

33. ОСИПЕНКО Леонид Гаврилович (11.05.1920-14.03.1997); 02.1946-10.1946 — Курсы офицерского состава подводного плавания; 01.1949-08.1949 — Высшие специальные офицерские классы подводного плавания и противолодочной

обороны. Золотая Звезда ГСС № 11083 от 23.07.1959: за успешное выполнение правительственного задания по приему в состав ВМФ СССР первой подводной лодки с новой энергетической установкой и проявленные при этом мужество и отвагу.

34. ПЕРОВ Иван Степанович (06.10.1910-26.01.1989); 10.1932-09.1933 — Класс рулевых; 11.1936-03.1937 — Курс старшин групп. Золотая Звезда ГСС № 3813 от 22.07.1944: за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество.

35. СОРОКИН Анатолий Иванович (24.03.1921-29.12.1988); 01.1950-09.1950 — Высшие специальные классы офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГСС № 11253 от 23.05.1966: за проявленную стойкость и мужество, умелое руководство отрядом атомных подводных лодок в походе, успешное выполнение специального задания.

36. СТАРИКОВ Валентин Георгиевич (08.06.1913-26.06.1979); 01.1938-11.1938 — Специальные курсы командного состава. Золотая Звезда ГСС № 657 от 03.04.1942: за успешное командование подводной лодкой и героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

37. ТРАВКИН Иван Васильевич (30.05.1908-14.06.1985); 03.1939-07.1939 — Специальные курсы командного состава подводного плавания; 01.1951-10.1952 — Старший преподаватель Высших специальных классов офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны. Золотая Звезда ГСС № 5089 от 20.04.1945: за умелое командование подводной лодкой и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

38. ТРИПОЛЬСКИЙ Александр Владимирович (12.12.1902-21.01.1949); 11.1934-03.1936... Золотая Звезда ГСС

№ 277 от 07.02.1940: за образцовое выполнение боевых заданий командования, личное мужество и героизм.

39. ФИЛЬЧЕНКОВ Николай Дмитриевич (02.04.1907-07.11.1941); 1929 — Курс рулевых сигнальщиков. Золотая Звезда ГСС № ... от 23.10.1942 посмертно: за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм.

40. ФИСАНОВИЧ Израиль Ильич (23.11.1914-27.07.1944); 12.1940-07.1941 — Высшие специальные курсы командного состава подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 658 от 03.04.1942: за мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

41. ХОМЯКОВ Максим Игнатьевич (30.07.1912-24.10.1958); 11.1948-05.1949 — Преподаватель Школы подводного плавания. Золотая Звезда ГСС № 3811 от 16.05.1944: за боевые действия на вражеских коммуникациях в период морской блокады Крыма при освобождении его от противника.

42. ЦЕДРИН Григорий Иванович (01.12.1912-07.01.1995); 11.1935-04.1937 — Командный отдел. Золотая Звезда ГСС № 4527 от 05.11.1944: за успешное командование подводной лодкой и проявленные при этом личное мужество и героизм.

**ПО ИСТОЧНИКАМ, НЕ ПОЛУЧИВШИМ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО
ПОДТВЕРЖДЕНИЯ,
К УКОПП ИМЕЮТ ОТНОШЕНИЕ:**

1. АЛЕКСЕЕВ Владимир Николаевич (08.09.1912-24.07.1999); 12.1933-02.1935 — Штурманский сектор ВСККС ВМС РККА. Золотая Звезда ГСС № 5065 от 05.11.1944: за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими оккупантами.

2. БЕРГ Аксель Иванович (29.10.1893-09.06.1979); ?-1929 — Заведующий классом связи СККС. «Герой Труда

отдельного дивизиона подводных лодок» в 1922; ... ; Герой Социалистического Труда 10.11.1963: за выдающиеся заслуги в развитии радиотехники и в связи с 70-летием.

3. ВИНОГРАДОВ Вячеслав Тимофеевич (12.06.1930); 09.1952-03.1953... Золотая Звезда ГСС № 11249 от 23.05.1966: в 1966 переход на ТОФ вокруг Южной Америки.

4. РЫКОВ Валентин Павлович (30.05.1936); 09.1954 — Командирские Классы подводного плавания. Герой Социалистического Труда 02.02.1984: за успехи в службе, освоение и прием новой техники в состав ВМФ.

¹ — Список составлен по сведениям, предоставленным М.Х. Галеевым.

² — 506 УКОПП имел наименования: Учебный отряд подводного плавания Главного управления по делам личного состава флота, Учебный отряд подводного плавания Управления военно-морскими учебными заведениями, Школа подводного плавания, Школа подводного плавания Учебного отряда Морских сил Балтийского моря, Учебный отряд подводного плавания Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Учебный отряд подводного плавания им. С.М. Кирова, Краснознаменный учебный отряд подводного плавания им. С.М. Кирова, поэтому в графе «подразделение» оно опущено».

³ — За успешное проведение ремонтно-восстановительных работ в ноябре 1922 года 59 подводников удостоились звания «Герой Труда дивизиона подлодок Балтийского моря.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
СПИСОК КОМАНДИРОВ (НАЧАЛЬНИКОВ)
506-ГО УКОПП им. С.М. КИРОВА

Здесь указаны: период руководства, воинское звание, ФИО и даты жизни.

1. 21.11.1905-15.05.1906 — капитан 2 ранга Гулькевич Леонид Орестович (15.02.1865-13.07.1919).

2. 15.05.1906-09.04.1907 — контр-адмирал Щенснович Эдуард Николаевич (25.12.1852-20.12.1910).

3. 09.04.1907-25.05.1913 — капитан 1 ранга Левицкий Павел Павлович (03.10.1859-31.07.1938).

4. 29.05.1913-15.05.1914 — капитан 1 ранга Одинцов Евгений Николаевич (09.12.1863-?).

5. 15.05.1914-26.06.1914 — капитан 2 ранга Кедров Василий Константинович (26.05.1872-14.11.1917).

6. 27.06.1914-15.02.1915 — капитан 1 ранга Ермаков Владимир Петрович (24.01.1867-19.07.1928).

7. 15.02.1915-10.04.1915 — контр-адмирал Левицкий Павел Павлович (03.10.1859-31.07.1938).

8. 10.04.1915-07.12.1915 — капитан 1 ранга Подгурский Николай Люцианович (13.08.1877-01.11.1918).

9. 12.1915-12.1916 — ?

10. 24.12.1916-05.08.1918 — капитан 1 ранга Никифораки Аполлинарий Николаевич (16.03.1880-26.12.1928).

11. 05.08.1918-10.09.1918 — инженер-механик капитан 1 ранга Белухин Николай Васильевич (09.05.1880-1953).

12. 10.09.1918-01.01.1919 — инженер-механик капитан 2 ранга Радус-Зенкович Григорий Николаевич (28.04.1878-02.04.1938).

13. 01.01.1919-05.1920 — капитан 2 ранга Гарсоев Александр Николаевич (11.02.1882-11.1934).

14. 08.09.1919-02.10.1919 — капитан 1 ранга Введенский Константин Евгеньевич (20.05.1885-19.01.1942).

15. 14.05.1920-24.02.1921 — старший лейтенант Тархов Александр Петрович (08.06.1884-?).

16. 24.02.1921-04.03.1921 — старший лейтенант Зарубин Николай Александрович (24.07.1884-1937).

17. 04.03.1921-01.11.1931 — Языков Семен Павлович (20.01.1889-27.04.1944).

18. 11.1931-06.1939 — флагман 2 ранга Броневицкий Петр Семенович (16.01.1891-04.04.1949).

19. 09.1939-06.1945 — контр-адмирал Скриганов Максим Петрович (06.02.1898(1892)-24.02.1951).

20. июнь 1945-апрель 1946 — ?

21. 04.1946-02.1951 — контр-адмирал Скриганов Максим Петрович (06.02.1898(1892)-24.02.1951).

22. 04.1951-04.1957 — контр-адмирал Курников Лев Андреевич (24.01.1907-27.04.1997).

23. 05.1957-09.1960 — контр-адмирал Морозов Николай Иванович (17.10.1904-01.12.1965).

24. 09.1960-12.1968 — контр-адмирал Папылев Иван Иванович (28.03.1911-19.01.1975).

25. 12.1968-11.1973 — контр-адмирал Надеждин Алексей Федорович (26.09.1917-22.04.2005).

26. 11.1973-11.1974 — капитан 1 ранга Дубяга Иван Романович (16.01.1929-22.02.1999).

27. 1974-16.10.1976 — контр-адмирал Надеждин Алексей Федорович (26.09.1917-22.04.2005).

28. 1976-1981 — контр-адмирал Миронов Сергей Анатольевич (14.04.1923-05.09.1981).

29. 1981-1986 — контр-адмирал Малярчук Виктор Степанович (27.02.1929-28.06.1995).

30. 1986-1990 — контр-адмирал Даньков Юрий Николаевич

31. 1990-1994 — капитан 1 ранга Яковлев Александр Афанасьевич.

32. 06.05.1994-10.2001 — капитан 1 ранга Малашевич Алексей Михайлович (15.04.1951).

33. 10.2001-05.2009 — капитан 1 ранга Шпаков Александр Юрьевич.

34. 05.2009-12.2010 — капитан 1 ранга Аникин Александр Леонидович.

35. 12.2010 — капитан 2 ранга Толпегин Сергей Алексеевич.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ОТЗЫВЫ

ЧИТАТЕЛЕЙ НА КНИГУ А.ЛОВКАЧЕВА «СИНДРОМ ПОДВОДНИКА»

1. **Блынский Сергей Иванович** — капитан 2-го ранга запаса (13.05.2010):

Правдиво освещены события. Точно переданы дух времени и атмосфера службы. Описание штабной работы проигрывает другим главам из-за обилия однотипных дневниковых записей.

2. **Баграмян Михаил Михайлович** — старший мичман в отставке (18.07.2010):

Прочитав и ознакомившись с книгой воспоминаний бывшего подводника, мичмана запаса Ловкачева Алексея Михайловича «Кандидатский стаж в подводники» радовался тому, как точно отражены настоящие будни службы подводников, дух нашей тогдашней жизни. В книге также есть рассказ о штабной службе и деятельности автора. Напрасно боевые офицеры и мичмана пренебрежительно говорят: «штабист». В книге описана нелегкая служба в штабе, направленная на то, чтобы наш флот был крепким и лучшим в мире.

Книга содержательна, читается как художественное произведение. Рассчитана на широкий круг читателей.

С уважением отношусь к автору этой книги.

3. **Персидский Вячеслав Дмитриевич** — врач (21.07.2010):

Рассказ Ловкачева А. М. пришелся мне по душе, читается легко и интересно. Жаль, что мало уделено внимания устройству АПЛ и как с ней обращается экипаж во время учений. Еще хотелось бы узнать более подробно о действиях экипажа АПЛ в чрезвычайных ситуациях (пожар, пробоина в корпусе, уход от кораблей вероятного противника).

А в целом — интересно!

4. Качура Елена Николаевна — *врач-лаборант (05.08.2010):*

Мемуарная книга Ловкачева А. М. позволила мне ближе узнать самого автора, его чувства, период возмужания и становления личности флотского офицера. Сведения изложены доступно, хотя, каюсь, некоторые технические моменты я все-таки опускала. Очень понравилось множество фотографий, от их просмотра создается впечатление, что с некоторыми легендарными личностями (например, контр-адмирал Чефонов О. Г.) познакомилась лично. В работе много юмора, поэтому читается легко.

Спасибо, А. М.!

5. Кожечкин Юрий Васильевич — *ветеран-подводник Северного Флота, бывший командир БЧ-5 атомной подводной лодки, капитан 2-го ранга в отставке (24.08.2010):*

С удовольствием прочитал книгу Ловкачева А. М.. Это добротный рассказ о годах, проведенных в рядах ВМФ СССР, и говорит он о непреходящей любви к подводному флоту, несмотря на трудности подводнической службы. Считаю, что последующие годы жизни были не менее интересные и также просятся на бумагу.

С уважением к автору.

6. Мочайкин Александр Геннадьевич — *ветеран-подводник Северного Флота, бывший помощник Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ, контр-адмирал запаса (01.10.2010):*

Служба на Военно-Морском Флоте СССР всегда была почетной, ответственной и престижной. Тем более на дизельных и атомных подводных лодках. Мы считали корабль вторым домом, полем своей сложной работы. А порой кому-то из нас он становился и могилой. Такова служба, море — стихия грозная. Тем не менее советские военные корабли всегда оставались воплощением порядка, благоустройства и даже определенной роскоши в Вооруженных Силах.

В книге-первенце бывшего мичмана, а ныне подполковника милиции запаса А. М. Ловкачева впервые после развала Советского

Союза с любовью, подробно, иногда с юмором рассказывается, каким образом подводники обучались, обустроивали свою жизнь, как им служилось в многомесячных плаваниях и боевых походах, как были организованы их быт, снабжение, питание, свободное время и так далее.

Отбросив идеологические шоры, автор рассказывает о том, что на самом деле представляла жизнь на атомоходе — от кают-компаний до трюмов — службу на берегу и в штабе — а также приводит множество подробностей и курьезных случаев из повседневного быта.

Наверное, это первая такая книга в Содружестве независимых Государств и в новейшей истории Республики Беларусь, написанная бывшим мичманом.

Желаю автору дальнейших творческих успехов по совершенствованию своего писательского мастерства, на новой стезе своей биографии.

7. Лукашук Леонид Иванович — ветеран-подводник Тихоокеанского Флота, бывший командир БЧ-2 надводных кораблей, а также атомной подводной лодки, капитан 1-го ранга в отставке (08.10.2010):

Прошлое со всеми радостями, трудностями уступает место (тускнеет) более поздним событиям.

Книга нашего друга и товарища Ловкачева А. М. противодействует забвению, возвращает каждого из нас в те далекие годы службы, которые ушли, казалось бы, безвозвратно! Содержание ее, написанное простым («нашенским») языком, помогает каждому, кто прошел этот путь, вспомнить и вновь почувствовать реалии тех событий! И кажется, что снова ты (сравнительно) молод и здоров и у тебя все еще впереди.

Желаю Алексею Михайловичу продолжать начатое. Творческих успехов тебе, Алексей.

8. Ворошнин Владимир Николаевич — ветеран-подводник Северного Флота, бывший командир многоцелевой атомной

подводной лодки, начальник штаба соединения подводных лодок, депутат Верховного Совета 13-го созыва, Национального Собрания, капитан 1-го ранга в отставке (23.10.2010):

Одна эпоха уходит, наступает новое время. Прошлое забывается, а если и помнится, то благодаря людям очень скромным, одержимым, подвижникам. Таким как раз и есть А. М. Ловкачев, автор книги «Синдром подводника». Он понимает, что такое ВМФ, люди-моряки высоких технологий, сам ВМФ, влияющий на науку, экономику, политику и техническую оснащенность страны.

Естественно, что время придет и информация о прошлом будет необходима, и труд, именно труд А. М. Ловкачева будет востребован. Этот труд интересен и сегодня, он знакомит с малоизученной темой, он уходит в историю, внушает оптимизм.

Таковыми были летописцы Нестор, Пимен, такими были наши историки-патриоты, писатели и в их ряды встает новое имя — Алексей Михайлович Ловкачев.

9. Молчан Валерий Николаевич — бывший первый заместитель начальника Центрального информационно-аналитического управления МВД Республики Беларусь, полковник милиции запаса (02.11.2010):

Приступая к чтению книги, мне не терпелось узнать, как будет выстроена сюжетная линия произведения, насколько увлекут описываемые в нем события меня как человека, не знакомого, или точнее сказать, знакомого лишь понаслышке, с буднями подводников. Интерес еще подогревался тем, что с автором мы знакомы с 1984 года вначале по совместной учебе на юридическом факультете Белорусского государственного университета, а позднее по совместной службе в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, и на протяжении этих лет о его литературных пробах пера мне ничего не было известно.

Сразу же отмечу, что произведение в целом мне понравилось, читал его увлеченно и с интересом, так как описываемые события представляли передо мной как четкие, реалистические и понятные

для восприятия картинки. Уважение к автору вызывает присутствие на страницах его произведения нескрывае­мой любви к службе подводников, искренность при описании событий, самокритичность в отношении себя как одного из действующих лиц, а также справедливая оценка при описании характеристик сослуживцев. Об открытости автора говорит тот факт, что он решил опубликовать личную переписку с любимой девушкой, на что в силу различных причин не каждый решится. Особый колорит книге придает то, что при повествовании используется разнообразный спектр искрометного и нестандартного юмора.

Наряду с представлением о буднях подводников из книги, не прибегая к энциклопедическим словарям, можно почерпнуть справочные данные об географических объектах, а также о некоторых исторических, политических и других событиях, произошедших в описываемый период.

Отдельные немногочисленные неточности и шероховатости, обнаруженные мною при чтении книги, были доведены до автора, и что приятно отметить, были с благодарностью и признательностью приняты им к сведению: одни — безоговорочно, а другие — после конструктивного обмена мнениями.

10. Морачевский Андрей Николаевич — капитан дальнего плавания (30.11.2010):

События описаны настолько реально и выразительно, что вызывают воспоминания о собственной службе в ВМФ. Думаю, не менее интересно будет читать и о службе автора в МВД.

11. Ловкачев Филипп Алексеевич — водитель (06.12.2010):

После прочтения книги своего отца Ловкачева Алексея Михайловича у меня осталось ощущение того, что не он, а я прожил эти годы, прослужил на ПЛ и в штабе. Книга читается легко, содержит много фотографий моего отца, края, где я родился, ПЛ и экипажа, а также пару фото моей мамы и меня. Осталось приятное впечатление от прочитанного. Спасибо за экскурс в твое прошлое!

12. Калинин Петр Михайлович — *вице-президент Международной федерации боевого каратэ (SKIF), заслуженный тренер Республики Беларусь, мастер спорта СССР и Республики Беларусь по каратэ, рукопашному бою и кикбоксингу, обладатель 8-го дана по каратэ, генерал-лейтенант Союза казачьих формирований Российской Федерации (17.12.2010):*

Автор работы — мой близкий друг, с которым меня связывает долгая и многолетняя дружба. Мы вместе выросли, женились на подругах, дружили семьями, работали в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь. Мы вместе шли по жизни, равнялись друг на друга, брали пример с героев российской и советской эпохи. У нас были одни и те же интересы и увлечения.

Прочитав книгу своего друга Алексея, я ничему не удивился. Я и раньше преклонялся перед ним, как перед воином-подводником, он для меня был эталоном мужчины. Однако тут я узнал его совсем с другой стороны. Алексей оказывается еще и писатель, причем с пытливей и исследовательской душой. Меня поразила информация о буднях моряков-подводников, их героической службе, а так же их семейных событиях.

Работа поражает обилием технических терминов, специальных фотографий и схем, таблиц и дневниковых записей. Но написана не скучно и не однообразно, а с юмором и читается легко и интересно.

Книга может быть использована и как справочник или словарь, в котором много исторических и политических событий тех лет. Автор пишет правдиво, откровенно, изредка прибегая к идеологическим размышлениям и умозаключениям, которые, как правило, присутствуют в произведениях настоящих граждан своей страны. Автор вырос и сложился как человек-воин во времена развитого социализма, и что важно, в работе отсутствует негативная критика событий того поколения.

Весьма приятно, что Алексей нашел место в работе и для моей скромной персоны, а также описанию нашей дружбы и событий давно ушедшей юности.

Для солидности в долгих беседах с Алексеем я тоже высказал свои впечатления о его работе, даже озвучил недостатки, якобы обнаруженные мною в повествовании. Но самое главное, к чему я пришел, о недостатках, даже если они и есть, я не хочу говорить и запрещаю говорить другим. Пусть об этом говорят специалисты и его братья-подводники, если не побоятся, потом вступить со мной в «дружеское» противоборство. Я своего друга в обиду не дам. Недостатки есть и в работах Ленина и Маркса, Эйнштейна и Пикюля, недостатков нет только в Святом Писании.

Желаю своему другу Алексею творческих успехов на новом поприще, ясности ума и твердой руки, остроты пера, а также императорского богатства и благополучия, безграничного счастья, силы воли, стойкости и выносливости японских самураев, твердости духа монахов Шаолинь, здоровья великих лекарей Индии, мудрости прославленных Гомера, Эйнштейна и Шекспира, процветания и предприимчивости.

Желаю тебе, Алексей, чтобы прекраснейшая богиня солнца Аматэрасу освещала твой жизненный путь, в душе твоей всегда цвела прекрасная сакура, а сердце стремилось к вершинам совершенства, символом и олицетворением которого является японская гора Фудзи.

13. Хоменко Григорий Дмитриевич — бывший заместитель директора Республиканского унитарного предприятия «БЕЛНИПИЭНЕРГОПРОМ», котельный машинист, главный старшина эсминца «Неустранимый» Дважды Краснознаменного Балтийского флота (21.12.2011):

Уважаемый Алексей Михайлович!

Книга нужная. Написана она легким доходчивым языком, изобилует многими справочными, интересными в теоретическом и познавательном смысле данными.

Молодец! Умница!

Место для рекламы

Место для рекламы

Место для рекламы

ОБ АВТОРЕ

Ловкачев Алексей Михайлович (1956 г.р., Минск) — выпускник Ленинградской Школы техников 506 УКОПП им. С. М. Кирова (ноябрь 1974 — декабрь 1976 гг.); мичман, старший торпедист ракетного подводного крейсера стратегического назначения «К-523» (декабрь 1976 — декабрь 1981 гг.). После демобилизации окончил юрфак Белорусского госуниверситета по специальности «правоведение». До выхода на пенсию работал в разных должностях в системе МВД, в том числе в службе по раскрытию тяжких преступлений УБЭП ГУВД г. Минска, в последнее время был начальником отделения в информационно-аналитическом управлении МВД. Вышел на пенсию в звании подполковника милиции.

Продолжает работать в системе безопасности банка.
Живет в Минске.

Литературно-художественное издание

Алексей Ловкачев
СИНДРОМ ПОДВОДНИКА,
Том 1
Воспоминания

Редактор Диана Грошева
dngrshv@bk.ru

Сдано в печать 10.09.13. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура “Academy АСТТ”.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04. Усл. краско-отт. 26,04.

Уч.-печ. л. 24,80. Тираж 500 экз.

Зам. № 13-1374

Отпечатано в ЧП «ОксамиТекст»
49027, Днепропетровск, п/я 1741